

ISSN 2075-7794 | 2016 | Vol. 28 | Is. 6

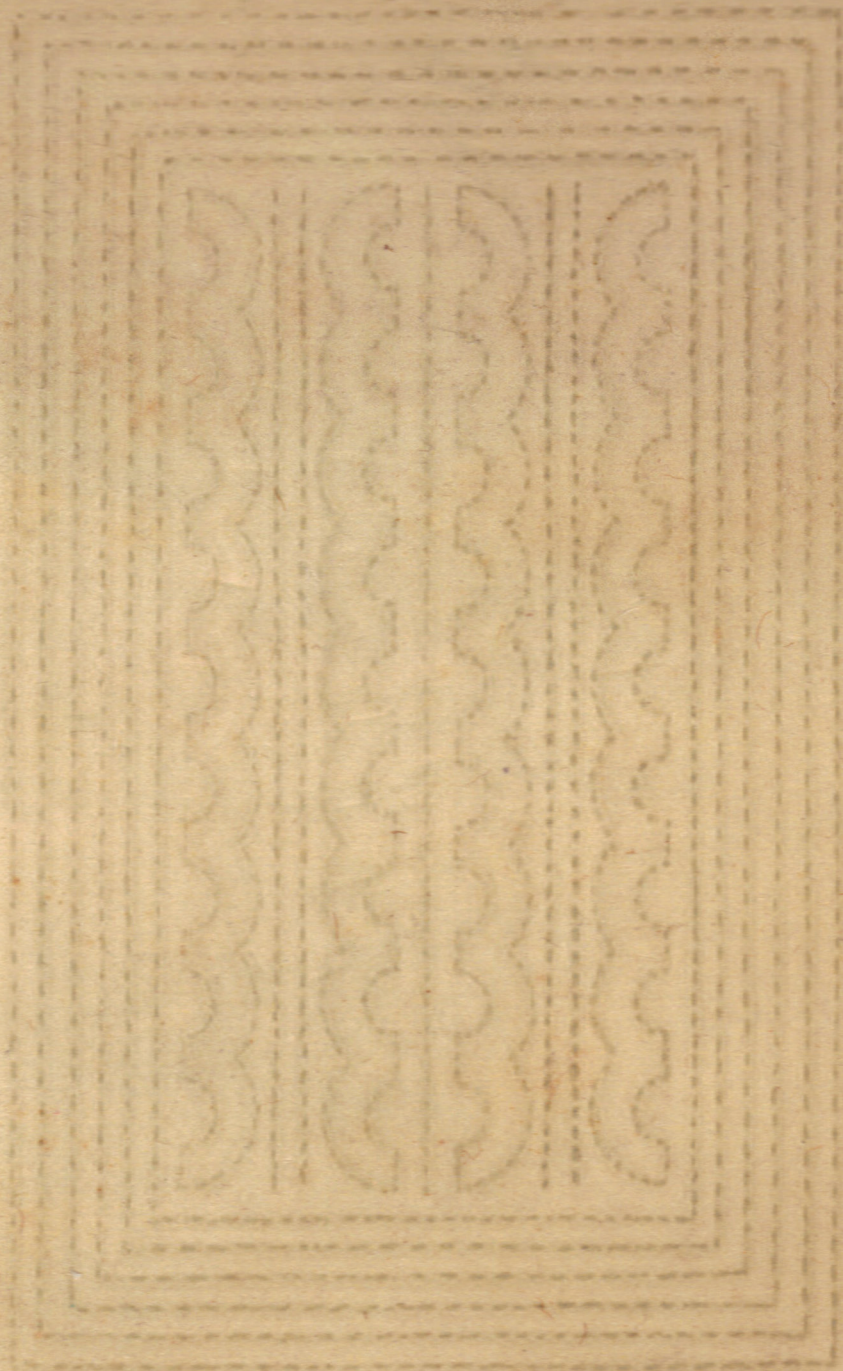

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

«*Вестник*» Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2410-7670 (online version)
ISSN 2075-7794 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number PI No. FS77-49346

2016. Vol. 28. Iss. 6
Published six times a year

Editor-in-Chief:

Ph. D. of Philology *V. Kukanova*

Deputy Editor-in-Chief:

Ph. D. of History *U. Ochirov*

Editorial Council:

Acad. of the RAS *G. Matishov* (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov* (Moscow, Russia), Ph. D. of History *M. Balzer* (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph. D. of History *N. Bugai* (Moscow, Russia),
Ph. D. of Jurisprudence *D. Demichev* (Belarus), Ph. D. of Economics *O. Inshakov* (Volgograd, Russia),
Ph. D. of Philology *M. Magomedov* (Makhachkala, Russia), Ph. D. of History *K. Maksimov* (Elista, Russia),
Ph. D. of History *I. Popova* (Saint-Petersburg, Russia), Ph. D. of History *Na. Sukhebaatar* (Mongolia),
Ph. D. of Philology *Chao Gejin* (China), Ph. D. of History *D. Schorkowitz* (Germany),
Acad. of RAE, Ph. D. of Pedagogy *P. Erdniev* (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov* (Makhachkala), Corr. Member of the RAS *B. Bazarov* (Ulan-Ude),
Ph. D. of Jurisprudence *L. Batiyev* (Rostov-on-Don), Ph. D. of History *N. Zhukovskaya* (Moscow),
Ph. D. of Philology *G. Piurbeev* (Moscow), Ph. D. of History *V. Trepavlov* (Moscow)
Ph. D. of Sociology *G. Denisova* (Rostov-on-Don), Ph. D. of Sociology *N. Dulina* (Volgograd)

Ph. D. of History *E. Badmaeva*, Ph. D. of History *E. Bakaeva*,
Ph. D. of Philology *T. Basangova*, Ph. D. of Philology *E. Bembeev*,
Ph. D. of Philosophy *B. Bicheev*, Ph. D. of Economics *E. Mantaeva*,
Ph. D. of Philology *D. Muzraeva*, Ph. D. of Sociology *A. Ovshinov*,
Ph. D. of Philology *E. Omakaeva*, Ph. D. of Pedagogy *B. Salaev* (Elista, Russia)

The Editorial Board and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia.
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; Fax No. (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

CONTENTS

LINGUISTICS & LITERATURE STUDIES

Linguistics	<i>Magomedov M.</i> Number Forms of Nouns in Avar	3
	<i>Magomedov D.</i> The Structure of Somatic Phraseological Units in the Avar Language	10
	<i>Kukanova V.</i> Indicative Verb Forms: a Perspective from the Kalmyk Grammar of Orders (Evidence from the Kalmyk National Corpus)	17
	<i>Darzhaeva N.</i> Polypredicative Sentences of the General Following in the Buryat Language: Search of Differentiation Parameters	34
	<i>Bembeev E., Mandzhieva Ts.</i> Old Written Kalmyk: the Category of Number. Nouns	41
	<i>Brodsky I.</i> Finno-Permic Phytonymic Portraits: <i>Centaurea</i>	48
Literature Studies	<i>Semina A.</i> On the Term ‘ <i>Qita</i> ’ in Turkish <i>Tezkires</i> of the 16 th –19 th cc. . .	60
	<i>Bicheev B.</i> «The History of Uneker Torliktu khan»: Transformation of written Text into oral Form	68
	<i>Kichikova B.</i> The ‘Kalmyk Tale’ Narrated by Ye. Pugachev — Pushkin’s Philosophical Parable	77
	<i>Huseynov M.</i> Forms of the Comic in Yusup Gereev’s Prose	89
Folklore Studies	<i>Pashtova M.</i> The Local Folklore Text in the Light of the Gatherer and Editional Problems	94
	<i>Efimova L., Pavlova O.</i> The Structure of <i>Olonkhos</i> in the Northern Regional Tradition of the Yakut People: the Introduction	102
	<i>Goryaeva B., Bayanova A.</i> Fairy Tale Plots in G. J. Ramstedt’s Records	109
	<i>Zulantsetseg.</i> The Origin of Multiple Heads of the <i>Mangas</i>	117
	<i>Tergel B.</i> The <i>Jangar</i> of Bayangol: General Research Data (1980s – 2000s)	122
HISTORY		
World History	<i>Shurguchiev O.</i> Sources on the Proceedings in the Golden Horde	128
National History	<i>Ochirov U.</i> ‘ <i>Did a Dzungar Khanate Really Exist?</i> ’: Criticism of the Article by Junko Miyawaki	135
	<i>Derbin E.</i> Eurasianism and M. V. Shakhmatov (Distinction between Viewpoints Revisited)	146
Eyhnoology & Anthropology	<i>Puzanov D.</i> Witch-Hunting in Eastern Europe in the 9 th –13 th centuries: Anthropology of the Phenomenon	153
SOCIOLOGY		
	<i>Subbotin S.</i> The Tuvan Family and its Functions. Traditions and Innovation	159
	<i>Dulina N., Moiseeva D., Paramonova V.</i> Social Well-Being and Financial Literacy of Urban Residents (according to the results of the study — “Volgograd Omnibus”)	172

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 3–9, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-3-9
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.351.12

Number Forms of Nouns in Avar

Magomed I. Magomedov ¹

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Head, Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Centre of the RAS (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: rafrus1@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes number forms of nouns in the Avar language. It specifies that number is one of the basic grammatical categories to express quantity. Language units have the opposition of singular and plural forms that serves the purpose. The ways of expression of the quantitative relations are not limited to such an invariant. Its variation is expressed in diverse ways and means, such as morphological, lexical and syntactic ones.

In linguistics, the issues of the grammatical, lexical nature of the number category are still debated. Its inflectional and derivational status is being discussed. There are also discussions on the content of the category of number in language and in epistemology.

The analysis of number forms of nouns in Avar allows for a deeper insight into the specificity of the functioning of the language, and contributes to a more complete revelation of the potential of this grammatical category.

Keywords: singular, plural, noun, plural formants, marker of plural, ablaut, suffix

Вопрос образования форм множественного числа существительных аварского языка разработан еще со времен монографии П. К. Услара «Аварский язык» [Услар 1889]. В этой работе названы почти все суффиксы множественного числа. Подавляющему большинству аварских существительных свойственно противопоставление форм единственного и множественного чисел. Между тем, закономерности оформления множественного числа существительных остаются спорными. Требуется уточнения структура формантов множественности, особенности их употребления.

Г. И. Мадиева, указывая на суффиксальный способ определения множественного числа, приводит список из восьми аффиксов: *-би, -ал, (ял), -заби, -зал, -и, -ни, -л, -дул* [Мадиева 1981: 30]. М. Д. Хангереев, ссылаясь на работы предшествующих исследователей, называет два способа оформления множественного числа существительных: суффиксальный и аблаутно-суффиксальный. Его список суффиксов длиннее: *-заби, -зал, -би, -л, -ул, -дул, -ал, -йал, -и, -ни*. Стремясь учесть строй аварского языка и особенности его функционирования на современном этапе, М. Д. Хангереев, в отличие от предыдущих исследователей (Ш. И. Микаилов, Г. И. Мадиева, М. А. Алексеев и др.), рассматривает форманты множественного числа как сложные по строению: *би < бил; заби < забил; би < абил*. С позиции автора, сам формант множественного числа обусловлен особенностями стечения согласных на стыке морфем, когда в аварском языке возникают различные слоговые структуры. Некоторые из них оказываются недопустимыми при определенных фонетических условиях, например, стечение согласных. Так, три согласных на стыке морфем (*цлунцлра* 'муравей') возможны, если два согласных из трех являются сонорными. Здесь соблюдается закон стечения согласных в конце слога: сонорный и шумный (*хъарт* 'ведьма'). С учетом этого регулируется функционирование формантов множественного числа. Так, например, формант *-ду(л)* возможен во всех случаях у односложных основ, если гласный основы уподобляется *-у*: во множественном числе.

Формант множественного числа *-ду(л)* не употребляется у семантической группы

названий лиц. В форме именительного падежа плюралиса элемент *-л* форманта *ду(л)* выпадает в косвенных падежах. На этом основании автор считает его флексией плюралиса, его маркером, но не суффиксом плюралиса *-ду* [Хангереев 2001: 52].

Длинный ряд формантов множественного современного аварского языка М. Е. Алексеев сокращает до четырех (*-а, -би, -и, -ду*), которые были свойственны протоаварскому [Алексеев 1988: 37].

Необходимо отметить, что в сочетании с аблаутом (внутренней флексией) суффикс *-б(и)* коррелирует с косвенной основой, эргативом у многосложных слов: *кветI* 'губа' — *кIутби* (мн. ч.) — *кIутIбуз* (эрг. пад.). В составе форманта *-би* маркер множественного числа (*-и*) в косвенных падежах переходит в *(-у)-з*, показатель косвенной основы множественного числа. В результате создается слоготип косвенной основы плюралиса эргативного падежа: *квартIа* 'молоток' (ед. ч.) — *куртIби* (мн. ч.) — *куртIбуз* (эрг. пад.); *ишиа* 'бутылка' (ед. ч.) — *иушби* (мн. ч.) — *иушбуз* (эрг. пад.) [Магомедов 1997].

При стечении согласных первые два согласных относят к одному слогу, а третий — к другому. Как отмечает Ш. И. Микаилов, суффикс *-би* в качестве форманта плюралиса присоединяется к именам всех трех грамматических классов: *лъади* — *лъудби* 'жены'; *нуцIа* — *нуцIби* 'двери'; *баси* — *бусби* 'бычки'; *къверкъ* — *къуркъ-би* 'лягушки'; *гъветI* — *гъутIби* 'деревья' [Микаилов 1964: 19]. Ударение падает на конечный гласный, а конечный гласный основы выпадает. В сочетании с аблаутом в форманте множественности выступает гласный *-у*: *газа* 'мотыга' — *гузби* 'мотыги'. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех косвенных падежах существительных в форме множественного числа присутствует показатель *-з*, а показатель *-л* сохранился только в форме множественного числа именительного падежа.

В именах существительных аварского языка множественность нередко оформляется формантом *-аб(и)*. Не все исследователи аварского языка отмечают его в своих работах. В своих ранних исследованиях Ш. И. Микаилов относил начальный глас-

ный *-а* к основе. Позже ученый отмечал, что *-аби* можно выделить как самостоятельный формант, поскольку *-би* и *-аби* выступают в одинаковых условиях. Ср.:

нухъа 'ворона' — *нухъадул* (род. пад.) — *нухъби*

рухъен 'веревка' — *рухъадул* (род. пад.) — *рухъби* // *рухъаби* 'веревки'

рукIкIен 'иголка' — *рукIкIадул* (род. пад.) — *рукIкIби* 'иголки'

чвантIа 'карман' — *чвантIил* (род. пад.) — *чвантIби* 'карманы'

Ударение в словах с суффиксом *-аб(и)* падает на разные слоги. Ударение в словах с суффиксом *-би* выделяет конечный гласный звук.

Рассматривая условия появления суффикса *-аби*, Ш. И. Микаилов отмечал, что этот суффикс характерен для многосложных слов. Конечный слог при этом отпадает. Высказанные замечания подтверждаются следующими примерами:

палугъан — *палугъ-аби* 'акробаты'

бугътан — *бугът-аби* 'клевета' (мн. ч.)

гIоркIкIен — *гIоркI-аби* 'овцы'

босен — *бус-аби* 'постели'

буртина — *бурт-аби* 'бурки' [Микаилов 1964: 21].

При образовании форм множественного числа при помощи суффикса *-би* происходят следующие процессы:

а) делабиализация корневого согласного: *къверкъ* 'лягушка' — *къуркъби*, *гъветI* 'дерево' — *гъутIби*, *квартIа* 'молоток' — *куртIби*, *IветI* 'губа' — *кIутIби*, *къвачIа* 'кожаный мешок' — *къучIби* и т. д.;

б) чередование конечных гласных *у*, *о* и *а*: а) *дару* 'лекарство' — *дарабъ росу* 'аул' — *росаби*, *хIукму* 'решение' — *хIукмаби*, *каву* 'ворота' — *каваби*, *пикру* 'дума' — *пикраби*, *матIу* 'зеркало' — *матIаби*;

в) чередование гласного в основе и выпадение конечного гласного: *хъалс* 'крепость' — *хъулби*, *лъади* 'жена' — *лъудби*, *раса* 'корыто' — *русби*, *газа* — *гузби*, *тIала* — *тIулби*;

г) выпадение конечного гласного *а*: *суркIа* 'чашка' — *суркI-би*, *чухъа* 'черкеска' — *чухъби*, *ччугIа* 'рыба' — *ччугIби*;

д) выпадение конечного сонорного *н* и чередование гласных *-е*, *-а*: *курхъен* 'браслет' — *курхъаби*, *рельен* 'краска' — *рель-*

аби, *рехъен* 'стадо' — *рехъаби*, *жергъен* 'бубен' — *жергъаби*, *бертин* 'свадьба' — *бертаби*;

е) выпадение только конечного сонорного *-н*: *ччугIихъан* 'рыбак' — *ччугIихъаби*, *хIалтIухъан* 'работник' — *хIалтIухъаби*, *бетIергъан* 'хозяин' — *бетIергъаби*.

М. Е. Алексеев и Б. М. Атаев относят *-аби* к продуктивным суффиксам, а *-би* — к непродуктивным. По их мнению, «с помощью *-аби* образуют множественное число некоторые слова с исходом на *-а*: *маргъа* — *маргъ-аби*, *къункъра* — *къункър-аби* и новые заимствования — *ракета* — *ракет-аби*» [Алексеев, Атаев 1998: 40].

Если сравнить форму именительного падежа множественного числа с формами других падежей во множественном числе, то видно, что изменяется только элемент *-би*, а элемент *-а* не меняется, например:

Им. пад. *рехъ-а-би* Род. пад. *рехъ-а-б-аз-ул*

Эрг. пад. *рехъ-а-б-аз* Дат. пад. *рехъ-а-б-аз-е*

Элемент *-а* является суффиксом косвенной основы, а не множественного числа. Множественное число слова *рехъен* образуется при помощи суффикса *-би*, при этом конечный *-н* словообразовательного суффикса *-ен* усекается, а элемент *-е* чередуется с *-а*. В подобных формах следует выделять суффикс множественного числа *-би*, а не *-аби*.

К продуктивным формантам множественного числа относится *-заб(и)*. Он появляется у существительных, именующих лицо, профессию, термины родства:

хIаким 'начальник' — *хIаким-заби*

вакил 'делегат' — *вакил-заби*

тушман 'враг' — *тушман-заби*

гъалмагъ 'друг' — *гъалмагъ-заби*

вацIгIал 'двоюродный брат' — *вацIгIал-заби*

имгIал 'дядя' — *имгIал-заби*

Присоединяясь к основе слова, формант *-заби* оставляет ее без изменения.

Обратим внимание на тот факт, что в аварском языке форманты множественности *-би*, *-аби*, *-заби* обладают в своем составе общим элементом *-би*. Однако при склонении существительных поведение формантов множественности не совпадает. Приведем примеры.

Формант -би	Им. пад. ед. ч.	Им. пад. ед. ч.	Им. пад. ед. ч.
	<i>тIала</i> 'этаж' <i>хъала</i> 'крепость' <i>къвачIа</i> 'коробка'	<i>тIулби</i> <i>хъулби</i> <i>къучIби</i>	<i>тIулбуз</i> <i>хъулбуз</i> <i>къучIбуз</i>
Формант -аби	<i>росу</i> 'аул' <i>тукен</i> 'магазин' <i>дару</i> 'лекарство'	<i>росаби</i> <i>тукаби</i> <i>дараби</i>	<i>росабаз</i> <i>тукабаз</i> <i>дарабаз</i>
Формант -заби	<i>тушман</i> 'враг' <i>гьудул</i> 'друг'	<i>тушманзаби</i> <i>гьудулзаби</i>	<i>тушманзабаз</i> <i>гьудулзабаз</i>

Общая часть формантов *-аби*, *-би* редуцируется при склонении, а у форманта *-заби* вместо *-и* появляется косвенная основа на *-аз*. Данные факты позволили утверждать, что сами форманты разложимы: *-з-а-би*; *-а-ба*; *-би-и* [Чикобава, Церцвадзе 1962: 103].

Элемент *-у* в форме эргатива множественного числа (*къучIбуз*) есть следствие ассимиляции: *къучIби* — *къучIбуз*. Элемент *-з* сохраняется в форме косвенных падежей множественного числа, а элемент *-л* (из прототипа **-ил*) сохраняется в форме именительного падежа множественного числа существительных с формантами *-ал*, *-дул*, *-ул*. Из перечисленных формантов наиболее продуктивным является формант *-ал*.

Формант *-ал* принимают:

1) односложные слова с согласным исходом. Суффикс присоединяется к чистой основе, т. е. к форме именительного падежа единственного числа: *вас* 'мальчик' — *вас-ал*, *бер* 'глаз' — *бер-ал*, *рос* 'муж' — *рос-ал*, *бис* 'тур' — *бис-ал*. В основе *лъим* — *лъин-ал* 'вода' происходит ассимиляция *м > н*. Возможно чередование: *хIерчч* 'деревянное блюдо' — *хIарчч-ал*;

2) двусложные и многосложные слова. При присоединении суффикса в основе слова происходит ряд фонетических изменений:

а) усечение исходного гласного: *тIажу* 'брюки' — *тIаж-ал*, *гIацтIи* 'топор' — *гIацтI-ал*, *горде* 'платье' — *горд-ал*;

б) одновременное усечение исходного гласного и изменение основы:

гьобо 'мельница' — *гьаб-ал*, *бече* 'теленос' — *бач-ал*, *цIоко* 'шкура' — *цIак-ал*;

в) ассимиляция: *гамачI* 'камень' — *ганчI-ал*, *тIамач* 'лист' — *тIанч-ал*, *гьамас* 'сундук' — *гьансс-ал*;

г) в исконных многосложных словах второй гласный основы подвергается редукции: *гIеретI* 'кувшин для воды' — *гIертI-ал*, *тIагьур*;

д) усечение последнего слога *-ер*: *лъимер* 'ребенок' — *лъим-ал*.

Займованные из русского языка существительные с согласным исходом всегда принимают суффикс *-ал* без изменения основы: *спутник* — *спутник-ал*, *стол* — *стол-ал*, *солдат* — *солдат-ал*, *трактор* — *трактор-ал* [Мадиева 1981: 31].

В заимствованиях суффикс *-ал* является безударным, в то время как в исконных словах может быть как ударным, так и безударным.

Если слово оканчивается на гласный звук, то при присоединении суффикса *-ал* между гласными наращивается *и* во избежание стечения гласных: *къо* 'мост' — *къо-й-ал*, *къо* 'день' — *къо-й-ал*, *би* 'кровь' — *би-й-ал*, *чу* 'лошадь' — *чу-й-ал*.

Одним из распространенных суффиксов в образовании форм множественного числа также является суффикс *-заби*, который присоединяется к неизменяемой основе слов, обозначающих профессию, род деятельности человека: *шагIур* 'поэт' — *шагIур-заби*, *нукар* 'нукер' — *нукар-заби*, *мурид* 'мюрид' — *мурид-заби*, *учитель* 'учитель' — *учитель-заби*, *хIаким* 'начальник' — *хIаким-заби*, *гIалим* 'ученый' — *гIалим-заби*, *дибир* 'мулла' — *дибир-заби*.

Г. И. Мадиева отмечает возможность параллельного образования форм множественного числа заимствуемых слов при помощи суффикса *-ал*, *-и*, *-заби*:

инженер — *инженер-заби* (*инженерал*)

тохтир — *тохтир-заби* (*тохтирал*)

шофер — *шофер-заби* (*шоферал*) [Мадиева 1981: 35].

Суффикс *-и* употребляется сравнительно редко и зафиксирован лишь в нескольких словах. При образовании форм множественного числа наблюдается ряд фонетических изменений:

1) чередование *и / а*: *хлинчI* ‘птица’ — *хланчI-и*, *тлинчI* ‘цыпленок’ — *тланчI-и*;

2) палатализация *к-ч*: *гIака* ‘корова’ — *гIачи*;

3) усечение последнего слога и изменение основы: *кьегIер* ‘ягненок’ — *кьагI-и*;

4) наращение элемента *гI*, при одновременном изменении основы: *чи* ‘человек’ — *чагI-и*.

Такая трансформация происходит и в некоторых многосложных словах со вторым компонентом *-чи*: *захIмат-чи* ‘труженик’ — *захIмат-чагIи*.

Суффикс *-ни* принимает односложное слово *цIе* — *цIани* ‘коза’, ‘kozy’. Исследователи относят элемент суффикса *-н* к основе, восстанавливая для аварского исходную основу **цIцIен* и сравнивая ее с основами андийских языков, в которых имеет место конечный *-н* основы (нам. *сIсIин-алI*, тинд. *цIцен-ельи*, ахв. *цIцен-алью* ‘коза’ и т. д.). Хотя исторически для аварского конечный *н* восстанавливается, но в соотношении *цIцIе* — *цIцIа-ни* элементу *-н* нет места в основе множественного числа, так как его не наблюдаем в форме единственного числа. Ш. И. Микаилов выделяет в данном слове суффикс *-и*: «Принято относить *-н* суффикса к основе, которая выглядела, возможно, *цIцIен*; но позже форма единственного числа *цIцIен* утратила конечный *-н*. А если это так, то тут мы имеем дело с суффиксом *-и*, а не *-ни*» [Микаилов 1964: 24].

Супплетивное оформление множественности отмечено в паре *чIужу* ‘женщина’ — *руччаби* (мн. ч.).

В аварском языке имеются существительные, которые имеют одну и ту же форму единственного и множественного числа: *цегI* ‘черепица’, *гIеч* ‘яблоко’, *цIул* ‘дрова’, *тIамах* ‘лист’; *гамачI* ‘камень’. Ср.: *Мадугьалас шиколалье гамачI бачIана* ‘Сосед школе камень привез’ (здесь *гамачI* имеет значение неограниченного множества); *Васас рукьальул клалтIа гамачI лбуна* ‘Сын у порога камень положил’ (имеется в виду единичный предмет). Следует отметить так-

же, что эти же существительные в аварском языке с помощью суффикса *-ал* могут выражать и ограниченное множественное число: *ганчIал* ‘несколько камней’, *цегIал* ‘несколько черепиц’, *гIечал* ‘несколько яблок’, *цIулал* ‘несколько поленьев дров’ и т. д.

Литература

- Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988. 223 с.
- Алексеев М. Е., Атаев Б. М. Аварский язык. М.: Academia, 1998. 142 с.
- Магомедов М. И. Структурные особенности числительных аварского и даргинского языков (по данным диалектов) // Вопросы кавказского языкознания. Махачкала, 1997. С. 264.
- Мадиева Г. И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1981. 160 с.
- Микаилов Ш. И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1964. 171 с.
- Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис: Изд-ие Управления Кавказского Учебного округа, 1889. 552 с.
- Хангереев М. Д. Словоизменительная и словообразовательная система в аварском литературном языке: автореф. дис.... докт. филол. наук. Махачкала, 2001. 55 с.
- Чикобава А. С., Церцвадзе И. И. Аварский язык. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1962. 442 с. (на груз. яз.).

References

- Alekseev M. E. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andiyskikh yazykov* [Comparative and historical morphology of the Avar-Andic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 223 p. (In Russ.).
- Alekseev M. E., Ataev B. M. *Avarskiy yazyk* [The Avar language]. Moscow, Academia Publ., 1998, 142 p. (In Russ.).
- Magomedov M. I. *Strukturnye osobennosti chislitel'nykh avarskogo i dargin'skogo yazykov (po dannym dialektov)* [The structural peculiarities of numerals in the Avar and Dargin languages (evidence from dialects)]. *Voprosy kavkazskogo*

- yazykoznaniya* [Questions of Caucasian linguistics. A collection of scholarly articles]. Makhachkala, Dagestan State University Press, 1997, pp. 124–126 (In Russ.).
- Madieva G. I. *Morfologiya avarskogo literaturnogo yazyka* [Morphology of literary Avar]. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1981, 160 p. (In Russ.).
- Mikhailov Sh. I. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avarskikh dialektov* [Comparative and historical morphology of Avar dialects]. Makhachkala, Publ. Dept. of Institute of Hist., Lang. and Literat. of Dagestan Affiliated Branch of the USSR's Acad. of Sc., 1964, 171 p. (In Russ.).
- Uslar P. K. *Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie. III. Avarskiy yazyk* [Ethnography of the Caucasus. Linguistics. III. The Avar language]. Tiflis, Publ. House of Caucasus Educational District Dept., 1889, 552 p. (In Russ.).
- Khangereev M. D. *Slovoizmenitel'naya i slovoobrazovatel'naya sistema v avarskom literaturnom yazyke: Avto-ref. dis.... dokt. filol. Nauk* [The inflectional and word-building system of the Avar literary language. A Ph.D. thesis abstract]. Makhachkala, 2001, 55 p. (In Russ.).
- Chikobava A. S., Tsertsvadze I. I. *Avarskiy yazyk* [The Avar language]. Tbilisi, Tbilisi State Univ. Press, 1962, 442 p. (In Georgian).
-

УДК 811.351.12

Числовые формы существительных в аварском языке

Магомед Ибрагимович Магомедов ¹

¹ доктор филологических наук, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Дагестанский научный центр РАН (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: rafrus1@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ связей по числу у существительных в аварском языке, что позволяет более полно раскрыть общие и специфические особенности категории числа. Функционирование числовых форм существительных раскрывается в контексте их словоизменительных и словообразовательных связей. Проводится анализ связей по числу у существительных в аварском языке, что позволяет более полно раскрыть общие и специфические особенности категории числа.

Ключевые слова: единственное число, множественное число, существительное, форманты множественного числа, аблаут, суффикс

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 10–16, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-10-16
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.351.12

The Structure of Somatic Phraseological Units in the Avar Language

Daniyal M. Magomedov ¹

¹ Research Associate, Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Centre of the RAS (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: m.daniyal@yandex.ru

Abstract. Somatic idioms constitute one of the oldest and most productive layers in Avar phraseology. The frequency of a certain somatic unit as a core component of idioms depends on the number of both extra-linguistic and linguistic factors (etymological, semantic ones). The article presents the structural and semantic characteristics of corresponding Avar phraseological units. The relevance of the article is determined by the need for further detailed studies of the somatic phraseology of the Avar language. The study was implemented on the basis of the cognitive models that contribute to revealing the semantics of somatic idioms under consideration.

To determine the phraseological variance it is necessary to emphasize the unity of the internal form and the mode of bonding the grammatical structure and composition of phraseological components. Another condition is relative identity of the syntactic structure within which the lexical substitution takes place.

In the Avar language, the enhanced structural and semantic equivalence is characteristic of those somatic units that form the greatest number of idioms. The somatic units are as follows: ‘heart’, ‘head’, ‘hand’, ‘eye’ and ‘mouth’.

Keywords: somatic phraseological units, somatic idiom, phraseological variation, adjective, somatism, etymology, semantics, compound word, phrase

Исследование соматической фразеологии учитывает как их различные, так и общие универсальные свойства в структуре и семантике, национально своеобразные признаки, придающие фразеологии языка черты неповторимости и уникальности.

Широкое употребление соматизмов в составе фразеологических единиц (далее — ФЕ) в значительной степени обусловлено тем, что соматизмы представляют собой один из древнейших слоев в лексике различных языков и входят в ядро основного состава словарного фонда языка. Популярности соматических фразеологических единиц (далее — СФЕ) способствуют также актуальность содержания, яркая образность, народность, несложность грамматического оформления и стилистическое многообразие.

Характерной чертой соматической фразеологии является наличие в языке многочисленных аналогов, очень близких по образной направленности словосочетаний. Эта особенность резко отличает соматические фразеологизмы от других тематических групп фразеологических единиц.

Удельный вес СФЕ в аварском языке значителен. Распределение СФЕ по тематическим группам позволяет заключить, что подавляющее большинство анализируемых фразеологизмов семантически ориентировано на человека. Фактически все проявления жизни человека находят яркое отражение в соматической фразеологии аварского языка.

Именно формированием основных значений СФЕ в зависимости от свойств и функций органов или частей тела человека объясняется значительное сходство в семантике СФЕ разных языков. Различия в семантике СФЕ проявляются главным образом в выделении малочисленных фразеологических подгрупп одного языка, не имеющих соответствия в другом языке, и неравномерном распределении указанных единиц по некоторым фразео-семантическим подгруппам. Соматические ФЕ обладают повышенной межъязыковой эквивалентностью. Сходство образности СФЕ обусловлено единством функций частей тела, общностью основных экстралингви-

стических факторов генезиса, определенной общностью ассоциативно-образного мышления носителей разных языков. СФЕ в большей мере, чем другие устойчивые словосочетания, характеризуют этническую принадлежность человека и его национальную идентификацию.

Наиболее высокой семантико-образующей активностью в аварском языке отличаются следующие компоненты СФЕ: *paκI* ‘сердце’, *ber* ‘глаз’, *beηlep* ‘голова’, *κver* ‘рука’, *box* ‘нога’, *maϕϕI* ‘язык’.

Как показывает исследованный фактический материал, семантика большинства указанных фразеологических единиц в аварском языке тесно связана с входящими в их состав соматическими компонентами, т. е. формирование основных значений СФЕ зависит от свойств и функций органов или частей тела человека. Так, семантика СФЕ с компонентом *maϕϕI* ‘язык’ связана с представлением о способности говорить, общаться; компонент *paκI* ‘сердце’ входит в состав СФЕ, выражающих человеческие чувства, его переживания; СФЕ с компонентом *beηlep* ‘голова’ характеризуют умственные способности человека, с компонентом *κver* ‘рука’ — отношение человека к труду, с компонентом *box* ‘нога’ — двигательные способности и т. п. ФЕ имеют различную структурно-грамматическую организацию, различен также их компонентный состав [Магомедов 2013: 8].

Рассмотрим взаимоотношения и разграничения сложных слов и фразеологических единиц. Необходимость этого вопроса обусловлена тем, что в описательных грамматиках дагестанских языков наблюдаются случаи смещения аналитической словоформы и свободных словосочетаний, имеющих в своем составе два и более компонента, с ФЕ таким же числом компонентов. Рассматривая ФЕ в плане ее отношения к смежным структурам, можно установить различия между фразеологизмом и словом:

1) ФЕ и слово отличает их структура: слова состоят из морфем, а ФЕ — из двух и более самостоятельных слов;

2) сравниваемые единицы отличаются и в семантическом отношении: лексическое значение слова связано в первую очередь со

значением его основы, а значение ФЕ формируется на базе двух и более лексем;

3) эти единицы различаются в плане функционирования: структурные элементы лексической единицы не могут быть определены элементами языка, тогда как компоненты ФЕ бывают детерминированы лексическими единицами;

4) компоненты ФЕ допускают дистантное расположение, а морфемы в пределах словоформы имеют жестко фиксированную линейную позицию [Магомедов 2014: 245].

Что касается сложных глаголов, то такими мы считаем глаголы аварского языка, образованные сложением основ (усечением или без него), из которых хотя бы один компонент конструкции в данной форме не употребляется самостоятельно. Кроме того, сложные слова не допускают дистантного расположения составляющих их морфем. Здесь мы рассматриваем вопросы, касающиеся ФЕ и свободного словосочетания. В качестве критериев, дифференцирующих ФЕ и переменные словосочетания, называют фонетические, морфологические и синтаксические признаки. Фонетическим признаком ФЕ считается невозможность разделения компонентов паузой, т. е. ритмическая нечленимость. Морфологическим критерием, разграничивающим ФЕ и свободное словосочетание, считают то, что фразеологизмы «входят в части речи». СФЕ аварского языка соотносятся с различными частями речи: существительными: *ракI бухI* ‘сожаление, жалость’ (букв. ‘сердце сжигание’), *ракI бакъвай* ‘грусть, печаль’ (букв. ‘сердце высыхание’); глаголами: *ракI къазе* ‘брезгать, почувствовать отвращение’ (букв. ‘сердце закрыть’), *ракI бухIузе* ‘жалеть, сожалеть’ (букв. ‘сердце сжечь’); прилагательными: *ракI лъикIав* ‘добродушный’ (букв. ‘тот, у которого сердце хорошее’), *бетIер гъечIев* ‘безмозглый’ (букв. ‘голова + отсутствующий, не имеющий головы’); наречиями: *ракI къан* ‘почувствовать отвращение’ (букв. ‘сердце закрыв’), *ракI унтун* ‘ответственно’ (букв. ‘сердце заболел’) и т. д.

Другими критериями дифференцирования ФЕ и словосочетаний считается их синтаксическая функция, которая зависит от

соотнесенности фразеологического оборота с тем или иным членом предложения. Ни один из отдельно взятых критериев — ни фонетический, ни синтаксический, ни морфологический, ни семантический — нельзя считать глобальным для дифференциации ФЕ и свободного словосочетания. Мы придерживаемся мнения, согласно которому любую сверхсловную единицу, получающую два плюса, т. е. обладающую хотя бы двумя признаками из вышеперечисленных, следует характеризовать как фразеологическую [Гюльмагомедов 1986: 137].

Анализируя СФЕ на фонетическом уровне, можно обнаружить наличие вариантности ФЕ. Например: *реклел чIчIва* ‘о дорогом, любимом человеке’ (букв. ‘сердца струна’), *ракI биинабизе* ‘произвести сильное (приятное) впечатление’ (букв. ‘сердце заставить таять’), *бетIер хIалтIузе* ‘соображать, понимать’ (букв. ‘голова работает’), *рекледа ратIузе* ‘опомниться, прийти в себя’ (букв. ‘на сердце найти’) и т. д.

Лексическими вариантами мы считаем ФЕ, имеющие одно и то же значение, базирующиеся на тождестве образной основы и обладающие одинаковой структурно-коннотативной ценностью. Например: *берзул канлъи ине* ‘ослепнуть’ (букв. ‘глаза свет уйти, уходит’) и *берзул канлъи босIузе* ‘ослепнуть’ (букв. ‘глаза свет забрать’); *ракIалдаса ине* ‘забыть, запомнить’ (букв. ‘с сердца уходит’) и *ракIалдаса бикъIузе* ‘забыть, запомнить’ (букв. ‘с сердца украсть’) и т. д.

Во фразеологической синонимии большое место занимают структурные синонимы, которые представляют собой ФЕ одного структурного типа, где семантической замене может подвергаться компонент, составляющий семантическую основу выражения [Магомедов 2015: 162]. Например: *ракI бакъвазе* ‘огорчаться, печалиться, горевать’ (букв. ‘сердце высохнуть’), *ракI къварилъIузе* ‘огорчаться, печалиться, горевать’ (букв. ‘сердце сузиться’), *ракI тIеренлъIузе* ‘огорчаться, печалиться, горевать’ (букв. ‘сердце утончаться’) и т. д.

Структурные синонимы могут быть равнозначными: идеографическими и стилистическими. Равнозначные синонимы — это разнооформленные в лексическом

и структурном отношении ФЕ, которые выражают одинаковые понятия или суждения, например: *кверал тлатлалда лъун члезе* ‘бездельничать’ (букв. ‘сидеть сложа руки’), *бохида тлад бох лъун члезе* ‘бездельничать’ (букв. ‘сидеть, закинув ногу на ногу’) и т. д. Несмотря на совершенно различный структурно-лексический состав и образность, эти ФЕ, образованные на основе метафоризации совершенно различных переменных словосочетаний, выражают одно и то же понятие ‘бездействовать, лентяйничать’. Идеографическими фразеологическими синонимами являются такие ФЕ, которые выражают одно и то же понятие, но отличаются друг от друга семантическими оттенками. Например: *хлур кълумлизе* ‘1) пыль выбить, 2) намылить холку, шею кому-либо, задать взбучку’; *глин кьуризе* ‘1) драть за уши, 2) наказать, обуздать’; *гьванша чьвазе* ‘1) бить по затылку, 2) наказать, 3) обобрать, обмануть’ имеют различные смысловые оттенки. Стилистические синонимы отличаются сферой употребления и могут быть использованы лишь в определенных стилях языка.

Многие фразеологические ряды в аварском языке группируются вокруг лексических групп, способных развивать сложную систему переносных значений (названия частей тела и т. д.).

Многозначность подобных лексем требует конкретизации контекста, что нередко создает фразеологизмы путем «наращивания» распространенной метафоры. Так, широкий семантический диапазон слова *бетлер* ‘голова’ вызывает необходимость фразеологически маркировать даже отдельные переносные употребления. На основе его употребления для характеристики умственных способностей человека (*цлодораб бетлер* ‘умная голова’ — *гантаб бетлер* ‘дурная голова’) рождается целый ряд выражений со значением ‘тупой, глупый человек’: *гладалаб* ‘дурная’, *гьгаб* ‘глупая’, *багьараб* ‘дырявая’; *члобогаяб* ‘пустая’ и т. д.

В аварском языке обнаруживаются ФЕ, вступающие в антонимические отношения. У фразеологических антонимов поляризация происходит на базе денотативного зна-

чения при совпадении или расхождении коннотативного значения. Ср.: *квер сахаватав* ‘щедрая рука’ и *бер глорцли гьечлев* ‘глаз ненасытный’; *реклель жаклда гьечлев* ‘без зависти в сердце’ и *илбис бугев чи* ‘человек с дьяволом’ и т. д.

Вопрос о многозначности ФЕ изучен крайне недостаточно в аварском языке, и в связи с этим не установлено отличие многозначности ФЕ от слов и не выявлены факторы, определяющие многозначность фразеологизмов, хотя встречается огромное количество ФЕ, которые имеют два и более значений: *бетлер кьуллизе* ‘1) приветствовать кого-либо, поклониться кому-либо, 2) подчиниться, повиноваться, 3) опуститься (морально) (букв. ‘голову наклонить)’’.

Говоря о семантических группах СФЕ аварского языка, следует отметить, что общей чертой семантических групп является связь элементов групп, которая основывается на том, что у каждой единицы группы должен быть общий семантический компонент. Самой продуктивной и многочисленной является группа, выражающая эмоции человека; а именно: радость, счастье, восторг. Например: *ракл бохизе* ‘радоваться’ (букв. ‘сердце+радоваться’), *ракл гьезе* ‘радоваться’ (букв. ‘сердце+поместить’), *ракл бохизе* ‘веселиться’ (букв. ‘сердце радоваться’) и т. д. Сюда же можно включить также формулы речи, выражающие добрые пожелания, счастья, добра, удачи. Например: *члахъаяв!* (букв. ‘Чтобы твоя голова здравствовала!’); *ракл бохха-яв!* (букв. ‘Чтобы сердце радовалось!’) и т. д. Как известно, эмоции бывают не только положительными, но и отрицательными. Наличие большого количества СФЕ с отрицательным значением можно объяснить тем, что люди на отрицательные явления реагируют более остро и эмоционально. Например: *реклель гулла цьаяв!* (букв. ‘Чтоб пуля попала в сердце!’); *бетлер свераяв!* (букв. ‘Чтоб ты с ума сошел!’) и т. д. СФЕ, выражающие отрицательные эмоции, составляют группу со значением ‘горе, грусть, тоска, печаль’. Например: *ракл кьварильгана* ‘загрустил, опечалился’ (букв. ‘сердце стало узким’) и т. д.

Самостоятельное лексическое значение имеют почти все компоненты СФЕ аварского языка, т. е. они материально тождественны самостоятельным лексемам и не теряют семантической связи с ними. В этих языках можно встретить единичные случаи, когда компоненты ФЕ не имеют аналогов в лексической системе языка, т. е. употребляются в составе ФЕ. Вот некоторые примеры: *хутIа-кIучараб* ‘оставшееся’ (*хутIараб* ‘то, что осталось’, *кIучараб* не имеет самостоятельного значения); *гьури-муч* ‘легкое дуновение ветра’ (*гьури* ‘ветер’, *муч* не имеет самостоятельного значения); *пихь-мичI* ‘ягода’ (*пихь* ‘черника, ягода’, *мичI* не имеет самостоятельного значения) и т. д.

Соматические ФЕ имеют структуру словосочетаний различных типов. В структурном отношении СФЕ аварского языка разнообразны. Наиболее многочисленной оказалась группа двухкомпонентных СФЕ. Особенностью ФЕ этого типа является то, что их номинативным компонентом выступает соматизм. Например: *рекIел их* ‘молодость; в расцвете сил и энергии’ (букв. ‘весна сердца’), *рекIел хазина* ‘дорогое, очень близкое, сокровенное’ (букв. ‘казна сердца’).

По своей структуре ФЕ этой модели представляют собой сочетания, состоящие из соматизма в номинативе, выступающего на первом месте, и целевой формы глагола. Например: *бетIер дализабизе* ‘проявить гордость; проявлять слабость’ (букв. ‘голову свесить’), *бетIер бахъизе* ‘пожить, дожить, вести скудный образ жизни’ (букв. ‘голову снять’) и др.

В приведенном структурном типе препозитивное положение занимает прилагательное (адъектив), а соматизм занимает постпозитивное положение, что связано с оценочным характером таких фразеологизмов. В этой конструкции прилагательное и существительное семантически равноправны, и оба являются смыслообразующими. Например: *чараб бетIер* ‘седая, мудрая голова’ (букв. ‘пестрая голова’), *гIакъилаб бетIер* ‘умная голова’ (букв. ‘мудрая голова’).

Особенностью данного структурного типа является то, что именной компонент

ФЕ в нем всегда занимает препозитивное положение и не допускает не только перестановки, но и дистантного расположения: *ракI хIалимай* ‘благоразумная, терпеливая, кроткая’ (букв. ‘(та, у которой) сердце мягкое’), *ракI хIалимай* ‘терпеливая, кроткая, благоразумная’ (букв. ‘(та, у которой) сердце нежное’) и др.

Литература

- Гюльмагомедов А. Г. Сравнительно-типологический анализ грамматической структуры соматических фразеологических единиц дагестанских языков // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины. Махачкала, 1986. С. 136–139.
- Магомедов М. И. Пословично-поговорочные фразеологизмы в аварских народных сказках // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 58. С. 160–163.
- Магомедов М. И. Семантическая разновидность структуры фразеологизмов в аварском языке // Ногайцы: XXI век. История. Язык, Культура. От истоков — к грядущему. Матлы Первой Межд. науч.-практ. конф. (г. Черкесск, 14–16 мая 2014 г.). Черкесск, 2014. С. 243–247.
- Магомедов М. И. Фразеологизмы-предложения в аварском языке // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2013. № 4. С. 7–12.

References

- Gyul'magomedov A. G. *Sravnitel'no-tipologicheskii analiz grammaticheskoy struktury somaticheskikh frazeologicheskikh edinit dagestanskikh yazykov* [Comparative and typological analysis of the grammar structure of somatic phraseological units in Dagestani languages]. *Problemy otraslevoy leksiki dagestanskikh yazykov: somaticheskii terminy* [Issues of industry-specific lexis in Dagestani languages: somatic terms]. Makhachkala, 1986, pp. 136–139 (In Russ.).
- Magomedov M. I. *Poslovichno-pogovorochnye frazeologizmy v avarskikh narodnykh skazkakh* [Proverbial phraseological units in Avar folk tales]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* (Herald of Dagestan Scientific Center), 2015, No. 58, pp. 160–163 (In Russ.).
- Magomedov M. I. *Semanticheskaya raznovidnost' struktury frazeologizmov v avarskom yazyke* [Semantic variance in the structure of Avar

phraseological units]. *Nogaytsy: XXI vek. Istoriy. Yazyk. Kul'tura. Ot istokov — k gryadushchemu. Mat-ly Pervoy Mezhd. nauch.-prakt. konf. (g. Cherkessk, 14–16 maya 2014 g.)* [The Nogais: the 21st century. History. Language. Culture. From the Past into the Future. Proc. of the 1st Internat. research and practice conference (Cherkessk, 14–16 May 2014)]. Cher-

kessk, 2014, pp. 243–247 (In Russ.).

Magomedov M. I. *Frazeologizmy-predlozheniya v avarskom yazyke* [Phraseological units-sentences in the Avar language]. *Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy* (Bulletin of the Tsadasa Institute of Language, Literature and Art), 2013, No. 4, pp. 7–12 (In Russ.).

УДК 811.351.12

Структура соматических фразеологических единиц в аварском языке

Даниял Магомедович Магомедов ¹

¹ научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Дагестанский научный центр РАН (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: m.daniyal@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена структура соматических фразеологических единиц в аварском языке. Соматическая фразеология позволяет выявить специфические лингвокультурные и национальные особенности структурирования текста и процесс формирования языковой картины мира народа.

Ключевые слова: соматические фразеологические единицы, фразеологическая вариантность, адъектив, соматизм, фразеологическая вариантность, этимология, семантика, сложное слово, словосочетание

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 17-33, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-17-33
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81'33

Indicative Verb Forms: a Perspective from the Kalmyk Grammar of Orders (Evidence from the Kalmyk National Corpus)

Victoriya V. Kukanova¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Director, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Elista, Russian Federation). E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Abstract. The article describes the grammar of order of inflectional affixes of participle in the Kalmyk language. Under the model of inflectional affixes we understand an abstract scheme under which a real inflectional chain with respect to the laws of morpho-phonological compatibility and semantic rules is formed. The research is based on the data of the Kalmyk National Corpus (kalmcorpora.ru) containing a total of approximately 9 million tokens which allows to obtain objective information on inflectional chain modeling. The importance of the research lies in the necessity of the classification and the systematic descriptive analysis of associative properties of morphemic units (in this case — stems and affixes, affixes and affixes) in the synthesis of lexical units (in the broadest sense of the word forms) of the Kalmyk language. The analysis of the materials of the Kalmyk National Corpus identified over 70 models of inflectional affixes within the Kalmyk participle. A number of these models are dialectal in nature, as, for example, the model *Base + Assoc + Compl + Pst* is found in the texts authored by speakers of the Torghut dialect of the Kalmyk language. The list of models includes both well-known and frequent schemes, as well as those never described in scientific literature (for instance, a model *Base + Pst + Per + QPart (=i)*) before.

Keywords: Kalmyk language, inflectional affixes, indicative, grammar orders, automatic analysis, models of inflection

1. Введение

Индикативные формы глагола являются, на наш взгляд, наиболее распространенными в калмыцкой речи, наряду с конвербами и причастиями, т. е. атрибутивными глагольными формами [Бутаева, Баянова 2015: 119]. Индикатив, как правило, включает в себя прошедшее, настоящее и будущее время, однако в калмыцком языке будущее время выражается причастием в будущем времени, поэтому в перечень «чистых» индикативных форм входят фактически только прошедшее и настоящее время, которые имеют разное отношение к моменту говорения, а также выражают разный характер протекаемых действий.

Данная работа является продолжением серии статей, которые посвящены описанию комбинаторных свойств словоизменяемых аффиксов и частиц в разрезе частей речи (см., например: [Куканова 2015а; 2015б; 2015в; 2016]). В фокусе настоящего исследования находятся цепочки словоизменяемых аффиксов индикативных форм. Отметим, что в данной работе мы не останавливаемся на теоретических спорах, на терминах, на их дифференциации. Целью работы является выявление грамматики порядков индикатива в калмыцком языке на материале Национального корпуса калмыцкого языка.

2. Материал и методика исследования

Материалом послужили тексты Национального корпуса калмыцкого языка (НККЯ — <http://kalmcorpota.ru/>) [Куканова 2013], размер которого составляет около 9 млн токенов. В корпус вошли тексты художественного (в том числе и фольклорные произведения), газетного стилей, незначительный процент текстов принадлежит научной сфере. В хронологическом отношении корпус можно охарактеризовать как информационную систему с текстами преимущественно второй половины XX и начала XXI в. Для проведения данного исследования мы использовали локальную версию корпуса, которая доступна в специализированной программе TextAnalyzer, позволяющей проводить поиск иллюстративного материала по определенным критериям [Куканова, Каджиев 2014]. В настоящей работе применяется корпусный подход к анализу материала, который позволя-

ет рассматривать все примеры без исключения, что дает возможность получения целостной картины грамматики порядков словоизменяемых аффиксов и частиц. Методом сплошной выборки был выявлен материал исследования, затем при помощи перекрестных запросов цепочки словоизменяемых аффиксов уточнялись.

3. Грамматика порядков

Порядок аффиксов в калмыцком языке обусловлен, на наш взгляд, двумя факторами: 1) историей развития языка; 2) синтаксическими правилами порядка слов в предложении. Словоформа образуется в процессе речи, но это не означает, что этот процесс подчинен спонтанным правилам, напротив, он отражает результат истории развития языка. Морфологическая структура слова обусловлена процессом грамматикализации, изменения лексических единиц в грамматические показатели [см. подробно: Майсак 2005]. Здесь уместно отметить работы Талми Гивона, знаменитого ученого-типолога, автора уже крылатой фразы «Сегодняшняя морфология — вчерашний синтаксис» [цит. по: Майсак 2005: 26 (Givón 1971: 413)]. Т. Гивон пришел к выводу, что «сопоставление современных морфологических моделей может помочь в реконструкции синтаксических структур для более ранних состояний языка» [Майсак 2005: 26]. Эту мысль развивает Джоан Быбии, которая считает, что «the order of morphemes is in large part a result of the order of words in the verb phrase, and the frequency of occurrence of certain categories as verbal inflections is a reflex of their frequent occurrence contiguous to the main verb» («... порядок морфем во многом является результатом порядка слов в глагольной фразе, а частотность появления определенных категорий как глагольного словоизменения — это отражение их постоянного появления в качестве примыкания к главному глаголу»¹) [Bybee 1985: 41]. Очевидно, что морфологическая структура современного калмыцкого слова развивалась постепенно, являясь результатом, историческим следствием грамматикализации аффиксов.

4. История вопроса

Глагольные формы неоднократно становились объектом исследования, при этом

¹ Перевод автора.

сама специфика глагола как части речи обусловила появление ряда исследований разной направленности: вопросов семантики, функциональности, грамматики, деривации и т. д. [Санжеев 1963; Биткеев 1979; Илишкин 1979; Манджикова 1979; Павлов 1979; Цыдыпов 1991; Дугарова 1991а; 1991б; Харчевникова 2002; Тувшинтогс Бямбажав 2005; Омакаева 2011; и др.].

В истории изучения калмыцкого языка существует описание порядка присоеди-

нения аффиксов [Грамматика калмыцкого языка 1983: 57; Сай 2009: 635, 667–669], однако исследователи не конкретизируют информацию по словоизменительным моделям, приводя лишь общую ее схему и не расширяя описанную модель всем спектром аффиксов и частиц, которые характерны для калмыцкого языка, т. е. в данном случае учитываются только самые распространенные словоизменительные морфемы и лишь некоторые частицы.

Таблица № 1. *Порядок аффиксов глагольной словоформы в калмыцком языке*

[Грамматика калмыцкого языка 1983: 57]	[Сай 2009: 667–669]
Глагольные слова: а) корень (глагол) + аффиксы залога + наклонения + отрицательная частица + вопросительная частица + предикативная (сказуемостная) частица; б) корень (имя) + глаголообразующий аффикс + аффиксы залога + наклонения + отрицательная частица + вопросительная частица	Структура глагольной словоформы: корень + показатели деривации глагольных основ (каузатива, пассива, реципрока, социатива) + аспектуальные показатели (комплетив, прогрессив) + показатель глагольной множественности + показатели финитности/нефинитности (суффиксы причастий, деепричастий, косвенных наклонений или времени) + показатели отрицания + согласовательные показатели + частицы

Как видно, и в академической грамматике, изданной в 1983 г., и в недавнем грамматическом очерке С. С. Сая дана общая структура глагольной словоформы, однако в первом труде акцент сделан как на деривационную структуру лексической единицы, так и на структуру словоформы. Объект описания у исследователей различный: авторы грамматики [1983] рассматривают и слово, и словоформу одновременно, второй же автор анализирует словоизменительную структуру словоформы. Остается неясным, в каком порядке присоединяются частицы к глагольной словоформе. Кроме того, в работах не рассматриваются как морфонологические, так и семантические ограничения в сочетаниях различных аффиксов и частиц.

Следующей работой, которая нам интересна с точки зрения изучаемой проблемы — порядка аффиксов, является труд

Е. А. Кузьменкова «Глагол в монгольском языке» [1984]. В данной работе ученый также выделяет первичную и вторичную глагольную основы: «...к первичной глагольной основе, представляющей собой либо глагольный корень, либо именной или наречный корень с глаголообразующим суффиксом, могут присоединяться, образуя новые основы, следующие суффиксы...» [Кузьменков 1984: 36]. По его мнению, аффиксы «составляют три непарадигматичных порядка» [Кузьменков 1984: 36]: 1, 2 и 3-го порядка, причем первая группа имеет невысокую степень продуктивности, более того, могут участвовать в деривации; вторая группа аффиксов не имеет ограничений в сочетании, а также по своему характеру они однопорядковы; третья группа аффиксов имеет аспектуальные значения [Кузьменков 1984: 36–37].

Таблица № 2. Порядок глагольных аффиксов*

Аффиксы 1-го порядка	Аффиксы 2-го порядка	Аффиксы 3-го порядка
-л- (многократное, ритмичное)	-уул- / -лга- / -га- / -аа- (каузатив)	-ч- / -чих- (мгновенность, перфективность)
-р- (антикаузатив)	-гд- / -д- / -т- (пассив)	-аадх- (перфективность)
-валз- / -лз- / -гна- (многократное колебальное или циклическое движение)	-лд- (реципрок)	-схий- (однократность и мгновенность)
	-лц- (социатив)	-цгаа- (множественность субъектов)
		-зан- (кратковременность)

* Таблица составлена по: [Кузьменков 1984: 36–37].

В данной работе, на наш взгляд, важно разграничение парадигматики аффиксов, т. е. тех морфем, которые могут быть заменяемы в рамках одной парадигмы. Например, показатели аспектуальности. Однако, как нам кажется, аффикс глагольной множественности не входит в парадигматику глагольной аспектуальности. Примеры, найденные в НККЯ, свидетельствуют, что аффикс множественности и аффикс аспектуальности встречаются в рамках одной словоформы, что уже противоречит понятию парадигмы: *Теднэ цагт гергим булаһад авчкыхала*. [Нармаев М. Б. Түүк]; *Эврэннь туск олзан ухалхларн, ховдг чеежтэ юмс, тамин амн деер эрэ торад зогскад, цааран уншгон кергт, негдэж авхар бээсэн мартчихав*. [Бадмаев А. Б. Дегтр харһачас]; *Эн гериг эргүлэд штакетникэр кечкэн хаша һатц дөрвн бахнд углад суулһчкэн ут төмр*

рельсмудт нидн эжил күртл хурт ирсн колхозин ахлачнр зерглүлэд, мөрдэн уйчкыхадг бээсмн. [Бадмаев А. Б. Эмнг һазр олзлһн]. Иллюстраций немного и в основном они обнаружены у нескольких авторов, очевидно, что модель нечастотная, но все же имеет место в употреблении.

5. Порядок аффиксов

Ниже приводится список моделей, актуальных для индикативных форм с демонстрацией примеров из НККЯ, что доказывает их реальное функционирование в калмыцкой речи. Для структурирования схемы используются следующие условные знаки: 1) Base — основа; 2) () — факультативность; 3) | — альтернатива; 4) + — присоединение. В примерах, репрезентирующих ту или иную схему, сохраняется авторская орфография и пунктуация. Ниже приводятся перечень аффиксов и их аллофонов (см. таблицу 3).

Таблица № 3. Аффиксы и их аллофоны индикативных форм

№	Помета	Наименование	Аффиксы и аллофоны
1.	Pres	настоящее время	-на, -нэ
2.	Progr	настоящее актуальное время	-жса-на, -жэд-нэ, -ча-на, -чэ-нэ
3.	Pst	недавнпрошедшее время	-в
4.	Rem	давнпрошедшее время	-ла, -лэ

5.1. Настоящее время

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
1.	Base + Dur + Assoc + Pres	основа + аффикс длительного вида + аффикс множественности + аффикс настоящего времени	<i>йов-жа-ца-на</i>	<i>Иван Манджиков Манджиев Убуш хойр бас дээнэ училищд батальона ах адъютант гидг көдлмит йовжацхана.</i> [Нармаев М. Б. Фронтд бичгдсн тетрадь]
2.	Base + Caus + Assoc + Pres	основа + аффикс каузатива + аффикс множественности + аффикс настоящего времени	<i>йов-ул-ца-на</i>	<i>— Сурһульчнр, — болж Садмн кель, — өдртнь ясврин көдлмит көдлжэнэвдн, асхн-өрүнд йовуцхана.</i> [Нармаев М. Б. Манц һол]
3.	Base + Caus + Compl + Pres	основа + аффикс каузатива + аффикс комплетива + аффикс настоящего времени	<i>йов-ул-чк-на</i>	<i>Хойр көлиннь өскэһинь ик һоснд шудра йовж шарх һарһчкәд эмчд одхла, эм түркәд, хәрү йовулчкна.</i> [Бадмаев А. Б. Мукөвүн]
4.	Base + Caus + Compl + Pres + Per	основа + аффикс каузатива + аффикс комплетива + аффикс настоящего времени + аффикс сказуемости	<i>йов-ул-чк-на-в</i>	<i>Тишкә улм сән болхмн , кемржән тадн лавта нааран ирхлә, би һаһу бергичн йовулчкнав.</i> [Бадмаев А. Б. Усна эһн булг]
5.	Base + Caus + Pres + Per Base + Soc + Pres + Per	основа + аффикс каузатива + аффикс настоящего времени + аффикс сказуемости основа + аффикс социатива + аффикс настоящего времени + аффикс сказуемости	<i>йов-ул-на-в</i> <i>йов-лц-на-вдн</i>	<i>Би тер хайгар йовулнав.</i> [Балакаев А. Г. Нерәдлһн] <i>Бидн Нарнала хоорндан йовлцнавдн.</i> [Балакаев А. Г. Хээртә умшачнр]
6.	Base + Caus + Pass + Assoc + Pres	основа + аффикс каузатива + аффикс пассива + аффикс множественности + аффикс настоящего времени	<i>йов-ул-гд-ца-на</i>	<i>Нурһар эдгәд, хәрү дээнд йовулгдцхана.</i> [Тачиев А. Э. Комиссарин одн]
7.	Base + Caus + Pass + Pres	основа + аффикс каузатива + аффикс пассива + аффикс настоящего времени	<i>йов-ул-гд-на</i>	<i>Дээнд шав авсн күн түрун болж нааран тусна, дәкәд күнд шавтань цааран, холд бәәх балһсдур эмнүлхәр, йовулгдна.</i> [Бадмаев А. Б. Эндү уга жирһл]
8.	Base + Compl + Pres + Per	основа + аффикс комплетива + аффикс настоящего времени + аффикс сказуемости	<i>йов-чк-на-в</i>	<i>Седкл ухаһан зүткәд, / — Сәәхн Москвад күрчкнәв, / Буурлтсн Кремльднь орад, / Бәәшиң метроһарнь йовчкнав.</i> [Эрендженов К. Э. Москва, менд]
9.	Base + Assoc + Pres	основа + аффикс множественности + аффикс настоящего времени	<i>йов-ца-на</i>	<i>— Йовцхана, — гиж хәрү өгчкәд, соньмсув: — Ик Баажһаһас зәңг-зә бәәни?</i> [Балакаев А. Г. Нерәдлһн]

10.	Base + Assoc + Pres + Per	основа + аффикс множественности + аффикс настоящего времени + аффикс сказуемости	<i>йов-цха-на-вдн</i>	<i>Цуһар йовцханавдн, тер дотр Симка йовв.</i> [Лященко М., Мусатов Л. Үнтэ иньгүд]
11.	Base + Assoc + Pres + EmpPart + ConfPart + Per	основа + аффикс множественности + аффикс настоящего времени + эмфатическая частица + подтверждающая частица + аффикс сказуемости	<i>йов-цха-на-л- м-ч</i>	<i>Бийчнь тшигэд һарси-төрсн угала өшэти болад йовцханалмч.</i> [Басангов Б. Б. Эн цагин үнн]
12.	Base + Assoc + Pres + EmpPart + ConfPart	основа + аффикс множественности + аффикс настоящего времени + эмфатическая частица + подтверждающая частица	<i>йов-цха-на-л-м</i>	<i>Таднла эдл өвгдүд, теслцэд тенд көдлж йовцханалм.</i> [Кукаев А. М. Энкрлж өсксн эздэн нерэджэнэв]
13.	Base + Pres + EmpPart + ConfPart	основа + аффикс настоящего времени + эмфатическая частица + подтверждающая частица	<i>йов-на-л-м</i> <i>йов-на-л-мн</i>	<i>Тер тана бичгт бичэтэ йовналм.</i> [Бадмаев А. Б. Дегтр һарһачас] <i>Окн эврэ сэн дурарн өвснэ хадлһнд нөкд болж йовналмн.</i> [Балакаев А. Г. Зерлг нохас]
14.	Base + Pres	основа + аффикс настоящего времени	<i>йов-на</i>	<i>Теднэ тежэл эн тракторин чирси тергнд йовна.</i> [Балакаев А. Г. Залу зөрг]
15.	Base + Pres + Per	основа + аффикс настоящего времени + аффикс сказуемости	<i>йов-на-ч</i>	<i>Ода күүкиг альдаран авч йовнач?</i> [Балакаев А. Г. Сээхн күүкн Саглр]
16.	Base + Pres + Per + EmpPart	основа + аффикс настоящего времени + аффикс сказуемости + эмфатическая частица	<i>йов-на-в-л</i>	<i>Энд йовси би эн-тер уга йовнавл.</i> [Джимбиев А. М. Үр үгин ормд]
17.	Base + Pres + EmpPart	основа + аффикс настоящего времени + эмфатическая частица	<i>йов-на-л</i> <i>йов-на-ш</i>	<i>Кеер теегт хонад, / Кец дерлж унтад, / Иигэд йовнал, зуңкв, / Иткл угал, дэрк.</i> [Дорджиев Б. Б. Цагин селгэн] <i>— Өөрк күүнтн ода һурвад орж йовнаш, түрүн нүцкн күн.</i> [Бутаев С. Хордан ковзар хүрмд]
18.	Base + Pres + ConfPart	основа + аффикс настоящего времени + подтверждающая частица	<i>йов-на-хн</i>	<i>Улан-зеерд мөрдүднь / Уудан кемлэд йовнахн.</i> [Каляев С. К. Кү мартхмн биш]
19.	Base + Pres + EmpPart + Per	основа + аффикс настоящего времени + эмфатическая частица + аффикс сказуемости	<i>йов-на-л-в</i>	<i>Эндр би эднлэ сүл өдр, сүл хаалһд йовж йовнавл.</i> [Джимбиев А. М. Шиндэ]

20.	Base + Pres + EmpPart + ConfPart	основа + аффикс настоящего времени + эмфатическая частица + подтверждающая частица	<i>йов-на-л-хн</i>	— <i>Нөкднр болх гижэ үцэд, бидн эдниг дахулжэ йовналхн</i> , — <i>гижэ Кануков цээлһө</i> . [Инджиев Л. О. Большевикүд]
21.	Base + Pres + EmpPart + ConfPart + Per	основа + аффикс настоящего времени + эмфатическая частица + подтверждающая частица + аффикс сказуемости	<i>йов-на-л-м-т</i> <i>йов-на-л-м-ч</i>	<i>Тадн олн эмтн йовдг кэлгэр йовжэ йовналмт</i> , — <i>гиллэ куукд эмэхэд, Оляһас гемэн сурсн болдг</i> . [Манжелеева Р. Ц. Шатконт садыг цуһар меднэ] <i>Чи нанла ноолджэ йовналмч</i> . [Джимбиев А. М. Үр үгин ормд]
22.	Base + Pass + Pres Base + Caus + Pres	основа + аффикс пассива + аффикс настоящего времени основа + аффикс каузатива + аффикс настоящего времени	<i>йов-гд-на</i> <i>йов-ул-на</i>	<i>Иир саглэжэ йовгдна, тиигчкэд нурһлэжэ сөөһөр</i> . [Бембеев Т. О. Бамб цецг] <i>Нанла ода бийнь таслад угаһинь Эльза меддг билэ, тегэд тер көвүг көөһэд йовулна</i> . [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
23.	Base + Assoc + Per + EmpPart	основа + аффикс множественности + аффикс сказуемости + эмфатическая частица	<i>йов-цха-на-л</i>	<i>Эдн мана төвкнүн бээсн балһсдуд курч одак муульта хар бомбсан хайхар адһэжэ йовицханал</i> , — <i>гижэ Цекрэ санв</i> . [Кукаев А. М. Энкрлж өсксн экдэн нерэджэнэв]

5.2. Продолженное время

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
1.	Base + Dur + Pres	основа + аффикс дуратива + аффикс настоящего времени	<i>йов-жа-на</i>	— <i>Йовжэһана гисн?</i> [Нармаев М. Б. Далн һурвдгч бөлг]
2.	Base + Caus + Pass + Dur + Pres	основа + аффикс каузатива + аффикс пассива + аффикс дуратива + аффикс настоящего времени	<i>йов-ул-гд-жа-на</i>	<i>Дунд Хурла ээмгэс зун жүирн дөрвн күн эндр асхн нааран йовулгдэһана гижэ бичжэ ...</i> [Инджиев Л. О. Большевикүд]
3.	Base + Caus + Dur + Pres	основа + аффикс каузатива + аффикс дуратива + аффикс настоящего времени	<i>йов-ул-жа-на</i>	<i>Зуг эн куукиг кеәһэд, хөөнд йовулжэһана гиллэнь, бийм эвго болад кевтлэв, — гижэ аак келжэһэнэ</i> . [Бадмаев А. Б. Усна эһн булг]
4.	Base + Dur + Pres + Per	основа + аффикс дуратива + аффикс настоящего времени + аффикс сказуемости	<i>йов-жа-на-т</i> <i>йов-ул-жа-на-в</i>	<i>Өөрджэ аашсн залуһан: «Кезэ йовжэһаната?»</i> [Джимбиев А. М. Таслгч эргц] <i>Мини машинд шофер уга болад, эврэн йовулжэһанав</i> . [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
5.	Base + Dur + Pres + EmpPart + ConfPart	основа + аффикс дуратива + аффикс настоящего времени + эмфатическая частица + подтверждающая частица	<i>йов-жа-на-л-м</i> <i>йов-жа-на-л-мн</i>	<i>Би ээрмд йовжэһаналм</i> . [Джимбиев А. М. Нүр үг] — <i>Би ут сүүлтэ арслң хээжэ йовжэһаналмн</i> , — <i>гижэ Дулаһн шоглө</i> . [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]

6.	Base + Caus + Pass + Dur + Pres + Per	основа + аффикс каузатива + аффикс пассива + аффикс дуратива + аффикс настоящего времени + аффикс сказуемости	йов-ул-гд- жа-на-ч	Полковник Горбунов хойр нүдэн бултулн бээж, шигэж келсми: «Чи, Иванов, талдан һазрт һархин төлэд, тыл тал йовулгдэжанач . [Илюмжинов Н. Д. Аби́ль]
7.	Base + Dur + Pres + EmpPart + ConfPart + Per	основа + аффикс дуратива + аффикс настоящего времени + эмфатическая частица + подтвердительная частица + аффикс сказуемости	йов-жа-на- л-м-ч	Дөрвн-тавн хонгар йовэжасн болхла, төр уга бээж, негхн хонгар йовэжаналмч , — гижэ Эрднин гергн Инжэр залуһан гемшэсн бээдлтэһэр келв. [Джамбинов Я. С. Заһсчнр]

5.3. Недавнопрошедшее время

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
1.	Base + Assoc + Pst	основа + аффикс множественности + аффикс недавнопрошедшего времени	од-ца-в(а)	Ухан уга одцахав одаксчнь. [Басангов Б. Б. Күмн өврж ханшго йовдл] — Хөөдм зууньржэ одцахав . [Бадмаев А. Б. Эмнг һазр олзллһн]
2.	Base + Pst	основа + аффикс недавнопрошедшего времени	од-в-а	Дэкэд теру́нлэ харһад Ордаи яһад тишгэн, Дундарлур одва . [Бадмаев А. Б. Дегтр һарһачас]
3.	Base + Assoc + Pst + Per	основа + аффикс множественности + аффикс недавнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	од-ца-в-та	— Юунд гү үзсн ажрһ мет инцхэлдэд одцахавта ? [Бадмаев А. Б. Зултрһн — теегин ноһан]
4.	Base + Pres + Per	основа + аффикс недавнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	од-в-та	— Муутл, яһад номһржэ одвта ? [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
5.	Base + Dur + Pst + Per	основа + аффикс дуратива + аффикс недавнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	од-жа-в-в	Арһ уга — гергэн иртл, киртэ захта кишгтэ көдлмитән оджэав . [Джамбинов Я. С. Зовлң келж ирдго]
6.	Base + Recp + Pst	основа + аффикс реципрока + аффикс недавнопрошедшего времени	од-лд-в	Эдн Австрин хотл балһсна уульңсар, бульвармудар сергэж йовлдв, баг-багмудар музеймүдт, хуучна өврмэжтэ һазрмүдт одлдв , ке-сээхн балһсна өврмэжтэ үзлтэ ормст оджэ һээхцхэв. [Илюмжинов Н. Д. Аби́ль]
7.	Base + Pst + Per	основа + аффикс недавнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	од-у-в	«Хурдн дөңгин» эмч дуудулжэ авад, теднэ эмиг аптекас авч иртлэн оратжэ одув , — гижэ эн келв. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
8.	Base + Compl + Pst + Per	основа + аффикс комплетива + аффикс недавнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	од-чк-у-в	Би күүнд одчкув . [Балакаев А. Г. Хээртэ умшачнр]

9.	Base + Assoc + Pst + QPart	основа + аффикс множественности + аффикс недавнего времени + вопросительная частица	<i>од-иха-в-и</i>	<i>Бултэж одихави? — гинэд орн доранур, шифоньер секэд шоглэж келв. [Шуграева В. К. Түрүн хоңх]</i>
10.	Base + Pst + QPart	основа + аффикс недавнего времени + вопросительная частица	<i>од(д)-в-и</i> <i>ир-в-и</i>	<i>Эн бээх хурлд, мөрэр күн оддвн? — гижэ Ови көвүһэн шоодв. [Бадмаев А. Б. Дегтр harhачас] — Ю келжэхмбчи, — гинэд Басан адһад, — Дулахн яһва, бултэж одвн? — гинэд үүднэ ард хэлэхэр седв. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл] — Бичг ирви? [Балакаев А. Г. Нерэдлһн]</i>
11.	Base + Pst + Per + QPart	основа + аффикс недавнего времени + аффикс сказуемости + вопросительная частица	<i>од-в-ч-и</i>	<i>— Шарка, Шарка, саак эглен хээж одвчи? — гиж тер келхлэ, нег эцин болсн күүкд күн оржэ ирв. [Бадмаев А. Б. Усна — экн булг]</i>
12.	Base + Pst + EmpPart	основа + аффикс недавнего времени + эмфатическая частица	<i>од-в-л</i>	<i>Эврэ гих тоотасн / Эн хатярдад одвл. [Дорджиев Б. Б. Цагин селгэн]</i>
13.	Base + Pst + QPart	основа + аффикс недавнего времени + вопросительная частица	<i>од-в-у</i>	<i>Эвдрэж одву? [Дорджиев Б. Б. Эзн]</i>
14.	Base + Pst + EmpPart	основа + аффикс недавнего времени + эмфатическая частица	<i>од-в-иш</i>	<i>Эн һазр ода фашистһрин тыл болжэ одвиш — гижэ гун йовжэ эн санв . [Джимбиев А. М. Үр үгин ормд]</i>
15.	Base + Compl + Pst + Per	основа + аффикс комплети́ва + аффикс недавнего времени + аффикс сказуемости	<i>ир-чк-в-та</i>	<i>Булда, яһва, ирчквта... [Буджалов Е. А. Төгрөш]</i>
16.	Base + Iter + Pst	основа + аффикс недавнего времени	<i>ир-влз-в</i>	<i>Чеежм невчк өвклзв, / Чирэдм халун ирвлзв. [Джимбиев А. М. Залус эс гиж зурһан мөр шүлг]</i>
17.	Base + Compl + Pst	основа + аффикс комплети́ва + аффикс недавнего времени	<i>ир-чк-в</i>	<i>Тер хоорнд машин ирчкв гижэ зэңглэхэв. [Бадмаев А. Б. Алтн шорад даргддо]</i>
18.	Base + Assoc + Compl + Pst	основа + аффикс множественности + аффикс комплети́ва + аффикс недавнего времени	<i>ир-ихэ-чк-в</i>	<i>Кергэн өтрлүхиг цагин бээдл некжэнэ тчк Черный Яр тал адһтн тенд ирсэн түдвр угаһар соңсхтн тчк Пиеничников Аганцев Кандауров Карайчев көвүдтэһэн Сарептд ирцхэчкв. [Инджиев Л. О. Большевикуд]</i>

19.	Base + Caus + Pst	основа + аффикс каузатива + аффикс недавнопрошедшего времени	<i>ир-үл-в</i>	<i>Күмн-эмтнэ хавриг / Көдлмич улс ирүлв.</i> [Сусеев А. И. Теегин үрн]
20.	Base + Soc + Pst	основа + аффикс социатива + аффикс недавнопрошедшего времени	<i>ир-лц-в</i>	<i>Ухалсн тоолвр, седкл болн жирһлин хэлэц күртлэн соньмэжта ирлцв.</i> [Бадмаев А. Б. Иньгүд дундан]
21.	Base + Recp + Assoc + Pst	основа + аффикс реципрока + аффикс множественности + аффикс недавнопрошедшего времени	<i>ир-лд-цхэ-в</i>	<i>Удл уга наадк чигн трактористнр ирлдицхэв.</i> [Нармаев М. Б. Манц хол]
22.	Base + Dur + Assoc + Pst	основа + аффикс дуратива + аффикс множественности + аффикс недавнопрошедшего времени	<i>ир-жэ- цхэ-в</i>	<i>Көгэжм байрта ду татад бээдг, баһ цагтан дээнд мордсн офицермүд насарн медэрсн, медаляр өрчэн дүүргэцхэсн иржэцхэв.</i> [Пушкин А. С. Шуурһн]
23.	Base + Dur + Pst	основа + аффикс дуратива + аффикс недавнопрошедшего времени	<i>ир-жэ-в</i>	<i>Терүнэ хөөн дөрвн асхн дараһар Элизабет болн Байрта көвүдин бээсн кухнюр иржэв.</i> [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
24.	Base + Assoc + Pst + Per	основа + аффикс множественности + аффикс недавнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	<i>ир-цхэ-в- видн</i>	<i>Кесг цагтан күлэлдэд, арһ уга болад, нааран йовһар ирцхэввидн.</i> [Кукаев А. М. Теегин уужмд]

5.4. Давнопрошедшее время

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
1.	Base + Rem	основа + аффикс давнопрошедшего времени	<i>йов-ла</i>	<i>Аш сүүлднй көвүн күүкн хойрин хурм болх цаг өөрдэж йовла.</i> [Джимбиев А. М. Шиндэ]
2.	Base + Assoc + Rem	основа + аффикс множественности + аффикс давнопрошедшего времени	<i>йов-цха-ла</i>	<i>Гимназьд тогтагдцхасн зокалмудыг тедн таасл уга талдан хаалһар йовцхала.</i> [Амур-Санан А. М. Муудран көвүн]
3.	Base + Caus + Pass + Assoc + Rem	основа + аффикс каузатива + аффикс пассива + аффикс множественности + аффикс давнопрошедшего времени	<i>йов-ул-гд- цха-ла</i>	<i>Энд дамилт авад, кесгнь хэру частьмудар талдан госпитальмудар йовулгдцхала.</i> [Тачиев А. Э. Комиссарин одн]

LINGUISTICS

4.	Base + Caus + Assoc + Rem	основа + аффикс каузатива + аффикс множественности + аффикс давнопрошедшего времени	йов-ул-цха-ла	<i>Теднэ өмнэс зөрүлжэ Буденныг, Ворошиловиг, Городовиковиг, Морозовиг, Зотовиг, Тимошенког, Опанасенког болн талдан чигн тиим үүрмүдиг манахс йовуцхала.</i> [Амур-Санан А. М. Муудран көвүн]
5.	Base + Dur + Rem	основа + аффикс дурагива + аффикс давнопрошедшего времени	йов-эжа-ла	<i>Түрүлэд йирин улс йовэжала, сүүлин өдрмүдт улан цегчнр нүүхэд-нүгшэд йовад бээнэ.</i> [Балакаев А. Г. Залу зөрг]
6.	Base + Recp + Dur + Rem	основа + аффикс реципрока + аффикс дурагива + аффикс давнопрошедшего времени	йов-лд-эжа-ла	<i>Күүнэ назра салдсмүд эврэхэрн терсэ-мерсэхэр күүндэд, уульнисар шилкжэ йовлдэжала.</i> [Инджиев Л. О. Мөңк баһ дүрмүд]
7.	Base + Caus + Pass + Rem	основа + аффикс каузатива + аффикс пассива + аффикс давнопрошедшего времени	йов-ул-гд-ла	<i>Семен Тургин фронтур одла, наадксьн бас үзг-үзгтэн дэн болжсах назрур йовулгдла.</i> [Балакаев А. Г. Буурл теегт]
8.	Base + Compl + Rem	основа + аффикс комплетива + аффикс давнопрошедшего времени	йов-чк-ла	<i>Уурнь деегшэн йовчкла, / Ууһад хартн, — болна.</i> [Каляев С. К. Домг. Хавхг]
9.	Base + Caus + Compl + Rem	основа + аффикс каузатива + аффикс комплетива + аффикс давнопрошедшего времени	йов-ул-чк-ла	<i>Тедниг бичэ сүрдтхэ гихэд, Шорван отрядыг Вадим Петрович ставкур йовулчкла.</i> [Бадмаев А. Б. Зултрһн — теегин ноһан]
10.	Base + Caus + Rem	основа + аффикс каузатива + аффикс давнопрошедшего времени	йов-ул-ла	<i>Милицэс Муутл һарад, Дамбриг һаһцхурнь йовулла.</i> [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
11.	Base + Rem + Per	основа + аффикс давнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	йов-ла-в	<i>Тегэд һурвдгч асхнднь үкр саажэ йовлав.</i> [Бадмаев А. Б. Усна экһ булг]
12.	Base + Compl + Rem + Per	основа + аффикс комплетива + аффикс давнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	йов-чк-ла-в	<i>— Би тиигэн зөвэр һазрт гем уга йовчлав.</i> [Бадмаев А. Б. Тавдгч өдр]
13.	Base + Caus + Compl + Rem + Per	основа + аффикс каузатива + аффикс комплетива + аффикс давнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	йов-ул-чк-ла-в	<i>Маши герүртн йовулчлав...</i> [Буджалов Е. А. Догшн цагин поэм]
14.	Base + Caus + Rem + Per	основа + аффикс каузатива + аффикс давнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	йов-ул-ла-в	<i>Негинь Элдэн Аравкад, үр көвүндэн, Балахтон тал йовулав...</i> [Балакаев А. Г. Нерэдлһн]

15.	Base + Rem + EmpPart	основа + аффикс давнопрошедшего времени + эмфатическая частица	<i>йов-ла-л</i>	— <i>А-а, нам тийм гиһич, хэрнь, дегэд сээхн зүүдн оржэ йовлал</i> нанд. [Тачиев А. Э. Бар жил]
16.	Base + Rem + EmpPart + ConfPart	основа + аффикс давнопрошедшего времени + эмфатическая частица + подтвердительная частица	<i>йов-ла-лм</i>	<i>Арвн хурвн жил болад, төрскн һазртан ирхиг кен медлэ, цөөк хонад гертэн ирхвидн гижэ кесгнь тийгхд санжэ йовлалм.</i> [Манжелеева Р. Ц. Насни туршартан итклтэ]
17.	Base + Rem + ConfPart	основа + аффикс давнопрошедшего времени + подтвердительная частица	<i>йов-ла-хн</i>	<i>Москва, Пиитр талакиан / Мана дөң йовлахн.</i> [Сусеев А. И. Тегин үрн]
18.	Base + Caus + Rem + ConfPart	основа + аффикс давнопрошедшего времени	<i>йов-ул-ла-хн</i>	<i>Мадн чамаг тийгэрэн сурһульд йовуллахн.</i> [Манжилеева Р. Ц. Тачал]
19.	Base + Rem + EmpPart	основа + аффикс давнопрошедшего времени + усилительно- выделительная частица	<i>йов-ла-чн</i>	<i>Чи альд йовлачн?</i> [Бадмаев А. Б. Мукөвүн]
20.	Base + Assoc + Rem + Per	основа + аффикс множественности + аффикс давнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	<i>йов-цха-ла-т</i>	— <i>Тадн альк областя йовцхалат?</i> — <i>гижэ сурв.</i> [Кукаев А. М. Эңкрлж өсксн эkdэн нерэджэнэв]
21.	Base + Caus + Rem + Per	основа + аффикс каузатива + аффикс давнопрошедшего времени + аффикс сказуемости	<i>йов-ул-ла-ч</i>	<i>Цернэн хамаран йовуллач?</i> [Каляев С. К. Өрүн маңһар]

5. Выводы

Таким образом, нами выявлено более 70 моделей грамматики порядков для разных видов индикативных форм на основе корпусного подхода, однако этот список

не носит окончательного характера, поскольку корпус продолжает пополняться новыми материалами, что не исключает возможности выявления неописанных схем.

№	Индикативные формы	Кол-во схем
1.	Настоящее время	23
2.	Продолженное время	7
3.	Недавнопрошедшее время	24
4.	Давнопрошедшее время	21
	Итого:	75

Наибольшее количество словоизменительных моделей имеет форма недавнопрошедшего времени (24), затем следуют формы настоящего времени (23) и давнопрошедшего времени (21). Наименьшее коли-

чество словоизменительных моделей имеет форма продолженного времени (7). На основе выявленных моделей можно определить общий порядок для индикативной формы, который приведен ниже в таблице.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Base	Voice	Voice	Assoc	Aspect	Assoc	Tense	EmpPart	ConfPart	Per	QuaPart	ConfPart
основа	аффикс залога	аффикс залога	аффикс множественности	аффикс вида	аффикс множественности	аффикс индикатива	эмфатическая частица	подтвердительная частица	аффикс сказуемости	вопросительная частица	подтвердительная частица
+	+	+		+		+					
+	+	+		+		+			+		
+	+	+				+					
+	+	+			+	+					
+	+			+		+					
+	+			+		+			+		
+	+					+					
+	+				+	+					
+	+					+			+		
+	+					+					+
+			+	+		+					
+				+		+					
+				+	+	+					
+				+		+	+	+			
+				+		+	+	+	+		
+				+		+			+		
+						+					
+					+	+					
+					+	+	+				
+					+	+	+	+	+		
+					+	+			+		
+					+	+				+	
+						+	+				

+						+	+	+			
+						+	+	+	+		
+						+	+		+		
+						+	+				+
+						+			+		
+						+				+	
+						+			+	+	
+						+			+		+
+						+					+

1. Показатели 2 и 3 в пределах одной словоформы могут встречаться, образуя сложную залоговую форму.

2. Показатели 5 и 4 (6) в пределах одной словоформы могут встречаться, причем показатель глагольной множественности не имеет четкой позиции в словоформе, занимая позицию либо до аффикса вида, либо после него.

3. Если позиция 12 заполнена, то позиции 11, 9, 6, 5, 4, 3 = 0.

4. Если позиция 11 заполнена, то позиции 12, 9, 8, 5, 4, 3, 2 = 0.

5. Если позиция 9 заполнена, то позиции 12, 11, 4, 3 = 0.

6. Если позиция 8 заполнена, то позиция 11 = 0.

7. Если позиция 6 заполнена, то позиция 12 = 0.

8. Если позиция 5 заполнена, то позиции 12, 11, 3, 2 = 0.

9. Если позиция 4 заполнена, то позиции 12, 11, 10, 9, 8, 6, 3, 2 = 0.

10. Если позиция 3 заполнена, то позиции 12, 11, 9, 8, 4 = 0.

11. Позиция 3 не равна нулю при условии заполнения показателя 2.

12. Если позиция 2 заполнена, то позиции 11, 9, 8, 4 = 0.

Аффиксы, обозначающие время, могут присоединяться к первичной и вторичной глагольной основе. Нами выявлено более 70 моделей грамматики порядков для индикативной формы глагола на основе корпусного подхода, однако этот список моделей не носит окончательного характера, поскольку Национальный корпус калмыцкого языка постоянно пополняется новыми текстовыми данными.

Источники

НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://kalmcsoproga.ru> (дата обращения: 15.09.2016).

Литература

Биткеев П. Ц. Образование глагольных основ // Глагол и отглагольные формы современного калмыцкого языка. Элиста: Респ. тип. Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Калмыцкой АССР, 1979. С. 65–88.

Бутаева А. О., Баянова А. Т. Калмыцкие сказки, записанные Г. Й. Рамстедтом: частотность граммем // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 118–123.

Грамматика калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.

Дугарова Г. С. Глагольный вид в современном монгольском языке / отв. ред. В. И. Рассадин. Новосибирск: Наука, СО, 1991а. 120 с.

Дугарова Г. С. Проблема глагольного вида в бурятском языке // Вопросы грамматики монгольских языков / отв. ред. И. Д. Бураев. Новосибирск: Наука, СО, 1991б. С. 78–88.

Илишкин И. К. Залог и виды глаголов в русском и калмыцком языках // Глагол и отглагольные формы современного калмыцкого языка. Элиста: Респ. тип. Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Калмыцкой АССР, 1979. С. 3–22.

Кузьменков Е. А. Глагол в монгольском языке // Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 140 с.

Куканова В. В. Грамматика порядков словоизменяемых аффиксов именных частей речи в калмыцком языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015а. № 2. С. 141–150.

- Куканова В. В. Косвенные наклонения в калмыцком языке: словоизменительные модели (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015б. № 4. С. 109–117.
- Куканова В. В. Словоизменительные модели числительных в свете грамматики порядков в калмыцком языке (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) // Вестник Тувинского государственного университета. № 4: Педагогические науки. 2015в. № 4 (27). С. 130–139.
- Куканова В. В. О Национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Матлы XIII Международной конференции (Уфа, 13–14 сентября 2013 г.). Уфа: [б. и.], 2013. С. 209–212.
- Куканова В. В., Каджиев А. Ю. Алгоритм работы морфологического парсера калмыцкого языка // Писменото наследство и информационните технологии [Текст]: Материали от V международна науч. конф. (Варна, 15–20 септември 2014 г.) / отг. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А.М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 116–119.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 480 с. Серия «Studia philologica».
- Манджикова Б. Б. Глаголы звукоподражания // Глагол и отглагольные формы современного калмыцкого языка. Элиста: Республиканская типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Калмыцкой АССР, 1979. С. 159–167.
- Омакаева Э. У. Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории: Монография. Улан-Батор: [б. и.], 2011. 300 с.
- Павлов Д. А. К вопросу о системе спряжения глаголов калмыцкого языка // Глагол и отглагольные формы современного калмыцкого языка. Элиста: Респ. тип. Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Калмыцкой АССР, 1979. С. 23–38.
- Сай С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред.: С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2009. Т. V, ч. 2). СПб.: Наука, 2009. С. 622–709.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Вост. лит., 1963. 268 с.
- Тувшинтогс Бямбажав. Глагольная лексика монгольского и маньчжурского языков (историко-сопоставительный анализ): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 21 с.
- Харчевникова Р. П. Категория залога: структура залоговых конструкций в современном калмыцком языке // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка / отв. ред. Э. Р. Тенищев. М.; Элиста: [б. и.], 2002. С. 70–89.
- Цыдыпов Ц. Ц. Еще раз об аспектуальности // Вопросы грамматики монгольских языков / отв. ред. И. Д. Бураев. Новосибирск: Наука, СО РАН, 1991. С. 63–77.
- Bybee J. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form (Typological Studies in Language). Amsterdam: John Benjamins, 1985. 246 p.
- Givón T. Historical syntax and synchronic morphology: an archaeologist's field trip // Chicago Linguistic Society. 1971. P. 394–415.

Sources

- NKKYa – *Natsionalnyi korpus kalmytskogo iazyka* [Kalmyk National Corpus]. Available at: <http://kalmcorpora.ru> (accessed: 15 September 2016) (In Kalm.).

References

- Bitkeev P. Ts. *Obrazovanie glagolnykh osnov* [Formation of verb stems]. *Glagol i otglagolnye formy sovremennogo kalmytskogo iazyka* [The verb and deverbatives in modern Kalmyk]. Elista, Department for Printing, Typography and Bookselling (Council of Ministers of the Kalmyk ASSR) Press, 1979, pp. 65–88 (In Russ.).
- Butaeva A. O., Bayanova A. T. *Kalmytskie skazki zapisannye G. J. Ramstedtom: chastotnost grammem* [Kalmyk tales recorded by G. J. Ramstedt: the frequency of grammemes]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2015, No. 4, pp. 118–123 (In Russ.).
- Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk grammar]. Elista, Kalm. Book Publ., 1983, 335 p. (In Russ. and Kalm.).

- Dugarova G. S. *Glagolnyi vid v sovremennom mongolskom iazyke, otv. red. V.I. Rassadin* [The verbal aspect in modern Mongolian. Ed. By V. Rassadin]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991a, 120 p. (In Russ.).
- Dugarova G. S. *Problema glagolnogo vida v buriatskom iazyke* [A problem of the verbal aspect in the Buryat language]. *Voprosy grammatiki mongolskikh iazykov, otv red I.D. Buraev* [Mongolic languages: grammatical questions. Ed. by I. Buraev]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991b, pp. 78–88 (In Russ.).
- Ilishkin I.K. *Zalogi i vidy glagolov v russkom i kalmytskom iazykakh* [Voices and types of verbs in Russian and Kalmyk]. *Glagol i otglagolnye formy sovremennogo kalmytskogo iazyka* [The verb and deverbatives in modern Kalmyk]. Elista, Department for Printing, Typography and Bookselling (Council of Ministers of the Kalmyk ASSR) Press, 1979, pp. 3–22 (In Russ.).
- Kuzmenkov E. A. *Glagol v mongolskom iazyke* [The Mongolian verb]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1984, 140 p. (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Grammatika poriadkov slovoizmenitelnykh affiksov imennykh chastei rechi v kalmytskom iazyke* [Grammar of order of the inflectional affixes of the nominal parts of speech in the Kalmyk language]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2015a, No. 2, pp. 141–150 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Kosvennye nakloneniia v kalmytskom iazyke slovoizmenitelnye modeli na materiale Natsionalnogo korpusa kalmytskogo iazyka* [Indirect moods in the Kalmyk language: inflectional models (based on the National Corpus of the Kalmyk Language)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2015b, No. 4, pp. 109–117 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Slovoizmenitelnye modeli chislitelnykh v svete grammatiki poriadkov v kalmytskom iazyke (na materiale Natsionalnogo korpusa kalmytskogo iazyka)* [Inflectional patterns of numeral adjectives: a perspective from the Kalmyk grammar of orders (evidence from the Kalmyk National Corpus)]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Tuvan State University), Ser. 4 'Pedagogical Sciences', 2015c, No. 4 (27), pp. 130–139 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *O Natsionalnom korpusе kalmytskogo iazyka* [About the Kalmyk National Corpus]. *Aktualnye problemy dialektologii iazykov narodov Rossii. Mat-ly XIII Mezhdunarodnoi konferentsii (Ufa, 13–14 sentiabria 2013 g.)* [Languages of Russia: Topical Issues of Dialectal Studies. Proc. of the 13th Internat. conf. (Ufa, 13–14 Sept. 2013)]. Ufa, 2013, pp. 209–212 (In Russ.).
- Kukanova V. V., Kadzhiev A. Yu. *Algoritm raboty morfologicheskogo parsera kalmytskogo iazyka* [The operation algorithm of the Kalmyk morphological parser]. *Pismenoto nasledstvo i informatsionnye tekhnologii [Tekst]. Materiali ot V mezhdunarodna nauch. Konf. (Varna, 15–20 septemvri 2014 g.)*, otg. red. V.A. Baranov, V. Zheliazkova, A.M. Lavrentev [Written Heritage and Information Technologies. Proc. of the 5th Internat. research conf. (Varna, 15–20 Sept. 2014), ed. by V. Baranov et al.]. Sofia, Izhevsk, 2014, pp. 116–119 (In Russ.).
- Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksii s glagolami dvizheniia i glagolami pozitsii* [A typology for the grammaticalization of constructions containing verbs of motion and position]. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kultury Publ., 2005, 480 p. (In Russ.).
- Mandzhikova B. B. *Glagoly zvukopodrazhaniia* [Onomatopoeic verbs]. *Glagol i otglagolnye formy sovremennogo kalmytskogo iazyka* [The verb and deverbatives in modern Kalmyk]. Elista, Department for Printing, Typography and Bookselling (Council of Ministers of the Kalmyk ASSR) Press, 1979, pp. 159–167 (In Russ.).
- Omakaeva E. U. *Tipologiya modeleobrazuiushchikh chlenov predlozheniia v kalmytskom i mongolskom iazykakh v svete glagolno-aktantnoi teorii. Monografiia* [A typology of pattern-forming parts of the sentence in Kalmyk and Mongolian: a perspective from the verbal-actant theory. A monograph]. Ulaanbaatar, 2011, 300 p. (In Russ. and Mong.).
- Pavlov D. A. *K voprosu o sisteme spriazheniia glagolov kalmytskogo iazyka* [The Kalmyk verb conjugation system revisited]. *Glagol i otglagolnye formy sovremennogo kalmytskogo iazyka* [The verb and deverbatives in modern Kalmyk]. Elista, Department for Printing, Typography and Bookselling (Council of Ministers of the Kalmyk ASSR) Press, 1979, pp. 23–38 (In Russ.).
- Sai S. S. *Grammaticheskii ocherk kalmytskogo iazyka* [A grammatical sketch of the Kalmyk language]. *Issledovaniia po grammatike kalmytskogo iazyka. Red. S. S. Sai,*

- V. V. Baranova, N. V. Serdobolskaia. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN. 2009, t. V, ch. 2* [Studies in Kalmyk grammar. Ed. by S. Sai et al. Transactions of the Institute for Linguistic Studies of the RAS. 2009, vol. 5, part 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 622–709 (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Sravnitelnaia grammatika mongolskikh yazykov. Glagol* [A comparative grammar of Mongolic languages: the verb]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1963, 268 p. (In Russ.).
- Tuvshintogs Biambazhav. *Glagolnaia leksika mongolskogo i manchzhurskogo yazykov: istoriko-sopostavitelnyi analiz; avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Verbial lexis of Mongolian and Manchu languages: a comparative historical analysis. A PhD thesis abstract]. St. Petersburg, 2005, 21 p. (In Russ.).
- Kharchevnikova R. P. *Kategoriia zaloga: struktura zalogovykh konstruktii v sovremennom kalmytskom iazyke* [The category of voice: the structure of voice constructions in modern Kalmyk]. *Voprosy teoreticheskoi grammatiki kalmytskogo iazyka; otv. red. E. R. Tenishchev* [The Kalmyk language: questions of theoretical grammar. Ed. by E. Tenishchev]. Moscow, Elista, 2002, pp. 70–89 (In Russ.).
- Tsydypov Ts.Ts. *Eshche raz ob aspektualnosti* [Another look at aspectuality]. *Voprosy grammatiki mongolskikh iazykov; otv. red. I. D. Buraev* [Grammatical issues of Mongolic languages. Ed. by I. Buraev]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, pp. 63–77 (In Russ.).
- Bybee J. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form (Typological Studies in Language)*. Amsterdam, John Benjamins, 1985, 246 p. (In Eng.).
- Givón T. *Historical syntax and synchronic morphology: an archaeologist's field trip*. Chicago Linguistic Society, 1971, pp. 394–415 (In Eng.).

УДК 81'33

Индикативные формы глагола в свете грамматики порядков (на материале Национального корпуса калмыцкого языка)

Виктория Васильевна Куканова¹

¹ кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий научный центр Российской академии наук. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Аннотация. В статье описывается грамматика порядков словоизменяемых аффиксов индикативных форм глагола. Значимость проведения исследования обусловлена необходимостью классификационного и систематического дескриптивного анализа сочетательных свойств морфемных единиц (в данном случае — основы и аффиксов, аффиксов и аффиксов) в целях синтеза лексических единиц (в широком понимании — словоформ) калмыцкого языка. В ходе анализа материала Национального корпуса калмыцкого языка выявлено более 70 словоизменяемых моделей аффиксов индикативных форм глагола калмыцкого языка.

Ключевые слова: калмыцкий язык, словоизменяемые аффиксы, индикатив, грамматика порядков, автоматический анализ, модели словоизменения

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 28, Is. 6, pp. 34–40, 2016
 DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-34-40
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81'36=512.31

Polypredicative Sentences of the General Following in the Buryat Language: Search of Differentiation Parameters

Nadezhda B. Darzhaeva ¹

¹ Ph. D in Philology, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: dnadezhda@mail.ru

Abstract. The article aims to discover suitable parameters for differentiation of polypredicative sentences of the general following in the Buryat language. This aspect is expressed by four variable postpositive participle constructions to be differentiated. The most difficult point was to find semantic and other parameters that would allow to reveal system relations within a group of meaningfully close constructions (according to traditional descriptions those are full synonyms). The author applies parameters of variation linguistics and diverse semantic parameters to differ between the constructions. Oppositions of variation linguistics are formed on the basis of certain styles and dialects, as well as temporary and social frameworks of use. Semantic oppositions include assessment, norm/aberration, discrepancy of expectations, lexical and grammatical restrictions, reference characteristics (same-subject constructions / different-subject constructions). The search of suitable parameters was carried out primarily within the Buryat language by means of analysis of elements of constructions and contexts of their use. Parameters resulting from analysis of other languages, first of all Russian, as well as data from typological works were checked. The research revealed and identified stylistic, functional and semantic preferences in the use of separate constructions. Firstly, this facilitates learning the language, secondly, drafts a way of development of each construction within this semantic group. A bookish variant of constructions of the general following is the construction with the postposition *udaa*. A semantic opposition as per time of the two events was revealed between the central constructions with the postpositions *yiiilde* and *yiiileer* (in case of a postposition in the instrumental case the time interval gets extended). Another construction of the type with the postposition *yoyno* used to express a measure of time in a dependent part (other constructions are impossible) nowadays also successfully competes with the postposition *yiiilde* but differs from the latter by its predominantly different-subject implementation.

Keywords: syntax of the Buryat language, variation linguistics, differentiation of variable constructions

Язык — постоянно развивающаяся, изменяющаяся система, которая в ходе эволюции как приобретает новые грамматические формы, так и отбрасывает ненужные, изжившие себя элементы. Поскольку эти два процесса занимают довольно длительные промежутки времени, на определенном этапе развития языка мы становимся свидетелями как

появляющихся, так и отмирающих форм. Такие внешние (экстралингвистические) факторы, как диалектное заимствование и стилевая дистрибуция языковых форм, также приводят к возникновению избыточных формальных средств. «Вариативность как языковое явление демонстрирует языковую избыточность, которая вместе с тем необхо-

дима языку. Будучи следствием языковой эволюции, вариантность становится почвой для дальнейшего развития языка. Избыточность формы — естественное состояние языка, показатель его жизнеспособности и динамичности. Более того, не всякая вариантность средств языкового выражения избыточна. Она становится таковой только тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки — ни информационной, ни функциональной» [Хун 2007].

Об избыточной синонимии конструкций М. И. Черемисина писала, «...что при несомненной тенденции к дифференциации форм без помощи „со стороны“, без содействия синтаксического описания, содержащего достаточно четкие предписания, языку могут потребоваться десятилетия, чтобы эти конструкции четко противопоставились в сознании носителей языка как выражающие близкие, но разные отношения» [Черемисина 2002: 216–217].

Такое формальное разнообразие, с одной стороны, несомненно, обогащает речь, а с другой стороны, приводит к необходимости его разграничения. Как показывает опыт сибирских ученых и наш опыт, обращение к квалифицированным информантам — учителям, творческим работникам — как правило, не вносит ясности в дифференциацию близких, но не тождественных по смыслу полипредикативных конструкций. Информанты либо затрудняются сформулировать различие, либо не видят его вообще. Мы попытаемся провести в этой работе дифференциацию таких конструкций бурятского языка (на примере конструкций общего следования) с позиций вариативной лингвистики и поиска соответствующих семантических оппозиций.

Теория вариативности языковых средств хорошо разработана как в нашей стране, так и за рубежом. Отечественные исследователи изучали проблемы вариативной лингвистики как на материале русского, так и иностранных языков (Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский, Р. П. Рогожникова, Н. Ф. Молчанова, Л. К. Граудина, К. С. Горбачевич, В. М. Солнцев, М. А. Бородин и др.). Ими была разработана теория инварианта / варианта и были предложены различные классификации видов вариативности: грамматических и семантических вариантов. Зарубежные исследователи (Ж. Берруто, Ж. Кабатек, П. Кох, Г. Волкер, Ф. Гадэ, А. Дюфтер, Э. Старк) также уделяли доста-

точное внимание проблеме вариативности языковых форм, выделяя следующие ее виды: «1) территориальный или географический (соотношение литературного (стандартного) языка и диалектов) — диатопический вид вариативности; 2) социальный (соотношение стандартного языка и социолектов) — диастратический вид вариативности; 3) исторический — диахронический вид вариативности; 4) стилистический и ситуативный — диафазический вид вариативности; 5) различие между употреблениями вариантных форм в устной и письменной речи — диамезический вид вариативности» [Лукина 2014: 9]. Они также признают необходимость комплексного изучения вариативных форм с учетом социальных, временных, диалектных и стилистических факторов.

В своей статье Т. Н. Хомутова [2005: 28–29] подробно описала 4 модели языковой вариативности: инвариантно-вариантная модель (парадигматическая), константно-вариантная модель (синтагматическая), модель «лингвистической переменной» американского лингвиста У. Лабова и теорию прототипа. В инвариантно-вариантной модели конкретные речевые реализации языковых единиц (варианты) противопоставляются некоему обобщенному образцу (инварианту). В константно-вариантной модели рассматриваются константные и вариантные признаки речевых реализаций языковых единиц (вариантов). В модели У. Лабова переменная характеризуется как набор вариантов, которые получают речевую реализацию в зависимости от лингвистического и социального контекста. Теория прототипа «предполагает функцию эталона, воздействующего на другие, непрототипические, варианты. Наиболее типичные варианты могут рассматриваться как прототипы тех или иных категорий» [Хомутова 2005: 28–29].

Автор также выделяет три основных типа варьирования: формальное, семантическое и функциональное. При первом типе наблюдается варьирование плана выражения при неизменности плана содержания, при семантическом — наоборот, варьирование плана содержания при неизменности плана выражения. Варьирование функции при неизменности планов выражения и содержания относится к третьему типу.

Нами исследуется полипредикативная конструкция (далее — ППК), родовой тер-

мин, объединяющий понятия «собственно сложное предложение» и «простое, осложненное оборотом». В бурятском, как и в других алтайских языках, крайне нетипичны сложные предложения, состоящие из двух финитных предложений, соединенных союзами. Финитное сказуемое представлено обычно только в главной части (главная предикативная единица (далее — ГПЕ)), а зависимая часть (далее — ЗПЕ) оформляется инфинитивной формой — причастием, деепричастием и др., т. е. сложная конструкция является монофинитной. Тем не менее, выражаемые ими отношения практически такие же, что и, например, у русских сложных предложений. Общее родовое именование позволяет описывать все сложные конструкции одного языка как единую систему, показывая и их формальные различия, и семантические отношения между ними.

Бурятский язык, как и другие монгольские, а также тюркские языки, характеризуется наличием большого количества обстоятельственных конструкций, в том числе разноструктурных, выражающих одно и то же семантическое отношение между двумя событиями. «Эта система чрезвычайно богата; хотя нам не всегда удавалось выявить смысловые отличия между конструкциями, но, с одной стороны, это задача для дальнейших исследований, с другой же стороны, это может быть синхронным варьированием, задающим основу для дальнейшего развития системы (см. [Givon 2015])» [Скрибник, Даржаева 2016: 295].

Теоретическая проблема исследования заключается в поиске соответствующих семантических и экстралингвистических оппозиций между синхронными вариантами. Параметры разграничения синтаксических вариантов разделяются на две группы: 1) параметры вариации, разработанные вариативной лингвистикой (временной, пространственный, социальный); 2) семантические параметры. Первая группа характеризуется тем, что признаки той или иной вариации лежат на поверхности, и лингвисту обычно не составляет особого труда определить их. Список параметров вариативной лингвистики: принадлежность к письменной / разговорной речи, определенному жанру, диалекту, социальной группе, архаизм / неологизм.

Поиск же семантических оппозиций — более углубленный, с привлечением

большого материала относительно употребления конкретной конструкции, проведения трансформационного анализа путем подмены синонимичных конструкций. В некоторых случаях семантические оппозиции заимствуются из русского языка и, по возможности, из других языков. В отличие от первой группы параметров, семантические параметры меняются от одной семантической группы конструкций к другой, поэтому для каждой группы конструкций ведется свой поиск оппозиций. Список основных параметров второй группы: оценка (положительная / отрицательная, качественная / количественная), норма / отклонение от нормы, лексико-грамматические ограничения на наполнение конструкции, принципиальная монособъектность / разносубъектность, несоответствие ожиданиям, дополнительное акцентирование выражаемого значения.

Порядок описания сводится к следующему: сначала мы проверяем конструкции, относящиеся к семантической группе общего следования, на соответствие параметрам вариативной лингвистики, затем оставшиеся в ядре конструкции противопоставляем по семантическим оппозициям. Материалом исследования послужили примеры из художественных произведений бурятских авторов в печатном исполнении, а также размещенные в Корпусе бурятского языка [КБЯ].

В работе описываются языковые модели как принципиальные схемы построения фраз одной синтаксической семантики, базирующиеся на общих структурных и семантических характеристиках множества конкретных речевых примеров. Для записи моделей используется слегка модифицированная система символов и обозначений, разработанная Новосибирской синтаксической школой и представленная в коллективной монографии «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» [1986].

В семантическую группу общего следования входят причастно-падежная конструкция на *-xA-дA*, деепричастные конструкции с формами *-жA*, *-AAд*, и четыре причастно-послеложные конструкции с послелогами *-удаа*, *-һүүлдэ*, *-һүүлээр*, *-хойно*. Первые три конструкции являются многозначными, значение общего следования для них — одно из выражаемых значений, поэтому здесь рассматриваться не будут.

Итак, в специализированной группе общего следования мы имеем 4 вариативные конструкции:

V-hAn-ай-POSS удаа

‘после того как’

V-hAn-ай-POSS һүүлдэ

‘после того как’

V-hAn-ай-POSS һүүлээр

‘после того как’

V-hAn хойно-POSS

‘после того как’

В этих конструкциях интервал между событиями специально не акцентируется, отсюда и название группы. Все четыре конструкции причастно-последложные: с

(1) *удаан шэнжэлэ-н хара-хан-ай-нгаа удаа тэрэ*

Долго изучать-cvb смотреть-рс.pst-gen-refl pstr тот

хүн ород-оор хэл-ээд мордо-шо-бо

человек русский-ins говорить-cvb ехать-intens-pst [3sg/pl]

‘Тот человек после того, как изучающе посмотрел, сказал что-то по-русски и уехал’ [КБЯ: С. Цырендоржиев «Шулуун хадын хоймрто» 1985].

Остальные три конструкции составляют ядро значения общего следования, и для их дифференциации потребуется более глубокий семантический анализ. Поскольку конструкции формально различаются между собой входящими в их состав послелогоми, прежде всего будут анализироваться расхождения в их семантике.

Послелоги *һүүл-дэ* и *һүүл-ээр* образованы от слова *һүүл* ‘конец’ с помощью разных падежных аффиксов и дополнительно подчеркивают полную завершенность зависимого события. Семантическое отличие между этой парой послелогов определить

(2) *Нилээд удаан асуу-хан-ай һүүл-дэ протокол-оо*

Очень долго спрашивать-рс.pst-gen pstr протокол-refl

униша-на

читать-prs [3sg]

‘После того, как очень долго расспрашивал, читает протокол’ [КБЯ: Ц. Дон «Брынзынсанха» 1935].

(3) *Нилээд удаан асуу-хан-ай һүүл-ээр протокол-оо*

Очень долго спрашивать-рс.pst-gen pstr протокол-refl

униша-на

читать-prs [3sg]

‘После того, как очень долго расспрашивал, (не сразу) читает протокол’.

Другой специализированный послелог общего следования — *хойно* ‘после’ — демонстрирует существенные изменения в употреблении за последние сто лет. Например, в произведениях Х. Намсараева он встречается вдвое реже, чем послелоги

причастием прошедшего времени на *-hAn* (*A*-сингармоничные варианты) в родительном падеже (кроме конструкции с послелогом *хойно*).

Прежде всего, ориентируясь на параметры вариативной лингвистики, проверим их на диалектную и стилевую принадлежность, а также архаичность.

Наши наблюдения показали, что послелог *удаа* используется исключительно в текстах, в устной речи почти не употребляется; по-видимому, он носит книжный характер. Благодаря исходной семантике этого послелога (>*удаан* ‘долго’), во фразах описываются отношения общего следования:

очень трудно, но мы склоняемся к версии, что с послелогом в форме орудного падежа контакт между событиями менее тесный, например, сравним в простом предложении: *Суглаанай һүүл-ээр уулзуужабди* ‘Давай встретимся (не сразу) после собрания’ и *Суглаанай һүүл-дэ уулзуужабди* ‘Давай встретимся после собрания’. Различие, видимо, задаётся исходной семантикой падежей: дательно-местный указывает обычно на точечную локализованность (‘на’, ‘в’ и т. д.), а орудный — на протяженность (‘вдоль’). Сравним:

һүүлдэ и *һүүлээр*, причем специализированно в значении временной локализации события главной части в системе общезначимых временных координат; зависимая часть называет такие координаты — временные отрезки, фазы природных циклов и жиз-

ненного цикла людей (*нэгэ һара үнгэр-һэн хойно* ‘месяц спустя; после того, как прошел месяц’; *нэгэ хэды боло-һон хойно* ‘спу- стя некоторое время’; *удаан боло-һон хойно* ‘спустя много времени’; *үүр сай-һан хойно* ‘после того, как забелел рассвет’ и т. п.).

Примеры:

(4) *Хэдэн хоно-һон-ой хойно Сайнсаг ноён*

Несколько ночевать-рс.pst-gen pstr С. нойон

хүбүүн-ээр-ээ буса-жа ерэ-хэ-д-ээ...

сын-ins-refl возвращаться-cvb приходиться-рс.fut-dat-refl

‘Через несколько суток нойон Сайнсаг, вместе с сыном вернувшись...’ [КБЯ: ХН 1, 172].

Это значение сохраняется и в современ- ном языке:

(5) *...үдэр боло-һон хойно наблюдательна пункт*

День становится-рс.pst pstr наблюдательный пункт

тээшээ яб-аа-д һэн

pstr идти-рс.prs-pl pcl [3]

‘После того, как наступил день, ушли на наблюдательный пункт’ [КБЯ: Ж. Тумунов «Нойрһоо һэриһэн тала» 1949].

(6) *Би-шье үбгэр-һэн хойн-оо уу-даг, тамхи-шье*

Я-pcl стареть-рс.pst pstr-refl пить-рс.hab табак-pcl

тата-даг бол-оо-б

курить-рс.hab aux-рс.prs-1sg

‘И я, после того как постарел, стал пить и курить’ [КБЯ: Дамб. 75].

Однако в современном литературном языке послелог *хойно* стал конкурировать с *һүүлдэ* и *һүүлээр* в выражении следования двух информативно равнозначных событий

(а не временной координаты и информативно значимого события). Более того, сегодня это чрезвычайно частотная конструкция, как в устной, так и письменной речи:

(7) *Тэдэ хоёр-ой гэр-тэ оро-һон хойно Ефим*

Они два-gen дом-dat входить-рс.pst pstr Е.

һуури-һаа бодо-бо

место-abl вставать-pst [3sg/pl]

‘После того как эти двое зашли в дом, Ефим встал с места’ [КБЯ: С. Цырендоржиев «Шулуун хадын хойморто» 1985].

Поиск семантических оппозиций между конструкциями с *хойно* и *һүүлдэ* / *һүүлээр* не дал результатов. Но был обнаружен референтный критерий: подавляющее большинство конструкций с *хойно* является разносубъектными.

Итак, стилистическим вариантом конструкций общего следования является конструкция с послелогом *удаа*. Между центральными конструкциями с послелогом *һүүлдэ* и *һүүлээр* найдена семантическая оппозиция по характеру контакта во времени двух событий (с послелогом в форме орудного падежа временной интервал растянут). Другая конструкция из этой зоны с послелогом *хойно*, специализированная на выражении меры времени в зависимой части (другие конструкции невозможны), также успешно конкурирует сегодня с послелогом *һүүлдэ*, однако отличается от последней преимущественной разносубъектной реализацией.

Источники

КБЯ — Корпус бурятского языка [электронный ресурс] // URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 21.09.2014).

Литература

Лукина А. Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика». 2014. Т. 11. № 1. С. 7–11.

Русская грамматика Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1982. 709 с.

Скрибник Е. К., Даржаева Н. В. Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Т. I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 315 с.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 195 с.

Хомутова Т. Н. Теория языковой вариативности: социолингвистический аспект // Вест-

- ник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика». 2005. Вып. 2. № 11. С. 28–34.
- Хун С. И. Вариативность паремических единиц: прагмалингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007 [электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/variativnost-paremicheskikh-edinit-pragmalingvisticheskii-aspekt#ixzz3pwGB5Raf> (дата обращения: 07.09.2016).
- Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 252 с.
- Givón T. *The Diachrony of Grammar*. Amsterdam: J. Benjamins, 2015. 928 p.
- Labov W. Introduction // *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. XVIII–XVIII.
- Sources**
- КБЯ — *Korpus buryatskogo yazyka* [Buryat National Corpus]. Available at: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (accessed: 21 September 2014) (In Bur.).
- References**
- Lukina A. E. *Ponyatie «yazykovoy variativnosti» v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvisticheskoy traditsii* [Concept of variability in Russian and world linguistics]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Lingvistika»* [Bulletin of the South Ural State University. Series 'Linguistics'], 2014, vol. 11, No. 1, pp. 7–11 (In Russ.).
- Russkaya grammatika T. II. *Sintaksis* [Russian grammar. Vol. II. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 709 p. (In Russ.).
- Skrjbnik E. K. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo (polipredikativnogo) predlozheniya. T. I* [Grammar of the Buryat language. The compound sentence: syntax. Vol. 1]. Ulan-Ude, Bur. Scientific Center (of the Siberian Branch of the RAS) Press, 2016, 315 p. (In Russ. and Bur.).
- Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy v yazykakh raznykh system* [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 195 p. (In Russ.).
- Khomutova T. N. *Teoriya yazykovoy variativnosti: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [The theory of linguistic variability: sociolinguistic aspect]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Lingvistika»* [Bulletin of the South Ural State University. Series 'Linguistics'], 2005, iss. 2, No. 11, pp. 28–34 (In Russ.).
- Khun S. I. *Variativnost' paremicheskikh edinit: pragmalingvisticheskiy aspekt: Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk* [Variability of paremical units... A Ph. D. thesis abstract]. Krasnodar, 2007. Available at: <http://www.dissercat.com/content/variativnost-paremicheskikh-edinit-pragmalingvisticheskii-aspekt#ixzz3pwGB5Raf> (accessed: 7 September 2016) (In Russ.).
- Cheremisina M. I. *Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke* [Language and its reflection in linguistic studies]. Novosibirsk, Novosib. State Univ. Press, 2002, 252 p. (In Russ.).
- Givón T. *The Diachrony of Grammar*. Amsterdam, J. Benjamins Publ., 2015, 928 p. (In Eng.).
- Labov W. Introduction // *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. XVIII–XVIII.

Поиск параметров дифференциации полипредикативных конструкций общего следования в бурятском языке

Надежда Баировна Даржаева¹

¹ старший научный сотрудник, отдел языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: dnadezhda@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена поиску подходящих параметров для дифференциации близких по смыслу полипредикативных конструкций общего следования в бурятском языке. Это значение выражают четыре вариативные причастно-последложные конструкции, между которыми проводится разграничение. Трудность заключалась в поиске семантических и иных параметров, позволяющих выявить системные отношения в группе близких по значению конструкций (в традиционных описаниях они представлены как полные синонимы). Автор использует для разграничения конструкций параметры вариативной лингвистики и различные семантические параметры. Оппозиции вариативной лингвистики выстраиваются на основе стилевой и диалектной принадлежности, а также временной и социальной рамок использования. Семантические оппозиции включают оценку, норму / отклонение от нормы, несоответствие ожиданиям, лексико-грамматические ограничения, референтные характеристики (моносубъектность / разносубъектность). Поиск подходящих параметров осуществлялся в первую очередь внутри бурятского языка путем анализа, во-первых, составляющих элементов конструкции, во-вторых, контекста её употребления. Проверялись также параметры, полученные при анализе других языков, прежде всего русского, а также данные из типологических работ. В результате исследования выявляются и фиксируются стилевые, функциональные, семантические предпочтения в употреблении той или иной конструкции, что, во-первых, облегчает изучение языка, во-вторых, намечает путь развития каждой конструкции в этой семантической группе. Книжным вариантом конструкций общего следования является конструкция с послелогом *удаа*. Между центральными конструкциями с послелогом *һүүлдэ* и *һүүлээр* найдена семантическая оппозиция по характеру контакта во времени двух событий (с послелогом в форме орудного падежа временной интервал растянут). Другая конструкция из этой зоны с послелогом *хойно*, специализированная на выражении меры времени в зависимой части (другие конструкции невозможны), также успешно конкурирует сегодня с послелогом *һүүлдэ*, однако отличается от последней преимущественной разносубъектной реализацией.

Ключевые слова: синтаксис бурятского языка, вариативная лингвистика, дифференциация вариативных конструкций.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 28, Is. 6, pp. 41–47, 2016
 DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-41-47
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37)

Old Written Kalmyk: the Category of Number. Nouns

Evgeniy V. Bembeev¹, Tsagan D. Mandzhieva²

¹ Ph. D. in Philology, Senior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: galdma@yandex.ru

² Laboratory Assistant, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru

Abstract. The article examines the grammatical category of number (forms of the plural) in Old Written Kalmyk. In Old Written Kalmyk the category was represented by two grammatical meanings: 1) the singular and 2) the plural. Nouns in the singular have a zero ending while in the plural there are a number of grammatical forms constituted by means of special formants. Nouns of Old Written Kalmyk have the categories of case, number and may also contain indicators of the possessive. Indicators of the categories get joined to the noun stem in strict order: an indicator of the plural comes first and is followed by a case suffix which, in turn, is followed by a possessive suffix that sometimes makes an integral unit with the case suffix.

Ever since the emergence of Mongol studies, the category of number has been dealt with according to the ‘the singular — the plural’ scheme inherent to the Indo-European languages. In Old Mongolian, the category of number (the plural) was widely developed and, thus, was regular enough. The ‘contingent of nouns’ that could take plural forms was far larger than in present-day languages. G. Sanzheev noted that ‘in Mongolian languages those were special suffixes determined by corresponding ending phonemes of singular noun stems that served to express the category of the plural’. In Old Written Kalmyk, the indicators of the plural are as follows: *-d, -s, -muud / -müüd / -muus, -noγoud / -nögüüd, -nar / -ner, -oud / -uud / -üüd, -coud / -coud / -cuud / -cüüd / -čiud, -tan / -ten*. In most cases noun stems coincide with singular nominative forms, except for nouns with the ending ‘unstable *-n*’ in the singular. The latter form the plural by means of the suffix *-d* and *-n* disappears. Thus, the choice of an indicator of the plural in Old Written Kalmyk largely depends upon the stem ending and the semantics of the noun. E. g., plural forms of nouns ending in vowels develop by means of the suffix *-s*. The semantic factor proves crucial for application of the suffix *-nar / -ner* since it can join only stems of nouns denoting people and professions.

In Old Written Kalmyk, there was a trend of adding explicit indicators of the plural which signifies quite a low level of grammatization for the category of number. Weakening of the meaning of the plural resulted in the emergence of compound plural formants *-doud* (*-d* and *-oud* put together) or *-s* and *-noγoud*.

Keywords: early texts, Old Written Kalmyk, singular, plural, case paradigm, noun

С момента зарождения монголове-
 ния вопрос о категории числа продолжает
 оставаться одним из актуальных вопросов
 грамматики монгольских языков. Катего-
 рия числа рассматривалась по принятой

для индоевропейских языков схеме «един-
 ственное число — множественное число»,
 начиная с выхода в свет первой грамматики
 монгольского языка Я. Шмидта [1831]. На
 основе этой схемы грамматическое число

основы имени представлено в таких известных трудах XIX в. по монгольским языкам, как «Краткая грамматика монгольского книжного языка» [1835] О. М. Ковалевского, «Грамматика калмыцкого языка» [1847] А. В. Попова, «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» [1849] А. А. Бобровникова. Между тем, агглютинативным языкам, в том числе и монгольским, присущи свои характерные особенности категории множественности. Еще в середине XIX в. А. А. Бобровников отметил, что «иногда не множественное число происходило от единственного, а единственное число от множественного, иногда и множественное, и единственное числа произошли, кажется, от корня, который в отношении числа был безразличен, например, сличая слова монг. *нөкүр* ‘друг’, *нөкүд* ‘друзья’ и *нөкүчүкү* ‘дружиться’, можно заключить, что корень был *нөкү-*. Для слова *модун* ‘дерево’ и *модуд* ‘деревья’, находим корень в древнем слове *мод-* ‘деревья’, для слов *аран* ‘человек’ (неупотребительное) и *арад* люди находим у бурят корень *ар* ‘человек’ [Бобровников 1849: 87].

Г. Д. Санжеев, описывая категорию числа в своей фундаментальной работе «Сравнительная грамматика монгольских языков», отмечает, что «в монгольских языках наиболее распространённым средством выражения категории множественного числа и множественности являются специальные суффиксы, употребление которых регулируется главным образом характером конечных звуков основы единственного числа» [Санжеев 1953: 127]. Вместе с тем при выделении значений множественности Г. Д. Санжеев выдвинул мысль об индифферентности основы имени монгольских языков к числу, которая в последующем нашла отражение в работах монголоведов более позднего времени [Цыдендамбаев 1979: 25].

Как известно, агглютинативные языки предполагают строгий порядок присоединения словоизменительных аффиксов и частиц к основе слова. Имена существительные старописьменного калмыцкого языка имеют категории падежа, числа, а также могут присоединять показатели притяжания. Показатели этих грамматических категорий присоединяются к основе существительного в строгом порядке: первым — показатель множественного числа, к нему присоединяется суффикс падежа и затем притяжательный суффикс, который иногда сливает-

ся с суффиксом падежа в одно целое. Для современного калмыцкого языка правила морфонологических изменений на стыке основы и аффиксов, а также двух аффиксов вырабатываются с учетом реализуемого порядка аффиксов. Но необходимо отметить, что старописьменная и современные (письменная и устная) формы калмыцкого языка отличаются друг от друга. Поэтому словоизменительные типы, разработанные на материале современного калмыцкого языка, не могут быть применены для разбора «ранних» текстов. В данной статье мы хотим рассмотреть категорию числа имен существительных старописьменного калмыцкого языка.

Как отмечают некоторые исследователи, в древнемонгольском языке категория множественности была широко развита и обладала регулярным характером. «Контингент имен», способных принимать множественное число, был неизмеримо обширнее, чем в современных языках [Козин 1946: 125]. Кроме того, в нем наблюдается формальное согласование в числе даже при именах. Постепенно этот способ синтаксической связи, ослабляясь, стал исчезать и сохранился «в виде архаизма и реликтов в составе отдельных атрибутивных конструкций» [Пюрбеев 1987: 119]. Помимо этого, использовался и «комбинированный способ выражения множественности», заключающийся в следующем: множественность определяемого компонента передается аффиксом, а определяющего компонента — синтаксически, т. е. сочетанием имени в родительном падеже с его основой [Пюрбеев 1992: 89], например в «Сарын герел»: *отоq отогийин зайсанq демечи ноууди* ‘зайсанги и дэмчи каждого из оток’ [НККЯ: Сарын герл 10a].

Как отмечает Б. В. Бадмаев, «к концу XVII в., по крайней мере в ойратском, вероятно, произошел значительный сдвиг в сторону рассогласования, т. е. теперь количественную характеристику может содержать либо определение, либо определяемое» [Бадмаев 2001: 15]. Категория числа на материале письменных памятников калмыцкого и ойратского языков рассмотрена в работах С. М. Трофимовой [1999], Б. В. Бадмаева [2000; 2001; 2012], Д. Б. Гедеевой [2013], Д. А. Сусеевой [2011]. В старописьменном калмыцком языке данная категория представлена двумя грамматическими значениями: 1) единственное число и 2) множественное число. Имена существительные

в единственном числе имеют нулевое окончание, а во множественном — материально выраженные формы множественного числа, образованные с помощью специальных формантов.

Средствами выражения категории множественности в старописьменном калмыцком языке являются следующие показатели: *-d, -s, -muud / -müüd / -muus, -noyoud / -nögüüd, -nar / -ner, -oud / -uud / -üüd, -coud / -coud / -cuud / -cüüd / -ëiud, -tan / -ten*.

1) Показатель множественного числа *-d* является одним из довольно часто употребляемых в памятниках старокалмыцкого языка. Он присоединяется к основе имен, оканчивающихся на *-n*, который при этом выпадает, например: *teme:n* ‘верблюд’ — *teme:d* ‘верблюды’, *noyon* ‘нойон’ — *noyod / noyad* ‘нойоны’, *gegen* ‘светлейший (вежливое обращение)’ — *geged* ‘светлейшие’, *burqan* ‘будда’ — *burqad* ‘будды’, *aguursun* ‘имущество’ — *aguursud* ‘имущества’.

2) Формант *-s* зарегистрирован в следующих случаях, например: *süme* ‘монастырь’ — *sümes-tü* ‘вин. п. в монастырях’, *уштан* ‘вещь, предмет’ — *уштанас* ‘вещи, предметы’. С помощью *-s* оформляется значение множественности от слова *de:dü* ‘верхний’, которое приобретает значение субстантива, изменяясь по падежам: *de:düs* ‘небожители’, *de:düstü* ‘дат. п. небожителям’, *de:düsüin* ‘род. п. небожителей’. Примечателен тот факт, что суффикс *-s*, по мнению исследователя Л. Н. Рудова, «являясь одним из самых древних показателей множественности монгольских языков», совершенно не употребителен в современном бурятском языке [Рудов 1963: 87], а по определению Г. Д. Санжеева, этот аффикс — «исчезающий и редко употребительный» даже для халхаского наречия [Санжеев: 1953: 132]. В то время в современном калмыцком языке он, напротив, является одним из самых продуктивных формантов множественного числа.

3) Показатель множественного числа — *muud / -müüd* восходит к древнему форманту *-nyoud*, названный А. Поповым «отдельной частицей» с функцией усиления значения множественного числа [Попов 1847: 48–49]. Например: *ayil* ‘селение’ — *ayilmuud* ‘селения’, *kiyid* ‘монастырь’ — *kiyidmüüd* ‘монастыри’. В современном монгольском и бурятском языках ему соответствуют показатели *-nuud / -nüüd*. В некоторых случаях встречается употребление показателя

множественности *-muus*, единичный случай употребления которого отмечен в слове *gol* ‘река’ — *golmuus* ‘реки» [НККЯ: Хождение 78] (скорее всего это разговорный вариант форманта *-muud*).

Вместе с тем в ранних текстах зарегистрированы случаи употребления показателя множественности *-nuguud / -noyoud*, например: *Siri nogoudi urid aciulji ilgegsen...* ‘Шкуры / кожу / погрузили и отправили раньше’ [НККЯ: Сарын герл 126]; *yucin teme:n, yurban zoun aqta -noyoudi örgübei* ‘Поднесли 30 верблюдов, 300 коней’ [НККЯ: Сарын герл 17a]; *Debisker, tüsilge, zanci, ger, unulya, acilya noyoudi xayirlabai* ‘Подарил подстилку, кресло, накидку, юрту, верховую / лошадь / и / лошадь / для перевозки выюка’ [НККЯ: Сарын герл 12a]; *Ta nuguud zamdu amur sayin irebüü* ‘Все вы благополучно ли дошли?’ [НККЯ: Хождение 79].

Как отмечает Б. В. Бадмаев, «функциональное значение показателя *-noyoud* выходит за рамки простого суффикса множественного числа. Его универсальность наводит на мысль о некогда существовавшем в монгольских языках лексически полнозначном самостоятельном элементе» [Бадмаев 2000: 110]. По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, «*-nyud* (или *-nud*) и *-ud* обозначают более значительное (или неограниченное) множество» [Цыдендамбаев 1972: 337].

В памятниках письменности XIX в. зафиксирован сингармонический вариант этого форманта — *nögüüd*, который возник, как нам представляется, в старописьменном калмыцком языке XVIII в., так как в письменных памятниках ойратского языка XVII в. «он не имеет сингармонических вариантов» [Яхонтова 1996: 42], например: *Kölgön kümüsün nögüüd beledeser bayitala* ‘До тех пор пока всё готовили — и средства передвижения, и провианты...’ [Хождение 113]. Как отмечают исследователи памятников письменности XVII в., показатель *-nuguud* является «наиболее универсальным и частым» [Яхонтова 1996: 42; Бадмаев 2001: 87]. Между тем нами зафиксировано, что в памятниках письменности XIX в. случаи употребления данного показателя множественного числа крайне редки. Таким образом можно сделать вывод, что к концу XIX столетия он уже вышел из широкого употребления как в разговорном, так и письменном языке, что привело к его субституции другими более активными аффиксами.

Также имеет место употребление аффикса *-noyoud* после основ, оформленных аффиксами множественного числа *-nar*, *-tan*, *-s*: *Sayin xubitan-noyoudiyin sedkil xanyan...* ‘Удовлетворив души обладающих счастливой судьбой’ [НККЯ: Сарын герл 12a]; *bogdos-noyoudiyin xubcasun* ‘одевание святых’ [НККЯ: Сарын герл 28a]. Таким образом, можно отметить, что аффикс *-noyoud*, так же как и *-oud*, периодически появляющийся в текстах памятников после основ, оформленных суффиксом множественного числа *-d* (*sayid* — *sayidoud*, *noyod* — *noyodoud*), могли быть составной частью двойных суффиксов множественного числа. Как отмечает известный тюрколог Г. В. Благова, многим агглютинативным языкам свойственна тенденция наращивания дополнительного показателя множественности, что является их типологической особенностью [Благова 1971: 361]. Нам представляется верным предположение профессора Ц. Б. Цыдендамбаева, отметившего, что «ослабление значения множественности имен и в связи с этим необходимость усиления его путем удвоения показателей, по-видимому, обусловило появление составных показателей множественности» [Цыдендамбаев 1972: 337].

Иной точки зрения придерживался известный монголист Н. Н. Поппе. Он предполагал, что в одном из прошлых состояний монгольского языка *-nar*, *-d*, *-s* являлись прежде всего не суффиксами множественного числа, а словообразовательными формантами, обозначающими группы, коллективы, причем преимущественно социальные группы. Отдельные индивиды, входящие в эти социальные группы, тоже обозначались этими же формантами. Он считал, что это объясняет употребление двойных суффиксов множественного числа (*noyo(n)-d-oud* ‘нойоны, владельцы’, *ka:-nar-muud* ‘телохранители’), где «второй формант является действительно формантом множественного числа» [Поппе 1933: 66].

4) Показатель *-nar* / *-ner* получают имена, обозначающие людей, их профессии, специальность. Этот суффикс Г. Д. Санжеев относил к числу «специализированных показателей множественности» [Санжеев 1953: 132]. Существует мнение, что он является древнейшим заимствованием тюркского суффикса *-lar*, который вследствие перехода инициального *l* в *n* в монгольских языках был адаптирован в виде *-nar* [Год-

зиньски 1985: 42]. Например: *üyileči* ‘дело-производитель’ — *üyilečinar* ‘делопроизводители’, *šabi* ‘ученик-послушник’ — *šabinar* ‘ученики-послушники’, *tayiži* ‘дворянин’ — *tayižinar* ‘дворяне, дворянство’, *blama* ‘лама’ — *blamanar* ‘ламы’, *bara: bologči* ‘сопровождающее лицо’ — *bara: bologčinar* ‘свита, сопровождающие лица’, *mörgölči* ‘богомалец, паломник’ — *mörgölčina:r* ‘богомольцы, паломники’, *ula:či* ‘ямщик, возничий’ — *ula:činar* ‘ямщики, возничие’. Однако встречается и форма *sümener* ‘храмы, кумирни’ от *süme* ‘храм, кумирня’.

5) В нескольких случаях зафиксирован показатель множественности *-uud* / *-üüid*, например: *bayišing* ‘здание’ — *bayišingyuud* ‘здания’, *soyibung* ‘сойбун’ — *soyibungyuud* ‘сойбуны (ламы, заведующие личным штатом)’, *üzüg* ‘буква’ — *üzügüüd* ‘буквы’, *dacang* ‘молельня, храм’ — *dacangyuud* ‘молельни, храмы’.

6) При образовании множественного числа имеет место употребление сингармонических вариантов показателя *-cuud* / *-cüüd* / *-čiud*, которые, присоединяясь к основам имен прилагательных и иногда существительных, образуют собирательные имена, обозначающие людей. Например: *monggol* ‘монгол’ — *monggolcuud*, *monggolčiud* ‘монголы’, *gegen* ‘светлейший (вежливое обращение)’ — *gegecüüd* ‘светлейшие’. Специфика данного аффикса состоит в том, что он присоединяется к основам, которые традиционно считаются основами прилагательных.

7) Показатель *-tan* / *-ten*. В монгольских языках этот суффикс «не только выражает совокупность или множество существ, но и их отношение к окружающим явлениям, например, обладание чем-либо: *моритон* «имеющий лошадей», *сахалтан* «имеющий бороду» [Бертагаев 1964: 100].

Таким образом, в старописьменном калмыцком языке у существительных противопоставляются формы единственного и множественного числа. Специальных показателей единственного числа нет, значение же множественного числа выражается показателями *-d*, *-s*, *-muud* / *-müüd* / *-muus*, *-noyoud* / *-nögüüd*, *-nar* / *-ner*, *-oud* / *-uud* / *-üüid*, *-coud* / *-coud* / *-cuud* / *-cüüd* / *-čiud*, *-tan* / *-ten*, агглютинативно присоединяемыми к основе существительного. В большинстве случаев основа существительного совпадает с формой номинатива единственного числа. Исключение составляют существительные, форма номинатива которых в единственном

числе оканчивается на так называемый «неустойчивый» *-n*: такие существительные образуют форму множественного числа при помощи суффикса *-d*, при этом *-n* исчезает. Для старописьменного калмыцкого языка выбор показателя множественного числа в значительной мере зависит от исхода основы, а также от семантики существительного. Например, формы множественного существительных, оканчивающихся на гласную, образуются при помощи суффикса *-s*. Для реализации аффикса *-nar / -ner* ключевым оказывается семантический фактор: он может присоединяться только к основам существительных, обозначающих людей, профессии.

Для старописьменного калмыцкого языка свойственна тенденция наращивания дополнительного показателя множественности, что говорит об относительно слабой грамматикализованности категории числа. Ослабление значения множественности имен обусловило появление составных показателей множественности — *-doud*, восходящим к сочетанию аффиксов *-d* и *-oud*; или *-s* и *-nououd*.

Литература

- Бадмаев Б. В. «Сарын герел» — памятник ойратской письменности XVII в. (текстолого-лингвистический анализ). Дис.... канд. фил. наук. М., 2001. 167 с.
- Бадмаев Б. В. Об одном показателе множественности в «Сарин герел» (Биографии Зая-пандиты) // Проблемы современного калмыковедения. Мат-лы Респ. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. А. Борманджинова. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2000. С. 109–111.
- Бадмаев Б. В. Образование множественного числа в ойратском памятнике XVII в. «Сарин герел» (Биография Зая-пандиты) // European Social Science Journal. М.: Изд-во АНО «Международный исследовательский институт», 2012. С. 149–152.
- Бертагаев Т. А. Суффикс *-тан* и его производные в монгольских языках // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 3. Элиста: Калм. гос.-е изд-во, 1964. С. 100–107.
- Благова Г. Ф. Комбинация аффиксов множественности — исконно алтайская константа или типологический параллелизм? // Проблема общности алтайских языков. М.: Наука, 1971. С. 351–361.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1849. 403 с.
- Гедеева Д. Б. Форманты множественного числа в языке калмыцких законодательных памятников XVII–XIX вв. // Монгольские языки: история и современность: Мат-лы Межд. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 21–23 октября 2013 г.) / отв. ред. П. О. Рыкин. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 41–43.
- Годзиньски С. Категория числа в среднемонгольском языке // Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 5. М., 1985. С. 40–45.
- Ковалевский О. М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, Университет. тип., 1835. 202 с.
- Козин С. А. К вопросу о показателях множественности в монгольских языках // Ученые записки ЛГУ. № 69. Серия филологических наук. Вып. 10. Л., 1946. С. 123–127.
- Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.
- Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам (пер. с польского). М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 371 с.
- Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1847. 392 с.
- Понне Н. Н. Вопросы грамматики монгольского языка // Записки Института Востоковедения АН СССР. 1933. Т. 2. Вып. 2. С. 51–68.
- Пюрбеев Г. Ц. Согласование в числе как грамматический прием в истории монгольских языков // V Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. Т. I. Филология. М.: Наука, 1987. С. 118–126.
- Пюрбеев Г. Ц. Историко-типологическая характеристика генитивных конструкций в монгольских языках // Монгольский лингвистический сборник. М., 1992. С. 85–95.
- Рудов Л. Н. Проблемы киданьской письменности // Советская этнография. 1963. № 1. С. 89–98.
- Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 156 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Наука, 1964. 90 с.
- Сусеева Д. А. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII в.: морфонология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников / отв. ред.: А. В. Дыбо, Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 240 с.
- Трофимова С. М. Категория множественности в калмыцком языке // Вестник Бурятского университета. Сер. 6. Филология. Улан-Удэ, 1999. Вып. 4. С. 159–166.

- Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 147 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 662 с.
- Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII в. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.
- Schmidt I. Grammatik der Mongolischen sprache. St.-Petersburg: Die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1831. 179 p.
- References**
- Badmaev B. V. «Saryn gerel» — pamyatnik ойратской писменности XVII в. (tekstologolingvisticheskiy analiz). Dis.... kand. fil. Nauk [Saryn Gerel — a 17th century Oirat written monument (textual and linguistic analysis). A Ph. D. thesis]. Moscow, 2001, 167 p. (In Russ.).
- Badmaev B. V. Ob odnom pokazatele mnozhestvennosti v «Sarin gerel» (Biografiya Zaya-pandity) [About one indicator of the plural in Sarin Gerel (Zaya Pandita's biography)]. Problemy sovremennogo kalmykovedeniya. Mat-ly Resp. nauch. konf., posvyashch. 70-letiyu prof. A. Bormandzhinova [Problems of Contemporary Kalmyk Studies. Proc. of the Republican research conf. ...]. Elista, Kalmyk State Univ. Press, 2000, pp. 109–111 (In Russ.).
- Badmaev B. V. Obrazovanie mnozhestvennogo chisla v ойратском pamyatnike XVII в. «Sarin gerel» (Biografiya Zaya-pandity) [Formation of the plural in the 17th cent. Oirat composition Sarin Gerel (Zaya Pandita's biography)]. European Social Science Journal, Moscow, Mezhdunarodnyy Issledovatel'skiy Institut Publ., 2012, pp. 149–152 (In Russ.).
- Bertagaev T. A. Suffiks -tan i ego proizvodnye v mongol'skikh yazykakh [The suffix -tan and its derivatives in Mongolic languages]. Zapiski KNIIYaLI [Notes of Kalmyk Institute of Language, Literature and History], iss. 3, Elista, Kalm. State Publ. House, 1964, pp. 100–107 (In Russ.).
- Blagova G. F. Kombinatsiya affiksov mnozhestvennosti — iskonno altayskaya konstanta ili tipologicheskoy parallelizm? [Combination of plural affixes — a genuine Altaic constant or typological parallelism?]. Problema obshchnosti altayskikh yazykov [Altaic languages: problem of affinity]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 351–361 (In Russ.).
- Bobrovnikov A. A. Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka [Grammar of the Kalmyk-Mongolian language]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1849, 403 p. (In Russ.).
- Gedeeva D. B. Formanty mnozhestvennogo chisla v yazyke kalmytskikh zakonodatel'nykh pamyatnikov XVII–XIX vv. [Plural formants in the language of the 17th–19th cc. Kalmyk legislative monuments]. Mongol'skie yazyki: istoriya i sovremennost': Mat-ly Mezhd. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, 21–23 oktyabrya 2013 g.) / otv. red. P. O. Rykin [Mongolic Languages: History and Contemporaneity. Proc. of the Internat. research conf. ...]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 41–43 (In Russ.).
- Godzinski S. Kategoriya chisla v sredne-mongol'skom yazyke [The category of number in Middle Mongolian]. Teoreticheskie problemy vostochnogo yazykoznanija. Ch. 5 [Theoretical problems of Oriental linguistics. Part 5]. Moscow, 1985, p. 42 (In Russ.).
- Kovalevskiy O. M. Kratkaya grammatika mongol'skogo knizhnogo yazyka [A brief grammar of literary Mongolian]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1835, 202 p. (In Russ.).
- Kozin S. A. K voprosu o pokazatelyakh mnozhestvennosti v mongol'skikh yazykakh [Revisiting indicators of the plural in Mongolic languages]. Uchenye zapiski LGU [Scholarly Notes of Leningrad State University], No. 69, series 'Philological Studies', iss. 10, Leningrad, 1946, pp. 123–127 (In Russ.).
- Kotvich V. L. Opyt grammatiki kalmytskogo razgovornogo yazyka. Izd. 2-oe [Grammar of colloquial Kalmyk. 2nd edit.]. Prague, 1929, 418 p. (In Russ.).
- Kotvich V. L. Issledovaniya po altayskim yazykam (per. s pol'skogo) [Studies in Altaic languages (transl. from Polish)]. Moscow, Inostr. Lit. Publ., 1962, 371 p. (In Russ.).
- Popov A. V. Grammatika kalmytskogo yazyka [Kalmyk Grammar]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1847, 392 p. (In Russ.).
- Poppe N. N. Voprosy grammatiki mongol'skogo yazyka [Questions of Mongolian grammar]. Zapiski Instituta Vostokovedeniya AN SSSR [Notes of Oriental Studies Institute of USSR Acad. of Sc.], 1933, vol. 2, iss. 2, pp. 51–68 (In Russ.).
- Pyurbeev G. Ts. Soglasovanie v chisle kak grammaticheskiy priem v istorii mongol'skikh yazykov [Number agreement as a grammatical device in the history of Mongolic languages]. V Mezhdunarodnyy kongress mongolovedov. Doklady sovetskoy delegatsii. T. I. Filologiya [5th Internat. Congress of Mongolists. Reports of the Soviet delegation. Vol. I. Philology]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 118–126 (In Russ.).
- Pyurbeev G. Ts. Istoriko-tipologicheskaya kharakteristika genitivnykh konstruktsey v mongol'skikh yazykakh [Historical and

- typological characteristics of Mongolian genitive constructions]. *Mongol'skiy lingvisticheskiy sbornik* [Mongolian linguistic digest]. Moscow, 1992, pp. 85–95 (In Russ.).
- Rudov L. N. *Problemy kidan'skoy pis'mennosti* [Problems of Khitan scripts]. *Sovetskaya etnografiya* [The Soviet Ethnography journal], 1963, No. 1, pp. 89–98 (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk grammar]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1940, 156 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. T. 1* [Comparative grammar of Mongolian languages. Vol. 1]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1953, 240 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Staropis'menny mongol'skiy yazyk* [The Old written Mongolian language]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 90 p. (In Russ.).
- Suseeva D. A. *Grammaticheskiy stroy kalmytskogo yazyka XVIII v.: morfonologiya i morfologiya (na materiale pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov / otv. red.: A. V. Dybo, E. U. Omarkaeva* [The grammatical system of the 18th c. Kalmyk language: morphonology and morphology (evidence from letters of Kalmyk rulers and their contemporaries. Edit. by A. Dybo, E. Omarkaeva)]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2011, 240 p. (In Russ.).
- Trofimova S. M. *Kategoriya mnozhestvennosti v kalmytskom yazyke* [The category of number in Kalmyk]. *Vestnik Buryatskogo universiteta. Ser. 6. Filologiya* [Bulletin of the Buryat State University], Ulan-Ude, 1999, iss. 4, pp. 159–166 (In Russ.).
- Tsydendambaev Ts. B. *Grammaticheskie kategorii buryatskogo yazyka v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Grammatical categories of the Buryat language in a historical and comparative context]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 147 p. (In Russ.).
- Tsydendambaev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye (istoriko-lingvisticheskoe issledovanie)* [Historical chronicles and genealogical tables of the Buryats (historical and linguistic research)]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1972, 662 p. (In Russ.).
- Yakhontova N. S. *Oyratskiy literaturnyy yazyk XVII v.* [The 17th c. Oirat language]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1996, 152 p. (In Russ.).
- Schmidt I. *Grammatik der Mongolischen sprache* [Mongolian grammar]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1831, 179 p. (In Germ.).

УДК 811.512.37

Категория числа имен существительных старописьменного калмыцкого языка

Евгений Владимирович Бембеев¹, Цаган Дамбаевна Манджиева²

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: galdma@yandex.ru

² лаборант, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена категория множественности имен существительных старописьменного калмыцкого языка. В старописьменном калмыцком языке данная категория представлена двумя грамматическими значениями: 1) единственное число и 2) множественное число. Имена существительные в единственном числе имеют нулевое окончание, а во множественном — материально выраженные формы множественного числа, образованные с помощью специальных формантов.

Средствами выражения категории множественности в старописьменном калмыцком языке являются следующие показатели: *-d, -s, -muud / -müüd / -muus, -noγoud / -nögüüd, -nar / -ner, -oud / -uud / -üüd, -coud / -coud / -cuud / -cüüd / -čiud, -tan / -ten*. В большинстве случаев основа существительного совпадает с формой номинатива единственного числа. Исключение составляют существительные, форма номинатива которых в единственном числе оканчивается на так называемый «неустойчивый» *-n*: такие существительные образуют форму множественного числа при помощи суффикса *-d*, при этом *-n* исчезает. Для старописьменного калмыцкого языка выбор показателя множественного числа в значительной мере зависит от исхода основы, а также от семантики существительного.

Ключевые слова: ранние тексты, старописьменный калмыцкий язык, единственное число, множественное число, парадигма числа, имя существительное

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 48–59, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-48-59
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.511.1

Finno-Permic Phytonymic Portraits: *Centaurea*

Igor V. Brodsky¹

¹ Ph. D. in Philology, Associate Professor, Department of Uralic languages, Folklore and Literature, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kodima@mail.ru

Abstract. The paper provides a phytonymic portrait of *Centaurea* (cornflower) in the Finno-Permic languages that form a branch of the Finno-Ugric language family, the other being that of the Ugric languages. These languages contain over one hundred and fifty names for cornflowers, i.e. the latter are present in all the Finno-Ugric languages and are diverse enough.

The vast majority of names of cornflowers are compound and usually consist of two components. The second component usually acts as a determinant of the plant's denomination class object. There are almost no *Centaurea*'s names derived by means of affixes in the languages under consideration.

The paper also studies origins of plant names, special attention is paid to denomination based on properties. Most commonly names of cornflowers are based on their color, place of growth and medicinal qualities. The main species widespread enough in the geographical range of the Finno-Ugric languages is blue-flowered *Centaurea Cyanus*. It often grows in rye and wheat fields. So, the two main properties that determine its names are the color and place of growth, and the names as such are 'blue flower' and 'rye flower' respectively. Names of *Centaurea Cyanus* are far more frequent than names of other *Centaurea* species in Finno-Permic languages.

Lots of compound names of cornflowers comprise names of different animals, such as bear, wolf, raven and crane. In most cases, the linguistic phenomena are not that easy to explain, and sometimes result from transfer of another plant's name or alliteration. Finno-Permic languages contain few borrowed words to denote cornflowers, and most of them stem from Russian.

Comparative studies of plant names from related languages (including Finno-Permic ones) are rare, thus, the author finds it necessary to depict phytonymic portraits of plants names which are numerous and diverse enough to be compared. And, undoubtedly, this is the case of cornflowers.

Keywords: Finno-Ugric languages, Finno-Permic languages, lexis, phytonyms, plant names, *Centaurea*, cornflower

Василек (род *Centaurea*) — род травянистых растений семейства сложноцветных. Неподготовленные информанты, как правило, не различают разновидности василька. Лишь наиболее отличающиеся виды получают разные названия. К таким видам в финно-угорских языках относятся василек синий (*Centaurea cyanus*), василек фригийский (*Centaurea phrygia*) и василек шероховатый (*Centaurea scabiosa*). Они растут во всем ареале финно-пермских языков (ветвь финно-угорских языков, исключая угорские языки — хантыйский, мансийский и венгерский). Мы рассматриваем названия васильков именно на материале финно-пермских языков, распространенных в районах со сходными климатическими условиями. Фитонимический материал саамско-

ватый (*Centaurea scabiosa*). Они растут во всем ареале финно-пермских языков (ветвь финно-угорских языков, исключая угорские языки — хантыйский, мансийский и венгерский). Мы рассматриваем названия васильков именно на материале финно-пермских языков, распространенных в районах со сходными климатическими условиями. Фитонимический материал саамско-

го языка привлекается нами ограниченно именно в связи с тем, что саамы проживают в районах с более суровым климатом. Мы не рассматриваем в данной работе и фитонимы обско-угорских и венгерского языков, также функционирующих в ареалах, значительно отличающихся в погодно-климатическом отношении от финно-пермского.

Исследование названий васильков проводится в историко-этимологическом, а также сравнительном аспектах.

Наибольшее количество названий имеет василек синий (*Centaurea cyanus*). Причиной этого стало то обстоятельство, что василек предпочитает расти в посевах зерновых, прежде всего ржи. Кроме того, его синие цветки очень заметны.

Васильки использовались и в народной медицине, однако в их названиях отражено только ветеринарное использование (от норичи — болезни коров).

Названия василька в удмуртских диалектах были недавно подробно описаны В. Г. Семеновым [2011]. Диалектный лексический материал, представленный в указанной работе, весьма богат фонетическими вариантами. В связи с этим мы приводим ниже лишь наиболее распространенные из них.

Представленные фитонимы взяты из большого количества различных источников: словарей, монографий и отдельных статей общим числом свыше сорока. Мы ссылаемся на какую-либо конкретную работу лишь в том случае, когда это существенно для этимологического или сравнительного исследования названий растений. В список литературы включены также только основные источники, наиболее значимые для настоящей работы. Во всех случаях сохраняется транскрипция оригинала.

Названия растений рассматриваются отдельно по ветвям финно-пермских языков (прибалтийско-финская, мордовская, марийская, пермская). Фитонимы объединяются в 89 лексико-семантических гнезд, пронумерованных в целях навигации. Внутри языковых ветвей и отдельных языков названия васильков даны в алфавитном порядке.

Названия василька в финно-пермских языках

Прибалтийско-финские названия василька

(1) эст. *aru jumikas* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*)

Букв. 'ветвь-сивец (растение)'.
 Первый компонент этого фитонима, несомненно, вторичен по отношению к *harja* 'щетка' (см. далее фитонимы, в состав которых входит эта основа): лилово-розовые соцветия лугового василька напоминают щетку. У вида *Centaurea cyanus* с щеткой схожи внутренние цветки в цветочной корзинке.

В основе названия *aru jumikas*, по видимому, лежит народная этимология, так как травянистый стебель васильков тех видов, которые имеют названия в прибалтийско-финских языках, сильно ветвится (см. эст. *haru, aru* 'ветвь, ответвление').

Эст. *jumikas* чаще всего относится к сивцу луговому; цветы сивца по цвету очень близки к луговым василькам и напоминают их по форме. Зачастую они растут на лугах рядом. Видимо, именно от этого василек в эстонском названии сравнивается с сивцом.

(2) фин. *elo||kukka, elo||kukkane(n)* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'цветок (цветочек) жизни'.

(3) эст. *harukene, haarukene, harjokene, harjokese* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Все данные названия — суффиксальные производные от основы *harja*- 'щетка' (см. выше).

(4) эст. *harik||lill(e)* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

По поводу компонента *harik* см. предыдущее название; детерминант *lill* 'цветок'.

(5) фин. *harja||kukka, harja||kukkain* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), 'василек фригийский' (*Centaurea phrygia*), 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*)

Букв. 'щетка-цветок'; по поводу мотивации фитонима словом *harja* 'щетка' см. гнездо (1).

(6) эст. *harja||pea, härja||pea* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*)

Harja||pea — букв. 'щетка-верхушка (голова)'; *härja||pea* — букв. 'бычья голова'. *Härja||pea* — название, вторичное по отношению к *harja||pea*, которое прозрачно в отношении мотивации. Цветы василька не напоминают своим внешним видом голову быка.

(7) эст. *harjukas* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Также *harjakas, hajakas*; букв. 'щетинистый'.

(8) эст. *harukese||lilled* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

В отношении первого компонента см. гнездо (3). Букв. ‘цветки василька’.

(9) эст. *hobuse||madar* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘лошадиный подмаренник’.

Эст. *madar(a)* почти всегда обозначает подмаренник цепкий или северный. Сравнение василька с подмаренником неясно, так как эти растения совершенно не похожи друг на друга.

(10) эст. *hundi||nui* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘волчья дубина’ либо ‘волчья колотушка’; это название относится также к другим травянистым растениям, таким как гравилат речной, коровяк, рогоз широколистный.

(11) эст. *härja||nupud* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘бычья пуговицы’; по поводу компонента *härja*- см. в гнезде (6).

(12) фин. *impakka* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Фитоним представляет собой суффиксальное производное от основы *impi*, *imri* ‘дева, девица’. Возможно, связано с эстетическим применением цветов василька — для украшения жилищ и причесок.

(13) эст. *jaani||lill* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘иванов цветок’. Такие названия в прибалтийско-финских языках получило множество растений, цветущих во время празднования Иванова дня и связанных с какими-либо поверьями, относящимися к этому празднику.

В эстонском языке это название относится также к следующим растениям: василисник водосборolistный, водосбор, герань болотная, зверобой, иван-чай (кипрей), клевер горный, клевер луговой, короставник полевой, кукушкин цвет, марьянник дубравный, мелкопестник едкий, нивяник, первоцвет мучнистый, погребок, подорожник средний, тимьян ползучий.

(14) эст. *jumik*, *jumikas*, *jumikad*, *jummik*, *jummikad*, *jummikas*, *jumigud* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*), ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*)

Данное название относится и к целому ряду других растений, например к волови-

ку лекарственному, короставнику, медунице лекарственной, полыни. Эти растения внешне совсем не схожи друг с другом.

Ср. эст. *jumikas* ‘грубая, толстая вещь’; в диалектах также *jumm* с тем же значением, но без суффиксов. Именно эти слова связывает с названиями василька EES [EES:101]; при этом для *jumm* предполагается ономато-поэтическое происхождение.

(15) фин. *jüvä||kukka* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘зерно, хлеб-цветок’; название дано по преимущественному месту произрастания василька — в посевах зерновых. Ср., например, англ. *corn||flower* ‘василек синий’.

(16) эст. *kana||persed* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘куриные гузки’. Этот фитоним относится и к другим растениям: ветренице дубравной, нивянику обыкновенному, первоцвету весеннему, пупавке красильной, пупавке полевой, пупавке собачьей, ромашке непахучей, ромашке пахучей.

Чаще всего *kanapersed* относится к ромашке и похожим на нее растениям, которые неподготовленный информант различить не в состоянии. Они несколько напоминают по форме и цвету гузку курицы, поэтому на василек название, по-видимому, перенесено именно с ромашки.

(17) эст. *kana||perse||ätses* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘цветы куриных гузок’ (‘цветы василька’). Эст. диал. *äitse (äitse)* ‘цветок’.

(18) эст. *kana||ätses* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Очевидно, этот фитоним представляет собой эллиптическую форму предыдущего (*kana||perse||ätses*).

(19) эст. *karu||kellad* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘медвежья колокола’.

Данное название относится и к другим растениям, в первую очередь, к различным видам колокольчика (круглолистному, персиколистному, раскидистому). По-видимому, причиной переноса названия на василек стала сходная окраска цветков этих растений.

(20) фин. *kaunokki* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Этот фитоним представляет собой суффиксальное производное от основы *kaune-*,

kauno- ‘красота’; сама эта основа вторична по отношению к заимствованному в финский язык прилагательному *kaunis* (< герм. **skauniz*) ‘красивый’

(21) фин. *kirous||heinä* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*), ‘василек фригийский’ (*Centaurea phrygia*)

Букв. ‘трава проклятия’. В финских диалектах это название относится также к гравилату речному и сабельнику болотному. У всех трех растений цветки красного цвета различных оттенков. В основе названия, по-видимому, лежат народные поверья (фин. *kirous* ‘проклятье’); в литературе, однако, никаких объяснений этого названия нами не найдено.

(22) фин. *kova||yrtti, cowa yrti* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘жесткая, твердая трава’. Действительно, стебель у васильков очень жесткий.

(23) фин. *kurjen||kukka* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘журавлиный цветок’. В финских диалектах это название относится также к купене аптечной и чине весенней, в собственно-карельском наречии — к колокольчику скрученному. В создании этого фитонима заметно участие аллитерации (*ku* — *ku*).

(24) фин. *laihon||kukka* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘хлеб (на корню; посеvy)-цветок’. Название дано по предпочтительному месту произрастания василька синего — в посевах зерновых.

(25) эст. *lamba||keel* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘овечий язык’. Стрельчатые по форме листья этого растения напоминают по форме язык. В эстонских говорах название *lambakeel*, иногда осложненное дополнительными детерминантами (*hain* ‘трава’ или *leht* ‘лист’), может обозначать и другие растения с листьями, похожими на язык овцы: горец змеиный, козелец приземистый, короставник полевой, майник двулистный, овечий язык, подорожник большой, подорожник ланцетолистный и подорожник средний.

(26) фин. *lehmiin||nor||heinä* ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*)

Букв. ‘трава [от] норицы коров’. Это название указывает на ветеринарное применение отвара растения от болезни коров

норицы. В финских говорах фитоним чаще относится к пастушьей сумке.

(27) эст. *lilla||käbe||ein* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘лиловая череда’ или ‘лиловая черноголовка’. Окраска цветов лугового василька — лиловая; что касается внешнего вида всех этих растений, то их цветочная корзинка напоминает по форме шишку (эст. *käbi*).

(28) эст. *lill||uhak* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘лиловый бодяк’. Действительно, стебли и цветки бодяка и василька похожи.

(29) фин. *liusi||kukka* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘лоскут-цветок’; по-видимому, первый компонент этого сложного фитонима сравнивается с формой внешних цветков растения.

Ср. рус. *лоскутница, лоскутный цвет* [Анненков 1878: 89].

(30) эст. *mesi||jumikad, mesi||jumikas* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘медовый василек’.

(31) эст. *neitsi||hain* ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*)

Букв. ‘девичья трава’. Ср. названия из гнезда (12).

(32) эст. *niidu nutu||hein* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘луговой василек’.

(33) эст. *nisu||sini||lill* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘пшеничный синий цветок’ (‘пшеничный василек’). Название дано по предпочтительному месту произрастания василька.

(34) фин. (ингерманландские говоры) *nor||heinä* ‘василек фригийский’ (*Centaurea phrygia*)

Букв. ‘норица-трава’ (‘трава [от] норицы’ — фин. *nor*); норица — заболевание вымени коров, которое лечилось отваром василька.

В финских диалектах так назывались и все другие растения, которые использовались для лечения норицы (обычно в форме отвара): багульник болотный, вероника лекарственная, вороний глаз, гравилат речной, зверобой четырехгранный, колокольчик скученный, короставник полевой, ландыш

майский, пижма, ромашка пахучая, таволга, тимьян, тысячелистник, щавель.

См. также гнездо (26).

(35) эст. *nupukas, nupakas* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*)

Фитоним представляет собой суффиксальное производное от *nupp* 'набалдашник, почка'. См. также следующее гнездо (эст. *nippohakas*).

Это наиболее распространенное в эстонских говорах название лугового василька.

(36) эст. *nupp||ohakas* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*)

Букв. 'бодяк с набалдашником (почкой)'; первый компонент этого фитонима *nupp* сравнивается, по-видимому, с яйцевидной или шишковидной цветочной корзинкой василька.

(37) эст. *nuti||lill* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*)

Букв. 'цветок с шаровидным соцветием'; по поводу первого компонента фитонима см. следующее гнездо.

(38) эст. *nutt||hein, nutt||hain, nutto||hain* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'трава с шаровидным соцветием'; значение 'с шаровидным соцветием' указано для слова *nutt* в Эстонском этимологическом словаре [EES: 322].

(39) эст. *orja||vitsad* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*)

Букв. 'розги раба'. Это название в эстонских говорах относится к целому ряду растений с жесткими или колючими листьями и стеблями.

(40) фин. *pahan||suopa||heinä* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*)

Букв. 'недоброжелательный цветок'. Вероятнее всего, этот вид василька получил свое название из-за твердости, жесткости своих стеблей.

(41) фин. *paju||heinä* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*)

Букв. 'ивовая трава'; неясно; по-видимому, название дано из-за частого соседства растений с зарослями ивы, вербы.

(42) фин. *pelto||kaunokki, pelto||kaunikki* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*)

Букв. 'полевой василек'.

(43) фин. *pelto||vuokko* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'полевая ветреница'. Причина сравнения василька с ветреницей в данном названии неясна, так как растения эти не только не похожи друг на друга, но и имеют разные предпочтительные места произрастания.

(44) фин. *pensseli||kukka* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), 'василек фригийский' (*Centaurea phrygia*), 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*)

Букв. 'кисть-цветок'; действительно, соцветие васильков напоминает по форме кисть.

(45) фин. *pi(i)kkiäinen* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*)

Этот фитоним представляет собой суффиксальное производное от *pikki* 'шип'. Очевидно, название перенесено с другого колючего растения.

Данный фитоним редко обозначает василек. Чаще всего он относится к чертополоху или бодяку. Для пикульника это наиболее распространенное в финских говорах название.

(46) фин. *piisku* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*)

Чаще всего данное название относится к золотарнику, но также и к другим растениям. Ср. *piisku* 'свисток, манок'; части некоторых растений, например пикульника, напоминают по форме манок. В дальнейшем название было перенесено на некоторые сходно выглядящие или растущие рядом травянистые растения, в том числе на васильки.

(47) фин. *puna||kauno* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*)

Букв. 'красная красота'; в финских диалектах очень распространено также название василька *kaunokki*, в основе которого также основа *kaune-* — см. гнездо (20).

(48) фин. *ruun||kaali, ruun||kualis* 'василек фригийский' (*Centaurea phrygia*)

Букв. 'капуста рябчика'; название это в финском языке может относиться и к золотарнику.

(49) фин. *päivän||kukka* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'дневной цветок'; данное название относится чаще к растениям, имеющим круглые («солнечные») желтые цветки разных оттенков. По-видимому, оно перенесено на василек синий с одного из этих растений,

возможно, по причине внешнего сходства других органов.

(50) фин. *rauta||pursu* ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*)

Букв. ‘железный (жесткий) багульник’. В этом и следующем фитонимах компонент *rauta-* ‘железо’ является здесь носителем признака жесткости.

Причина сравнения василька шероховатого с багульником неясна.

(51) фин. *rauta||yrtti* ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*)

Букв. ‘железная трава’; все виды василька действительно обладают жесткими стеблями.

(52) кар. собств. *ruiš||boba*; вепс. *rugiž||bobain'e* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘ржаная игрушка’. Название дано по месту произрастания василька — в посевах ржи.

(53) эст. *rugi||lille||sinised* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘ржанные лилово-синие’; этот фитоним, несомненно, является продуктом отпадения какого-либо детерминанта. Скорее всего, этим детерминантом был *lilled* ‘цветы’, и он выпал из-за звуковой близости к предыдущему компоненту *lille-* ‘лиловый’.

(54) эст. *rugi||sinised, rukki||sinine, rukki||sinised, rükki||sinised* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Это название, функционирующее как в форме единственного, так и множественного числа, является результатом отпадения детерминанта *lill* ‘цветок’.

Так как определение *sinine* ‘синий’ входит в состав названий множества травянистых растений, более точное определение значения фитонима невозможно.

(55) эст. *rugi||tutt, rugi||tutid* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘ржаная кисть’, ‘ржаной цветок’. Этот фитоним — результат номинации растения по двум признакам: месту произрастания (во ржи) и форме цветков (напоминающих по форме кисть, пучок).

(56) фин. *ruis||kukka, ruis||kukkai, ruis||kukkain, rukhin||kukka, rukihin||kukka, rukiin||kukka, rukkiin||kukka, rukkiin||kukkanen*; ижор. *ruis||kukko*; кар. собств. (тверские |говоры) *ruis' ||kukka*; эст.

rukki||lill, rükki||lill, rugi||lill, rugi||lilled, rukki||lälled, rüga||lill, rüa||lill, rüa||lilled, rüä||lill; вод. *ruis||kukka, rüis||kukka, rüis||kukk, rüttšè||kukk*; лив. *riggõ||puṭkõz* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*), ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*)

Букв. ‘ржаной цветок’.

Эта модель номинации василька — наиболее распространенная в прибалтийско-финских языках и одновременно, по видимому, наиболее древняя, восходящая к прибалтийско-финской языковой общности.

Мы полагаем, что прибалтийско-финские фитонимы являются кальками балтийских, ср., напр., лит. *rugia||gėlė*, также букв. ‘ржаной цветок’. Номинация растения ясно указывает на знакомство с культурой ржи, а прибалтийско-финское название ржи заимствовано из балтийских языков. Это заимствование было материальным, т. е. пришло вместе со знаниями о культивировании данного злака.

(56) фин. *ruis||nunnu* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘ржаной цветок’ (фин. диал. *nunnu* ‘цветок’).

(57) эст. *rukki||hajakas, rukki||harjak* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘ржаной василек’; по поводу второго компонента см. гнездо (7).

(56) эст. *rukki||kannid* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘ржанные цветы’.

(58) эст. *rukki||sini||ellud, rukki||sini||õll, rukki||sini||õllud* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘ржаной синий цветок’, ‘ржаной василек’.

(58) эст. *rukki||sini||lill, rüä||sini||lill* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘ржаной синий цветок’, ‘ржаной василек’.

(58) эст. *rukki||sini||õis* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘ржаной синий цветок’, ‘ржаной василек’.

(56) эст. *rüä||ninn, rüä||ninni* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘ржаной цветок’; детерминант *ninn(i)* встречается только в южноэстонском наречии.

(59) фин. *saksan||ohake* ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*)

Букв. ‘немецкий бодяк’. Неясно; обычно подобные названия указывают на их происхождение, привнесенность извне.

(60) фин. *seppel||kukka* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘цветок [для] венка’; в этом названии отражена эстетическая функция цветков василька.

(61) эст. *sini||harjakad, sini||arjakad, sine||arjakad* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘синие васильки’.

(61) фин. *sini||kauno, sini||kaunu, sini||kaunokki* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘синий василек’.

(62) эст. *sini||kellud* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘синие колокола’. Это название относится только к василькам, что удивляет; более ожидаемо было бы присвоение такого названия колокольчикам (*Campanula*).

(63) фин. *sini||kukka, sini||kuckainen* [Tillandz 1683: 22]; кар. собств. (тверские говоры) *s'in' ||kukka*; эст. *sine||lill, sini||lill, sini||lilled, sini||lillesed, sini||läll* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*); вод. *sini||kukka, sinin||kukka* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘синий цветок’. Эта модель в прибалтийско-финских языках получила значительное распространение. Она относится к большому количеству растений, имеющих красные цветки, например, в финском языке — к борцу синему, веронике весенней, веронике дубравной, герани лесной, колокольчику сборному, незабудке, шлемнику.

(61) фин. *sinine elo||kukkane* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘синий василек’.

(64) фин. *sininen päivän||kakkara* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘синяя ромашка’.

Сравнение василька с ромашкой и вообще сложноцветными растениями выглядит правомерным в силу внешней схожести формы их цветков.

(61) эст. *sinine rukki||lill, sinised rukki||lilled* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘синий ржаной цветок’, ‘синий василек’.

(63) эст. *sini||ninn, sini||ninni, sine||ninni* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘синий цветок’; детерминант *ninn(i)* встречается только в южноэстонском наречии.

(65) эст. *sini||pea* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘синяя голова (верхушка)’.

(63) эст. *sini||õis, sinised õied, sinised õied* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘синий цветок’.

(63) эст. *sini||ätsed* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*), *sinised ätsed* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘синие цветы’.

(66) эст. *uhaka||õis* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘бодяк-цветок’.

О сходстве васильков с бодяком см. гнездо (28).

(25) эст. *utte||keel* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘овечий язык’. Листья васильков напоминают по форме язык овцы; см. также гнездо (25) выше (*lambakeel*).

(67) эст. *uue||nupud* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘овечьи пуговицы’.

(68) эст. *vanapagana püksi||nööp* ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*)

Букв. ‘пуговица чертовых штанов’.

(69) эст. *vares||jala* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*)

Букв. ‘воронья нога’. Это название относится в эстонском языке ко многим растениям, в первую очередь, к сокиркам.

(70) эст. *äiatari||sini||lill* ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*)

Букв. ‘синий цветок короставника’.

Короставник (эст. *äiatar*) внешне весьма напоминает василек.

Мордовские названия василька

(71) эрз. *василёк* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Этот фитоним представляет собой русское заимствование.

(72) эрз. *розь потмонь цеця* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'цветок во ржи, цветок внутри ржи'.

(56) эрз. *розь тветка* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'ржаной цветок'.

(63) эрз. *сэнъ цеця* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'синий цветок'.

(65) эрз. *сэнъ||бря* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'синяя голова (верхушка)'.

Марийские названия василька

(65) мар. *канды||вуй* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'синяя (голубая) верхушка'.

(73) мар. *корак||шинча* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'вороний глаз'; это название относится, в основном, к другим растениям — вороньему глазу и фиалке. Цветок василька не похож на глаз вороны, поэтому наиболее вероятным является перенос названия с других растений на василек. Вероятно также калькирование русского названия.

(74) мар. *незер||шудо* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'бедный цветок' или 'цветок бедняка'.

(75) мар. *торга||вуй* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

По-видимому, букв. 'метелка-верхушка' (*торга* 'метелка, сделанная из верхушки дерева').

Пермские названия василька

(76) коми зыр. *бубурульлю, бибурульлю, бибирульлю, бырильли, бырыльльы* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

В основе этого названия василька — коми зыр. *бубу, бубуля, бубыля* 'бука, привидение' [Рапјukov 2011: 92]; возможное значение фитонима 'слюна буки' (коми диал. *лю* 'слюна'). Ср. также имя мифологического персонажа *бирульлю баб*, букв. 'васильковая баба'.

(77) удм. *бусо||йыр* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'полевая голова (верхушка)'

(71) коми зыр. *василёк*; удм. *вас'ил'ок* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Этот фитоним заимствован из русского языка.

(63) удм. *зангари||сяська, зангар||чача, зангари* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'голубой (синий, сиреневый) цветок'. Фитоним *зангари* образовался в результате выпадения детерминанта. Слово *зангари* заимствовано из татарского языка [Семенов 2011: 94].

(56) удм. *зög||сяська* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'ржаной цветок'.

(78) удм. *кинай||чача, кина||чача* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

В основе первого компонента этого распространенного удмуртского названия василька предполагается топоним либо антропоним [Семенов 2011: 93].

(79) коми зыр. *куль||син* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'чертов глаз'.

(65) удм. *лыз||йыр, лыз||йыр||сяська* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'синяя верхушка (голова)'.

(80) коми зыр. *лöz||бугыль, лöz||бугыль||турун* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'синий глаз', 'трава синего глаза'.

(61) коми зыр. *лöz||бурульлю* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'синий василек'.

(64) коми зыр. *лöz||катша||син* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'синяя ромашка'. *Катша||син* 'ромашка' — букв. 'сорочий глаз'.

(81) коми зыр. *лöz||кудри* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'синие кудри'; второй компонент этого фитонима заимствован из русского языка.

(82) коми зыр. *лöz||турун* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'синяя трава'.

(63) удм. *лыз||сяська*; коми зыр. *лöz||чача, лöz||чаче* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'синий цветок'.

(83) коми зыр. *лöz чвета турун* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'трава с синим цветком'.

(84) коми зыр. *лöz юра турун* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*)

Букв. 'трава с синей верхушкой'.

(85) коми зыр. *пӧлӧзнича син, пӧлӧзнича* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Пӧлӧзнича (< рус. *полудница*) — название духа ржаного поля у коми; *пӧлӧзнича син* — букв. ‘глаз полудницы’. *Пӧлӧзнича* представляет собой вариант с отпавшим вторым компонентом.

(85) коми зыр. *пӧлудь син* ‘василек синий’; *пӧлудь* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘глаз полудницы’ (*пӧлудь* — еще одно название духа ржаного поля); второй фитоним является продуктом отпадения конечного компонента *син* ‘глаз’.

(86) коми зыр. *светтьӧ, светки чачӧ* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘цветение’, ‘святки’, ‘святочный цветок’; лузско-летские коми верили, что в святки под снегом цветет рожь [Чудова 2013: 191]; данные названия, вероятнее всего, связаны именно с этим поверьем, так как и произрастание, и цветение василька и ржи происходят совместно.

(87) удм. *чагыр||сяська* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘голубой цветок’. Первый компонент заимствован из чувашского языка: удм. *чагыр* < чув. *чакӑр* ‘голубой, светло-голубой; серый’ [Семенов 2011: 93].

(88) коми зыр. *чарла баба турун* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Буквальное значение фитонима, по-видимому, — ‘серповый мытник’ или ‘серповый василистник’ (*коми чарла* ‘серп’, *баба||турун* ‘василистник’, ‘мытник’). Возможно, *чарла* относится к форме листьев василька (длинные ланцетовидные).

(89) коми зыр. *шыш||шапка* ‘василек синий’ (*Centaurea cyanus*)

Букв. ‘шапка вора’.

Таким образом, нами рассмотрено более ста пятидесяти названий васильков трех видов в финно-пермских языках, включая морфологические и фонетические варианты. Как показывают приведенные данные, качество сбора фитонимического материала оказывается весьма существенным для его изучения; в частности, за пределами прибалтийско-финских языков мы можем найти лишь народные названия, относящиеся к васильку синему, в то время как другие виды выпали из поля зрения исследователей, собиравших лексику флоры.

Действительно, василек синий (*Centaurea cyanus*) — очень заметное растение с яркими синими цветами; оно тем заметнее, что растет в посевах зерновых (ржи, овса), засоряя и даже иногда забывая их. Из-за этого василек считается опасным сорняком, и в мифологической традиции он может быть связан с духами, влияющими на урожайность зерновых (см., например, коми фитонимы).

Номинация василька синего в финно-пермских языках чаще всего производится по признакам цвета (цветок — синий либо голубой) или места произрастания (в посевах ржи или пшеницы).

Примеры номинации первого рода: мар. *канды||вуй*, букв. ‘синяя (голубая) верхушка’; фин. *sini||kukka*, эст. *sini||lill*, вод. *sini||kukka*, удм. *зангару||сяська, лыз||сяська*, эрз. *сэнь цеця*, коми зыр. *лӧз||чача, лӧз||чаче*, букв. ‘синий цветок’.

Примеры номинации второго рода: кар. собств. *ruis||boba*; вепс. *rugiž||bobain'e*, букв. ‘ржаная игрушка’; фин. *ruis||kukka*; ижор. *ruis||kukko*; кар. собств. (тверские говоры) *ruis' ||kukka*; эст. *rukki||lill, rükki||lill*; вод. *ruis||kukka, rüis||kukka, rüis||kukk, rüittä||kukk*; лив. *riggõ||puṭkõz*, букв. ‘ржаной цветок’; фин. *jüvä||kukka*, букв. ‘хлеб (посевы)-цветок’; фин. *laihon||kukka* ‘василек синий’, букв. ‘хлеб (посевы)-цветок’; эст. *nisu||sini||lill* ‘василек синий’, букв. ‘пшеничный василек (пшеничный синий цветок)’; эрз. *розь потмонь цеця* ‘василек синий’, букв. ‘цветок во ржи, цветок внутри ржи’; удм. *зӧг||сяська* ‘василек синий’, букв. ‘ржаной цветок’.

Другие признаки не так широко используются в номинации васильков, однако они существуют. Часть прибалтийско-финских названий васильков образована по признаку лекарственности; как это часто бывает, в их составе присутствует название болезни, для лечения которой применяется растение (номинация «от противного»). В фин. *lehmiin||nor||heinä* ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*); фин. *nor||heinä* ‘василек фригийский’ (*Centaurea phrygia*) это название норицы (*nor, nori*) — болезни коров.

По признаку внешнего сходства цветков и листьев растения с каким-либо предметом образованы, например, фин. *harja||kukka, harja||kukkain* ‘василек луговой’ (*Centaurea jacea*), ‘василек фригийский’ (*Centaurea phrygia*), ‘василек шероховатый’ (*Centaurea scabiosa*), букв. ‘щетка-цветок’; эст.

harja||pea 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), букв. 'щетка-верхушка (голова)'; эст. *lamba||keel* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), букв. 'овечий язык'; фин. *liusi||kukka* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), букв. 'лоскут-цветок'; фин. *pensseli||kukka* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), 'василек фригийский' (*Centaurea phrygia*), 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*), букв. 'кисть-цветок'; фин. *pi(i)kkiäinen* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*), образованное от *pikki* 'шип'.

По признаку жесткости стеблей образованы названия фин. *kova||yrtti* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), эст. *orja||viitsad* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*), фин. *pahan||suopa||heinä* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*), фин. *rauta||yrtti* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*)

Результатом номинации василька по эстетическому признаку стали такие названия, как фин. *kaunokki* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), фин. *puna||kauno* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), фин. *seppel||kukka* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*).

Часть названий василька связана с поверьями и мифологическими представлениями. Таковы эст. *jaani||lill* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), букв. 'иванов цветок'; фин. *kirous||heinä* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), 'василек фригийский' (*Centaurea phrygia*), букв. 'трава проклятия'; эст. *vanapagana püksi||põõr* 'василек шероховатый' (*Centaurea scabiosa*), букв. 'пуговица чертовых штанов'; коми зыр. *куль||син* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), букв. 'чертов глаз'; коми зыр. *пӧлӧзнича син*, *пӧлӧзнича* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), коми зыр. *светтьӧ*, *светки чачӧ* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), а также коми зыр. *пӧлудь син* 'василек синий'; *пӧлудь* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), образованные от имен мифологических персонажей.

Некоторые сложные названия василька образовались в результате номинации по двум признакам, например, эст. *lill||uhak* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), букв. 'лиловый бодяк'; фин. *pelto||vuokko* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), букв. 'полевая ветреница'; коми зыр. *лӧз||катша||син* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), букв. 'синяя ромашка'.

Большинство названий василька — сложные по форме, состоящие из двух или

трех компонентов. На прибалтийско-финской почве встречаются и фитонимы, образованные с помощью суффиксации.

Иногда в состав названий васильков включаются в качестве определяющего компонента зоосемизмы, например: эст. *hobuse||madar* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), букв. 'лошадиный подмаренник'; эст. *hundi||nuu* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), букв. 'волчья дубина'; эст. *kana||persed* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), букв. 'куриные гузки'; фин. *kurjen||kukka* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), букв. 'журавлиный цветок'; эст. *lamba||keel* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), букв. 'овечий язык'; фин. *ruun||kaali* 'василек фригийский' (*Centaurea phrygia*), букв. 'капуста рябчика'; эст. *vares||jala* 'василек луговой' (*Centaurea jacea*), букв. 'воронья нога'; мар. *корак||шинча* 'василек синий' (*Centaurea cyanus*), букв. 'вороний глаз'.

Из русского языка название василёк заимствовано в несколько финно-угорских языков: ср. эрз. *василёк*, коми зыр., эрз. *василёк*, удм. *вас'ил'ок*.

Условные сокращения

Вепс. — вепсский, *вод.* — водский, *др.-в.-нем.* — древневерхненемецкий; *др.-сакс.* — древнесаксонский, *ижор.* — ижорский, *кар.* — карельские наречия (*ливв.* — ливвиковское, *люд.* — людиковское, *собств.* — собственно-карельское), *коми зыр.* — коми-зырянский, *коми перм.* — коми-пермяцкий, *латышск.* — латышский, *лив.* — ливский, *мар.* — марийский, *мокиш.* — мокшанский, *морд.* — мордовские, *нем.* — немецкий, *польск.* — польский, *приб.-фин.* — прибалтийско-финские, *рус.* — русский, *серб.* — сербский, *удм.* — удмуртский, *фин.* — финский, *фр.* — французский, *чешск.* — чешский, *шв.* — шведский, *эрз.* — эрзянский, *эст.* — эстонский.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00063а «Формирование диалектных ареалов вепсского языка».

Литература

- Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878. 647 с.
 Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с.
 Марий мутер. Йошкар-Ола: Изд-во «Марий книга», 1990–2005. Т. I–X.

- Семенов В. Г. Названия василька в удмуртских диалектах и их происхождение // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 4. Ижевск, 2011. С. 91–98.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–45. М.; Л., 1965–2014.
- Чудова Т. И. Символика пищи в контексте святочной обрядности коми (зырян) // Грамота. Тамбов, 2013. № 10 (36). В 2-х ч. Ч. I. С. 191–193.
- EES — Eesti etimoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn, 2012. 792 lk.
- Herba. Historistlik eesti rahvameditsiini botaaniline andembaas [электронный ресурс] // URL: <http://herba.folklore.ee> (дата обращения: 10.06.2016).
- Juslenius Daniel. *Suomalaisen Sana-Lugun Coetus*. Stockholm, 1745. 567 s.
- Paasonens H. *Mordwinisches Wörterbuch*. LSFU. B. I–V. Helsinki, 1990. 2703 s.
- Panjukov A. Komi muusika äärealad: lindude maailm // Mäetagused 47. Tartu, 2011. № 1. Lk. 83–108.
- Suhonen P. *Suomalaiset kasvinnimet. Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicæ Fennicæ Vanamo 7: 1*. Helsinki, 1936. 465 s.
- Tillandz E. *Catalogus plantarum, quae prope Aboam tam in excultis, quam incultis locis hucusque inventae sunt*. Aboae, 1683.
- Vilbaste G. *Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised*, nr. 20 (67). Tallinn, 1993. 708 lk.
- issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], iss. 4, Izhevsk, 2011, pp. 91–98 (In Russ.).
- SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of Russian sub-dialects]. Iss. 1–45, Moscow, Leningrad, 1965–2014 (In Russ.).
- Chudova T. I. *Simvolika pishchi v kontekste svyatochnoy obradnosti komi (zyryan)* [Food symbolism in context of Komi (Zyrian) people's Christmas rituals]. Tambov, Gramota Publ. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice (journal), 2013, No. 10 (36), in 2 parts, part I, pp. 191–193 (In Russ.).
- EES — *Eesti etimoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus* [An etymological dictionary of the Estonian language ...]. Tallinn, 2012, 792 p. (In Est.).
- Herba. Historistlik eesti rahvameditsiini botaaniline andembaas* [Herba. A database of traditional Estonian medicinal herbs]. Available at: <http://herba.folklore.ee> (accessed: 10 June 2016) (In Est.).
- Juslenius Daniel. *Suomalaisen Sana-Lugun Coetus* [A comprehensive dictionary of the Finnish language]. Stockholm, 1745, 567 p. (In Swed. and Finn.).
- Paasonens H. *Mordwinisches Wörterbuch* [A dictionary of the Mordvinian language]. LSFU. B. I–V. Helsinki, 1990, 2703 p. (In Germ. and Mordv.).
- Panjukov A. *Komi muusika äärealad: lindude maailm* [The periphery of Komi music — the world of birds]. Mäetagused 47 [Folklore ...], Tartu, 2011, No. 1, pp. 83–108 (In Est.).
- Suhonen P. *Suomalaiset kasvinnimet. Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicæ Fennicæ Vanamo 7: 1* [Finnish plant names. Botanical annals of the society ...]. Helsinki, 1936, 465 p. (In Finn.).
- Tillandz E. *Catalogus plantarum, quae prope Aboam tam in excultis, quam incultis locis hucusque inventae sunt* [A catalogue of plants ...]. Aboae, 1683 (In Finn.).
- Vilbaste G. *Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised*, nr. 20 (67) [Names of plants in Estonia ...]. Tallinn, 1993, 708 p. (In Est.).

References

- Annenkov N. I. *Botanicheskiy slovar'* [A botanical dictionary]. Saint Petersburg, Print. House of the Imperial Acad. of Sciences, 1878, 647 p. (In Russ.).
- Zaytseva M. I., Mullonen M. I. *Slovar' vepsskogo yazyka* [A dictionary of the Veps language]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, 746 p. (In Russ.).
- Mariy muter [A dictionary of the Mari language]. Yoshkar-Ola, Mari Book Publ., 1990–2005, vol. I–X (In Russ.).
- Semenov V. G. *Nazvaniya vasil'ka v udmurtskikh dialektakh i ikh proiskhozhdenie* [Names of cornflowers in Udmurt dialects and their origins]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh*

Финно-пермские фитонимические портреты. ВасилекИгорь Вадимович Бродский¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, кафедра уральских языков, фольклора и литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: kodima@mail.ru

Аннотация. В данной работе автор рассматривает народные названия нескольких видов рода Василек (*Centaurea*) в финно-пермских языках — ветви финно-угорских языков, исключая угорские языки. Таких названий насчитывается более ста пятидесяти; названия василька имеются во всех финно-угорских языках, и они весьма разнообразны. Подавляющее большинство названий василька — сложные по форме и состоят обычно из двух компонентов. Названия василька, образованные с помощью суффиксации, почти не встречаются в рассматриваемых языках.

В работе изучается также номинация василька по признаку. Особенно часто встречаются названия василька, основанные на его цвете, месте произрастания, а также лекарственном применении. Основной вид василька, распространенный в ареалах финно-угорских языков — это *Centaurea Cyanus*, цветки которого имеют синий цвет. Этот вид василька часто растет в посевах ржи и пшеницы. Поэтому два основных признака, по которым осуществляется его номинация — это окраска цветка и место произрастания: наиболее распространенные модели номинации василька — это ‘ржаной цветок’ и ‘синий цветок’. Названия *Centaurea Cyanus* несравненно более частотны по сравнению с названиями васильков других видов в финно-пермских языках.

В состав сложных фитонимов, имеющих значение ‘василек’ в этих языках, могут входить названия различных животных, например, медведя, волка, вороны, журавля. Причины появления этих названий в составе фитонимов чаще всего объяснить сложно; в числе таких причин — перенос названия с другого растения и аллитерация.

Заемствований среди финно-пермских названий василька немного. В основном, это фитонимы русского происхождения.

Сравнительные исследования названий травянистых растений на материале родственных языков (в данном случае финно-угорских) почти не проводятся, в связи с чем автор данной работы считает необходимым написание фитонимических «портретов» таких растений, у которых имеется достаточное для сравнения число названий. Василек относится именно к таким растениям.

Ключевые слова: финно-угорские языки, финно-пермские языки, лексика, фитонимы, названия растений, василек

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 60–67, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-60-67
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 821.512.161

On the Term 'Qita' in Turkish *Tezkires* of the 16th–19th cc.

Anastasia I. Semina¹

¹ postgraduate Student, Department of Turkish Philology, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: aisemina@mail.ru

Abstract. This article attempts to describe how the authors of Turkish *tezkires* of the 16th–19th centuries interpreted the term 'qita' and to trace changes of the term during the mentioned period. The Arabic for 'qita' is both 'fragment' and a 'special kind of poems'. The lack of Turkish poetical treatises was the main reason to focus on the materials of the *tezkires* that, like the medieval treatises, are nothing but literary introspection. Furthermore, materials of *tezkires* help estimate the popularity and fruitfulness of the *qita* form. The survey is based on the materials of more than ten *tezkires* written by Sehi (?–1548), Latifi (?–1582), Ahdi (?–1593), Beyani (?–1597), Riza (?–1671), Gufti (?–1677), Belig (?–1729), Salim Efendi (?–1743), Esrar Dede (?–1797), Shefkat Bagdadli (?–1826) Esad Efendi (?–1848) and Fatin (?–1866). The paper focuses on the poetical fragments which were named 'qita' and analyses the rhyme system and length of these fragments, since these characteristics had been mentioned in Persian treatises and are believed to be the most significant features of various poetical forms. Moreover, using the method of contextual analysis the article surveys the context that surrounded the term 'qita'. During the 16th–17th centuries, the term 'qita' was applied to both fragments of poems written in the *qita*-form and fragments of other poetical forms. Beginning with the 18th century, the term 'qita' was used only to indicate fragments of poems written in the *qita*-form. Therefore, ever since the term lost its meaning of 'fragment' and started denoting only the form of *qita*. The rhyme system of the *qita*-form used in everyday practice differed from the rules which were written down in the treatises on poetics. Though according to Persian treatises the first two lines of *qitas* should stay unrhymed, Turkish poets often rhymed them and authors of *tezkires* recorded many examples of such rhymed versions of *qitas*. The length of *qitas* put down in the *tezkires* varies from 2 to 11 *beyts*, the length of the most widespread *qitas* is 2 *beyts*. In spite of the fact that authors of *tezkires* often recorded only fragments of poems, the results of analysis of *tezkire* materials correspond to the results of the survey based on the materials of *divans* of Turkish poets created in the same period.

Keywords: Turkish medieval literature, *qita*, *tezkire*, rhyme, length

Кыта (*кыт'а*, букв. 'отрывок') — одна из наиболее продуктивных форм турецкой диванной поэзии, представляющая собой стихотворение-монорим небольшого объема (от двух до пятнадцати двустиший-бейтов), как правило, с нерифмованным первым бейтом. *Кыт'а* была заимствована турецкими поэтами из персидской литературной традиции в конце XIII – начале XIV вв. вместе с другими жанровыми формами, жанрами, метрической системой (*арузом*), системой образности и поэтическими фигурами. К этому времени тематика и формальные признаки жанровой формы *кыт'а* уже были определены как на уровне литературной практики, так и на уровне литературной рефлексии, нашедшей отражение в персоязычных трактатах. В тематическом плане турецкие *кыт'а* представляли собой стихотворения философского, сатирического характера, любовную лирику, панегирики, похоронные элегии (*мерсийе*), стихотворения-хронограммы (*тарихи*), загадки, в которых загаданным объектом могло быть имя (*муамма*) или предмет (*лугаз*). Кроме того, турецкие поэты активно использовали эту жанровую форму в деловой переписке (прошения, жалобы, служебные записки и пр.), описаниях архитектурных объектов, городов и др.

С точки зрения формы *кыт'а* представляла собой жанровое образование с определенным способом рифмовки и объемом — эти формальные признаки были зафиксированы в персидских поэтиках. Так, в трактате Шамс-и Кайса ар-Рази (XIII в.) впервые нашел отражение принцип отсутствия рифмы в первом бейте *кыт'а* [Ардашникова, Рейснер 2010: 21]; в трактате Хусейна Ваиза Кашефи (XV в.) впервые определен минимальный и максимальный объем данной жанровой формы — от 2 до 15–19 бейтов. Однако поэтологические трактаты не отражали всех возможных вариаций, существовавших в литературной практике: персидские, а вслед за ними и турецкие авторы зачастую не соблюдали данные требования и создавали как *кыт'а* с рифмованным первым бейтом, так и *кыт'а* значительного объема.

На фоне отсутствия тюркских поэтологических трактатов, в которых уделялось бы место описанию жанров и жанровых

форм диванной литературы (известные науке тюркские поэтологические трактаты, принадлежащие перу Алишера Навои (XV в.) и Захираддина Мухаммада Бабура (XVI в.), посвящены преимущественно исследованию метрической системы *аруз*), немаловажным источником, позволяющим уточнить значение термина «*кыт'а*» в турецкой литературе, являются *тезкире*, представляющие собой средневековые сборники биографий поэтов, снабженные образцами их творчества. *Тезкире* составлялись знаатоками литературной традиции, наиболее образованными представителями своего времени, среди которых были ученые, преподаватели медресе, секретари, каллиграфы, поэты, судьи. Выводы, представленные в данной статье, основаны на исследовании материалов *тезкире* XVI–XIX вв.: *тезкире* «Восемь раев» (1538) Сехи (?–1548), «Тезкире поэтов» (1546) Лятифи (?–1582), «Розовый сад поэтов» (1564) Ахди (?–1593), «Тезкире поэтов» (1597) Беяни (?–1597), «Тезкире поэтов» (1640) Рызы (?–1671), «Протокол поэтов» (1661) Гюфти (?–1677), «Избранные произведения для дополнения к „Избранным поэтам“» (1727) Белига (?–1729), «Тезкире поэтов» (1722) Салима Эфенди (?–1743), «Антология поэтов мевлеви» (1797) Эсрара Деде (?–1797), «Тезкире поэтов» (1814) Шевкята Багдадлы (?–1826), «Сад умножающих радость» (1835) Эсада Эфенди (?–1848), «Пророчество поэтов» (1853) Фатина (?–1866).

Тезкире являются важным источником, свидетельствующим о популярности и продуктивности жанровой формы *кыт'а* в турецкой диванной литературе XVI–XIX вв. *Кыт'а* являлась формой поэтического экспромта, и многие стихотворения данной жанровой формы без связи с контекстом их создания теряли смысл и художественную ценность, поэтому поэты редко помещали их в *диваны*. В *диванах* турецких поэтов количество *кыт'а* с течением времени менялось: у поэтов XV–XVI вв. оно сравнительно невелико: в среднем на одного поэта приходится по 19 *кыт'а*, в XVII–XVIII вв. на одного поэта приходится уже 66,7 *кыт'а*. Это связано с ростом количества *кыт'а*, содержащих хронограмму-*тарих*, в которой была зашифрована дата того или иного со-

бытия: включение *тарихов* в текст *кыт'а* послужило причиной повышения престижа *кыт'а* как жанровой формы, которая сохраняла значимую информацию для потомков и соотносилась в понимании читателя с вечностью.

В то же время авторы *тезкире* имели возможность в рамках своих работ описать ситуацию, послужившую основой для создания той или иной *кыт'а*-импровизации, тем самым сохраняя смысл произведения для читателя. Интересно, что в *тезкире* количество *кыт'а* практически не менялось с течением времени: авторы *тезкире* XVI и последующих веков охотно включали их в свои работы. Так, в *тезкире* у Сехи зафиксированы 7 *кыт'а*¹, в *тезкире* Лятифи — 13, Ахди — 27 *кыт'а*, Беяни — 16, Рызы — 10, Гюфти — 3. В *тезкире* Белига — 8 *кыт'а*, в *тезкире* Салима Эфенди — 15, в *тезкире* Фатина — 34, Эсада Эфенди — 8, Шевкята Багдадлы — 4. Помимо того, что *тезкире* содержат тексты *кыт'а* поэтов, не вошедшие в их *диваны*, некоторые авторы включают в свои работы указания на количество *кыт'а*, написанных тем или иным поэтом. Так, например, тезкирист Лятифи пишет, что поэт Зати (конец XV — 1-ая пол. XVI вв.) оставил после себя около тысячи *рубайи* и *кыт'а* [Latîfî 1999: 479], однако в *диване* самого поэта не сохранилось ни одной *кыт'а*.

Помещая *кыт'а* в тексты своих работ, авторы турецких *тезкире* руководствовались несколькими целями: они инсталлировали фрагменты или полные тексты *кыт'а* в качестве иллюстрации к биографии поэта или образца его творчества, завершали рассказ о жизни поэта при помощи *кыт'а*, содержавшей хронограмму-*тарих*, в которой была зашифрована дата его смерти. Такие *кыт'а* добавляли рассказу о жизни поэта живости и занимательности.

Значительная часть зафиксированных авторами *тезкире* *кыт'а* представляла со-

¹ Подсчет количества *кыт'а* в текстах *тезкире* проводился без учета стихотворений и отрывков, не озаглавленных авторами как «*кыт'а*», ввиду того, что формальные показатели *кыт'а* не всегда позволяют верно отличить фрагмент стихотворения от самостоятельного стихотворения. Количество *кыт'а* в *тезкире* значительно больше.

бой остроумные высказывания, которые поэты сочиняли экспромтом. Окруженные соперниками, завистниками и клеветниками, придворные стихотворцы нередко оказывались в затруднительной ситуации и были вынуждены парировать обвинения недругов с помощью *кыт'а*. Например, в *тезкире* Ахди описан любопытный случай: поэт Ата сочинил *кыт'а*, в которой высказал свое негодование по поводу кражи, совершенной неким Кючюком Таби, вынесшим из кофейни чашку:

*Какая радость тебе, Таби, обладатель
краденого?*

Ты оклеветал и очернил меня!

Но я-то знаю, что ты сделал!

*Я тебе покажу, как воровать! Я тебе
покажу чашку!*

[Ahdî 2009: 232]

С помощью приведенной *кыт'а* поэт пытается очиститься от наветов и нападок настоящего вора — Таби. От обвинений в воровстве защищался в своих *кыт'а* и Ревани (конец XV — начало XVI вв.), уличенный в расхищении вверенного его заботам каравана, о чем мы узнаем из *тезкире* Лятифи [Latîfî 1999: 366].

Часто авторы *тезкире* приводили переписку поэтов, представлявшую собой обмен остроумными *кыт'а*. Предметом поэтического спора могли служить вопросы авторства того или иного стихотворения или выяснение того, кто из них наиболее талантлив. Так, известна переписка Зати (конец XV — начало XVI вв.) и Месихи (конец XV — начало XVI вв.): в своих *кыт'а* Зати обвинял Месихи в поэтическом воровстве, а Месихи отвечал на это, что он «не ребенок, чтобы есть разжеванные другими мысли» [Latîfî 1999: 305]. Благодаря *тезкире* читатель знакомится со стихотворной перепиской Неджати (2-ая пол. XV в.) и Михри Хатун (2-ая пол. XV в.), перепиской Затии Ревани и др.

Приведем остроумную *кыт'а* Мешреби (1-ая половина XVI в.), который неоднократно обвинял поэта Хаяли (1-ая половина XVI в.) в поэтическом воровстве:

*Когда Хаяли читал свои стихи один за
другим,*

Я тихонько прошептал ему на ухо:

Чьи это газели? А он сказал:

Если не появится хозяин, то все — мои
[Latîfî 1999: 305].

Кыт'а, помещенные в тексты *тезкире*, хранят множество бытовых деталей и подробностей, касающихся внешности и особенностей характера поэтов. Так, тезкирист Сехи записал остроумную *кыт'а*, экспромтом сочиненную Кятибом Шевки (XVI в.), высмеявшим своего приятеля поэта Ликаи (XVI в.), страдавшего от приступов кашля [Sehî 1998: 179]. Сехи также приводит *кыт'а* Кятиба Шевки, в которой тот высмеял поэта Мевляну Висали (XVI в.), часто критиковавшего чужие стихи. Висали не прошел обряд обрезания, и этот физический недостаток умело обыграл в своей *кыт'а* Кятиб Шевки [Sehî 1998: 166]. Иногда поводом для создания *кыт'а* могла стать смешная бытовая ситуация. Например, известность получила *кыт'а* Махреми (XVI в.) о поэте Кешфи (XVI в.), записанная Лятифи:

Кешфи купил жене ткани,

Но купленная ткань оказалась слишком тонкой.

Женщина, увидев ее, сказала:

Если это для меня, то придется обматываться ею потуже

[Latîfî 1999: 293].

Другой целью, которую преследовали составители *тезкире*, включая в свои тексты образцы *кыт'а*, являлась иллюстрация творчества того или иного поэта. Как правило, они отбирали *кыт'а*, представлявшие собой афоризмы философского характера, размышления о бренности всего сущего, несправедливости мироздания или превратностях любви. Кроме того, в *тезкире* сохранилось множество *кыт'а*, в которых поэты прославляли своих покровителей, а также стихотворений-хронограмм, пейзажных зарисовок или описаний предметов (например, описания подарков, полученных от богатых меценатов).

Помимо того, что *тезкире* позволяют нам сделать определенные выводы относительно популярности и продуктивности жанровой формы *кыт'а* на всех этапах ее функционирования, равно как расширить

наши представления о ее тематическом многообразии, они представляют порой уникальный материал для определения ее формальных признаков. Всего в текстах *тезкире* автором статьи было обнаружено 143 стихотворения и стихотворных фрагмента, озаглавленных составителями *тезкире* как «*кыт'а*». Обращаясь к одному из основополагающих формальных признаков *кыт'а* — объему, необходимо учитывать тот факт, что составители *тезкире* приводили тексты *кыт'а*, как и стихотворений других жанровых форм, не полностью, поскольку при большом количестве включенных в антологию стихотворцев и образцов их поэтического творчества представить произведения без сокращений было невозможно. Поэтому у нас отсутствует доказательная база для формулирования однозначных выводов об объеме *кыт'а* на основании *тезкире*. Тем не менее, данные, полученные при анализе текстов *тезкире*, коррелируют с нашими наблюдениями над *кыт'а* турецких поэтов, помещенными в *диваны* XV–XIX вв. В период с XV по XVII вв. более половины от всех зафиксированных в *диванах кыт'а* приходилось на стихотворения объемом в два бейта: в XV в. — 59 %, в XVI в. — 56 %, в XVII в. — 46 %. Объем *кыт'а*, упоминаемых в *тезкире* рассматриваемого периода, в большинстве случаев (126 *кыт'а* из 143) также составляет два бейта. Среди *кыт'а* с большим объемом встречаются девять, состоящие из трех бейтов, шесть *кыт'а* — из четырех, три *кыт'а* — из пяти, одна *кыт'а* — из одиннадцати бейтов (стихотворение-хронограмма *тарих*). Под заголовком *кыт'а* приводится также один фрагмент, представляющий собой один бейт.

Гораздо больше информации можно почерпнуть из *тезкире* относительно принципа рифмовки *кыт'а*. Рассмотрим полученные наблюдения в хронологическом порядке. Автор *тезкире* XVI в. Сехи [Sehî 1998] в своей работе приводит шесть *кыт'а*: все они имеют рифмовку *ab cb...*, т. е. в них соблюдается зафиксированный в персидских поэтологических трактатах принцип отсутствия парной рифмы в начальном бейте *кыт'а*. В *тезкире* Лятифи (XVI в.) [Latîfî 1999] приведены одиннадцать *кыт'а* со способом рифмовки *ab cb...* и две *кыт'а* с

рифмованным первым бейтом (т. е. со способом рифмовки *aa ba...*). Это означает, что Лятифи считал возможным озаглавить стихотворение с парной рифмой в первом бейте как «*кыт'а*». В *тезкире* Ахди (XVI в.) [Ahdî 2009] 23 *кыт'а* имеют рифмовку *ab cb...*, три из приведенных *кыт'а* имеют рифмовку *aa ba...*, а одна *кыт'а* — рифмовку *aaaa* (принцип рифмовки, применявшийся при создании *рубай*¹). Другой автор XVI в. Бейяни [Beÿânî 2008] в своем *тезкире* приводит двенадцать *кыт'а* с рифмовкой *ab cb...*, две — с рифмовкой *aa ba...*, одну — с рифмовкой *ab bb cb bb db...* (способ рифмовки, характерный для строфических стихотворений, снабженных припевом-рефреном) и одну *кыт'а* *aa ba cc* (т. е. схема рифмовки напоминает строфу стихотворения (*aa ba*) с рефреном (*cc*)).

Возможно, обозначение словом «*кыт'а*» отрывков стихотворений, относящихся к разным жанровым формам, — это отголосок персидской традиции. Так, по свидетельству З. Н. Ворожейкиной, в антологии персидской поэзии Мухаммада Ауфи (1228) разнородные стихотворные отрывки озаглавлены как «*кыт'а*» [Ворожейкина 1999: 46]. В этом смысле термин «*кыт'а*» оказывается синонимичным терминам «*стихи*» (*şir, nazm*) или «*бейты*» (*beytler, ebyat*), которые авторы турецких *тезкире* этого времени употребляют в значении 'отрывок, фрагмент'.

В *тезкире* турецких авторов XVII в. Рызы [Zavotçu 2009] и Гюфти [Yılmaz 2001] примерно то же соотношение *кыт'а* с разными принципами рифмовки, что и в XVI в. В *тезкире* Рызы приведены семь *кыт'а* со способом рифмовки *ab cb...*, две *кыт'а* со способом рифмовки *aa ba...* и одна *кыт'а* со способом рифмовки *aa bb cc dd* (способ рифмовки, характерный для поэм-*месневи*). В *тезкире* Гюфти помещено всего три *кыт'а*: одна из них имеет принцип рифмовки *ab cb...*, вторая — *aa ba...*, третья — *aa bb...*

¹ *Рубай* — жанровая форма ближневосточной поэзии, стихотворение, состоявшее из четырех строк-*мисра*, рифмованное по принципу *aaba* или *aaaa*. В отличие от других форм турецкой поэзии, которые могли создаваться разными размерами *аруза*, *рубай* писали только особыми вариантами размера *хазадж*.

Авторы *тезкире* XVIII в. относят к *кыт'а* только стихотворения с принципом рифмовки *ab cb...* или *aa ba...*. Стихотворения и стихотворные фрагменты с принципами рифмовки, характерными для других жанровых форм турецкой литературы, в этот период они уже не называют термином «*кыт'а*», закрепляя за такими стихотворными отрывками термины «*бейты*» (*ebyat*) или «*стихи*» (*şir*). Приведенные в *тезкире* Белига [Belig 1999] шесть из восьми *кыт'а* имеют рифмовку *ab cb...*, две *кыт'а* рифмуются по принципу *aa ba...*. Салим Эфенди [İnce 2005] в своем *тезкире* приводит пятнадцать *кыт'а*, двенадцать из которых рифмуются по схеме *ab cb...*, три — по схеме *aa ba...*

В XIX в. зафиксированные в *тезкире* *кыт'а* также рифмуются по способу *ab cb...* или *aa ba...*. Так, Фатин [Çiftçi 1996] называет *кыт'а* стихотворения и с рифмовкой *ab cb...* (семнадцать *кыт'а*), и с рифмовкой *aa ba...* (семнадцать *кыт'а*). В *тезкире* Эсада Эфенди [Oğuş 2001] термин «*кыт'а*» упоминается восемь раз (четыре стихотворения имеют рифмованный первый бейт, четыре — нерифмованный). В *тезкире* Шевкята Багдадлы [Kılıç 2005] все стихотворения, помещенные под заголовками «*кыт'а*», рифмуются по принципу *ab cb...*

Из вышеизложенного можно заключить, что авторы *тезкире* XVI–XVII вв. по преимуществу относили к *кыт'а* стихотворения без парной рифмы в первом бейте, однако в некоторых случаях они включали в *тезкире* и *кыт'а* с рифмованным первым бейтом; в единичных случаях они относили к *кыт'а* стихотворения с принципами рифмовки, характерными для других жанровых форм турецкой поэзии (*рубай*, *месневи*, *теркиб-бендов* и *терджи-бендов*). Авторы *тезкире* XVIII–XIX вв. допускают как отсутствие, так и наличие парной рифмы в первом бейте *кыт'а*, однако в отличие от авторов XVI–XVII вв. не употребляют термин «*кыт'а*» в отношении стихотворений с принципами рифмовки, характерными для других жанровых форм турецкой поэзии, даже в единичных случаях.

Таким образом, предпринятый анализ турецких *тезкире* XVI–XIX вв. позволяет сформулировать следующие выводы. На

всем протяжении функционирования жанровой формы *кыт'а* к ней относили как стихотворения, содержащие парную рифму в первом бейте, так и стихотворения с нерифмованным первым бейтом, однако в большинстве случаев под «*кыт'а*» и сами авторы стихотворений, и создатели *тезкире* понимали стихотворения без парной рифмы в первом бейте. В то же время в рассматриваемом временном континууме наблюдается тенденция к постепенному «сужению» значения термина «*кыт'а*»: так, с XVIII в. термин «*кыт'а*» в *тезкире* перестал использоваться для обозначения «отрывков» или «фрагментов» различных жанровых форм и стал употребляться только в качестве названия жанровой формы.

Литература

- Ардашников А. Н., Рейснер М. Л. История литературы Ирана в Средние века (IX–XVII вв.). Москва: ИД «Ключ-С», 2010. 499 с.
- Ворожейкина З. Н. Кыта — стихотворение-«фрагмент» в персидской поэтической культуре // Неизменность и новизна художественного мира. Сб. памяти Е. Э. Бертельса. М., 1999. С. 36–58.
- Ahdî Bağdatlı. Gülşen-i Şu'arâ. Denizli, 2009. 317 p. [электронный ресурс] // URL: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10730,aggpdf.pdf?0> (дата обращения: 16.03.2016).
- Belig İ. Nühbetü'l âşâr li-zeyli zübdeti'l-eş'âr. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yayınları, 1999. 554 p.
- Beyânî. Tezkiretü'ş-şu'arâ. Ankara, 2008. 245 p. [электронный ресурс] // URL: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10732,girispdf.pdf?0> (дата обращения: 16.03.2016).
- Çiftçi Ö. Fatîn Davud. Hâtimetü'l-eş'âr. 1996. 451 p. [электронный ресурс] // URL: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10736,metinpdf.pdf?0> (дата обращения: 16.03.2016).
- Esrar Dede. Tezkire-i Şu'arâ-yı Mevleviyye. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yayınları, 2000. 596 p.
- İnce A. Tezkiretü'ş-şu'arâ Sâlim Efendi. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yayınları, 2005. 756 p.
- Kılıç F. Tezkire-i Şuara-i Şefkat-i Bağdadî. Ankara, 2005. 165 p. [электронный ресурс] // URL: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10742,metinsbpdf.pdf?0> (дата обращения: 16.03.2016).

- Latîfî. Latîfî tezkiresi. Ankara: Akçağ, 1999. 533 p.
- Oğraş R. Esad Mehmet Efendi ve Bağçe-i Safâ-Endûz'u. Burdur, 2001. 194 p. [электронный ресурс] // URL: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10734,bahcepdf.pdf?0> (дата обращения: 16.03.2016).
- Sehî. Sehî Bey tezkiresi. Neşt Behişt. Ankara: Akçağ, 1998. 302 p.
- Yılmaz K. Güftî ve Tesrifâtü'ş-Şuara'sı. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yayınları, 2001. 300 p.
- Zavotçu G. Zehr-i Mâr-Zâde Seyyid Mehmed Rızâ Hayatı Eserleri Edebi Kişiliği ve Tezkiresi. Kocaeli, 2009. 209 p. [электронный ресурс] // URL: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10746,metinpdf.pdf?0> (дата обращения: 16.03.2016).

References

- Ardashnikova A. N., Reysner M. L. *Istoriya literatury Irana v Srednie veka (IX–XVII vv.)* [History of Iranian literature in the Middle Ages (IX–XVII)]. Moscow, Klyuch-S Publ., 2010, 499 p. (In Russ.).
- Vorozheykina Z. N. *Kyta — stikhotvorenies-«fragment» v persidskoy poetiche-skoy kul'ture* [Qita — a 'fragment' poem in Persian poetical culture]. *Neizmennost' i novizna khudozhestvennogo mira. Sb. pamyati E. E. Bertelsa* [Constancy and Novelty of the World of Art. A collection of articles commemorating E. Bertels]. Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS) Press, 1999, p. 36–58 (In Russ.).
- Ahdî Bağdatlı. *Gülşen-i Şu'arâ*. Denizli, 2009, 317 p. Available at: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10730,aggpdf.pdf?0> (accessed: 16 March 2016) (In Turkish).
- Belig İ. *Nühbetü'l âşârli-zeylizübdeti'l-eş'âr*. Ankara, Atatürk Cultural Center Press, 1999, 554 p. (In Turk.).
- Beyânî. *Tezkiretü'ş-şu'arâ*. Ankara, 2008, 245 p. Available at: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10732,girispdf.pdf?0> (accessed: 16 March 2016) (In Turk.).
- Çiftçi Ö. *Fatîn Davud. Hâtimetü'l-eş'âr*. 1996, 451 p. Available at: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10736,metinpdf.pdf?0> (accessed: 16 March 2016) (In Turk.).
- Esrar Dede. *Tezkire-i Şu'arâ-yı Mevleviyye*. Ankara, Atatürk Cultural Center Press, 2000, 596 p. (In Turk.).

- İnce A. *Tezkiretü's-şu'arâ SâlimEfendi*. Ankara, Atatürk Cultural Center Press, 2005, 756 p. (In Turk.).
- Kılıç F. *Tezkire-i Şuara-i Şefkat-i Bağdadî*. Ankara, 2005, 165 p. Available at: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10742,metinsbpdf.pdf?0> (accessed: 16 March 2016) (In Turk.).
- Latîfî. *Latîfî tezkiresi*. Ankara, Akçağ Publ., 1999, 533 p. (In Turk.).
- Oğraş R. *Esad Mehmet Efendi ve Bağçe-i Safâ-Endûz'u*. Burdur, 2001, 194 p. Available at: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10734,bahcepdf.pdf?0> (accessed: 16 March 2016) (In Turk.).
- Sehî. *Sehî Bey tezkiresi. Heşt Behişt*. Ankara, Akçağ Publ., 1998, 302 p. (In Turk.).
- Yılmaz K. *Güftî ve Tesrifâtü's-Şuara'sı*. Ankara, Atatürk Cultural Center Press, 2001, 300 p. (In Turk.).
- Zavotçu G. *Zehr-i Mâr-Zâde Seyyid Mehmed Rızâ Hayatı Eserleri Edebi Kişiliği ve Tezkiresi*. Kocaeli, 2009, 209 p. Available at: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10746,metinpdf.pdf?0> (accessed: 16 March 2016) (In Turk.).
-

О термине «Кыт'а» в турецких тезкире XVI–XIX вв.Анастасия Игоревна Семина¹¹ аспирант, кафедра тюркской филологии, Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация). E-mail: aiseмина@mail.ru

Аннотация. В данной статье предпринята попытка выявить, что понимали авторы турецких антологий поэзии *тезкире* XVI–XIX вв. под термином «кыт'а», и проследить, какие изменения претерпевал данный термин в рассматриваемый период. Термин «кыт'а» по-арабски означает 'фрагмент' и в то же время является названием отдельной жанровой формы. Отсутствие тюркоязычных трактатов, в которых бы освещались признаки жанровой формы «кыт'а», стало основной причиной того, что автор обратился к материалам *тезкире*, которые, как и трактаты, представляют собой источники. Опираясь на них, можно делать определенные выводы о литературной рефлексии. Кроме того, материалы *тезкире* позволяют определить, насколько популярной и продуктивной была жанровая форма *кыт'а* в разные периоды ее функционирования в турецкой литературе. Данное исследование построено на материале *тезкире* Сехи (?–1548), Лятифи (?–1582), Ахди (?–1593), Беяни (?–1597), Рызы (?–1671), Гюфти (?–1677), Белига (?–1729), Салима Эфенди (?–1743), Эсрара Деде (?–1797), Шевкята Багдадлы (?–1826) Эсада Эфенди (?–1848) и Фатина (?–1866). Автором были отобраны и проанализированы с точки зрения объема и способов рифмовки — важнейших формальных признаков, описанных в персидских трактатах и служивших основополагающими принципами классификации поэтических форм — стихотворения / стихотворные фрагменты, озаглавленные в *тезкире* как «кыт'а». Кроме того, используя метод контекстного анализа, автор сфокусировал внимание на случаях употребления термина «кыт'а» и пришел к следующим выводам: в XVI–XVII вв. термин «кыт'а» применялся как к стихотворениям, написанным в жанровой форме *кыт'а*, так и к фрагментам стихотворений других жанровых форм; начиная с XVIII в. термин «кыт'а» стал употребляться только для обозначения стихотворений, написанных в форме *кыт'а*, т. е. к этому времени термин утратил значение 'фрагмент'. Система рифмовки, распространенная в поэтической практике, отличалась от описанной в трактатах: несмотря на зафиксированное в поэтологических трактатах правило об отсутствии парной рифмы в первом бейте *кыт'а*, поэты зачастую нарушали это правило, примеры чему мы во множестве находим в *тезкире*. Объем *кыт'а*, записанных в *тезкире*, варьирует от 2 до 11 бейтов, большая часть *кыт'а* имеет объем 2 бейта. Несмотря на то, что *тезкире* могут служить источником для уточнения объема *кыт'а* с оговорками, поскольку в *тезкире* редко фиксировались тексты стихотворений целиком, данные, полученные на материале *тезкире*, коррелируют с данными, полученными на материале *диванов* турецких поэтов того же периода.

Ключевые слова: турецкая средневековая литература, *кыт'а*, *тезкире*, принцип рифмовки, объем

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 28, Is. 6, pp. 68–76, 2016
 DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-68-76
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 3-39-398; 09-091

«The History of Uneker Torliktu khan»: Transformation of written Text into oral Form

Baazr A. Bicheev¹

¹ Ph. D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Head of Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: baazr@mail.ru

Abstract. The article deals with the process of transforming the handwritten text of Kalmyk literature “The History of Uneker Torliktu khan” into an oral form. It is noted that the free co-existence of the work in oral and written form was promoted by a combination of instructiveness with fascinating content and features of the book tradition of the Kalmyks.

The story of “The History of Uneker Torliktu khan” refers to the genre of the transformed avadana, whose fabulous content praises the value of Buddhist teaching. The text consists of a traditional introductory and final frame for such works and a main part comprising four chapters. During the transformation of the written text into an oral form, the introductory and final framing was lost. Only the main part was directly preserved.

The starting point of the process of transition of a literary work into an oral form was the internal gravitation of the written text to its original oral form. The fabulous plot of the main part of the work, artificially created on the basis of the “evil stepmother”, written in the form of folklore motif, continued to preserve all the functions of the fairy tale.

It is known that the written texts in the book culture of the Mongolian peoples mostly were not read, but obeyed. Fans of the book literature of the past when reading the written text to listeners accompanied it with oral comments that were fixed in the minds of listeners and contributed to the loss of elements of the text literacy. Nevertheless, the oral text continued to retain in its content some elements of written form that give it some distinctive features distinguishing it from folklore texts of similar content.

Thus, the “History of Uneker Torliktu khan” on the one hand is a literary work, on the other hand it is a sample of oral folk art, and finally it represents a certain form of religious preaching in its internal content.

Keywords: Buddhist literature, handwriting, oral form, a transformation, a written tradition

Одним из произведений старописьменной калмыцкой литературы, получившим широкое распространение не только на «ясном письме», но и в устной форме, является «История Унекер Торлиktу хана» (ойр. *Ünek̄er Törölkitü xāni tuuji orošibo*) [Сазыкин 1988: №№ 307–310; Gerelmaa 2005: № 293; Galdan 2013: 1]. Известно несколько вариантов этого произведения в калмыцком фоль-

клоре [Горяева 2011: 58–59]. Одна сказка под названием «Үмкә Төрлт хан» была записана в 1960-е гг. у известного сказителя С. Манджикова [Хальмг туульс 1968: 239–247]. В фольклоре ойратов Синьцзяна этот сказочный сюжет известен под разными названиями: «Ünengkü Törölkitü xān» [Haan Tenggeri 1986: 41–53], «Ünengker Törölkitü xān», «Ünenmkei Törölkitü xān», «Yeke

tergen xān», «Ayu ċiken Abxai ceseq», «Oyu ċiken Abxai ceseq inu üliger» [Galdan 2013: 2–3] и др.

В связи с широким распространением письменной и устной версий этого произведения определенный интерес вызывает процесс трансформации письменного текста в устную форму. Для анализа перехода письменного повествования «История Унекер Торлику хана» в устную форму рассмотрим калмыцкую сказку «Үмкә Төрлт хан», поскольку именно в ее содержании сохранились некоторые элементы, которые дают возможность понять данный процесс. Но прежде необходимо в общих чертах обозначить жанровые, функциональные и композиционные особенности письменного текста. Сосуществующие в двух противоположных, но в то же время взаимосвязанных системах произведения продолжают сохранять в своем содержании некоторые общие черты.

«История Унекер Торлику хана» относится к повествовательному жанру калмыцкой старописьменной литературы и представляет собой прозаический текст, одним из действующих лиц которого является Будда Шакьямуни. В зависимости от характера его участия в описываемых событиях такие тексты в буддийской литературе принято делить на джатаки и авадамы.

Джатаки (санскр. *jātaka*, тиб. *skyes rabs*; ойр. *törliyin üye*, букв. ‘рождённый’) — это повествования, в которых Будда выступает активным действующим лицом рассказов о прошлом и является участником нынешних событий, послуживших поводом для таких историй. Связывая события настоящего и прошлого, повествование устанавливает причинно-следственную связь между ними, самим Буддой и лицами, фигурирующими в историях, им поведанных. В авадамах (санскр. *avadana*, тиб. *rtogs brjod*) Будда лишь демонстрирует окружающим прямую причинно-следственную связь между событиями нынешнего времени и далекого прошлого. Сам же он к ним ни в настоящем, ни в прошлом непосредственного отношения не имеет.

В буддийской литературе также известны трансформированные джатаки и авадамы, в сказочной форме восхваляющие ценность учения и пользу от соблюдения буддийских морально-этических норм. В их содержании естественно сочетаются поучительность и увлекательная манера изло-

жения. Сохраняя свое главное назначение — адаптировать в сознании простых верующих морально-этические установки буддийского учения, они в то же время акцентируют внимание читателей и слушающих на демонстрации причинно-следственных связей, определяющих жизнь и будущее рождения всех живых существ. В традиции буддизма такие произведения принято рассматривать как одну из форм проповеди учения.

Тексты трансформированных джатак и авадамы организованы в диалогической форме («вопрос — ответ»). В фиксированной литературной форме они состоят из обрамления (вводная и заключительная части) и основного повествования (сказочный сюжет). В вводной части раскрываются конкретные обстоятельства, при которых произошло то или иное событие в жизни Будды; основную часть составляет сюжет, поведанный Буддой; в заключительной части Будда раскрывает причинно-следственную связь между нынешними событиями и событиями прошлого. Структура произведений, состоящих из обрамления и основной части, вполне логична, поскольку обрамляющая и основная части текста связаны общей темой проповеди. В ходе развития письменной традиции и влияния на нее устной некоторые элементы этой структуры утрачивались. Как правило, сохранялись основная и заключительная части повествования. Подобный процесс трансформации наблюдается в текстах известных в старописьменной калмыцкой литературе произведений подобного вида: «Будда и брахман» (ойр. *Vurhan birman хоуор*) [Санджиев 2009: 17–22], «Принц Эрдени Зурекен» (ойр. *Tüb oronı tusa bütüqsen xān küböün Erdeni Züreken*) [Меняев 2009: 11–17], «Шастра о Хашанг хане» (ойр. *Хаşing xāni şaştir oroşıboi*) [Galdan 2014: 106–127], «Öqligö Bedereqci sayın xāni tuçji» [Хонхо 1927: 109–111] и др.

Именно к таким трансформированным текстам относится «История Унекер Торлику хана». Во-первых, в основной части повествования, основанного на фольклорном мотиве «злая мачеха», действительно возносится ценность учения и морально-этических норм буддизма. Из содержания текста становится очевидным, что Будда не является активным действующим лицом непосредственных событий прошлого. Он лишь повествует об одном из прошлых

перерождений бодхисаттвы Авалокитешвары и объясняет в заключительной части обрамления прямую причинно-следственную связь между нынешними событиями и событиями далекого прошлого [Бичеев 2016: 80–82].

В этом достаточно большом по объему повествовании, состоящем из обрамления и четырех глав основного содержания, Будда поведал о том, как злые силы привели в упадок некогда процветавшее государство Унекер Торлику хана вследствие его привязанности к чувственному миру. Первая глава начинается с описания благоденствующей страны и завершается бегством малолетних детей хана в далекую страну Шанхала. По установленной в буддийской литературе традиции, эта глава, как и все остальные (кроме последней, четвертой), завершается указанием ее названия: «Начальная [глава] о том, как два ребенка, в силу своего малолетнего возраста, вытерев слезы, пролитые от печали при расставании с чиновником [Аянгу], вырвались из пасти шулмуски (ведьмы) и с радостью направились в страну Шанхала» (ойр. *Tende-ēce xoyor kiiiken tiišimel-ēce xaγacaxui-du nasun ičiiikeni tula: sedkil emgenin xurumxa uyilaji nilbusu-bēn arčid: šumnu emeyin aman-ēce aldoulun: bayartai-bēr zöün xoyitu zabsariyin Šangxalayin oroni zörin ödö boluqsan uridu bui*).

Вторая глава начинается с описания долгого и трудного пути двух юных героев и заканчивается их благополучным прибытием в страну Шанхала. Она названа так: «Вторая [глава] о том, как принц Оюн Чикиту и Эрдэни Авха Цецек прибыли в Шанхалу и в стране распространилось счастье и благоденствие» (ойр. *Oyou Čikitu xān küböün Erdeni Abxai Ceceq xoyoula: Šangxalayin oron-du kürün amuγuulang bayasxulanggiyin ölzöi badaraqsan xoyoduyār bui*).

Основное событие третьей главы — женитьба повзрослевшего за время пребывания на чужбине принца Оюн Чикиту на младшей сестре правителя Шанхалы и женитьба ее брата Саналин чимэг на старшей сестре главного героя повествования. Эта глава названа «Третья [глава] под названием Благоденствие о дружбе принца Оюн Чикиту, Эрдэни Авха Цецек, Саналин Чимэг, Седкелин Чимэг и управлении государством Шанхала по закону Дхармы» (ойр. *Oyou Čikitu xān küböün Erdeni Abxai Ceceq Sanaliyin Čimeq Sedkiliyin Čimeq dörbüülē*

sedkil nayiruldun: Šangxalayin oroni nomiyin yosör tedküksen bayasxulangtai kemēkü yutayār bui).

Последняя, четвертая, глава не имеет отдельного названия. В ней повествуется о том, как главный герой, вернувшись в родную страну, убивает шулмуску (ведьму) и освобождает своего отца Унекер Торлику хана, а затем вместе с многочисленными подданными перекочевывает в страну Шанхала. Эта четвертая глава завершается заключительной частью обрамления, состоящей из единственной фразы Будды о том, что «Авалокитешвара явил часть своих достоинств всем живым существам, переродившись в образе принца Оюн Чикиту» (ойр. *Erketü Nidübēr [üzüqči] erdemi tobčiyin tödüi üzüülüksen-ēce tuurbijī Gyu Čikitü xān küböün-dü töröl abun xamuq amitani nomiyin yosör tedküksen*).

В ходе трансформации письменного текста в устную форму обрамление (вводное и заключительное) утратилось. Сохранилась только основная часть, и повествование обрело форму обычной сказки. Существованию произведения в двух противоположных, но в то же время взаимозависимых системах способствовало не только сочетание поучительности с увлекательным содержанием, гармонично сведенных в пространстве буддийского текста строго структурированной формой произведения, но и рядом других факторов, связанных с книжной традицией калмыков. Как известно, письменные тексты в книжной культуре монгольских народов в большей части не читались, а слушались. Любители книжной словесности не только читали [Смирнов 1999: 76] и собирали [Очиров 2006: 172] полюбившиеся им произведения, но и знакомили с их содержанием окружающих. При этом наиболее известные тексты заучивались и практически не читались, а декламировались. Г. Н. Потанин пишет, что хорошо знавший монгольское письмо известный западномонгольский сказитель, дербет из Улангома Сарисын, учитель знаменитого сказителя Парчина, исполнял текст «Истории Багамай-хатун» «под аккомпанемент хура, струнного инструмента» [Очерки... 1883: 649]. Даже при беглом взгляде на содержание устной версии текста видно, что оно практически идентично письменной версии повести [Бичеев 2013: 39].

Однако сказитель Сарисын — явление уникальное, а большинство любителей

книжной словесности не были сказителями. Тем не менее, имея даже самое общее представление о сказительской традиции калмыков, можно предположить, что и чтение (практически декламация, поскольку текст был хорошо знаком исполнителям) произведения попутно сопровождалось комментариями (пояснениями) того или иного эпизода, имевшего непосредственное отношение к читаемому тексту. Прежде всего, они могли быть связаны с теми местами в тексте, которые сохранили реликты традиции дословного перевода с тибетского языка [Яхонтова 1996: 34]. Широко распространенные письменные произведения популярного характера обретали форму, близкую к разговорной речи, но, тем не менее, существовавшая письменная традиция продолжала удерживать их в рамках своего пространства. Ярким свидетельством такого явления является устная версия «Истории Унекер Торлику хана».

В содержании калмыцкого варианта сказки «Үмкэ Төрлт хан» сохранился один из комментариев, который, не имея прямой связи с основным сюжетом, связан непосредственно с традицией чтения (слушания) книжных текстов. В конце текста калмыцкой сказки есть одно интересное добавление от сказителя, в котором говорится, что человеку, желающему набраться разума, необходимо прослушать «Историю Унекер Торлику хана», а желающему прослезиться — прослушать «Историю Усень Дебескерту хана» (калм. *Эн туужин тускар иим үлгүр бээдм: уха сурх күн «Үмкэ Төрлт хана тууж» соңсхм, уульхан хээн күн «Үсн Девскртин тууж» соңсхмн*) [Хальмг туульс 1968: 247].

При этом сам сказитель отмечает, что слышал эту сказку в детстве от старца по имени Ангарык (калм. *Аңгрэ*). На момент записи текста сказки, осуществленной сотрудницей Калмыцкого НИИЯЛИ А. Ц. Бембеевой в 1964–1965 гг., сказителю Санджи Манджикову было 73 года. Таким образом, текст этой сказки отражает состояние сказительской традиции конца XIX в., когда еще была жива традиция чтения (слушания) книжных текстов.

Упомянутая в содержании сказки «История Усень Дебескерту хана» представляет собой популярное произведение калмыцкой старописьменной литературы жанра поучений (калм. *сургаал*) [Хонхо 1927: 74–84]. Известны и устные сказания

об Усень Дебескерту хане [Страхов 1810]. Появление этого комментария в содержании сказки связано, во-первых, с пробуждением интереса слушателей к определенному литературному произведению, во-вторых, со стремлением сохранить их главное назначение — закрепить в сознании простых верующих морально-этические установки буддийского учения. Несмотря на то, что в сказке, в отличие от письменного текста, отсутствуют явные буддийские установки, в них имманентно присутствуют элементарные базовые идеологемы, которые лежат в основе представлений каждого верующего: воздаяние и обретение благого рождения. Поэтому, по словам сказителя, чтобы «набраться разума» (калм. *уха сурх күн*), необходимо прослушать «Историю Унекер Торлику хана», а чтобы «прослезиться» от благоговения перед ценностью учения, необходимо прослушать «Историю Усень Дебескерту хана».

Прежде чем обратиться к содержанию устной версии, напомним, что в структуре калмыцкой сказки «Үмкэ Төрлт хан» отсутствует обрамление, которое утратилось при обретении письменным текстом устной формы. В экспозиции как письменного, так и устного вариантов восхваляется страна хана Унекер Торлику (калм. *Үмкэ Төрлт*). Вполне естественно, что каждая редакция текста делает это традиционными и органичными для ее традиции средствами. В письменном тексте — это центральное княжество Индии, в котором Унекер Торлику хан вместе с бесчисленным количеством своих подданных живет в мире и благоденствии, поскольку находится под защитой Трех Драгоценностей буддизма. В устном варианте — это некое благоденствующее эпическое государство.

Дальнейшее развитие сюжета связано с описанием сборища нечистой силы. Пять сотен ведьм (шулмусок), собравшись на совете, решают разрушить благополучие страны. Для исполнения задуманного младшая из ведьм отправляется туда и насылет смертельную болезнь на мудрую жену Унекер Торлику хана, когда та выходит по надобности в предрассветный час. В этой части устного повествования присутствует еще один комментарий рассказчика, который объясняет народное представление о том, что человек, нарушивший запрет и вышедший за порог дома во внеурочное время без головного убора и с расстегнутым воро-

том, может подвергнуться болезни, насланной нечистой силой (калм. *Улгурнь келхлэ, күн гисн юмн сөөһин кептрэс цаг биш цагла толһа нуцкн, захин топч кептэн таалыта һарх йосн уга*) [Хальмг туульс 1968: 247].

Сравнение имен основных персонажей письменного и устного вариантов свидетельствует о том, насколько, с одной стороны, изменился письменный текст при переходе в устную форму и, с другой стороны, как он все еще продолжает оставаться в поле притяжения письменной традиции. В тексте памятника имена героев по установившейся в старописьменной литературе традиции представляют собой дословный перевод санскритских имен. В устной форме они обретают более логичное для калмыцкого языка звучание. Унекер Торлику хан назван в устной версии *Үмкэ Төрлт хан*. Его супруга Буяни Белгин Герел названа *Цаһан Теңгрин күүкн*. Их дети — принц Оюн Чикиту и принцесса Эрдени Абахай Цецек — в устной версии именуются Аю Чикт и Авх Цецг Окн. Воплощение пяти зол шулмуска Алала Панка — Алала Бембг шулм, а глава шеститысячного собрания чиновников Аялгу — Аюк түшмл.

Дальнейший сюжет устной и письменной версий связан с последовательным развертыванием мотива «злая мачеха», состоящего из кумулятивной цепи событий: *болезнь и смерть ханши — женитьба хана на шулмуске, принявшей облик дочери пастуха — мнимая болезнь мачехи-шулмуски — требование умертвить ханских детей для извлечения их сердец — спасение детей — долгий путь и благополучное прибытие в другую страну — женитьба и возвращение повзрослевшего героя — уничтожение шулмуски — освобождение отца и подданных — перекочевка в Шамбалу*.

В письменном тексте, жестко замкнутом в рамках вступительного и заключительного обрамления, определяющем все произведение как религиозную проповедь, все указанные эпизоды сказочного мотива до предела наполнены вставками и дополнениями религиозного содержания. Так, эпизод «болезнь и смерть ханши», который лишь обозначен в устной версии, в содержании письменного текста становится очевидным поводом для наставлений по центральной теме буддийского учения о непостоянстве всего сущего и неизбежности смерти. Она не могла не найти своего отражения в повествовании об Унекер Торлику хане, по-

скольку отношение простых верующих к смерти является одной из важнейших особенностей их религиозного мироощущения.

Мудрая ханша перед смертью поведала хану о том, что в предсмертной медитации ей удалось увидеть «чистую землю», место ее будущего рождения, что жизнь не вечна и подобна волшебному миражу, что волны четырех океанов (страдания, старости, болезни и смерти) накрыли мир живых существ. В своем предсмертном завещании она просит хана, чтобы тот, находясь под прибежищем Трех Драгоценностей, проявлял усердие в практике Учения; осознав на ее примере неизбежность смерти всего сущего, он неустанно развивал в себе сострадание ко всем живым существам и ради блага всех живых существ неотступно направлял их на путь учения вплоть до полного достижения ими святости. Ханша напоминает мужу о том, что властителям свойственно после смерти старших жен жениться на молодых девушках, которые обычно подвергают мучениям пасынков и падчериц. Она просит оградить своих детей от такой напасти и сообщает, что сразу же после смерти, минуя череду рождений, ей суждено появиться из цветка лотоса в раю Сукхавади перед ликом самого будды Амитабхи. Находясь там, она «крюком» милосердия будет способствовать их рождению в «чистой земле». Как сказано в тексте повествования, «мудрая ханша, произнесла: „Это мое истинное завещание!“, освободилась от страданий, сразу же вступив из первого на третий уровень медитации» (ойр. *Mini zürekeni üge bui kemēn zarliq bolun üyiledēd: uridu samadi-ēce yutayār samadi-du yasalang-ēce nōqčibeī*).

Подобные наставления по этой центральной теме буддийского учения в тексте письменного памятника повторяются дважды. Второй раз это происходит в эпизоде «мнимая болезнь», когда мачеха-шулмуска почти слово в слово повторяет слова мудрой ханши. С одной стороны, этот прием повторения помогает закрепить в сознании верующих основной постулат буддийского учения, с другой — придает убедительную реалистичность притворству шулмуски и психологизм содержанию произведения.

Теоретические построения философского буддизма о непостоянстве всего сущего и неизбежности смерти были недоступны для понимания простых мирян, но именно они стали основой для формирования традиционного представления о смерти. Теоретиче-

ские установки были соотнесены с традиционными представлениями и выражены в форме наставлений в содержании внеканонических текстов, подобных «Истории Унекер Торликут хана». При этом подлинность изложенного в нем и его наполненность высшим религиозным смыслом не подвергались сомнению верующими.

С женитьбы хана на ведьме, принявшей облик дочери простого пастуха, начинается следующий этап развития сюжета письменной и устной версий. Непосредственными участниками событий, кроме самого хана, злой мачехи (шулмуски) и чиновника Аялгу (калм. *Аюк түшмл*), выступают малолетние дети хана — принц Оюн Чикиту (калм. *Аю Чикт*) и принцесса Эрдени Абахай Цецек (калм. *Авх Цецг Окн*).

В содержании эпизода «Требование умертвить ханских детей для извлечения их сердец» как в устном, так и в письменном вариантах появляется умершая мать детей, которая помогает своим детям в опасной для их жизни ситуации. Первое ее появление в письменном и устном текстах происходит в тот момент, когда детей собираются умертвить, чтобы вынуть их сердца, для лечения мнимо больной мачехи-шулмуски. Если в содержании сказки сохранился лишь один эпизод с появлением умершей ханши, то в письменной версии она появляется дважды. Во второй раз ее появление связано с угрозой голодной смерти детей во время долгого и трудного похода в страну Шанхала (в устной версии — мифическая Шамбала). В письменном тексте эпизод развернут до размера главы, в котором есть стихотворные благопожелания, молитвы, описания переносимых детьми страданий.

В устной версии «долгий путь и благополучное прибытие в другую страну» занимает всего два абзаца. Несмотря на краткое изложение этого события, в сказке сохранились элементы из прежней письменной формы, связанные с религиозным наполнением ее содержания. Во время долгого пути в другую страну, когда заканчивается пища, дети по совету старшего чиновника находят места бывших стоянок и, раскопав землю, где находился жертвенный костер, выкапывают остатки масла и жира. Примечательно, что здесь сохранилась фраза о том, что сестра героя, несмотря на недостаток еды, совершала традиционное

подношение пищи буддам: *Көвүн күүкн хойр һарад йовад, кесг цагтан йовад йобб. Хотнь чилв. Одак Аюкин келсэр нүүж одсн хотна ормд ирдэд, һал тээсн һулмтиг малтад ик тос, хорһ абб. Тигэд цааран һарад йобб. Хот идсн цагларн дееж өргэд, деежэн дүүдэн өгэд йобб. Йовад, йовад Шамбл орн шидрдэд ирв. Хотнь чилэд одв* [Хальмг туульс 1968: 244].

В содержании устной версии есть еще два эпизода, в которых сохранились элементы письменного текста в процессе его трансформации в устную форму. Первый из этих элементов, по всей видимости, связан с древним обычаем «умерщвления стариков», отзвуки которого сохранились в фольклоре многих народов [Андреев 1929; Thompson 1961; Велецкая 2009; Кисляков 1970; Хальмг туульс 1968]. В эпизоде «Уничтожение шулмуски» герой повествования, прежде чем убить мачеху-шулмуску, просит разрешения у отца. Поскольку отец под влиянием злых чар находится в полуживом состоянии, то в устном варианте герой произносит свою просьбу вслух и сам же дает положительный ответ. Более убедительно это действие описано в письменном варианте. Герой кладет ханскую тиару на престол и трижды просит разрешения убить мачеху-шулмуску. Затем он надевает ханскую тиару на себя, садится на ханский престол и трижды дает положительный ответ себе на свою же просьбу.

Второй эпизод связан с эпизодом «Перекочевка в Шамбалу» (или Шанхалу — в письменном тексте). В устном варианте откочевка из родной страны объясняется тем, что земля стала непригодной вследствие пагубного воздействия на нее яда шулмуски: «Стало ясно, что нельзя было оставаться на этой земле, поскольку прошло слишком много времени, яд шулмуски отравил землю и глубоко пропитался в нее. Порешили так: „Откочуем с этой земли и поселимся на чистой земле“» (калм. *Эн һазр-уснд нутглэж бээж боли уга, дегд удан ут цаг болад одсн, шулмин хорн дегд икар хорлгдэж одсн, шидгэж одсн һазр-усн болж һарв. Тигэд шиидвртэн шииджэнэ: «Эн һазр-уснас нүүхмн, цевр һазр-уснд курч бүүрлхмн»*) [Хальмг туульс 1968: 246].

В письменном варианте в качестве причины откочевки назван тот факт, что принц Оюн Чикету стал правителем страны Шанхала и подданные отправляются

в путь за своим правителем. *Zöün zügiyin Šanghalayin oron-du xān küböün erkešin: tere oroni [73b] ulus бүкүни өбөрийин erkēr yabuuxu bolji: xān küböün-ēce хаҕасаху үгеи sedkilten: бүкүн тере oron-du una күлгүн күнесү батулји тенде одун үйүледије.*

Таким образом, анализ содержания письменного памятника «История Унекер Торлику хана» и сказки «Үмкэ Төрлт хан» дает возможность сформировать некоторое представление о процессе перехода письменной формы произведения в устную. Отправным этапом этого процесса является внутреннее тяготение письменного текста к своей изначальной устной форме. Основная часть текста, представляющая собой сказочный сюжет на мотив «Злая мачеха», искусственно оформленная в письменную форму, продолжала сохранять в себе все функции устной сказки.

Любители книжной словесности прошлого при чтении (декламации) письменного текста сопровождали его устными комментариями, которые закреплялись в сознании слушающих и способствовали утрате элементов «книжности». Однако устный текст продолжал сохранять в своем содержании некоторые элементы письменной формы, которые придавали ему своеобразие, отличающее его от других фольклорных текстов с мотивом «Злая мачеха».

Таким образом, «История Унекэр Торлику хана», с одной стороны, представляет собой литературное произведение, с другой — образец устного народного творчества. По своему внутреннему содержанию эта история представляет собой определенную форму религиозной проповеди.

Литература

- Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Гос. Рус. географ. общ-во, 1929. 118 с.
- Бичеев Б. А. Функции обрамления буддийских притч // KANT. 2016. № 4. С. 78–82.
- Велецкая Н. Н. Символы славянского язычества. М.: Вече, 2009. 320 с.
- Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.
- Кисляков Н. А. О древнем обычае в фольклоре таджиков // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 70–82.
- Меняев Б. В. Ойратский перевод истории одного деяния Будды // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 11–17.

Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Багамай-хатун»). Факсимиле рук., исслед., пер. с ойр., транслит. и комм. Б. А. Бичеева. Элиста: КИГИ РАН, 2013. 259 с.

Очиров Н. О. Живая старина. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.

Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР: В 3 т. М.: Наука, 1988. Т. 1. 507 с.

Санджиев Ч. А. Ойратский перевод буддийской притчи «Будда и брахман» // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 17–22.

Смирнов П. Путевые заметки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 248 с.

Страхов Н. Н. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитв, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни. Савардин, СПб.: Тип. Шнора, 1810. 97 с.

Хонхо. Калмыцкая хрестоматия для чтения в аймачных и в младших отделениях улусных школ, примененная к обучению русского языка посредством перевода. Сост. учитель Короволукинской школы Александровского улуса Шургучи Болдырев. 1906. Вып. III. Прага: Изд-ие Калм. Комиссии культ. работников в ЧСР, 1927. 255 с.

Хальмг туульс. II боть. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1968. 264 х.

Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.

Thompson S. The Types of the Folktale: a Classification and Bibliography, Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Helsinki, 1961. 542 p.

Galdan Do. Ünenker törölketu sayin хаҕан-у туҕуји орошiba. Šinjiyang-un arada-un keblel-un хогҕи-а. Urumči, 2013. 296 х.

Galdan Do. Туҕуји үлигер-үн емкидегел. Šinjiyang-un arada-un keblel-un хогҕи-а. Urumči, 2014. 455 х.

Gerelmaa G. Brief Catalogy of oirat manuscripts kept by Institute of language and literature bu Gerelmaa Guruuchin. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл. Ulaanbaatar, 2005. 270 с.

Haan Tenggeri. Šinjiyang-un arada-un keblel-un хогҕи-а, 1986. № 4. 128 х.

References

- Andreev N. P. *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne* [The Aarne Tale Type Index].

- Leningrad, State Russian Geographical Society Press, 1929, 118 p. (In Russ.).
- Bicheev B. A. *Funktsii obramleniya buddiyskikh pritch* [Functions framing Buddhist parables]. *KANT (journal)*, Stavrolit Publ., 2016, No. 4, pp. 78–82 (In Russ.).
- Veletskaya N. N. *Simvolny slavyanskogo yazychestva* [Symbols of Slavic paganism]. Moscow, Veche Publ., 2009, 320 p. (In Russ.).
- Goryaeva B. B. *Kalmytskaya volshebnyaya skazka: syuzhetnyy sostav i poetiko-stilevaya sistema* [The Kalmyk magic fairy tale: plot composition and poetic-stylistic system]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 128 p. (In Russ.).
- Kislyakov N. A. *O drevnem obychnom v fol'klore tadzhikov* [Revisiting the ancient tradition in Tajik folklore]. *Fol'klor i etnografiya* [Folklore and ethnography], Leningrad, 1970, pp. 70–82 (In Russ.).
- Menyaev B. V. *Oyratskiy perevod istorii odnogo deyaniya Buddy* [An Oirat translation of the story about Buddha's one deed]. *Mir «yasnogo pis'ma»* [The world of 'Clear script']. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2009, pp. 11–17 (In Russ.).
- Oyratskaya versiya «Istorii Beloj Tary» («Povesti o Bagamaj-hatun»)* [An Oirat version of the "History of the White Tara" ("The story of Bagamai-hatun")]. Facsimile, research, transl. from Oyr., translit. and comment. by B. Bicheev. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2013, 259 p. (In Russ.).
- Ochirov N. O. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. Elista, Kalm. Book Publ., 2006, 398 p. (In Russ.).
- Sazykin A. G. *Katalog mongol'skikh rukopisey i ksilografov Instituta Vostokovedeniya AN SSSR: V 3 t.* [Catalogue of Mongolian manuscripts and woodblock prints stored at the Institute of Oriental Studies (USSR Acad. of Sc.): in 3 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1988, vol. 1, 507 p. (In Russ.).
- Sandzhiev Ch. A. *Oyratskiy perevod buddiyskoy pritchi «Budda i brakhman»* [An Oirat translation of the parable 'Buddha and a Brahmin']. *Mir «yasnogo pis'ma»* [The world of 'Clear script']. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2009, pp. 17–22 (In Russ.).
- Smirnov P. *Putevye zametki po Kalmyckim stepyam Astrahanskoj gubernii* [Travel notes on the Kalmyk steppes of the Astrakhan province]. Elista, Kalm. Book Publ., 1999, 248 p. (In Russ.).
- Strakhov N. N. *Nyneshnee sostoyanie kalmytskogo naroda, s prisovokupleniem kalmytskikh zakonov i sudoproizvodstva, desyati pravil ikh very, molitv, nrovouchitel'noy povesti, skazki, poslovits i pesni* [The Kalmyk people: current state. Kalmyk laws and judicial procedures, ten rules of their faith, prayers, didactic stories, fairy tales, proverbs and songs]. St. Petersburg, Schnor Publ., 1810, 97 p. (In Russ.).
- Khonkho. *Kalmytskaya khrestomatiya dlya chteniya v aymachnykh i v mladshikh otdeleniyakh ulusnykh shkol, primenennaya k obucheniyu russkogo yazyka posredstvom perevoda. Sost. uchitel' Korovolukinskoy shkoly Aleksandrovskogo ulusa Shurguchi Boldyrev* [A Kalmyk reader for aymag and junior ulus schools for the learning of Russian by means of translation. Comp. by Sh. Boldyrev]. 1906, iss. III. Prague, ČSSR Kalm. Commission of Cultural Workers Press, 1927, 255 p. (In Russ. and Kalm.).
- Khal'mg tuul's. II bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 2]. Elista, Kalm. Book Publ., 1968, 264 p. (In Kalm.).
- Yakhontova N. S. *Oyratskiy literaturnyy yazyk XVII veka* [The 17th century Oirat language]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1996, 152 p. (In Russ.).
- Thompson S. *The Types of the Folktale: a Classification and Bibliography*, Antti Aarne. Second revision translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961, 588 p. (In Eng.).
- Galdan Do. *Ünenker törölketiü sayin xayyan-u tuyujü orošiba. Šinjiyang-un arada-un keblel-un xoryi-a*. Urumči, 2013, 296 p. (In Mong.).
- Galdan Do. *Tuyujü üliger-iün emkidegel. Šinjiyang-un arada-un keblel-un xoryi-a*. Urumči, 2014, 455 p. (In Mong.).
- Gerelmaa G. *Brief Catalog of Oirat manuscripts stored at the Institute of Language and Literature (Gerelmaa Guruuchin)*. Ulaanbaatar, 2005, 270 p. (In Mong.).
- Haan Tenggeri. Šinjiyang-un arada-un keblel-un xoryi-a*, 1986, No. 4, 128 p. (In Mong.).

УДК 3-39-398; 09-091

«История Унекер Торлику хана»: трансформация письменного текста в устную формуБаазр Александрович Бичеев ¹

¹ доктор философских наук, заведующий, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: baazr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации рукописного текста калмыцкой литературы «История Унекер Торлику хана» в устную форму. Отмечается, что свободному сосуществованию произведения в устной и письменной форме способствовали сочетание поучительности с увлекательным содержанием и особенности книжной традиции калмыков.

«История Унекер Торлику хана» относится к жанру трансформированных авадан, в сказочном содержании которых восхваляется ценность буддийского учения. Текст состоит из традиционного для таких произведений вступительного и заключительного обрамления и основной части, включающей четыре главы. В ходе трансформации письменного текста в устную форму вводное и заключительное обрамление утратилось, и сохранилась лишь основная часть.

Отправным этапом процесса перехода литературного произведения в устную форму стало внутреннее тяготение письменного текста к своей изначальной устной форме. Сказочный сюжет основной части произведения, искусственно созданный на основе оформленного в письменную форму фольклорного мотива «Злая мачеха», продолжал сохранять в себе все функции сказки.

Известно, что письменные тексты в книжной культуре монгольских народов в большей части не читались, а слушались. Любители книжной словесности прошлого при чтении слушателям письменного текста сопровождали его устными комментариями, которые закреплялись в сознании слушающих и способствовали утрате элементов «книжности» текста. Тем не менее, устный текст продолжал сохранять в своем содержании отдельные элементы письменной формы, которые придают ему некоторое своеобразие, отличающее его от фольклорных текстов подобного содержания.

Таким образом, «История Унекер Торлику хана», с одной стороны, представляет собой литературное произведение, с другой — образец устного народного творчества и, наконец, по своему внутреннему содержанию этот памятник представляет собой определенную форму религиозной проповеди.

Ключевые слова: буддийская литература, рукописный текст, устная форма, трансформация, письменная традиция

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 77–88, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-77-88
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 821.161.1

The 'Kalmyk Tale' Narrated by Ye. Pugachev — Pushkin's Philosophical Parable

Bairta A. Kichikova¹

¹ Ph.D. in Philology, Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kigiran@mail.ru

Abstract. The article considers the 'Kalmyk tale' in terms of the genre theory and by means of a special analysis of the genre of parable. The allegorical meaning of Pugachev's 'tale' emerges out of the context of Pushkin's prose, especially *The Journey to Erzurum...* and *The Captain's Daughter*. The intertextual relations of symbolic and allegorical characters ('a raven and a dove', 'the Eagle and the Raven'), in turn, are determined by the specificity of the biblical texts, primarily those of the Old Testament. Allusions, reminiscences, and replicas of biblical precepts, teachings and parables define the genre originality of Pugachev's 'Kalmyk tale' as a philosophical parable. And it is in this form that the *Parable about the Eagle and the Raven* gets included in Pushkin's 1830s philosophy of history.

Keywords: 'Kalmyk tale', 'old Kalmyk woman', Pugachev, Pushkin, *The Eagle and the Raven*, allegory, parable, biblical texts, philosophy of history

У «калмыцкой сказки» из романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836) едва ли не более сложная система рассказчиков, чем в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» (1830).

Передача текста «сказки» в ретроспективе напоминает перевернутую пирамиду и организована по вертикали — из настоящего в прошлое.

1. «Издатель» подготовил к публикации «записки» Петра Андреевича Гринева о событиях 1773–1774 гг. со своим кратким послесловием. Подготовленная к печати рукопись снабжена пометой: «19 окт. 1836» (VIII, 374)¹.

¹ Тексты А. С. Пушкина приводятся в статье с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по репринтному воспроизведению Большого академического издания: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949, — дополненного к юбилею*

2. Примерное время создания «записок» определяется замечанием их автора: «Ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия» (VIII, 318). Из вычисления Пушкиным года рождения героя следует, что зимой 1773 г. Петру Гриневу было 18 лет (VIII, 928). «Записки» адресованы не только прямым потомкам автора, но и читателям будущих поколений.

3. В «записки» включена рассказанная Пугачевым юному Гриневу зимой 1773 г. «сказка» об орле и вороне. Из некоторых особенностей передачи текста «сказки» заметно, что Пугачев является ее «соавтором».

поэта: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, кроме передачи черновых вариантов.*

4. Пересказ обрамлен настойчивыми указаниями Пугачева на «этническую принадлежность» сюжета об орле и вороне: «<...> в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. <...> Какова калмыцкая сказка?» (VIII, 353).

В перспективе же функционирование включенного в роман текста «сказки» может быть уподоблено конусу рупора и ориентировано по горизонтали — открыто во времени.

1. «Старая калмычка», условный персонаж с функцией хранительницы народной мудрости, некогда, в «предроманном» времени, рассказала эту «сказку» — возможно, одному Пугачеву, возможно, несколькими «ребятам».

2. В свою очередь Пугачев рассказывает «калмыцкую сказку» Гриневу, в момент восприятия этого «сокровенного сказания» его значения не понявшему. Пугачев — промежуточное, но важное звено в передаче текста «сказки», поскольку относится к ней как к произведению фольклора и в своем исполнении может вносить в нее некие изменения.

3. Запомнившаяся Гриневу с юности, тоже почти «в ребячестве», «калмыцкая сказка» получает письменную фиксацию, сюжетную обусловленность, связи с контекстом романа и его адресацией: «Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» (VIII, 318–319).

4. «Записки» Гринева к выходу в свет готовит «издатель». На этом уровне текста «сказки», функционирующего в романе как один из ключевых эпизодов его сюжета и как важное звено его содержательных связей, «старая калмычка», Пугачев, автор «записок» и их «издатель» объединяются в личности подлинного Автора, создающего связь событий и времен в своем романе.

Упоминание о старой калмычке уводит ее сказку в даль времен, устами героя определена ее национальная принадлежность — «калмыцкая сказка». Так волею Автора романа утверждается фольклорное (коллективно-народное), а не литературное (индивидуально-личное) происхождение сказки об орле и вороне.

«Калмыцкая сказка» действительно обладает определенными признаками народно-поэтического текста. Как известно, ни в

калмыцком, ни в русском сказочном фольклоре ее источник обнаружить не удалось [Гиллельсон, Мушина 1977: 150–151; Борисова 1988: 108–111; Кичикова 2016: 111–112]. Называя пугачевскую «сказку» басней (взамен термина «притча»), А. А. Потехня заметил: «<...> около басни Пугачева группируется целый круг людей, подобных Пугачеву, таких, которые предпочитают быть орлом на час, чем вороном навек. Что Пугачев стоит тут не одиноко, доказывается в разных языках пословицами. Многие сербские разбойники говорят то же самое» [Потехня 1976: 508, 561 — примеры]. Смысловой стержень пугачевской «сказки» вырастает из противопоставления, выраженного грамматической конструкцией «чем..., лучше...»: «Нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз выпить живой кровью» (VIII, 353). Разумеется, указанное противопоставление, как и общая тема «Осмотрительные трусы живут дольше храбрецов», щедро питают мировую паремиологию, в том числе и пословичный фонд ойратов и их этнических преемников — калмыков: в своде Б. Х. Тодаевой мы отметили свыше тридцати блестящих примеров [Пословицы 2007: 24–25, 87, 89, 90, 91, 92, 164, 309, 311, 312, 313, 320, 342, 344, 345, 360–363, 458, 480, 564, 568, 586, 597, 603–604]. Однако универсальность паремиологической темы не предполагает ее «наполнения» тождественными персонажами, в том числе и «зоологическими». Привлекшая наше внимание единственная в своем роде калмыцкая пословица, построенная на антитезе орла (калмыцкое название птицы отражает представления о ней как о земном воплощении мифологической птицы Гаруды) и ворона, семантически совершенно далека от смыслового стержня пушкинской «калмыцкой сказки»:

Гәрд шовун хорта моһа хораҗ чаддг,

Керә — чаддг уга, теду мет

Билг төгсгән әмтн харңһуһан әрлһҗ чаддг,

Тенг әмтн — чаддг уга.

Птица Гаруда истребит ядовитую змею,

А ворон — нет; точно так же

Талантливые люди рассеют мрак невежества,

А глупые — нет

[Пословицы 2007: 79].

Пословица основана на универсальной мифологеме Орла/Птицы Гаруды, истребляющего змею. Отличие от мифологического архетипа очевидно в противопоставлении

Орла Ворону и развивающемся сопоставлении из дидактической второй части двучленной пословицы — Гаруды, змеи и Ворона с талантом, невежеством и глупостью.

Одним из признаков «фольклорности» сказки об Орле и Вороне является столь тонко созданное ее Автором участие «соавтора» в передаче–пересказе–исполнении ее текста. «Каждый устный вариант фольклорного сказочного сюжета — это и особое, индивидуальное *исполнение*; можно сказать, что натуральная сказка имеет исполнительскую природу», — отмечает исследователь-литературовед [Непомнящий 2001: 242]. «Исполнение неповторимо, оно представляет собой не воспроизведение, а творчество», — формулирует исследователь-фольклорист [Лорд 1994: 118]. Роль Пугачева в процессе «сотворчества» при «исполнении» сказки освещена предваряющим комментарием: «„Слушай“, — сказал Пугачев с каким-то диким **вдохновением**. — “Расскажу тебе сказку <···>”» (VIII, 353). Это слово имеет у Пушкина особую смысловую ответственность (ср.: «вдохновенный кудесник» в «Песни о вещем Олеге», весь контекст боговдохновенности явления поэта и его слова в «Пророке», «Поэте», «Поэту», «Египетских ночах» и др.).

Пугачев не только примеряет к себе образ Орла, но и отождествляет себя с ним как с царственным олицетворением власти, силы и гордости: «Орел подумал: давай попробуем и **мы** питаться тем же» (VIII, 353). В предшествующем «сказке» тексте романа мужицкий «царь» избегает прямого употребления местоимения «мы» как формы «множественного величия», но полукomicески прибегает к притяжательному местоимению «наши»: «Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?» (VIII, 355). А жест Орла — «махнул крылом» (в знак неприятия предлагаемой пищи — «мертвечины», и возвращения к привычной — «пить живую кровь») — вызывает в памяти ужасные мновения пугачевской руки, как привиделось еще в пророческом сне Петруше Гриневу. «<···> Мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. <···> комната наполнилась мертвыми телами» (VIII, 289); «Предводитель их остался один впереди. <···> Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал...» (VIII, 324); «Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком», «Пугачев

махнул опять платком» (сцена казни Ивана Кузмича и Ивана Игнатьевича — VIII, 324, 325). Как видим, пугачевская «сказка» вырастает из контекста романа и перерастает простую функцию вставного эпизода.

Закономерно, что мятежный Пугачев ассоциируется с орлом и, таким образом, завершает пушкинский художественный комплекс свободы / воли, слагавшийся с начала 1820-х гг. «У Пушкина орел олицетворяет не только власть и силу, но и свободу («Зачем от гор и мимо башен / Летит орел, тяжел и страшен, / На чахлый пенъ? Спроси его...»); он поступает, как хочет сам, «никому не подчиняясь» [Эткинд 1999: 302–303]. Метафора орла объединяет традиционные для европейской культуры коннотации со значением вершин власти «орел — царь — власть — воля» и индивидуально-пушкинские коннотации со значением высот духа «орел — товарищ — поэт — свобода». Многозначность русского слова «воля» как синонима «свободы» и «своеволия» может стать понятой из знаменательной связи подробностей в «Капитанской дочке»: трагическитоскливого выкрика Пугачева «Воли мне мало!» — его «дикого вдохновения» — его рассказа об упоении орла «живой кровью».

Самоотождествление Пугачева с символом царской власти определяется устойчивыми сравнениями его с орлом (или фольклорным эквивалентом — ястребом), рассыпанными в тексте романа. Попадая, прятая Машу, обеспамятевшую после казни родителей, негодует: «И ведь пошел окаянный за перегородку; как ты думаешь! Ведь отдернул занавес, взглянул **ястребиными своими глазами!** — и ничего... бог вынес!» (VIII, 328). Уморительный рассказ казака призван подтвердить «народную» идентификацию самозванца как самодержца: «Нечего сказать: все приемы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские знаки свои на грудях: на одной **двуглавый орел**, величиною с пятак, а на другой персона его» (VIII, 329). Главе X «Осада города» предпослана в качестве эпиграфа слегка измененная Пушкиным цитата из эпической поэмы М. М. Хераскова «Россиада» (1779): «С вершины, **как орел**, бросал на град он взоры», — знакомой читателю пушкинского времени. «Таким образом, контекст, появляющийся в сознании читателя, намекал на «царственный» облик Пугачева», — поясняют комментаторы [Гиллельсон, Мушина 1977: 141]. После эпизодов спасения

невесты и расставания с Пугачевым о надвигающейся развязке «русского бунта, бессмысленного и беспощадного» Гринев пишет, прибегая к семантически родственной «орлиной» метафоре гнезда — с выражено оценочным эпитетом: «Пугачев стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду» (VIII, 363).

Подлинным же, по нашему мнению, ключом к уяснению смысла ряда образов романа и, в частности, «калмыцкой сказки» является эпизод небывалой по остроте лирического переживания символики из предшествующего «Капитанской дочке» прозаического произведения — «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» (1835). Впечатление от увиденного на рассвете, в лагере на пути к Карсу, двуглавого потухшего вулкана Алагёз [Летопись 1999: 967], принятого поэтом за гору Арарат — пристанище Ноева ковчега после великого потопа, описанного в ветхозаветной книге Бытия, переживается как мощное духовное событие. «Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» — спросил я потягиваясь, и услышал в ответ: «это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — **и врана и голубицу**, излетающих, символы казни и примирения...» (VIII, 463).

Книга Бытия повествует о надежде на спасение мира и человечества: «И седе ковчег в месяц седмый, в двадесать седмый (в русском переводе — в семнадцатый. — Б. К.) день месяца на горах араратских. <...> И бысть по четыре десятих днех отверзе Ное оконце ковчега, еже сотвори, и посла врана (видети, аще уступила вода от лица земли): и пошед не возвратися, дондеже изсяче вода от земли. И посла голубицу по нем <...> И промедлив еще седмь дний, паки посла голубицу из ковчега. И возвратися к нему голубица к вечеру, и имяше сучец масличен с листвием во устех своих: и позна Ное, яко уступи вода от лица земли» (Быт. 8: 4, 6–8, 10–11).

Спустя сорок дней ожидания на горе Арарат Ной «выпустил первого вестника, ворона, который, однако же, вылетев и найдя, видимо, обильную для себя пищу в трупах на вершине обнажившихся гор, не дал ясного извещения о состоянии земли» [Ло-

пухин 2016: 53]. В этом прямом, событийном библейском смысле понимаются слова «вран... символ казни» — как наказания Божия человечеству, погрязшему во грехах.

Пушкинское осмысление символики врана / ворона задано еще в отрицательном сравнении из пролога к поэме «Братья разбойники» (1821–1822) и прогностически связано темой «душегубства» с «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой»:

Не стая воронов слеталась
На груди тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вкруг огней
Удалых шайка собиралась

(IV, 145)

Вран / ворон как «символ казни» и «мертвечины» терзает творческое воображение Пушкина со второй половины 1820-х гг. — после казни декабристов. «Ворон в голубой ливрее» мелькнет в одном из вариантов сна Татьяны (V глава, 1826) [см.: Набоков 1999: 409, 414]; «Ворон к ворону летит», призывая на страшный пир, в «шотландской балладе» [см.: Новикова 1995: 129–162]; ожидающий кончины благодетеля наследник назван «ворон, к мертвечине падкий» («На выздоровление Лукулла», 1835); наконец, хрестоматийный пример — злоеший каламбур схваченного Пугачева в его ответе на вопрос: «Как же смел ты, вор, называться государем?» — приведен Пушкиным в «Истории Пугачева» (1834–1835): «**Я не ворон** (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), **я вороненок, а ворон-то еще летает**» (IX, 78), — видимо, подразумевая, что сам он лишь предвестник народной воли и кровавого народного возмездия.

Значение другого библейского образа — «голубицы» с масличной ветвью, «символа примирения», упрочилось в сознании поэта еще с отроческих лет — с грозных и великих событий Отечественной войны 1812 г., Заграничного похода русской армии и взятия Парижа. Символика примирения переносится на императора Александра I как в гражданственном, так и в церковном красноречии. В «Слове перед начатием благодарного Господу Богу молебствия...» Преосвященный Августин, Епископ Дмитровский и Викарий Московский, 23 апреля 1814 г. под сводами Московского большого Успенского собора возвещает: «Александр, подобно Ноевой голубице, несет к народам

масличную ветвь в знамение общего мира — в знак того, что кровавый потоп должен прекратиться на лице земли, что исчезнут тучи браней и всюду воссияет тишина и спокойствие» [цит. по: Михайлова 2016: 29].

Та же символика спасения и примирения пронизывает строки из пушкинского стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» (конец 1814 г., прочитано на лицейском экзамене перед Г. Р. Державиным 8 сентября 1815 г.):

В Париже Росс! — где факел мщенья?

Поникни, Галлия, главой.

Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья

Грядет с оливою златой.

Еще военный гром грохочет в отдалении,
Москва в унынии, как степь в полнощной
мгле,

А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благодатный мир земле.

(I, 63)

Соответствие библейских символических «персонажей» Ноева ковчега персонажам «Капитанской дочки» иногда закономерно, иногда кажется неожиданным. Так, «излетающий» первым «вран» — и перед Гриневым предстает первым: «<…> ко мне вошел молодой офицер **невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым**, но чрезвычайно живым». (VIII, 296). В последний же раз Гринев увидел Швабрина в Казани, во время следствия и суда по делу об участии в бунте: «Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, **недавно черные как смоль**, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена» (VIII, 368). Швабрин был сослан в Белогорскую крепость за убийство, перейдя на сторону пугачевцев, и вовсе отяготил свою совесть предательством, убийствами, клеветой, насильственным удержанием в неволе Маши. Выражаясь языком «Путешествия в Арзрум», Швабрин — «вран, символ казни». Выражаясь же языком «калмыцкой сказки», — это ворон, питающийся «мертвечиной». Внутренняя характеристика здесь совпала с портретом персонажа, что у Пушкина встречается нечасто, но в «Капитанской дочке» обусловлено задачами стилизации «под» литературу XVIII в., а главное — задачами создания глубинной символики романа и его действующих лиц, характеристики которых бывают подчас до наивности просты — как в народном лубке или библейской притче.

«Символ примирения», а с евангельских времен — кроткой, чистой души — «голубица». В романе, по понятным причинам, этому символу соответствует Маша. «Смела ли Маша? — отвечала ее мать. — <…> как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, **моя голубушка**, чуть со страха на тот свет не отправилась» (VIII, 298). Чаще всего так же называет Машу заменившая в ее сиротстве мать, добрая попадья: «Лежит, **моя голубушка**, у меня на кровати, там за перегородкою. <…> К счастью она, **моя голубушка**, не узнала его» (Пугачева. — Б. К.) (VIII, 329); «А Марья-то Ивановна — всего натерпелась без вас, **моя голубушка!**» (VIII, 359); «Прощай, Марья Ивановна, **моя голубушка!**» (VIII, 359); так же назвал девушку отправившийся в Белогорскую крепость вместе с Гриневым спасать ее «из когтей» Швабрина Пугачев: «Скажи мне, **голубушка**, за что твой муж тебя наказывает? В чем ты перед ним провинилась?» (VIII, 355).

Символика «орнитологических персонажей» библейского сказания и «калмыцкой сказки» способна внести новые оттенки смысла в коллизию и проблематику пушкинского романа. Ведь птица, по древним поверьям, понимается как душа [Новикова 1995: 252]. Во время работы над «вторым слоем» романа Пушкин пишет Наталье Николаевне: «Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю. Читаю Вальтер Скотта и Библию <…>» (конец сентября 1834 г. Из Болдино; XV, 192–193) [см.: Левкович 1987: 192–193].

Пушкинское знание Библии представляется гораздо более глубоким и значительным, чем это показали исследования на рубеже XX–XXI вв. [Мальчукова 1994; Новикова 1995; Юрьева 1998; Сурач 2000]. Это поистине «воды глубокие». Возможно, задумываясь о судьбе Гринева после «пугачевщины» или о людях гриневского склада, Пушкин записывает свое переложение двух ветхозаветных притчей (что не было отмечено И. Ю. Юревой в ее своде):

Воды глубокие
Плавно текут,
Люди премудрые
Тихо живут

(1833–1835; III, 471).

Приведем соответствующие церковнославянские тексты и переводы их на русский язык, до которых поэт, к счастью, не дожил:

«Вода глубока слово в сердцы мужа,
река же изскачуши и источник жизни»
(Притч. 18:4)

«Вода глубока совет в сердцы мужа;
муж же премудр изчерплет ю»
(Притч. 20:5)

Рассматривая особенности иносказания и художественного обобщения в своих «Лекциях по теории словесности», А. А. Потебня обратился к следующему ряду примеров: притча Иофама о терновнике (Суд. 9: 8–15), притча Нафана к Давиду о любимой овечке бедняка (2 Цар. 12: 7–4), басня Степихора о споре оленя с конем, «калмыцкая сказка» из «Капитанской дочки» [Потебня 1976: 466–470]. Всем этим произведениям ученый дает жанровое определение «басня», хотя из его комментария очевидно, что речь идет о притче: «<…> эта поэтическая форма является во времена настолько древние, насколько хватает человеческого исследования до наших дней» [Потебня 1976: 466].

Анализ «сказки» Пугачева — «басни» в терминологии А. А. Потебни, представляет собой попытку изучения «грамматики басни»: «Подлежащее в этом случае есть вопрос, почему Пугачев предпочел избранную им жизнь мирной жизни обыкновенного казака, а сказуемое — ответ на этот вопрос, то есть басня, которая является, следовательно, уяснением подлежащего» [Потебня 1976: 470]. Затем, обращаясь к примерам параболы, ученый развязывает узел терминологической путаницы: «По-славянски это можно назвать (по крайней мере, так называлось в древности) *притчей*; хотя, впрочем, слово *притча* употребляется в более обширном смысле и обнимает нашу басню» [Потебня 1976: 483]. Таким образом, «сказку» / «басню» в «Капитанской дочке» А. А. Потебня косвенно определяет как притчу. Возможно, руководствуясь столь авторитетным прецедентом, М. Новикова, безо всяких ссылок и аргументации и, тем не менее, справедливо называет «калмыцкую сказку» притчей [Новикова 1995: 608, 63].

«Сказка старой калмычки» из последнего пушкинского романа полностью соответствует классическому и многомерно определению жанра притчи, данному С. С. Аверинцевым. «Притча — дидактико-аллегорич. жанр, в осн. чертах близкий *басне*. В отличие от нее форма П. 1) неспособна к обособленному бытованию и воз-

Слова уст человеческих — глубокие воды;
источник мудрости — струящийся поток.

Помыслы в сердце человека — глубокие воды,
но человек разумный вычерпывает их.

никает лишь в нек-ром контексте, в связи с чем она 2) допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого *сравнения*, сохраняющего, однако, особую символич. наполненность; 3) с содержат. стороны П. отличается тяготением к глубинной «премудрости» религ. или моралистич. порядка, с чем связана 4) возвышенная топка (в тех случаях, когда топика, напротив, снижена, это рассчитано на специфич. контраст с высотой содержания). П. в своих модификациях есть универсальное явление мирового фольклорного и лит. творчества. <…> действующие лица П., как правило, не имеют не только внешних черт, но и «характера» в смысле замкнутой комбинации душевных свойств: они предстают перед нами не как объекты худож. наблюдения, но как субъекты этич. выбора. Речь идет о подыскании ответа к заданной задаче (поэтому П. часто перебивается обращенным к слушателю или читателю вопросом: «как, по-вашему, должен поступить такой-то?»).

П. интеллектуалистична и экспрессивна: ее худож. возможности лежат не в полноте изображения, а в непосредственности выражения, не в стройности форм, а в проникновенности интонаций <…>» [Аверинцев 1971: 20–21].

Рассмотренное выше наложение «персонажей» пугачевской «сказки» и «араратского» эпизода из «Путешествия в Арзрум...», а также анализ их связей с контекстом пушкинского творчества, в особенности с «Капитанской дочкой», дает нам основания обратиться к библейскому подтексту, который освещает «сказку» особым светом и, собственно, преобразует ее иносказание в притчу. Из обнаруженного нами множества библейских текстов, «которыми Пушкин питал свой ум и фантазию» [Лотман 2003: 141], выделим лишь некоторые.

Орел и ворон, кажется, слетели в аллегорию «калмыцкой сказки» прямо со страниц Библии, где шум их крыльев слышится то и дело.

В строжайших предписаниях закона Моисеева и орел (Лев. 11: 13; Втор. 14–12),

и ворон (Лев. 11: 15; Втор. 14:6) как птицы хищные считаются нечистыми. В Ветхом Завете иногда упоминаются парно. Комментарий отмечал как общеизвестное: «Орел издревле является символом силы и могущества как частных лиц, могущественных царей и героев, так и целых царств и народов», — так и особенное в ветхозаветной символике орла. «С одной стороны, орел служит в Священном Писании символом гордости, надменности и самонадеянности <...>. С другой стороны, орел представляется символом скорости падения, исчезновения и ничтожества <...>» [Библейская, II 1891–1991: 37].

Для Пушкина ворон / вран — устойчивый «символ казни». Между тем в текстах Библии восприятие ворона подвижно, из-

«Не душа ли болши есть пищи, и тело одежды; Возрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Не вы ли паче лучши их есте» (Мф. 6:25–26).

Из ветхозаветных текстов для нас наиболее показательны те, в которых ворон и орел упоминаются парно, — как в числовой притче о почитании родителей (Изречения Агура) из книги Притчей Соломоновых: «Око, ругающееся отцу и досаждающее старости матерни, да исторгнут его вранове и да снесят его птенцы орли» (Притч. 30: 17). Обращаясь к Иову многострадальному, глас Божий вопрошает: «Кто же врану уготова пищу; птичищи бо его Господу воззваша, облетающе брашна ищуще, <...> Твоим же ли повелением возносится орел, <...> птичищи же его валяются в крови: идеже аще будут мертвечины, абие обретаются» (Иов. 38: 41; 39: 28, 30).

Однако самый ясный свет на «сказку» Пугачева как на пророческую притчу о его участии проливают предписания книги Левит (выписки из которой Пушкин делал по иным поводам в 1834–1835 гг. — XVII, 562), содержащие запреты на употребление в пищу **крови и мертвечины**. Они следуют друг за другом:

«Душа во всякия плоти кровь его есть. И рекох сыном Израилевым: крове всякия плоти да не снесете, яко душа всякия плоти кровь его есть: всяк ядый ю потребится.

И всяка душа яже ест мертвечину или звероядину, от туземец или от пришелец, да исперет ризы своя и да омыет тело водою, и

менчиво и лишено однозначности. Эта нечистая, «прожорливая птица служила в деснице Промысла орудием спасения» [Библейская, I, 1891–1991: 135] величайшего из ветхозаветных пророков, в ком видели «прообраз того великого проповедника покаяния, который был предтечей Христа» [Лопухин 2016: 449]. Спасаясь от преследований, пророк Илия укрылся у потока Хорафа. «И вранове приношаху ему хлебы и мяса завтра, и хлебы и мяса к вечеру, и от потока пияше воду» (3 Цар. 17:6). Не из-за этой ли связи с пророком-предшественником и его спасителями Иисус, рассуждая в своей проповеди о тяготах повседневных забот и уповании на Отца Небесного, приводит в пример, в передаче Матфея просто «птиц», в тексте же Луки названы «вороны».

«Душа болши есть пищи, и тело одежды; смотрите вран, яко не сеют, ни жнут: имже несть сокровища, ни житницы, и Бог питает их: кольми паче вы есте лучши птиц» (Лк. 12: 23–24).

нечист будет до вечера, по сем же чист будет.

Аще же не исперет риз своих, ни омыет тела водою, то примет беззаконие свое» (Лев. 17: 14–16).

Итак, гласит запрет, вкусивший крови, «потребуется» (истребится), евший мертвечину «примет» (понесет на себе) беззаконие свое.

Первое обращение Пушкина к библейской, точнее, евангельской притче, как широко известно, состоялось в стихотворении «Свободы сеятель пустынный» (осень 1823 г.). «Измененная цитата» [Юрьева 1998: 264] из притчи о сеятеле по Евангелию от Луки стала эпиграфом к знаменитому стихотворению о горьком посеве свободы, где поэт, по нашему мнению, обращается к контексту данной притчи в передаче другого евангелиста — Марка, у которого главный тезис из объяснения Христом смысла своей притчи ученикам гласит: «Сеяй, **слово сеет**» — «Сеятель слово сеет» (Мк. 4:14). Исходная духовная ситуация притчи — **посев слова истины** (о Царствии Небесном) — была скептически осмыслена в русле иной духовной ситуации — **посев слова свободы** («в поработанные бразды»), итог которого предопределен:

Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

(II, 269).

В пушкинском переосмыслении притчи о сеятеле царит «это глубокое, тотальное разочарование, этот новый мрачный взгляд на мир и людей», который «захватывает сферу его освободительных идей» [Сурат, Бочаров 2002: 38] в 1822–1823 гг.

Иной характер восприятия евангельской притчи — ее имплицитного присутствия в сюжете и образах — очевиден в повести «Станционный смотритель» (1830), в тот период, когда тема Дома и образ Дома станут одним из родовых признаков творчества поэта [Лотман 1995: 304]. Имеется в виду знаменитая притча о блудном сыне, которая является одним из любимых евангельских произведений Пушкина [см.: Турбин 1978: 64–65; Тюпа 1983: 67–81; Дарвин, Тюпа 2001: 151–224; Мясоедова 1986: 66–67; Чернов 1994: 151–158]. Справедливо замечено, что «воздействие архетипа «блудного сына» на русскую литературу объективно существовало и порой становилось краеугольным камнем мировоззренческой позиции писателя» [Чернов 1994: 158].

Роман «Капитанская дочка» подобрал в себя и притчу о сеятеле (Пугачев мечет медные деньги в толпу жестом сеятеля (VIII, 334); какой горькой иронией отозвался и жалкой пародией обернулся мотив посева свободы в этой подробности!), и притчу о блудном сыне (мотовство и повесничанье Петруши, покинувшего отчий дом). Включенная в роман притча об Орле и Вороне диалогически связана с предыдущими пушкинскими репликами евангельских текстов, как вся вторая часть его — с евангельским лейтмотивом «Милости хочу, а не жертвы» (Мф 9: 12–13; 12: 7), введенным в итоговое стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Комментаторы «Капитанской дочки» обратили внимание на «знаменательность даты» в окончательном тексте романа — 19 октября, день лицейской годовщины. 19 октября 1836 г., готовясь к юбилейному (двадцатипятилетнему) празднованию Лицея, Пушкин ставит подпись «Издатель» в перебеленной рукописи романа и переписывает набело законченные строфы стихотворения «Была пора: наш праздник молодой...» [Гиллельсон, Мушина 1977: 172–173]:

Чему, чему свидетели мы были!
Игралица таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились, и падали цари;

И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.
(III, 432).

В последнем стихотворении Пушкина «на лицейскую годовщину» вперед выдвинуты его поколение — свидетель, очевидец «таинственной игры» — и «народы». Эсхатологический смысл и ориентация на новозаветный сюжет с обратным знаком — нашествие Наполеона как пришествие Антихриста [Гаспаров 1999: 82–117; Новиков 2011: 11–124] — растворились в Истории, которая все в себя приняла, как алтарь и божество — жертвенную кровь. Примечательно, что в одном из вариантов предпоследней цитированной строки записана формула из «калмыцкой сказки» — «живая кровь» (III, 1042); двустипное могло бы выглядеть так:

Живая кровь то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Триединая связь событий «19 октября 1836 года. Понедельник» выявлена С. Л. Абрамович: к указанным двум добавляется письмо Пушкина П. Я. Чаадаеву в связи с публикацией первого «Философического письма», сконцентрировавшего чаадаевский трагический скептицизм по поводу судьбы России. Содержавшее в себе знаменитыми слова поэта: «<...> клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (XVI, № 1267), — письмо не было отправлено [см.: Абрамович 1991: 370–371; Летопись 1999: IV, 1943–1944].

Включенная в исторический роман «калмыцкая сказка» — философская притча, таким образом, органично вводится в пушкинскую философию истории. И в этом, высшем, смысле (а не в смысле знаменательности даты) оказывается справедливым вывод создателей современной научной биографии поэта: «День 19 октября 1836 года оказался итоговой точкой развития пушкинской исторической мысли» [Сурат, Бочаров 2002: 215–216].

Литература

- Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год. Хроника: январь 1836 — январь 1837. М.: Советский писатель, 1991. 621 с.
- Аверинцев С. С. Притча// Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. Присказка — «Советская Россия». М.: Сов. энциклопедия, 1971. Стб. 20–21.

- Библейская энциклопедия. В 2 кн. М.: NB-press. Центурион. АПС, 1991 (репринт издания 1891 г.) Кн. I. А–Н. 496 с. Кн. II. Н–Я. 400 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: Российское Библейское общество, 2001 (Репринтное издание. Тиснение второе).
- Борисова В. В.* «Калмыцкая сказка» в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1988. Вып. 15. С. 108–118.
- Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 400 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 27).
- Гиллельсон М. И., Мушина И. Б.* Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1977. 192 с.
- Дарвин М. Н., Тюпа В. И.* Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. 292 с.
- Кичикова Б. А.* «Калмыцкая сказка» в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» — к вопросу об источниках // Монголоведение. Вып. 8. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 104–113.
- Левкович Я. Л.* Комментарии // Пушкин А. С. Письма к жене / подг. Я. Л. Левкович. Л.: Наука, 1987. С. 107–190 (Серия «Литературные памятники»)
- Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4 т. Т III: 1829–1832 / сост. Н. А. Тархова. М.: Слово / Slovo, 1999. 623 с.
- Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 т. Т. IV. 1833–1837 / сост. Н. А. Тархова. М.: Слово / Slovo, 1999. 752 с.
- Лопухин А. П.* Библейская история Ветхого и Нового Заветов. Полн. изд. В 1 т. М.: Альфа-книга, 2016. 1215 с. (По изд. 1898 и 1899 гг.)
- Лорд А. Б.* Сказитель. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 368 с.
- Лотман Л. М.* Проблема «всемирной отзывчивости» Пушкина и библейские реминисценции в его поэзии и «Борисе Годунове» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVI–XVII. Сборник научных трудов. СПб.: Наука, 2003. С. 131–147.
- Лотман Ю. М.* Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1830 год) // *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб.: Искусство–СПб., 1995. С. 300–316.
- Мальчукова Т. Г.* О сочетании античной и христианской традиций в лирике А. С. Пушкина 1820–1830-х гг. // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. тр. (Серия «Проблемы исторической поэтики». Вып. 3). Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1994. С. 84–130.
- Михайлова Н. И.* Психея, задумавшаяся над цветком: о Пушкине. М.: Литературная учеба (ЛУч), 2015. 416 с.
- Мясоедова Н. Е.* Мемуарная форма в художественной прозе А. С. Пушкина // Пушкин и русская литература. Рига, 1986. С. 66–75.
- Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / пер. с англ. СПб.: Искусство–СПб. Набоковский фонд, 1999. 928 с.
- Непомнящий В. Е.* Пушкин. Избранные работы 1960-х — 1990-х гг. Кн. I. Поэзия и судьба. М.: Жизнь и мысль, 2001. 496 с.
- Новиков В. И.* Из пламя и света рожденное слово. А. С. Пушкин и Отечественная война 1812 года. М.: «Минувшее», 2011. 317 с.
- Новикова М.* Пушкинский космос. Языческая и христианская традиция в творчестве Пушкина. М.: Наследие, 1995. 353 с.
- Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Потебня А. А.* Эстетика и поэтика / сост., вступ. ст., примеч. М. В. Иванько, А. И. Колодная. М.: Искусство, 1976. 614 с.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
- Т. I. Лицейские стихотворения. М.: Воскресенье, 1994. 437 с.
- Т. III. (1, 2) Стихотворения. 1826–1836. М.: 1997. 1379 с.
- Т. IV. Поэмы. 1817–1824. М.: Воскресенье, 1994. 481 с.
- Т. VIII. (1, 2) Романы и повести. Путешествия. М.: 1995. 1117 с.
- Т. IX. (1, 2) История Пугачева. М.: Воскресенье, 1995. 949 с.
- Т. XV. Переписка. 1832–1834. М.: Воскресенье, 1996. 391 с.
- Т. XVI. Переписка. 1835–1837. М.: Воскресенье, 1997. 503 с.
- Т. XVII (дополнительный). Рукою Пушкина. Изд. 2-е, перераб. М.: Воскресенье, 1997. 738 с.
- Сурам И. З.* Пушкин: биография и лирика. Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. М.: Наследие, 2000. 230 с.

- Сурат И. З., Бочаров С. Г. Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002. 240 с.
- Турбин В. Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М.: Просвещение, 1978. 239 с.
- Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 67–81.
- Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. тр. (Серия «Проблемы исторической поэтики». Вып. 3). Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1994. С. 151–158.
- Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. 600 с.
- Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство. Сборник произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания с комментарием. М.: Муравей, 1998. 269 с.
- References**
- Abramovich S. L. *Pushkin. Posledniy god. Khronika: yanvar' 1836 — yanvar' 1837* [Pushkin. The last year. Chronicle: January 1836 — January 1837]. Moscow, Sovetskiy Pisatel Publ., 1991, 621 p. (In Russ.).
- Averintsev S. S. *Pritcha* [Parable]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. T. 6. Priskazka — «Sovetskaya Rossiya»* [Brief literary encyclopedia. Vol. 6 ...]. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1971, pp. 20–21 (In Russ.).
- Bibleyskaya entsiklopediya. V 2 kn.* [Biblical encyclopedia. In 2 vol.]. Moscow, NB-Press. Tsentrurion. APS, 1991 (reprint of 1891 edition). Book I, A–N, 496 p.; book II, N–Ya, 400 p. (In Russ.).
- Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta / na tserkovnoslavyanskom yazyke s parallel'nymi mestami* [The Bible. Holy Scriptures of the Old and New Testaments in Old Church Slavonic ...]. Moscow, Russian Biblical Society Press, 2001 (reprint) (In Russ.).
- Borisova V. V. «*Kalmytskaya skazka*» v romane A. S. Pushkina «*Kapitanskaya dochka*» [The Kalmyk fairy tale in A. Pushkin's *The Captain's Daughter*]. *Fol'klor narodov RSFSR. Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik* [Peoples of the RSFSR: folklore. An international collection of scholarly papers]. Ufa, Bashkir State Univ. Press, 1988, iss. 15, pp. 108–118 (In Russ.).
- Gasparov B. M. *Poeticheskiy yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's poetic language as a fact of history of the Russian literary language]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1999, 400 p. (In Russ.).
- Gillelson M. I., Mushina I. B. *Povest' A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka». Kommentariy. Posobie dlya uchitelya* [A. Pushkin's *The Captain's Daughter*. Comments. A guidebook for school teachers]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1977, 192 p. (In Russ.).
- Darvin M. N., Tyupa V. I. *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya* [Cyclization in Pushkin's works: studying the poetics of convergent consciousness]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, 292 p. (In Russ.).
- Kichikova B. A. «*Kalmytskaya skazka*» v romane A. S. Pushkina «*Kapitanskaya dochka*» — k voprosu ob istochnikakh [The Kalmyk fairy tale in A. Pushkin's *The Captain's Daughter*: sources revisited]. *Mongolovedenie. Vyp. 8* [Mongol Studies journal], Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 104–113 (In Russ.).
- Levkovich Ya. L. *Kommentarii* [Comments]. *Pushkin A. S. Pis'ma k zhene / podg. Ya. L. Levkovich* [A. Pushkin. Letters to wife ...]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 107–190 (In Russ.).
- Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina. V 4 t. T III: 1829–1832 / sost. N. A. Tarkhova* [A chronicle of A. Pushkin's life and deeds. In 4 vol. Vol. III. 1829–1832. Comp. by N. Tarkhova]. Moscow, Slovo / Slovo Publ., 1999, 623 p. (In Russ.).
- Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina. V 4 t. T. IV. 1833–1837 / sost. N. A. Tarkhova* [A chronicle of A. Pushkin's life and deeds. In 4 vol. Vol. IV. 1833–1837. Comp. by N. Tarkhova]. Moscow, Slovo / Slovo Publ., 1999, 752 p. (In Russ.).
- Lopukhin A. P. *Bibleyskaya istoriya Vetkhogo i Novogo Zavetov. Poln. izd. V 1 t.* [Biblical history of the Old and New Testaments. Complete ed. in one vol.]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2016, 1215 p. (reprint of 1898 and 1899 edit.) (In Russ.).
- Lord A. B. *Skazitel'* [The Tale-teller]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1994, 368 p. (In Russ.).
- Lotman L. M. *Problema «vsemirnoy otzyvchivosti» Pushkina i bibleyskie reministsentsii v ego poezii i «Borise Godunove»* [Pushkin's 'universal responsiveness' and biblical reminiscences

- in his poetry and *Boris Godunov*]. *Pushkin. Issledovaniya i materialy. T. XVI–XVII. Sbornik nauchnykh trudov* [Pushkin. Research studies and materials. Vol. 16–17. Collected scholarly works]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 131–147 (In Russ.).
- Lotman Yu. M. *Iz razmyshleniy nad tvorcheskoy evolyutsiey Pushkina (1830 god)* [Contemplations about Pushkin's artistic evolution (1830)]. *Lotman Yu. M. Pushkin* [Lotman Yu. Pushkin]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb. Publ., 1995, pp. 300–316 (In Russ.).
- Malchukova T. G. *O sochetanii antichnoy i khristianskoy traditsiy v lirike A. S. Pushkina 1820–1830-kh gg.* [About the combination of Classical and Christian traditions in Pushkin's lyrics. 1820–1930s]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Sb. nauch. tr. (Seriya «Problemy istoricheskoy poetiki»). Vyp. 3* [Evangelical text in the 18th–20th cc. Russian literature ...]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State Univ. Press, 1994, pp. 84–130 (In Russ.).
- Mikhaylova N. I. *Psikheya, zadumavshayasya nad tsvetkom: o Pushkine* [Psyche hesitating over a flower: about Pushkin]. Moscow, LUCh Publ., 2015, 416 p. (In Russ.).
- Myasoedova N. E. *Memuarnaya forma v khudozhestvennoy proze A. S. Pushkina* [Memoirs as a method of Pushkin's fictional prose]. *Pushkin i russkaya literature* [Pushkin and Russian literature]. Riga, 1986, pp. 66–75 (In Russ.).
- Nabokov V. V. *Kommentariy k romanu A. S. Pushkina «Evgeniy Onegin» / per. s angl.* [A comment on A. Pushkin's *Eugene Onegin* ...]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb. Nabokovskiy Fond Publ., 1999, 928 p. (In Russ.).
- Nepomnyashchiy V. E. *Pushkin. Izbrannye raboty 1960-kh — 1990-kh gg. Kn. I. Poeziya i sud'ba* [Pushkin. Selected works. 1960s–1990s. Book I. Poetry and destiny]. Moscow, Zhizn i Mysl Publ., 2001, 496 p. (In Russ.).
- Novikov V. I. *Iz plamy i sveta rozhdennoe slovo. A. S. Pushkin i Otechestvennaya voyna 1812 goda* [The word born from flame and light. A. Pushkin and the Patriotic War of 1812]. Moscow, Minuvshee Publ., 2011, 317 p. (In Russ.).
- Novikova M. *Pushkinskiy kosmos. Yazycheskaya i khristianskaya traditsiya v tvorchestve Pushkina* [Pushkin's universe. Pagan and Christian traditions in Pushkin's works]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, 353 p. (In Russ.).
- Poslovitsy, pogovorki i zagadki kalmykov Rossii i oyratov Kitaya / sost. i per B. Kh. Todaevoy* [Russia's Kalmyks and China's Oirats: proverbs, sayings and riddles. Comp. and transl. by B. Todaeva]. Elista, Dzhangar Publ., 2007, 839 p. (In Kalm.).
- Potebnya A. A. *Estetika i poetika / sost., vstup. st., primech. M. V. Ivan'o, A. I. Kolodnaya* [Aesthetics and poetics. Comp. and comment. by M. Ivanyo et al.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 614 p. (In Russ.).
- Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch. V 19-ti t.* [Complete works in 19 vol.]. Moscow, Voskresenie Publ., 1994–1997 (In Russ.).
- T. I. Litseyskie stikhotvoreniya* [Vol. I. Poems of the Lyceum period]. Moscow, Voskresenie Publ., 1994, 437 p. (In Russ.).
- T. III. (1, 2) Stikhotvoreniya. 1826–1836* [Vol. III. Poems. 1826–1836]. Moscow, 1997, 1379 p. (In Russ.).
- T. IV. Poemy. 1817–1824* [Vol. IV. Poems. 1817–1824]. Moscow, Voskresenie Publ., 1994, 481 p. (In Russ.).
- T. VIII. (1, 2) Romany i povesti. Puteshestviya* [Vol. VIII. Novels and stories. Travels]. Moscow, 1995, 1117 p. (In Russ.).
- T. IX. (1, 2) Istoriya Pugacheva* [Vol. IX. Pugachev's history]. Moscow, Voskresenie Publ., 1995, 949 p. (In Russ.).
- T. XV. Perepiska. 1832–1834* [Vol. XV. Letters. 1832–1834]. Moscow, Voskresenie Publ., 1996, 391 p. (In Russ.).
- T. XVI. Perepiska. 1835–1837* [Vol. XVI. Letters. 1835–1837]. Moscow, Voskresenie Publ., 1997, 503 p. (In Russ.).
- T. XVII (dopolnitel'nyy). Rukoyu Pushkina. Izd. 2-e, pererab.* [Vol. XVII. By Pushkin's hand ... 2nd ed., rev.]. Moscow, Voskresenie Publ., 1997, 738 p. (In Russ.).
- Surat I. Z. *Pushkin: biografiya i lirika. Problemy. Razbory. Zametki. Otkliki* [Pushkin: biography and lyrics. Problems. Reviews. Comments. Replies]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, 230 p. (In Russ.).
- Turbin V. N. *Pushkin. Gogol'. Lermontov. Ob izuchenii literaturnykh zhanrov* [Pushkin. Gogol. Lermontov. About studies of literary genres]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1978, 239 p. (In Russ.).
- Tyupa V. I. *Pritcha o bludnom syne v kontekste «Povestey Belkina» kak khudozhestvennogo tselogo* [Parable of the Prodigal Son in the context of *The Belkin Tales* — as a complete

- fictional composition]. *Boldinskie chteniya* [Boldino Readings]. Gorky, 1983, pp. 67–81 (In Russ.).
- Chernov A. V. *Arkhetip «bludnogo syna» v russkoy literature XIX veka* [The archetype of a ‘prodigal son’ in the 19th c. Russian literature]. *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Sb. nauch. tr. (Seriya «Problemy istoricheskoy poetiki». Vyp. 3)* [Evangelical texts in the 18th–20th cc. Russian literature ...]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State Univ. Press, 1994, pp. 151–158 (In Russ.).
- Etkind E. G. *Bozhestvennyy glagol: Pushkin, pročitanny v Rossii i vo Frantsii* [The divine verb: Pushkin readings in Russia and France]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 1999, 600 p. (In Russ.).
- Yurieva I. Yu. *Pushkin i khristianstvo. Sbornik proizvedeniy A. S. Pushkina s parallel’nymi tekstami iz Syvashchennogo Pisaniya s kommentariem* [Pushkin and Christianity. Collected works by A. Pushkin supplemented by corresponding texts from the Holy Scriptures and comments]. Moscow, Muravey Publ., 1998, 269 p. (In Russ.).

УДК 821.161.1

«Калмыцкая сказка» Пугачева — философская притча Пушкина

Байрта Анатольевна Кичикова¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kigiran@mail.ru

Аннотация. «Калмыцкая сказка» рассматривается автором в аспектах теории жанра и конкретного анализа жанра притчи. Иносказательный смысл пугачевской «сказки» вырастает из контекста пушкинского творчества, особенно «Путешествия в Арзрум...» и романа «Капитанская дочка». Интертекстуальные связи символических и аллегорических персонажей («вран и голубица», Орел и Ворон), в свою очередь, определяются спецификой библейских текстов, преимущественно ветхозаветных. Аллюзии, реминисценции и реплики библейских предписаний, поучений и притчей определяют жанровое своеобразие «калмыцкой сказки» Пугачева как философской притчи. И в этом качестве притча об Орле и Вороне включается в пушкинскую философию истории, вызревшую в 1830-е гг.

Ключевые слова: «калмыцкая сказка», «старая калмычка», Пугачев, Пушкин, Орел и Ворон, иносказание, притча, библейские тексты, философия истории

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 89–93, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-89-93
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 82.091?

Forms of the Comic in Yusup Gereev's Prose

Malik A. Huseynov ¹

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Head of Department of Literature, Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: malik60@list.ru

Abstract. Yusup Gereev is one of the prominent representatives of Kumyk and all-Dagestan prose of the 1920–1930s. During his life and in the subsequent Soviet period, his work was mainly described as an example of literature with anti-clerical content. But now it is obvious that his legacy is much wider than mere narrow social judgments.

Yu. Gereev was a writer of distinctive talent, a master of comic and ironic reflection of reality. This fact is confirmed by his books of short stories as follows: *'Saparyoldash' of Molla Nasraddin (Molla Nasrutdinne 'Saparyoldashy', Makhachkala, 1928)*, *'Saparyoldash' and 'Duamajmua' of Molla Nasraddin (Molla Nasrutdinne 'Saparyoldashy' va 'Duamajmuasi', Makhachkala, 1929)*, in which the narrator used the image of the comic character of Molla Nasraddin.

In this regard, we can note the writer's masterful use of comic elements as related to the events and individuals, including the excellent stylization of folk speech of the character. The characteristic features of his poetics manifest themselves in the substitution of the essence of the phenomena by their external signs, the mixing of fiction and reality, a play on words, hyperbole, grotesque, etc. Largely a humorous tinge, a comic tone arise from the inclusion colloquial words and expressions, as well as obsolete forms and other such expressions which is explained by the very image of the narrator – a representative of folk culture.

The objects of derision are ordinary rural inhabitants and commoners. In Molla Nasraddin's eyes, those are naive and simple-minded; trusting the advices and recommendations of popular books they try to solve their everyday problems but actually and always are left with nothing, fail.

Thus, the characteristic feature of Yusup Gereev's poetics is a comic depiction of reality which ranges from caustic sarcasm to an easy, good-natured smile.

Keywords: the comic in literature, satire, humor, poetics, Yusup Gereev, Dagestan prose, Kumyk literature

В истории кумыкской литературы, являющейся одной из литератур Дагестана, Юсуп Гереев (1903–1941) предстает автором, внесшим весомый вклад в развитие национальной словесности. Творческая деятельность писателя приходится на период социалистического строительства — 1920–1930-е гг. В этой связи в дагестанском

литературоведении и критике советского периода его роль в литературном процессе оценивалась в русле критериев социалистического реализма в соответствии с социальным содержанием его произведений.

Литературное наследие Ю. Гереева достаточно обстоятельно освещено в трудах дагестанских исследователей Э. М. Капиева

[1959], К. Д. Султанова [1964], А.-К. Ю. Абдуллатипова и З. З. Алиевой [1990], С. Х. Ахмедова [1996], М. А. Гусейнова [2006], монографии коллектива литературоведов «История дагестанской советской литературы» [1967] и др. Новое прочтение литературного наследия подразумевает выявление особенностей художественного мастерства, индивидуального своеобразия национальных авторов. В этом контексте при современном прочтении вклад Ю. Гереева в развитие национальной прозы оценивается с оригинальной точки зрения.

Прежде всего, представляется целесообразным подчеркнуть новаторство писателя, проявившееся в том, что он своим творчеством способствовал становлению и развитию в дагестанской литературе малых жанров прозы — рассказа и новеллы. С именем Ю. Гереева ассоциируется также становление и развитие сатирико-юмористического направления в дагестанской художественной прозе.

По ряду параметров оригинальными и самобытными представляются его сборники рассказов и новелл «„Сапарёлдаш“ Молла Насрутдина» [Гереев 1928] и «„Сапарёлдаш“ и „Дуамажмуа“ Молла Насрутдина» [Гереев 1929], изданные в конце 1920-х гг.

Следует отметить, что произведения, вошедшие в данные книги, написаны в русле своей эпохи — периода строительства советской власти — и характеризуются антиклерикальной направленностью. Как и озвучено в заглавиях книг, автором подвергаются комической, иронической интерпретации отдельные цитаты из книг религиозного содержания «Сапарёлдаш» («Спутник») и «Дуамажмуа» («Сборник молитв»), вышедшие в свет в дореволюционный период и пользовавшиеся в народе популярностью.

Ю. Гереев в пародийно-шаржированной манере обыгрывал суждения, касающиеся способов уничтожения крыс и мышей, освобождения из мест заключения, очищения от грехов, путей обретения любви или избавления от нее и т. д., которые не имеют непосредственного отношения к религии.

Писатель сюжетами своих произведений эффектно опровергал такого рода рекомендации. Например, торговец Али, поверив посулам из «Сапарёлдаша», держал в лавке молитву-дуа, которая будто бы должна была улучшить торговлю (рассказ «Супу Алинитюкени» («Лавка святого Али»)). На деле все оказалось иначе: Али потерпел в коммерции непоправимое фиаско.

Попавшийся на краже Али-Гимбат также надеялся на чудодейство молитвы-дуа, вычитанной им из «Сапарёлдаша», но, тем не менее, все же был осужден и угодил в тюрьму (рассказ «Гъакимлениюрегиноь-зюгеркъайтарагъанкюй» («О том, как расположить к себе хакимов»)). Девушка, влюбленная в парня, но не испытывавшая с его стороны ответных чувств, решила прибегнуть к совету из «Дуамажмуа» (рассказ «Абусупьяннысюдюю» («Средство от любви Абусупьяна»)). Намочив в стакане с водой бумажку с рекомендуемым дуа, она предложила испить из него парню, но это не вызвало в нем никаких чувств, кроме серьезного расстройства желудка.

Основная художественная, эстетическая суть данных произведений, которые составляют две трети малой прозы Ю. Гереева, определяется прежде всего тем, что повествование в них ведется не от имени автора, а от имени рассказчика. Им является комический персонаж восточной литературы и одновременно герой национального фольклора Молла Насрутдин. Это обстоятельство подчеркивается и названиями книг, и предисловием от его имени, которым предваряется первая книга, и резюме ряда рассказов, которыми они подытоживаются от его лица.

В этой связи следует отметить мастерское использование писателем форм комического воспроизведения событий и лиц, в том числе отменную стилизацию речи смехового фольклорного персонажа. Характерными приметами его поэтики предстают подмена сути явлений их внешними признаками, смешение вымысла и реальности, игра слов, гипербола, гротеск и т. д. В значительной мере юмористический оттенок, комическая тональность возникают ввиду включения в оборот просторечных слов и выражений, устаревших словоформ и подобной лексики, что продиктовано также образом рассказчика как представителя народной культуры.

Таким образом, при характеристике художественной составляющей рассматриваемых произведений доминантным предстает образ рассказчика Молла Насрутдина (в кумыкском произношении — Молла Насруттюн). При этом мы считаем правомерным отметить, что Молла Насрутдин трактовался в советский период прежде всего как комический персонаж, в то время как в восточной культуре он многофункцио-

нален: это мыслитель, философ, социолог. Ю. Гереевым образ Молла Насрутдина интерпретируется в качестве смехового героя, шутника, балагура, остроумца. Мастерство писателя заключается в том, что ему удается вжиться в его образ, преподнести описываемые явления и образы именно сквозь призму его взгляда.

Малая проза Ю. Гереева своей поэтикой, формами комизма обнаруживает общность и родство с фольклорными «молланасрутдиновскими» рассказами. Целесообразно привести мнение З. З. Алиевой, долгие годы занимавшейся изучением дагестанской сатиры и юмора, о ключевых свойствах народных рассказов, освещенных в том числе в образе Молла Насрутдина: «Это не сатирический смех, так как голое отрицание чуждо народной культуре» [Алиева 1986: 72].

Формы комического у Ю. Гереева варьируются от гневного обличения, сарказма до легкой иронии и добродушной усмешки. При этом оперирование автором традициями национальной смеховой культуры определяет то, что в его рассказах и новеллах «уничтожающее осмеяние», как трактуется собственно сатира, ведущей роли не играет. В этой связи данный пласт наследия писателя, трактованный в советский период как антирелигиозный, в этой части видится далеко не однозначным. Возможно оперирование термином «антиклерикальный», в частности в отношении тех произведений, в которых пародируются священнослужители.

Символичным представляется то, что лишённые желчи и сарказма рассказы и новеллы Ю. Гереева, для которых свойственны добрый юмор и ирония, пережили свою эпоху и являются «читабельными». Именно такими качествами наделены аналогичные фольклорные произведения, связанные с именем Молла Насрутдина, на которые ориентировался Ю. Гереев.

Героями произведений писателя являются рядовые сельские жители, простолюдины. В трактовке Молла Насрутдина они наивны и простодушны; веря советам, рекомендациям из популярных в народе книг, они пытаются решать свои повседневные, бытовые проблемы, но постоянно остаются ни с чем, терпя неудачу.

Самобытность таланта Ю. Гереева, своеобразие и оригинальность его стиля находят выражение, как отмечено выше, в языке,

речевой манере повествований. В качестве характерных черт анализируемых рассказов можно назвать использование просторечного слога, доходчивой простонародной лексики, гибкость речи. Роль рассказчика, демонстрирующая мастерское владение автором формой повествования от первого лица, дает возможность оперировать различными экспрессивными, эмоциональными оттенками родного языка. Активное применение разговорных форм, устойчивых идиоматических выражений, присущих в большей степени представителям старшего поколения, а также игра слов свидетельствуют о том, что автор стремится комически стилизовать свою речь под Молла Насрутдина.

Важную роль идиом, шире — языка, в произведениях комического содержания подчеркивал Ю. Б. Борев: «Особую прелесть имеет национальное языковое своеобразие в стиле юмористического произведения. Каждый язык имеет свою систему языковых средств, используемых художником при создании сатирических и юмористических образов. Они-то и определяют национальный колорит комедийного произведения. В народной шутке, острой поговорке, остроумном речении и, главным образом, в идиоме мы сталкиваемся с этим комедийно-стилевым свойством языкового материала» [Борев 1964: 372].

В кумыкском языке функционируют устойчивые выражения шутливого характера, являющиеся производными от идиом, не имеющих эмотивной окраски. Довольно часто фигурирует в рассказах выражение «*Гюнагъларынданатарбаларгечсин*» («Да проедутся по его грехам арбы»), представляющее собой шутливый вариант выражения «*ГюнагъларынданАллагъгечсин*» («Да простит Аллах его грехи»). Подобная конструкция обуславливается игрой слов: *гечсин*, означающее «простит», имеет второе значение «проедутся». Суть переименованной идиомы становится особенно ясной, если отметить, что исходное выражение используется в сочетании с именем человека, переселившегося в мир иной, потусторонний. Казалось бы, какие могут быть шутки, когда идет речь о смерти человека. Однако жизнелюбие, веселый оптимизм народа сделали возможным наличие таких выражений, что нашло отражение и в языке рассказчика.

В рассказах Ю. Гереева наблюдаются и иные вариации этой идиомы, к шутке вроде бы отнюдь не располагающей. О персона-

жах, покинувших сей мир, говорится, что и поныне по их грехам проезжаются арбы (*гюнагъларын данатарбаларгечип тура*). Кроме того, суть выражения «*гюнагъларын данатарбаларгечин*» может быть истолкована и как 'Да простят его грехи арбы', где слово 'арбы' заменяет слово 'Всевышний'. Таким образом, данное выражение свидетельствует об искусном использовании автором приема игры слов.

Оригинальную мысль, касающуюся данного средства, высказывает А. М. Сарбашева в русле рассмотрения сценических произведений известного балкарского драматурга Ж. Токумаева: «Посредством словесной игры в национально-языковой форме драматург передает этнические особенности юмора, его особый колорит, что сложно передать средствами другого языка» [Сарбашева 2014: 161]. Это суждение подтверждается и прозой исследуемого автора: «игра слов» оттеняет национальное своеобразие юмора, художественных образов.

Отмечая взаимосвязи комизма произведений Ю. Гереева и используемого лексического аппарата, следует сказать, что в небольшой степени сказовая форма, повествование от лица популярного в народе насмешника и жизнелюбца Молла Насрутдина дали писателю возможность широко использовать богатые ресурсы кумыкского языка, просторечия, в том числе экспрессивные средства.

Рассмотрение малой прозы Ю. Гереева, в которой рассказчиком выступает Молла Насрутдин, дает основание говорить о том, что в ней ярко проявился незаурядный талант писателя. Несмотря на то, что данные произведения относятся к начальному периоду его творчества, Ю. Гереев предстает в них сложившимся писателем, оригинальным и самобытным мастером комического отображения окружающих явлений и лиц.

В последующей творческой деятельности, в малой прозе позднего периода и повести «Весна, пришедшая с севера» автор не изменял своим художественным принципам, сатирико-юмористическим традициям. Творчество Ю. Гереева в целом дает основание утверждать, что одной из характерных черт его поэтики является комическое изображение действительности, варьирующееся от едкого сарказма до легкой, добродушной усмешки.

Художественная проза Ю. Гереева по проблемно-тематическим аспектам отве-

чала требованиям «социального заказа» своего времени, периода строительства социализма. Однако своим художественным содержанием, своей незаурядностью, самобытностью и оригинальностью она выходит за рамки этой эпохи. В этой связи она имеет вневременное звучание, не утрачивая своей значимости и поныне.

Литература

- Абдуллатипов А.-К. Ю., Алиева З. З.* Юсуп Гереев – гражданин и писатель // Наследие, возвращенное народу: сб. ст. Махачкала: Изд-во Даг. филиала АН СССР, 1990. С. 188–198.
- Алиева З. З.* Народные истоки дагестанской советской сатиры // Взаимосвязи фольклора и литератур народов Дагестана. Махачкала: Изд-во Даг. филиала АН СССР, 1986. С. 64–76.
- Ахмедов С. Х.* Художественная проза народов Дагестана. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1996. 280 с.
- Борев Ю. Б.* Национальные особенности юмора // Проблемы развития литератур народов СССР. М.: Наука, 1964. С. 358–385.
- Гереев Ю.* «„Сапарёлдаш“ Молла Насрутдина» («Молла Насрутдинни „Сапарёлдашы“»). Махачкала: Даггосиздат, 1928. 96 с.
- Гереев Ю.* «„Сапарёлдаш“ и „Дуамажмуа“ Молла Насрутдина» («Молла Насрутдинни „Сапарёлдашы“ ва „Дуамажмуасы“»). Махачкала: Даггосиздат, 1929. 138 с.
- Гусейнов М. А.* Проза кумыков в художественно-стилевом освещении (1920–1940-е гг.). Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2006. 276 с.
- История дагестанской советской литературы: в 2-х т. Махачкала: Изд-во Даг. филиала АН СССР, 1967. Т. 1. 420 с.; Т. 2. 500 с.
- Капиев Э. М.* Незданное. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1959. 169 с.
- Сарбашева А. М.* Художественные средства отображения комического в балкарской драматургии: комедиография Жагафара Токумаева // Вестник КИГИ РАН. 2014. № 3. С. 157–162.
- Султанов К. Д.* Литература кумыков. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1964. 132 с.

References

- Abdulatipov A.-K. Yu., Alieva Z. Z. *Yusup Gereev — grazhdanin i pisatel'* [Yusup Gereev — a citizen and writer]. *Nasledie, vozvrashchennoe narodu: sb. st.* [The legacy returned to the people: collection of articles]. Makhachkala, Dagestan Branch of USSR Acad. of Sc. Press, 1990, pp. 188–198 (In Russ.).

- Alieva Z. Z. *Narodnye istoki dagestanskoy sovetskoy satiry* [Folk origins of Soviet Dagestani satire]. *Vzaimosvyazi fol'klora i literatur narodov Dagestana* [Peoples of Dagestan: folklore-literature relations]. Makhachkala, Dagestan Branch of USSR Acad. of Sc. Press, 1986, pp. 64–76 (In Russ.).
- Akhmedov S. Kh. *Khudozhestvennaya proza narodov Dagestana* [Fictional prose of Dagestani peoples]. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 1996, 280 p. (In Russ.).
- Borev Yu. B. *Natsional'nye osobennosti yumora* [National peculiarities of humor]. *Problemy razvitiya literatur narodov SSSR* [National literatures of the USSR: problems of development]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 358–385 (In Russ.).
- Gereev Yu. *"Sapareldash" Molla Nasrutdina* [Molla Nasraddin's *Sapareldash*]. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 1928, 96 p. (In Kumyk).
- Gereev Yu. *"Sapareldash" i "Duamazhmua" Molla Nasrutdina* [Molla Nasraddin's *Sapareldash* and *Duamazhmua*]. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 1929, 138 p. (In Kumyk).
- Guseynov M. A. *Proza kumykov v khudozhestvenno-stilevom osveshchenii (1920–1940-e gg.)* [Prose of the Kumyks: artistic and stylistic aspects (1920–1940)]. Makhachkala, Institute of Language, Literature and Art of Dagest. Sc. Centre (RAS) Press, 2006, 276 p. (In Russ.).
- Istoriya dagestanskoy sovetskoy literatury: v 2-kh t.* [History of Soviet Dagestani literature: in 2 vol.]. Makhachkala, Dagestan Branch of USSR Acad. of Sc. Press, 1967, vol. 1, 420 p.; vol. 2, 500 p. (In Russ.).
- Kapiev E. M. *Neizdannoe* [The Unpublished]. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 1959, 169 p. (In Russ.).
- Sarbasheva A. M. *Khudozhestvennye sredstva otobrazheniya komicheskogo v balkarskoy dramaturgii: komediografiya Zhagafara Tokumaeva* [The artistic means for presenting comic in the Balkar drama: comedigraphy of Jagafar Tokumaev]. *Vestnik KIGIRAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2014, No. 3, pp. 157–162 (In Russ.).
- Sultanov K. D. *Literatura kumykov* [Kumyk Literature]. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 1964, 132 p. (In Kumyk).

УДК 82.091

Формы комизма в художественной прозе Юсупа Гереева

Малик Алиевич Гусейнов¹

¹ доктор филологических наук, заведующий, отдел литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: malik60@list.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению форм комизма, особенностей поэтики малой прозы известного дагестанского писателя Юсупа Гереева; отмечены характерные признаки, в частности подмена сути явлений их внешними атрибутами, смешение вымысла и реальности, игра слов, экспрессия речи. В качестве существенного признака подчеркнута важная роль рассказчика, в образе которого предстает смеховой персонаж восточной литературы и национального фольклора Молла Насрутдин.

Ключевые слова: комическое в литературе, сатира, юмор, поэтика, Юсуп Гереев, дагестанская проза, кумыкская литература

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 94–101, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-94-101
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398

The Local Folklore Text in the Light of the Gatherer and Editorial Problems

Madina M. Pashtova ¹

¹ Ph. D in Philology, Leading Research Associate, Department of Ethnology and Folk Art, Kerashev Adygean Republican Humanities Research Institute (Maykop, Russian Federation). E-mail: gupsa@mail.ru

Abstract. The article examines the conditions of mutual influence of a fixed text and a folklore field, i. e. secondary factors which are significant during the recording of a text and its ‘return’ to the informant in the form of media and printed materials. The methods applied are as follows: audio and video recordings and journaling; comparative-typological, structural-functional, and statistical analyses.

The Circassian diaspora of Anatolia is a unique folklore field. So far the researchers of the traditional culture of the Circassian diaspora have paid no attention to the factors of the ‘reverse’ influence of the scientific discourse and the fixed text which, thus, happened to be in the field of the tradition.

The article aims to identify the factors of such mutual influence of texts of a separate cultural enclave and its informants in conditions of a gradual development of the Cyrillic alphabet and the appearance of publications of oral texts in the form of printed and media products. Observations outlined in the article are based on the author’s collecting and editorial experiences accumulated during the in-depth study of Uzun-Yaila (Kayseri Vilayet, Turkey) folklore field during the 2009, 2011, 2014 and 2015 expeditions and the preparation of field records of local folklore for subsequent publications.

The paper reveals the principles of working on a text important for the diaspora field. In particular, taking into account the ‘horizontal’ communication intensity in the field under study, it is necessary to pay attention to the questions formulating strategy, including those set by folklorists in the media space (social networks), when composing the conceptual and terminological apparatus of the editions of local traditions — to give priority to popular definitions, to adhere to graphic symbols and principles which make the written text as close as possible to the local dialect without complicating the interpretation (i. e. to reserve more accurate transcriptions for special language editions). In general, the interaction of a folklore publishing scientist and representatives of the tradition under study should consciously adhere to the principle of the minimal ‘invasion’ into the vernacular practices.

Keywords: folklore, local text, field recordings, editorial practice, Circassians, diaspora, vernacular culture

Черкесская диаспора в Анатолии — уникальное по своим свойствам фольклорное «поле». Ее уникальность обусловлена отсутствием письменности и официальных (профессиональных) учреждений культуры.

Аутентичность функционирующих здесь фольклорно-дискурсивных практик привлекает специалистов самых разных направлений. Однако до настоящего времени в исследованиях по традиционной куль-

туре черкесской диаспоры не обращалось внимание на факторы «обратного» влияния научного дискурса и зафиксированного текста, оказываемого на «поле» традиции. Целью настоящей статьи является выявление факторов взаимовлияния текста отдельного культурного анклава и его носителя в условиях постепенного освоения кириллического письма и появления публикаций устных текстов в виде книжной и медиапродукции.

Наблюдения, изложенные в статье, основаны на собирательском и эдиционном опыте автора, накопленном в ходе углубленного изучения одного из черкесских анклавов Турции (Узун-Яйла, экспедиции 2009, 2011, 2014 и 2015 гг.). Материалом исследования являются разножанровые устные тексты, наиболее явственно иллюстрирующие специфику (фонологическую, лексическую, стилистическую) местного материала в его сопоставлении с текстами других анклавов диаспоры и Кавказа. Особо продуктивным нам кажется сопоставительное изучение фольклорно-жанровых схем исследуемой локальной традиции, выявление жанровых и репертуарных приоритетов, обусловленных самыми разными социальными факторами (историческими, классовыми, гендерными), накопление материалов для фольклорно-языкового словаря (специфической местной лексики и фразеологии). На основе исследуемого материала могут быть выработаны основные эдиционные принципы, способствующие минимизированию влияния письменного текста на аутентичность «поля» и современные вернакулярные практики.

Анклава Узун-Яйла занимает особое место в ряду локальных фольклорных традиций черкесской диаспоры. Он в течение 150 лет (со времен Стамбульского Исхода) находился в культурной изоляции, а ввиду запрета со стороны турецкого государства письменности и официальных учреждений культуры — под минимальным вторичным влиянием. Первые записи отечественных (кавказских) фольклористов, сделанные здесь, относятся преимущественно к «общим» разведывательным экспедициям 1990-х гг., которые ставили своей целью более широкий географический охват черкесских анклавов Анатолии и Ближнего Востока. Наиболее значимым изданием по результатам этих полевых разысканий явился сборник «Фольклор адыгов Турции»

под редакцией профессора Р. Б. Унароковой [Тыркуемисадыгэхэр 2004], в который вошли тексты, записанные примерно от двадцати информантов — представителей исследуемого нами анклава.

В последние годы в процессе освоения кириллического письма и развития средств коммуникации носители узун-яйлинской традиции стремительно втягиваются в литературное и медийное поле. И это современное «пограничное» состояние способствует активному рефлексированию на стыке мышления устной и письменной, аутентичной фольклорной и профессиональной традиций.

Специфическую функцию выполняют в этой ситуации тексты, продуцируемые профессиональными фольклористами как в виде публикаций сборников полевых материалов, так и в виде высказываний в социальных сетях, интервью, статьях на языке оригинала и пр.

Описание и изучение отдельно взятых локальных культурных традиций как на Кавказе, так и в диаспоре — одна из приоритетных задач современной черкесской фольклористической науки. Теоретическое обоснование выбора тех или иных параметров описания имеет в контексте заявленной задачи первостепенное значение. При всей сложности осуществления междисциплинарных комплексных исследований привлечение этнографического аспекта является востребованным. Опыт отечественной (восточно-славянской) фольклористики в описании локальных фольклорных традиций представляется незаменимым [Региональные исследования... 2015; Драникова 2013; Христофорова 2010]. Общие и частные явления, параметры, определяющие специфику локальной культурной традиции, достаточно рельефно могут быть обозначены при разных подходах: фольклористическом и лингвофольклористическом (поиск «ключевых слов» в фольклорно-репертуарных списках, народной жанрово-обрядовой терминологии, фольклорном ономастиконе; фольклорной фразеологии, лексикологии, диалектологии). Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, проблема не должна сводиться к установлению границ традиции или картографированию отдельных ее элементов. А. Н. Власов, например, считает ключевой проблему локальной памяти, во многом обусловленной внефольклорными факторами и историче-

ски актуальными дискурсивными практиками [Власов 2015].

Возвращаясь к исследуемой нами черкесской диаспорной традиции, отметим, что антропологи, фольклористы, историки, социологи, политологи приезжают в узун-яйлинское «поле» из академических учреждений Кавказа, самой Турции, Великобритании, Японии, Америки и других стран. В программах кавказоведческих конференций Турции узун-яйлинской тематике обычно уделяется повышенное внимание, исследования охватывают локальную культуру Узун-Яйлы с самых разных сторон и аспектов [Geçmiştengeleceğe Çerkesler... 2014].

Однако до сих пор не существовало специальных публикаций фольклорных материалов, собранных в анклав Уzun-Яйла и изложенных на языке оригинала с применением классических академических эдических принципов. В настоящее время нами подготовлен к изданию первый сборник, который, как мы надеемся, в определенной степени восполнит этот пробел [Anadoluda Çerkes Kültürü... 2016]. Проблема структуры и жанрового наполнения издания текстов локальной традиции представляется достаточно сложной. Учитывая то, что тексты непременно «вернутся в поле», мы решили начать публикацию местных материалов не с общего свода, а с апробации в виде издания репертуара одного информанта. В составленный нами сборник вошло 67 текстов, записанных от одного из известнейших сказителей в среде черкесской диаспоры Турции Али Шогена (1922–2016), уроженца узун-яйлинского селения Шигебахово. Это несказочная проза (новеллы, «классические» сюжеты об известных эпических, исторических героях), сказки (кумулятивные и волшебные), героические песни-плачи, песни-сетования, паремиялогия (в том числе контекстные нарративы, разъясняющие значение пословиц, поговорок, фразеологем), несколько текстов *хорыбзэ* (метакоммуникативные послания), *хохи* (благопожелания), философские притчи и мемуары, контекстные нарративы *адыгэхабзэ*, связанные с этическим кодексом. Репертуар информанта эмпирически можно разделить на несколько основных блоков. Первый — это тексты, увезенные полтора века назад с Кавказа. Среди них есть образцы, сохранившиеся в живом бытовании только здесь, в Узун-Яйле, по причине особых социально-исторических условий существования это-

го анклава (см., например, цикл «Махъсымафэ»). Другой блок — тексты собственно узун-яйлинского фольклора, сложившегося здесь за период проживания вне исторической территории.

Исследование идиолекта одного информанта, составление словаря его текстов, описание метаязыка, репертуарных предпочтений — всё это создает, на наш взгляд, тот необходимый минимум эдической практики, отталкиваясь от которого собиратель выходит на следующие публикационные и исследовательские проекты применительно к локальному материалу.

Более или менее целостное описание фольклорной «картины мира» малого этнического сообщества должно, безусловно, использовать репрезентационный потенциал текстов, сообщаемых статусным информантом, если, конечно, подобное описание в принципе возможно с точки зрения методологии: «Причина отсутствия таких прецедентных работ видится не только в недостатке систематически собранных репрезентативных данных, но и в определенной методологической загвоздке, связанной как раз с критерием целостности. Мы имеем в виду ставший тривиальным вопрос о правомерности представления суммы характерных для определенной культурной традиции знаков и их значений в качестве цельной „картины мира“» [Алексеевский 2008: 181–182].

Понятно, что в данном случае к «статусности» и «репрезентативности» фольклорист подходит со своими критериями. Одно из отличительных качеств, ожидаемых от известных информантов (в данном случае лучше употребить термин «сказители»), когда они предстают перед телекамерой или массовой аудиторией во время торжеств, устраиваемых активистами общественных организаций, — умение эксплицитировать «большие» истории, в то время как на сеансе экспедиционной записи, так и в традиционно-сельских коммуникативных ситуациях востребовано скорее мастерство рассказывания локальных историй.

Али Шогена при жизни приглашали в городские офисы черкесских организаций (*Хасэ, дернек*) во время официальных и праздничных мероприятий как старейшину, умеющего наставить, преподнести урок *адыгэхабзэ* (черкесский морально-этический кодекс), произнести красивую речь по случаю. Однако практика публичных

выступлений, как это иногда бывает, не влияла на его сказительскую стилистику, интонацию и репертуарные предпочтения. Говоря о проблеме изменения условий, в которых происходит трансмиссия текстов, Н. В. Петров пишет: «В текстах, транслируемых носителями традиции, все большую роль играют индивидуальная интерпретация медийных и художественно обработанных образов, личное отношение, а не некий «стандарт» или типизация, обусловленные цензурой традиции» [Петров 2015: 141].

В этой связи мы можем отметить, что информант, тексты которого составили наш сборник, не следовал установленным штампам и стереотипам, не пытался «приукрасить» смысл сообщаемой в беседе этнической информации, не делал конъюнктурных акцентов в своем фольклорном репертуаре. Для фольклористов Али Шоген — находка: его тексты аутентичны и оригинальны, философские рефлексии очерчены рамками традиционной устной культуры, не подвергнуты влиянию современной книжной и медиаинформации.

Наиболее рельефно и детально специфика фольклорной культуры Узун-Яйлы, ментальные характеристики описываемого очага культуры материализуются (вербально и акционально) в особом стереотипном комплексе — *узун-яйлинском нарративе*, объединяющем значимые семантические элементы описываемой традиции. Народный терминологический лексикон, следуя которому мы остановились на выборе указанного термина, выстраивает синтагматический понятийный ряд: *узун-яйлэуэршэр* ('узун-яйлинский оршер, игровые словесные поединки'), *узун-яйлэхьыбар* ('узун-яйлинское предание'), *узун-яйлэунафэ* ('узун-яйлинское решение'), *узун-яйлэхьэццэц* ('узун-яйлинская гостиная'), *ди Узун-Яйлэ(м)* ('наша Узун-Яйла', 'у нас в Узун-Яйле'). В зависимости от групповой самоидентификации говорящего, его отношения к местному сообществу («свой» или «чужой»), эпитет «узун-яйлинский» может менять свое значение от высокопрестижного («последовательный», «аристократический», «традиционно-черкесский») до насмешливого («излишне церемониальный», «патриархальный», «кабардинский»).

Необходимо отметить, что в азиатском региональном культурном пространстве (например, в государственных и частных медийных проектах о традиционной

культуре) узун-яйлинский фольклорный текст является одним из узнаваемых, в том числе и для представителей других черкесских анклавов Турции. Таким образом, мы можем наблюдать одну из устойчивых функций стереотипных устных текстов — функцию структурирования локальной идентичности [Дранникова 2013].

Текст узун-яйлинского нарратива отличается некоторой закрытостью и, по определению К. Чистова, «связан с весьма определенной и конкретной социальной и локальной группой, ее диалектом, уровнем сознания, структурой сознания, эстетическими вкусами, т. е. этот текст принципиально эзотеричен, предназначен „для своих“» [Чистов 2005: 232].

«Возвращение» материалов в «поле» традиции неизменно связано с репутационными и профессиональными рисками для собирателя. Этой проблеме был посвящен специальный раздел одного из последних выпусков журнала «Антропологический форум» [Отношения антрополога и изучаемого сообщества 2016]. Как бы фольклористы ни стремились минимизировать вторичное влияние публикуемых текстов на «поле» традиции, они, тем не менее, оказывают не прямое «разрушающее» вторжение в ее внутреннюю среду, иногда — самой лишь благородной целью «сохранения» утрачиваемой этнической памяти. «Публикации фольклора занимают в системе культуры двойственное положение. По отношению к аутентичной устной традиции они выступают скорее как литература, поскольку напечатанные тексты утрачивают способность к варьированию, отрываются от контекста исполнения и т. д. По отношению же к литературе они скорее представляют собой фольклор, так как соотносятся с жанровой системой устной традиции, сохраняют фольклорные сюжеты, мотивы и образы, ассоциируются с народным бытом и системой ценностей» [Толстая 2009: 38; Топорков 2016: 32].

В черкесской диаспоре, в условиях отсутствия письменности, мы можем наблюдать, каким образом зафиксированный на медианосители фольклорный текст приобретает свойства литературного: аудио- или видеозаписи авторитетных информантов вот уже несколько десятилетий распространяются в качестве информационно-языковых эталонов. В нашей полевой практике бывали случаи, когда один информант про-

сил нас поделиться копией записи другого информанта с целью «узнать новое, проверить свои знания». Таким образом, материальное закрепление, о котором говорил В. К. Чистов [Чистов 2005: 31], культивирование и циркуляция зафиксированного аутентичного варианта может играть роль в процессе «литературизации» текста, проявления свойств вторичности.

Вместе с тем, мы встречались также со случаями обращения информанта к собственным записям на латинице в виде репертуарного списка или специальных помет в блокноте. Функции подобных записей обозначаются С. Ю. Неклюдовым как исключительно мнемонические [Неклюдов 2009].

Таким образом, фольклорное «поле» живой устной традиции, каковой является черкесская диаспорная культура, до сегодняшнего дня представляющее собой сферу естественной («контактной») коммуникации, приближается к пограничному состоянию, интра-культурная фиксация текста возвращает его в собственную среду, изменяя естественную географическую локализацию и условия / способы передачи. Фольклорист в этой ситуации может выступать более или менее активным гарантом аутентичности текста, публикуемого в том числе непрофессиональными собирателями. Так, в пространстве социальных сетей иногда поднимаются вопросы, связанные с «правильным / неправильным» (диалектным / литературным) произношением или написанием слова. Зачастую дихотомия *устное / книжное* ассоциирована в сознании представителей диаспоры с противопоставлением *хэхэс акцент* ('акцент живущих на чужбине') и *хэкурис акцент* ('акцент живущих на родине'). И если часть более или менее начитанных пользователей из числа диаспоры, знакомых с изданными литературными текстами, считают, что письмо должно быть универсализованным, то опытные собиратели — любители фольклора, проявляющие живой интерес к имеющимся в отечественной науке полевым и эдиционным практикам, придерживаются мнения (сложившегося не без влияния профессиональных фольклористов), что устные тексты должны публиковаться «как есть» и это только обогатит национальную культуру и язык.

С освоением кириллической письменности черкесское диаспорное «поле» будет

неизбежно испытывать вторичное влияние книжных изданий полевых материалов. Мы можем лишь пытаться минимизировать это влияние если не на уровне сюжетов, мотивов, текстов, то на уровне фольклорно-речевых явлений. В первом издании узун-яйлинских полевых материалов мы, следуя принятым в адыгведении эдиционным принципам, постарались по возможности сохранить отличительные особенности местной речи, в первую очередь, лексические и фонологические. Значение тюркизмов и арабизмов, наиболее употребительных в речи черкесов диаспоры, а также характерных для фольклорного текста архаичных слов и специфических местных выражений, разъясняется в постраничных сносках. Словари заимствований и местных выражений, специальные указатели к текстам местной традиции планируется издать в качестве приложения к объемному сборнику фольклорных текстов Узун-Яйлы.

Основная фонологическая отличительная черта местного говора — это палатализованные согласные [гь] (*г'эд, г'атэ* вместо лит. *джэд, джатэ*), [кь] (*к'эт, к'исэ* вместо *чэт, чисэ*), [кль] (*к'л'апсэ, к'амышык'л'* вместо *ч'апсэ, к'амышыч'л'*), [хь] (*х'эку, х'абзэ*), [й] (*адыгагьэ, жьыг, бэйын* вместо лит. *адыгагьэ, жьыг, бэын*). Для того чтобы не усложнять читателю восприятие текста, мы обозначаем два палатализованных звука с помощью одного знака «г». Но только в том случае, когда мы имеем взрывной согласный [гь], мы обозначаем палатализацию диакритическим значком: *г'атэ*. В случае с мягким щелевым [й] мы сохраняем аналог литературного написания: *адыгэ*.

Для печатного варианта узун-яйлинского текста актуален также ряд других фонологических особенностей: свистящий [с] (вместо лит. **шь**) в утвердительном копула-суффиксе **-с** (*жалас, тхэмадэс*), ларингальный спирант [һ] в показателе множественного числа (*уэркьһэр, хьэтыкьуейһэр*). В некоторых случаях для узун-яйлинской речи характерно выпадение краткого [и]: *адрер, абде, К'л'эдыкьуейһэ, Тамбуһэ* (наряду с такими формами как *адрейр, абдей, К'л'эдыкьуейһэ, Тамбийһэ*). Учитывая неустойчивость этого явления, с той же целью неусложнения текста для читателя, мы решили придерживаться формы, наиболее распространенной на письме. Более точные транскрипции востребованы, на наш взгляд,

лишь для специальных лингвистических исследований.

Диаспорная культура отличается наибольшей консервативностью, закрытостью, повышенной социальной функциональностью. Фольклор черкесов Анатолии, который фиксируется более или менее активно в последние десятилетия, является для исследователей источником верификации многих спорных научных фактов и суждений — этнографических, исторических, языковых. Актуализация аутентичных фольклорных форм и продуктов как в медиaprостранстве, так и в академических изданиях представляется если не инструментом «удержания» поля в рамках традиции, то одним из факторов влияния на характер трансформаций вернакулярных практик.

Литература

- Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенкина А.* Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / под ред. М. Лурье // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 179–209.
- Власов А. Н.* «Память места» как аспект теоретической проблемы локальности / региональности в русском фольклоре // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы. Сб. ст. / ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2015. С. 70–82.
- Дранникова Н. В.* Фольклорно-речевые данные как индикатор локальной идентичности жителей Зимнего берега Белого моря (Мезенский район Архангельской области) // Народные культуры Баренцева Евро-Арктического региона: новые методы исследования. Мат-лы Межд. молодежн. науч. школы по фольклористике (г. Архангельск, 8–11 ноября 2012 г.). Под общ. ред. проф. Н. В. Дранниковой. Архангельск, 2013. С. 15–26.
- Неклюдов С. Ю.* Традиции устной и книжной культуры [электронный ресурс] // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov6.htm> (дата обращения: 14.07.2016).
- Отношения антрополога и изучаемого сообщества // Антропологический форум. СПб., 2016. № 30. С. 8–72.
- Петров Н. В.* Мифологические тексты о русалках на русско-белорусском пограничье (новые записи) // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы. Сб. ст. / ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2015. С. 140–152.
- Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы. Сб. ст. / ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2015. 296 с.
- Толстая С. М.* Устный текст в языке и в культуре // Слово устное и слово книжное / сост. М. А. Гистер. М., 2009. С. 34–40.
- Топорков А. Л.* Фольклористика в междисциплинарном диалоге // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015 / отв. ред. В. А. Тишков; сост. Н. В. Тарасова. М., 2016. С. 23–41.
- Тыркуемисадыгэхэр. Юрыуатэр (Фольклор адыгов Турции. Сборник текстов, на адыг. яз.) / сост. и ред. Р. Б. Унарокова. Майкоп, 2004. 580 с.
- Христофорова О. Б.* Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции. Автореф. дис... докт. филол. наук. М., 2010. 46 с.
- Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
- Geçmişte geleceğe Çerkesler: Kültür, Kimlik ve Siyaset. Editörü Sevdâ Alankuşve Esra Oktay Arı. Ankara, 2014. 542 s.
- Anadoluda Çerkes Kültürü: Halkbilim Alanı Araştırması Materyalleri. Derleyen, Onsozve Yorumlar: M. M. Pashtova. Ankara: Kafkas Araştırma Kulturve Dayanışma Vakfı, 2016. 149 s.

References

- Alekseevsky M., Zherdeva A., Lurye M., Senkina A. *Slovar' lokal'nogo teksta kak metod opisaniya gorodskoy kul'turnoy traditsii (na primere Mogileva-Podol'skogo) / pod red. M. Lurye // Shtetl, XXI vek: Polevye issledovaniya / sost. V. A. Dymshits, A. L. Lvov, A. V. Sokolova [Vocabulary of a local text as a means to describe a city's cultural tradition ... Edit. by M. Lurye ...]. St. Petersburg, European Univ. at St. Petersburg Press, 2008, pp. 179–209 (In Russ.).*
- Vlasov A. N. *«Pamyat' mesta» kak aspekt teoreticheskoy problemy lokal'nosti / regional'nosti v russkom fol'klore* [‘Memory of

- place' as an aspect of the theoretical problem of locality / regionality in Russian folklore]. *Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike — problemy i perspektivy. Sb. st. / red. kol.: M. V. Akhmetova (otv. red.), O. V. Belova, A. B. Moroz, N. S. Petrova* [Regional studies in folkloristics and ethnolinguistics: problems and prospects. Edit. by M. Akhmetova et al.]. Moscow, State Republ. Center of Russian Folklore Press, 2015, pp. 70–82 (In Russ.).
- Drannikova N. V. *Fol'klorno-rechevye dannye kak indikator lokal'noy identichnosti zhiteley Zimnego berega Belogo morya (Mezenskiy rayon Arkhangel'skoy oblasti)* [Folklore and speech data as an indicator of local identity among the residents of the Zimny Shore (Rus. 'bereg') of the White Sea]. *Narodnye kul'tury Barentseva Evro-Arkticheskogo regiona: novye metody issledovaniya. Mat-ly Mezhd. molodezhn. nauch. shkoly po fol'kloristike (g. Arkhangel'sk, 8–11 noyabrya 2012 g.). Pod obshch. red. prof. N. V. Drannikovoy* [National Cultures of the Barents Region: New Research Methods. Proc. of the Internat. research youth school of folkloristics (Arkhangel'sk, 8–11 November 2012)]. Arkhangel'sk, 2013, pp. 15–26 (In Russ.).
- Neklyudov S. Yu. *Traditsii ustnoy i knizhnoy kul'tury* [Traditions of oral and book culture]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/necludov6.htm> (accessed: 14 July 2016) (In Russ.).
- Otnosheniya antropologa i izuchaemogo soobshchestva* [Relations between an anthropologist and a community under study]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. St. Petersburg, 2016, No. 30, pp. 8–72 (In Russ.).
- Petrov N. V. *Mifologicheskie teksty o rusalkakh na russko-belorusskom pogranič'e (novye zapisi)* [Mythological texts about mermaids in the Russia-Belarus border territories (new records)]. *Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike — problemy i perspektivy. Sb. st. / red. kol.: M. V. Akhmetova (otv. red.), O. V. Belova, A. B. Moroz, N. S. Petrova* [Regional studies in folkloristics and ethnolinguistics: problems and prospects. Edit. by M. Akhmetova et al.]. Moscow, State Republ. Center of Russian Folklore Press, 2015, pp. 140–152 (In Russ.).
- Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike — problemy i perspektivy. Sb. st. / red. kol.: M. V. Akhmetova (otv. red.), O. V. Belova, A. B. Moroz, N. S. Petrova* [Regional studies in folkloristics and ethnolinguistics: problems and prospects. Edit. by M. Akhmetova et al.]. Moscow, State Republ. Center of Russian Folklore Press, 2015, 296 p. (In Russ.).
- Tolstaya S. M. *Ustnyy tekst v yazyke i v kul'ture* [Oral text in language and culture]. *Slovo ustnoe i slovo knizhnoe / sost. M. A. Gister* [Word — oral and bookish. Comp. by M. Gister]. Moscow, 2009, pp. 34–40 (In Russ.).
- Toporkov A. L. *Fol'kloristika v mezhdistisciplinarnom dialoge* [Folkloristics: an interdisciplinary dialogue]. *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2015 / otv. red. V. A. Tishkov; sost. N. V. Tarasova* [Transactions of Department for Historical and Philological Studies of RAS 2015. Edit. by V. Tishkov, comp. by N. Tarasova]. Moscow, 2016, pp. 23–41 (In Russ.).
- Tyrkuemis adygekher. Iory Iuater (Fol'klor adygov Turtsii. Sbornik tekstov, na adyg.yaz.) / sost. i red. R. B. Unarokova* [Folklore of Turkish Circassians. Collected texts. Comp. by R. Unarokova]. Maykop, 2004, 580 p. (In Adyghe).
- Khristoforova O. B. *Diskurs o koldovstve i lokal'nye fol'klornye traditsii: semantika, pragmatika, sotsial'nye funktsii. Avtoref. dis... dokt. filol. Nauk* [Discourse about magic and local folklore traditions: semantics, pragmatics, social functions. A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 2010, 46 p. (In Russ.).
- Chistov K. V. *Fol'klor. Tekst. Traditsiya* [Folklore. Text. Tradition]. Moscow, OGI Publ., 2005, 272 p. (In Russ.).
- Geçmiştengeleceğe Çerkesler: Kültür, Kimlik ve Siyaset. Editörü Sevda Alankuşve Esra Oktay Arı*. Ankara, 2014, 542 p. (In Turk.).
- Anadoluda Çerkes Kültürü: Halkbilim Alan Araştırması Materyalleri. Derleyen, Onsozve Yorumlar: M. M. Pashtova*. Ankara, Kafkas Araştırma Kulturve Dayanışma Vakfı, 2016, 149 p. (In Turk.).

УДК 398

Локальный фольклорный текст в свете собирательских и эдиционных проблемМадина Михайловна Паштова¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел этнологии и народного искусства, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (Майкоп, Российская Федерация). E-mail: gupsa@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает условия взаимовлияния зафиксированного текста и фольклорного поля, факторы вторичности, играющие роль при записи текста и его «возвращении», в виде медиа- и книжной продукции. Используемые методы: аудиовизуальная запись и заметки в дневнике; сравнительно-типологический, структурно-функциональный, статистический анализ. На основе собирательского и эдиционного опыта автора выявляются важные для диаспорного поля принципы работы с текстом. В частности, учитывая интенсивность «горизонтальной» коммуникации в исследуемом «поле», необходимо обращать внимание на формулировку вопросов, в том числе задаваемых фольклористами в медийном пространстве (социальных сетях), при составлении понятийно-терминологического аппарата изданий текстов локальной традиции отдавать приоритет народным дефинициям, придерживаться графических знаков и принципов, максимально приближающих письменный текст к местному говору, не усложняя при этом прочтение (т. е. оставляя более точные транскрипции для специальных лингвистических изданий). В целом, взаимодействие публикующегося фольклориста и представителей исследуемой традиции должно осознанно придерживаться принципа минимального «вторжения» в вернакулярные практики.

Ключевые слова: фольклор, локальный текст, полевые записи, эдиционная практика, черкесы, диаспора, вернакулярная культура

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 28, Is. 6, pp. 102–108, 2016
 DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-102-108
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.22

The Structure of *Olonkhos* in the Northern Regional Tradition of the Yakut People: the Introduction

Ludmila S. Efimova¹, Olga K. Pavlova²

¹Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Department of Folklore and Culture Studies, Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: ludmilaxoco@mail.ru

²M. A., Research Associate, Olonkho Research Institute, Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: olga-ksento@mail.ru

Abstract. The article deals with introductory parts of *olonkhos* in the northern regional tradition of the Yakuts. The authors of the article divide the introduction into two segments as follows: a narrative part comes first and is followed by a descriptive one. Narrative parts of *olonkhos* within this tradition are classified into three groups. Compositions of the first group describe single heroes who have neither father, nor mother, nor sister, nor brother. The second group comprises plots according to which the main character has sisters and brothers but they live all alone without parents. And the third group consists of plots that begin with fairy-tale motifs. The most common plot of introductory parts of *olonkhos* within the northern regional tradition presented in seven texts describes the main character as a full orphan. The hero is reported never to have seen his revered parents and, thus, lives in the Middle World alone, unaware of his origin: he wonders whether he fell from the sky or appeared from under the ground. Still, in some *olonkho* texts of the tradition the main character has brothers and sisters. The distinct feature of northern *olonkhos* is that their introductory parts contain fairy-tale motifs. Such *olonkho* texts begin with descriptions of the lives of an old man and an old woman, or an old man with three sons. The descriptive part is divided in two, and it is the house of heroes that is described first: there are detailed descriptions of the building, its interior decoration, household utensils and facilities. The second section describes the Middle World with its mountains, ponds and rivers, plants, trees and grass. The final episode of the narrative includes a description of the Sacred Tree the main character runs across on his way of adventures. And there are different names used to denote the Sacred Tree. The paper concludes that introductory parts of *olonkhos* of this tradition differ from those of the central and Vilyuisky epic traditions. Narrative parts of *olonkhos* within the studied tradition are usually incomplete due to the lack of descriptions of the universe.

Keywords: Yakut epic, *olonkho*, compositional structure, introduction, narrative part of the introduction

Представления древних якутов об окружающем мире, в основе которых лежала трехчастная структура Вселенной, нашли отражение во вступительной части олонхо. Жилище для якутов представляет собой пространственную единицу, один из хозяйственных комплексов всего культурного

ландшафта народа. О нем впервые написал П. А. Ойунский [Ойуунскай 1975: 292–357], описавший два вида жилища: *балаган* ‘юрта’ и *урасу*. Из надворных построек им были охарактеризованы *хотон* ‘хлев для рогатого скота’, изгороди, *сэргэ* ‘коновязи’, посуда и способы её производства, описан-

ные в текстах олонхо. Также им было осуществлено описание внешней и внутренней частей жилища якутов. *Ураса* как один из видов якутских построек была впервые описана М. М. Носовым [Носов 1954]. Кроме того, традиционное жилище народа *саха* впервые стало предметом научного изучения Н. К. Даниловой [Данилова 2011].

И. В. Пухов впервые выделил в композиционной структуре олонхо якутов вступление, где приводятся описания природы, богатств, окружающего мира, Срединного мира [Пухов 1962]. Г. У. Эргис замечал, что во вступлении олонхо «богатырь выступает в детском или юношеском возрасте» [Эргис 1947: 10]. В общем, по мнению Г. У. Эргиса, во вступлении рассказывается о главных героях — богатырях, которые жаждали подвигов.

Обычно в центральной региональной традиции вступление бывает обширным. И. В. Пухов выделил две составные части вступления: описательную и повествовательную. В описательной части олонхо часто описывал «зарождение вселенной, описание «средней земли» и заселение её человеком, назначение человека — родоначальника племени» [Пухов 1962: 50]. В первой части в двух картинках дается параллельное описание природы и человека. Во второй картине дается описание страны, заселенной племенем *ураанхай саха*, и ее природы. По мнению И. В. Пухова, это описание связано с положением страны во вселенной в космическом плане. Далее в описательной части приводится рассказ о стране, её природе и богатствах людей. Богатство людей описывается в определенном порядке: юрта, утварь, очаг, усадьба, скот. Эта часть завершается описанием родового священного дерева и его назначения [Пухов 1962: 50].

Повествовательная часть посвящена рассказу о жизни героев. В повествовательную часть вступления И. В. Пухов включал описания жизни первых людей, родоначальников племени, рассказы об их славе и грехопадении. Для иллюстрации он привел пример из текста одного из известных олонхо Д. М. Говорова «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөһө» («Неспотыкающийся Мүлдү Бөһө») [Пухов 1962: 49]. Вступление в данном олонхо занимает 1 758 строк из 19 271 строки общего текста, что составляет 9,1 % всего текста. Однако И. В. Пухов отмечал и незначительный объем вступлений в не-

которых из записанных текстов, указывая несколько причин для объяснения такого явления.

Н. В. Емельянов различал во вступительной части олонхо зачин, который подготавливал слушателей к восприятию событий «давно минувших дней». Здесь он также выделял два периода: под первым периодом он понимал «самое древнее время, когда первозданная Средняя земля была еще девственной, когда на ней еще не поселилось эпическое племя *ураанхай саха*, еще не было годов треволений и борьбы» [Емельянов 1983: 11–12]. Второй период вступления он связывал с заселением Средней земли людьми племени *Айыы*. В общем, по утверждению Н. В. Емельянова, вступление олонхо состоит из следующих элементов: описание страны героя, её растительного и животного мира; описание священного дерева *Аал Луук масс*; описание жилища или усадьбы героя. Затем дается портрет героя, описание его достижений, оружия, богатства и образа жизни. Однако в другой, более поздней, работе Н. В. Емельянов изменяет данную ранее структуру вступления олонхо. Те же самые объекты воспевания (страна, священное дерево, жилище, богатство, вооружение, портрет героя) он называет «экспозицией» или «эпическим зачином» [Емельянов 1990: 10].

При описании вступления олонхо северной региональной традиции якутов мы будем придерживаться мнения И. В. Пухова. Таким образом, мы разделяем вступительную часть олонхо на две части: повествовательную и описательную часть, включающую описание жилища и описание Срединного мира.

В текстах десяти олонхо выдерживаются две части. В данной традиции сначала идет не описательная, а повествовательная часть вступления.

Повествовательную часть олонхо данной традиции можно разделить на три группы. В первой группе описываются одинокие герои, не имеющие ни отца, ни матери, ни братьев и сестер. Во вторую группу включены сюжеты, в которых у главного героя есть сестры и братья, но они живут одни, без родителей. К третьей группе нами отнесены сюжеты повествовательной части, которые, как мы считаем, начинаются со сказочных мотивов.

Наиболее распространенным сюжетом вступления олонхо северной региональной

традиции, представленным в семи текстах, является сюжет, в котором главный герой — одинокий сирота. Во всех семи текстах олонхо герой живет в среднем мире одиноко, не зная, откуда он родом: с неба ли упал,

Былыр биир киһи ийэ диэн ийэни билбэтэх, аҕа диэн аҕаны көрбөтөх, бииргэ төрөөбүт диэн биир билбэтэх, халлаантан туспутун да, билбэт сиртэн сиритэн күөрэйиитин да билбэт киһи биир эбитэ үһ” [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 114 / 115: 1]

Данный отрывок примечателен тем, что повествование в нем приближено к сказочному стилю. Так, оно заканчивается словами «*Киһи биир эбитэ үһү*» ‘Говорят, жил (человек)’.

В олонхо «Мас Батыяа» среднеколымской локальной традиции сказание начинается с выражения: «*Үчүгэй аҕай буоллабына*», которое можно приблизительно перевести: ‘Хорошо так начать’. Как отмечает Н. В. Емельянов [Емельянов 1990: 105], олонхо якутов индигиро-колымского региона часто начинается с этого выражения. Такое же выражение во вступительной части встречается и в тексте олонхо сказителя Г. Ф. Никулина «Эр Соҕотох» абыйской локальной традиции. В олонхо «Көтөр Мүлгүн» момской локальной традиции главный герой также не знает, где родился. Рассказывается, что он не ведает «на родной матери земле ли, на золотом просторе, на желтых просторах, на макушке—центре, на самой серединке ли» появился. Он не ведает, где появился, «ночью ли рожденный, на пеньке ли родившийся, днем ли появившийся, на озере ли окрестившийся». У него нет никого из родных. Это явление в тексте воспеваётся символически, что «на левой сторонке никого не было, на правой сторонке также никого» не было. Конец отрывка заканчивается так же, как в предыдущих

Орто дайдыга олорбута эбитэ үһү үс балыстаах Лабанхачаан Лабанха. Төрүттэрин уустарын билбэттэр, кимтэн баар буолбуттарын таалалаабаттар. Биирдэ баар буолан хаалтар [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 10. Ед. хр. 64: 1]

из-под земли ли вырос, никогда не ведал ни почтенного отца, ни почтенной матери. Богатырь *Эр Соҕотох* абыйской региональной традиции представлен как герой-сирота:

Давным-давно человек, не знавший, не выдавший матери своей, отца своего не знавший, родственников своих не ведавший, с неба ли свалился не знающий, из-под земли ли появился не сведущий, говорят, жил... [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 114 / 115: 1]

текстах сказочной концовкой «*Суоҕа эбитэ үһү*» ‘не было, говорят...’ [Муома олонхолоро 2004: 15].

В некоторых текстах олонхо исследуемой северной традиции у главного героя есть братья и сестры. Как писал И. В. Пухов, «во многих олонхо рассказывается, что герой и его сестра — единственные люди на земле, они никого не знают» [Пухов 1962: 56]. В олонхо «Хаан Дьаргыстай» верхоянской локальной традиции вступление начинается не с традиционного описания родителей, а с описания жизни брата и сестры *Үрүҥ Уолана* и *Үрүҥ Үкэйдээн Куо*. Подобное упоминание в начале олонхо о брате и сестре встречается также в олонхо «Хаарылла Мохсобол» и «Көбүө Дьабыл» момской локальной традиции. В олонхо «Үс балыстаах Лабанхачаан Лабанха» главный герой живет не с одной сестрой, как в других олонхо, а с тремя. О подобном явлении писал Е. М. Мелетинский: «Очень характерно, что боги — супружеская пара, а люди-первопредки — брат и сестра, что соответствует <...> более архаическим материнско-родовым, а не патриархально-семейным отношениям» [Мелетинский 1963:319].

В олонхо «Үс балыстаах Лабанхачаан Лабанха» среднеколымской локальной традиции главный герой живет вместе с сестрами.

На Срединной земле жили, говорят, *Лабанхачаан Лабанха* с тремя сестрами. Не знали, откуда они родом, не ведали никого из родных, от кого появились, даже и не подозревали. (Они) однажды появились [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 10. Ед. хр. 64: 1]

¹ По представлениям древних якутов левая сторона представляет собой женскую сторону пространственной ориентации, правая — мужскую.

Главный герой *Лабанхачаан Лабанха* имеет трёх сестер. Они все «не знали, откуда они родом, не ведали никого из родных, от кого появились даже и не подозревали». Герои олонхо, как описывается во вступлении, «однажды появились».

Еще в одном тексте олонхо — «Көбүө Дьабыл» — вступительная часть начинается с описания жизни не главного героя, а с упоминания о его сестре *Хаан Чалбай удабан*. Здесь также внимание акцентируется на мотиве одиночества героев, у них никого нет из родных: «*Халлаан мэк тууйа аттаах Хаан Чалбай удабан диэн балыстаах. Уонна кинилэргэ ким да суох*» ‘С лошадью небесной, с младшей сестрой *Хаан Чалбай удабан*. И никого у них не было’ [Муома олонхолоро 2004: 207].

Встречаются тексты, в которых содержится описание жизни двух братьев. В олонхо «*Үчүгэй Үөдүйээн, Куһаҕан Холдугур*» главный герой живет с родным братом. Об этом И. В. Пухов писал: «В других

Охтор мастаах, устар уулаах, ойор күннээх орто ай дайды улай-дьэнкэ киинигэр, анаардастыы аатыран, соботобун сурабыран Күн-Мөнгүрүүн тойон офонньор, Күн-Тэйгэл эмээхсин [Орто Халыма олонхолоро 2016: 31]

Отличительной чертой олонхо северных региональных традиций является наличие вступительной части со сказочным мотивом. Пример такой вступительной части можно найти в двух текстах олонхо: «*Күн-Мөнгүрүүн офонньор икки Күн Тэйгэл эмээхсин*» и «*Үс уоллаах Лабанхачаан офонньор*». Нами найдены следующие концовки, напоминающие сказочные: «*Суоҕа эбитэ үһү*» ‘Не было, говорят...’. «*Киһи биир эбитэ үһү*» ‘Говорят, жил (человек)’, «*Олорбута эбитэ үһү*» ‘Жили, говорят’. Только в сказках начало или конец оформляются подобными выражениями. По-видимому, тексты олонхо северной региональной традиции сохранили архаический пласт лексики, что подтверждает связь начальной стадии формирования олонхо с жанром сказок.

Высказывание Е. М. Мелетинского о том, что «героический эпос сибирских тюрков и бурят <...> является примером эпоса, сложившегося в догосударственный период. В силу этого исторические воспоминания в эпосе выступают в мифологической и сказочной форме» [Ме-

олонхо герой — один из двух или трех братьев, чаще всего обижаемый младший брат. Обычно братья живут одни (так же, как брат и сестра), но могут жить и с родителями» [Пухов 1962: 56]. В олонхо не описывается появление главных героев в Срединном мире. Текст олонхо начинается с описания жилища и резко переходит в рассказ о главных героях.

В тексте олонхо «*Күн-Мөнгүрүүн офонньор...*» вступление начинается с описания жизни старика *Күн-Мөнгүрүүн* и старушки *Күн-Тэйгэл*. Сначала дается описание Срединного мира: «*Охтор мастаах, устар уулаах, ойор күннээх орто ай дайды улай-дьэнкэ киинигэр*» ‘с ниспадающими деревьями, с текущими водами, с восходящим солнцем в центре Срединного мира’. В конце текст напоминает сказку: «*Олорбуттара эбитэ үһү*» ‘жили, говорят’. Героями являются *Күн-Мөнгүрүүн* ‘господин старик’ со своей старушкой *Күн-Тэйгэл*.

С ниспадающими деревьями, с текущими водами, с восходящим солнцем в центре Срединного мира, широко и просторно жили, говорят, *Күн-Мөнгүрүүн* господин старик, *Күн-Тэйгэл* старушка [Орто Халыма олонхолоро 2016: 31]

летинский 1963], раскрывает взаимосвязи олонхо и сказки.

Таким образом, вступление олонхо северной региональной традиции совсем отличается от других региональных традиций. В данной традиции сначала идет не описательная, а повествовательная часть вступления. Также одной из отличительных черт текстов олонхо является вступительная часть со сказочным мотивом. В текстах нескольких олонхо встречается вступительная часть со сказочным началом или концовкой.

Описательная часть вступления в текстах олонхо северной региональной традиции следует за повествовательной частью; кроме того, она не такая полная, как в других региональных традициях. В этом состоит особенность вступления исследуемой традиции. В отличие от других, в данной традиции описательная часть начинается с описания жилища богатырей *Айыы*, встречающегося в девяти текстах олонхо из четырнадцати рассматриваемых текстов, представляющих пять локальных традиций: колымскую, момскую, верхоянскую, абыйскую и усть-янскую.

Описательная часть делится на две части: в первой части вступления описываются жилища героев, дается подробное описание строительных деталей жилища, внутреннего убранства, утвари и дворовых построек. Во второй части идет описание Срединного мира. В основном упоминаются горы, водоемы, растительный покров, деревья и травы. Заключительным моментом описательной части является описание священного дерева. В текстах олонхо северной региональной традиции отсутствует описание Вселенной.

После описания жилища в текстах олонхо северной региональной традиции идет описание Срединного мира, которое в других региональных традициях идет первым. Г. У. Эргис в свое время отмечал: «Олонхо начинается с традиционного вступления, описывающего величественную, фантастическую картину трех миров якутской мифологии» [Эргис 2008: 193]. Там описывается страна героя, где царит вечное лето, растет почтенное восьмиветвистое дерево *Аал Дууп Мас*, находится *Арат-Байкал* и т. д. И. В. Пухов писал: «Во вступлении описываются природа страны, богатство и жизнь ее обитателей до начала действия. Вступительное описание, как правило, бывает весьма обширным».

Подобные описания Срединного мира встречаются в десяти текстах олонхо из четырнадцати. В оставшихся четырех текстах повествование резко переходит к завязке сюжета. В олонхо «Эр Соботох» сказителя Н. В. Слепцова за описанием жилища следует описание знакомства главного героя с богатырем *айыы* Эрэли Мэргэн, что является завязкой сюжета.

Во вступительной части олонхо исследуемой традиции горы описываются в шести текстах из десяти. Во многих текстах они описываются как *таас* 'каменные'. В олонхо «Көбүө Дьабыл» горы описываются словами *ардыгынас олохтоох*, что в буквальном переводе означает 'крутая каменная гора или скала'. Лишь в олонхо «Аалыа Бэргэн» усть-янской локальной традиции горы описаны словом *хайа* 'гора'. В олонхо «Хаарылла Мохсобол» представлены три разновидности гор: *Хара суорба таастардаах*, *Үрүҥ үөрбэ таастардаах*, *Үс биэрэстэ үрдүктээх Олох таастар* 'С черными остроконечными камнями, С белыми острыми скалами, Видные камни'. В других текстах олонхо горы делятся на золотые,

скалы, восемь белых гор. Можно предположить, что главные герои жили в горных местах.

В текстах олонхо данной традиции описываются три типа растительного мира: *хонуу* 'поляны', *аласы* и *сыһыы* 'луга'. Наиболее распространенным типом являются *сыһыы* 'луга', представленные в пяти текстах олонхо. *Аласы* описаны в четырех текстах. Как отмечает Н. В. Емельянов, *аласы* — это характерные для Якутии сенокосные пастбищные угодья. К ним он относит поляны, луга, открытые небольшие равнины, предгорные долины. По его мнению, якуты считали *алаас* своим кормильцем, так как от травостоя на *алаасе* зависела тучность скота. При этом *алаас* — место, где якуты жили от рождения до смерти [Емельянов 1990: 59]. Полянами покрыты местности героев олонхо «Эрбэхчин Мэргэн» и «Эр Соботох» сказителя Г. Ф. Никулина.

В шести текстах олонхо можно найти описания водных образований Срединного мира. Так, описываются четыре вида: *уу* 'водоемы', *күөл* 'озера', *үрэх* 'реки' и *көлүйэ* 'пруды'. В олонхо «Күн Мөнүрүөн..» и «Көтөр Мүлгүн» водоем описывается словом *уу* 'вода'. Самым распространенным видом являются пруды, указанные в трех текстах олонхо. Во всех случаях описывается пруд — белый, как молоко. Озера описаны только в одном тексте олонхо — «Хаан Дьаргыстай» — верхоянской локальной традиции. В этом тексте озера молочные, как пруды в других олонхо. Река также описывается только в олонхо «Эр Соботох» сказителя Г. Ф. Никулина.

Разнообразны описания рельефа родины богатыря: *кырдал* 'бугорок', *томтор* 'холм', *халдьаайы* 'косогор', *тумул* 'мыс'. Также встречаются описания пней *төнүргэс*, луж *бадараан*.

В текстах олонхо в небольшом количестве описываются деревья: *харыйа* 'ели', *талах* 'кустарники', *хатын* 'березы', *тиит* 'лиственница', *үөт* 'тальник', *болбукта* 'кедровый стланик'. Необходимо отметить, что благодаря подобным описаниям мы можем почерпнуть сведения о пейзаже северной части Якутии. В этих местах наиболее распространены кустарники и лиственница. Интересно то, что в тексте олонхо «Көбүө Дьабыл» упоминается кедровый стланик, растущий в скалистой местности.

В рассматриваемых текстах упоминаются травы только трех видов: *бэрдигэс*

‘хвош’, *укэр* ‘осока’ и *кылыс* ‘острая трава’. В текстах олонхо центральных региональных традиций травы представлены в более широком спектре. Можно сделать вывод, что места обитания главных героев северной региональной традиции были не богаты растительностью.

Описание священного дерева встречается в текстах пяти олонхо. Лишь в двух текстах священное дерево описывается во вступительной части. В других случаях описания священного дерева даются во время описания пути главного героя. Во всех пяти случаях названия священного дерева указываются по-разному. К примеру, в олонхо «Көбүө Дьабыл» священное дерево называют *Аал Лууп мас*, в олонхо «Эрбэхчин Мэргэн» — *Аай кудук тиит*, в олонхо «Мас Батыя — Аай кудук. В тексте олонхо «Үс уоллаах Лабанхачаан оҕонньор» можно найти упоминание о священном дереве *Аар Кудук тиит*, а в олонхо «Аалыа Бэргэн» священное дерево названо *Аал Кудук мас*.

Таким образом, вступление олонхо северной региональной традиции отличается от текстов других региональных традиций. В текстах десяти олонхо выдерживаются две части: описательная и повествовательная. В данной традиции сначала идет повествовательная часть. Описательная часть — не такая полная, как в центральной региональной традиции. Сначала описываются жилища героев, дается подробное описание строительных деталей жилища, внутреннего убранства, утвари и дворовых построек. За описанием жилища следует описание Срединного мира, где живет богатырь *Айыы*. В основном упоминаются горы, водоемы, растительные покровы, деревья и травы. Заключительным моментом описательной части является описание священного дерева. Также в олонхо северных якутов отсутствует описание Вселенной.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00505/а.

Источники

Архив ЯНЦ СО РАН — Архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН.

Литература

Данилова Н. К. Традиционное жилище народов саха: Пространство. Дом. Ритуал. Новоси-

бирск: Академическое изд-во “Гео”, 2011. 122 с.

Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 207 с.

Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М.: Наука, 1983. 246 с.

Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. 462 с.

Муома олонхолоро / гуманит. Чинчийи интута, Респ. «Олонхо» Ассоц.; [редкол.: В. В. Илларионов (эппиэттир ред.) уо.д.а]. Дьокуускай: Бичик, 2004. 240 с.

Носов М. М. Якутская берестяная ураса. Якутск: Бичик, 1954. 31 с.

Нюргун Боотур Стремительный. Якутское олонхо / текст К. Г. Оросина; ред., пер., коммент. и вступ. ст. Г. У. Эргиса. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1947. 410 с.

Ойуунускай П. А. Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения. В 2-х т. Рассказы, повести, воспоминания, статьи, выступления). Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1975. 432 с.

Орто Халыма олонхолоро: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2016. 280 с.

Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 256 с.

Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.

Sources

Arkhir YaNTs SO RAN — The Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS.

References

Danilova N. K. *Traditsionnoe zhilishche narodov sakha: Prostranstvo. Dom. Ritual* [The traditional dwelling of Sakha peoples: space, home, rituals]. Novosibirsk, Geo Publ., 2011, 122 p. (In Russ.).

Emelyanov N. V. *Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemeni* [Olonkho plots about forefathers of the tribe]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 207 p. (In Russ.).

Emelyanov N. V. *Syuzhety rannikh tipov yakutskikh olonkho* [Plots of the early Yakut olonkhos]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 246 p. (In Russ.).

Emelyanov N. V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of Yakut olonkhos]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 375 p. (In Russ.).

Meletinskiy E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo*

- eposa. Rannie formy i arkhaischeskie pamyatniki* [Origins of the heroic epic. The ancient forms and archaeological monuments]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1963, 462 p. (In Russ.).
- Muoma olonkholoro / gumanit. Chinchiyii in-tuta, Resp. «Olonkho» Assots.; [redkol.: V. V. Illarionov (epiettiir red.) uo.d.a] [...].* Yakutsk, Bichik Publ., 2004, 240 p. (In Yakut).
- Nosov M. M. *Yakutskaya berestyanaya urasa* [The Yakut birch-bark *urasas* (dwelling)]. Yakutsk, Bichik Publ., 1954, 31 p. (In Russ.).
- Nyurgun Bootur Stremitel'nyy. Yakutskoe olonkho / tekst K. G. Orosina; red., per., komment. i vstup. st. G. U. Ergisa* [Nyurgun Bootur the Swift. The Yakut *Olonkho*. Text by K. Orosin; edit., transl., comment. and foreword by G. Ergis]. Yakutsk, Yakut Book Publ., 1947, 410 p. (In Yakut and Russ.).
- Oyuunuskay P. A. *Talylybyt ayymn'yalar (Izbrannye proizvedeniya. V 2-kh t. Rasskazy, povesti, vospominaniya, stat'i, vystupleniya)* [Selected works. In 2 vol. Short stories, novels, memoirs, articles, addresses]. Yakutsk, Yakut Book Publ., 1975, 432 p. (In Yakut).
- Orto Khalyma olonkholoro: olonkho [...].* Yakutsk, Bichik Publ., 2016, 280 p. (In Yakut).
- Pukhov I. V. *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho. Osnovnye obrazy* [The Yakut heroic epic *Olonkho*. The main characters]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1962, 256 p. (In Russ.).
- Ergis G. U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Sketches of Yakut folklore]. Yakutsk, Bichik Publ., 2008, 400 p. (In Russ.).

УДК 398.22

Структура Олонхо северной региональной традиции якутов: вступление

Людмила Степановна Ефимова¹, Ольга Ксенофонтовна Павлова²

¹доктор филологических наук, профессор, кафедра фольклора и культуры, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Российская Федерация). E-mail: ludmilaxoso@mail.ru

²магистр филологии, научный сотрудник, НИИ Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Российская Федерация). E-mail: olga-ksento@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена вступительная часть олонхо северной региональной традиции якутов. Авторы разделяют вступление на две части: сначала идет повествовательная часть, затем описательная. В повествовательной части олонхо данной традиции выделяются три группы. В первой группе описываются одинокие герои, не имеющие ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер. Во вторую группу включены сюжеты, в которых у главного героя есть сестры и братья, но они живут одни, без родителей. К третьей группе отнесены сюжеты повествовательной части, которые начинаются со сказочных мотивов. В описательной части олонхо исследуемой традиции сначала описываются жилища героев, дается подробное описание строительных деталей жилища, внутреннего убранства, утвари и дворовых построек. За описанием жилища следует описание Срединного мира, где живет богатырь *Айыы*. В основном упоминаются горы, водоемы, растительные покровы, деревья и травы. Заключительным моментом описательной части является описание священного дерева. Авторы делают вывод, что вступление олонхо данной традиции отличается от вступительной части центральной и вилюйской эпических традиций. Отличительной чертой олонхо северных региональных традиций является вступительная часть со сказочными мотивами. Тексты олонхо начинаются с описаний жизни старика и старушки, а также старика с тремя сыновьями. В текстах олонхо исследуемой традиции описательная часть дается в неполной форме, описание Вселенной отсутствует.

Ключевые слова: якутский эпос, олонхо, композиционная структура, вступление, повествовательная часть вступления

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 109–116, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-109-116
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39(398.21)

Fairy Tale Plots in G. J. Ramstedt's Records

Baira B. Goryaeva¹, Alexandra T. Bayanova²

¹ Ph. D. in Philology, Senior Research Associate, Department of Folklore Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

² Head of Alekseeva Scientific Library, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

Abstract. The article describes the set of plots of Kalmyk fairy tales recorded by the Finnish scholar G. J. Ramstedt in the early 20th century. The phonetically transcribed and published by G. J. Ramstedt, Kalmyk fairy tales reflect the oral tradition of the Kalmyks. The 22 recorded fairy tales are as follows: one is about animals, 12 magic fairy tales, 3 heroic tales and 6 household ones. The comparative study of fairy-tale plots as recorded by G. J. Ramstedt made it possible to identify plots that have both international and local existence. Magic fairy tales with international plots have their own peculiarities in the Kalmyk fairy-tale tradition. So, some fairy tales with the same plot type develop along two different directions. Only one fairy tale about animals published by G. J. Ramstedt has local existence — there is no corresponding position on the *Comparative Directory of Plots*.

Some fairy tales of local existence date back to the handwritten texts of Kalmyk literature. In the oral tradition of the Kalmyks, separate fairy tales are based on plots from the literary monument of *Sidditukur* ('The Magic Corpse'), e. g., *The Pig-Headed Medicine-Man*. The fairy tale with the plot from the above mentioned collection was published by G. J. Ramstedt. It is noteworthy that the narrator gave a traditional description — in terms of Kalmyk folklore — of *Shulma* ('witch') and *Mangas* ('demonic creature'). The folklore plot about the pig-headed medicine-man as recorded by the scholar differs from all the other variants available in the fairytale tradition of the Kalmyks due to the episode of the old medicine-man's participation in a war.

Another plot widely spread in the Kalmyk fairy-tale tradition and missing in the *Comparative Directory of Plots* — was also recorded by G. J. Ramstedt. This plot stems from the literary monument *The History of Uneker Torliktu Khan*, i. e. the genre of Buddhist *avadanas*. The book plots were perceived according to the aesthetics of folk tales: unclear motifs, images and realities were reinterpreted or replaced, stereotyped artistic structures — traditional formulas, common places, small genres of Kalmyk folklore — were included in the composition of the fairy tale.

Keywords: Kalmyk folklore, fairy tale, record, plot composition, G. J. Ramstedt, Directory of Plots

Финский ученый Г. Й. Рамстедт в 1903 г. при поддержке Императорского Гельсингфорского университета осуществил научную экспедицию в калмыцкие степи Нижнего Поволжья. Исследователь собрал обширный фольклорный материал: 22 сказки, около 100 загадок, 200 пословиц, 40 народных песен, также записал 20 фонограмм калмыцких мелодий, сделал множество фотографических снимков [От-

чет... 1904: 13]. Г. Й. Рамстедт собирался зафиксировать дополнительный материал по калмыцкому фольклору, чтобы выпустить серию книг. Однако осуществить этот замысел не удалось, и тексты образцов фольклорной традиции калмыков были опубликованы позднее, разрозненно, в разных журналах и книгах.

Г. Й. Рамстедт находился два месяца в Малодербетовском улусе при хуруле Базабакши Менкеджуева. Он записал «восемь длинных сказок» у Босхонджи-гелюнга, приставленного в помощь к нему [Отчет... 1904: 11]. Еще одним информантом был «пятнадцатилетний мальчик Бальдер» [Отчет... 1904: 12].

Записи сказок были изданы Г. Й. Рамстедтом на калмыцком и немецком языках в двух частях. В первой части, изданной в 1909 г., представлены тексты 18 сказок [Kalmückische... 1909]. В 1919 г. была опубликована вторая часть книги, содержащая сказки под номерами 19–22 [Kalmückische... 1919]. Тексты калмыцких сказок, зафиксированные Г. Й. Рамстедтом в фонетической транскрипции, выступили в качестве материала нашего исследования.

Ранее нами анализировался язык и стиль калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта [Баянова и др. 2015б; Горяева, Куканова 2016; Куканова, Горяева 2015], а также рассматривался фреймтарий персонажей на материале сказок в записи ученого сквозь призму компьютерных технологий [Баянова и др. 2015а; Горяева и др. 2015].

В настоящей статье нами предпринята попытка сравнительно-сопоставительного изучения сказочных сюжетов в записи Г. Й. Рамстедта. Материалом для исследования послужили тексты одной сказки о животных (№ 2), двенадцати волшебных сказок (№№ 4, 5, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 19, 20, 22), трех богатырских (№№ 16, 18, 21)¹ и шести бытовых (№№ 1, 3, 6, 7, 8, 9).

Анализ сказочных сюжетов в записи Г. Й. Рамстедта в сопоставлении с сюжетными типами «Сравнительного указателя сюжетов» (далее — СУС) позволил выявить международные и локальные сюжеты.

¹ В калмыцкой фольклористике (М. Э. Джигиров, Г. И. Михайлов, А. В. Бадмаев) богатырские сказки выделяются из общего сказочного жанра. Сюжетно-стилевые традиции калмыцких сказок о богатырях рассмотрены в ряде статей и монографии В. Т. Сарангова [2015].

Единственной сказке о животных, опубликованной Г. Й. Рамстедтом, полного соответствия в СУС не нашлось. Персонажами сказки под номером 2² выступают три брата: Волосяное горло, Перекати-поле и Соль, которые втроем забили овцу, в итоге досталавшуюся их собаке. Волосяное горло, отправившись очистить рубец овцы, решил поесть брюшного жира, но подавился и умер. Перекати-поле, выйдя вслед за братом, был унесен ветром. Братец Соль, попав под дождь, растворился [Kalmückische... 1909: 2–3].

Сказка под номером 4 соотносится с сюжетным типом СУС 513 А «Шесть чудесных товарищей». Старик со старухой ищут невест своим девятерым сыновьям. Сватают старшим сыновьям восемь сестер, младший, Йистер, остается без невесты. Во время свадебного пира желтоголовый змей требует, чтобы Йистер прибыл к нему. Выполняя поручение змея, герой в пути встречает чудесных помощников: человека, сосущего траву (калм. *өвс шимдг кун*), человека, набирающего океан (калм. *дала балһдг кун*), которые помогают Йистеру выполнить трудные задания хана и заполнить его дочь. По совету благодарной лисы, которую герой пожалел и не стал убивать, он обманывает змея и берет ханскую дочь себе в жены [Kalmückische... 1909: 5–9]. Данная сказка опубликована в переводе на русский язык в сборнике «Медно-волосая девушка» [Медно-волосая девушка 1964: 140–147].

Следующей сказке, включенной Г. Й. Рамстедтом в первую часть сборника, соответствия в СУС нами не найдено. Зачин этой сказки знакомит нас с двумя братьями, имеющими семь коров. Младший брат одну за другой забивает всех коров. Старший брат отрезает вымя последней коровы и убегает с ним, питается тем, что доит вымя, приросшее к скале. Когда младший брат отрывает источник пропитания от скалы и, пожарив его, съедает его, старший брат в гневе убегает. По пути герой находит каменный орган, который прирастает к нему. Он женится на ханской дочери, имеющей два органа. Младший брат тоже находит каменный орган, но, прежде чем приложить его куда следует, он решает приложить его ко лбу, в результате орган прирастает ему ко лбу. В итоге глупец умирает от голо-

² Тексты опубликованы Г. Й. Рамстедтом под номерами, названия сказкам не даны, кроме одной.

да и побоев напуганных его видом людей [Kalmückische... 1909: 9–12].

В сказке на сюжетный тип СУС 650 В «Герой ищет противников сильнее себя» старик отправляется на поиски человека сильнее себя. Встретившись с тремя братьями, которые рыбачат, он убеждается в их силе. Герой сбегает от них благодаря содействию их матери. По пути встречает великана. Выслушав его рассказ о встречах с еще более сильными людьми, он возвращается домой и перестает кичиться своей силой [Kalmückische... 1909: 48–56]. В восточнославянской традиции в сказках на данный сюжетный тип герой спит между двумя силачами, убегает от них; третий силач борется с преследователями и побеждает их [СУС].

Сказки на сюжетный тип СУС 567 «Чудесная птица» в калмыцкой устной традиции представлены двумя типами. Сказки первого типа заканчиваются тем, что братья приобретают волшебные предметы, старший из них становится ханом. Сказка под № 10 в сборнике Г. Й. Рамстедта относится к этому типу. Братья находят воробья, который несет золото. Хан приказывает доставить ему чудесную птицу. Старший брат съедает голову чудесной птицы, благодаря которой становится ханом, а младший — правое крыло, благодаря которому плюется золотом. Далее идет разработка сюжетного типа СУС 518 «Обманутые лешие» как одного из составляющих элементов сказок о невинно гонимых. Братья встречают трех человек, которые дерутся из-за волшебных предметов: шапки-невидимки, ковра-самбранки, меча, доставляющего в любое место. Герои предлагают им бежать наперегонки с условием, что чудесные предметы достанутся тому, кто прибежит первым. Спорщики убегают, герои забирают себе волшебные вещи [Kalmückische... 1909: 29–31]. Вариантом данного сюжетного типа является сказка «Алтар өндгдг богшурһа» («Воробей, несущийся золотом») [Калян А. 1994: 55–57].

В сказках второго типа на сюжет СУС 567 «Чудесная птица» имеется продолжение. С помощью чудесных предметов герой оказывается в соседнем ханстве, где, узнав, что красота его приобретена чудесным образом, дочь хана отнимает у него голову волшебной птицы. Герой наказывает ханскую дочь и обретает прежнюю красоту. Вариантами сказок на данный сюжетный тип являются «Һунуха Дөнэкэ хойр» («Трехлет-

ний и Четырехлетний») [ХФ: 130–135; ХТ, I: 67–71]; «Эк уга үлдсн хаана хойр көвүн» («Два ханских сына, оставшихся без матери») [ХТ, III: 150–162]; сказка «Алтин нуһсн» («Золотая утка») [Т. С. Тягинован... 2011: 43–48].

Среди рассматриваемых сказок имеется сказка (№ 14 в сборнике Рамстедта [Kalmückische... 1909: 31–35]), соотносимая с сюжетным типом СУС 700 «Мальчик-с-пальчик». Герой чудесно рожден, помогает отцу, действует заодно с ворами, попадает в желудок волка. После приключений возвращается домой. Перевод сказки на русский язык опубликован в сборнике «Медноволосая девушка» [Медноволосая девушка: 179–182].

Сказка, соотносимая с сюжетным типом СУС 519 «Слепой и безногий», также представлена среди записей Г. Й. Рамстедта. В восточнославянской [СУС: 149] и латышской [АМ: 296] сказках повествование на данный сюжетный тип начинается с описания того, как слуга помогает герою-царевичу жениться на богатырше, укротив ее. За это богатырша велит слугу лишить ног, а мужа определяет в пастухи. Калмыцкая сказка имеет иное развитие сюжета, сходное с адыгскими сказками [Алиева 1986: 27–28]. Братья из зависти к герою лишают его ног и бросают одного. Он встречает слепого и безрукого, они помогают друг другу. Специфика калмыцкой сказки — в описании дальнейших событий, которые происходят с этими персонажами. Побратимы похищают девушку, дочь хана, которая живет у них и ведет их хозяйство. Старуха-шулмуска, давшая девушке огонь, выслеживает ее и съедает весь обед, предназначенный для героев, пьет кровь девушки. Герой заставляет старуху-шулмуску вернуть друзьям прежний облик, расправляется со старшими братьями, возвращает свою жену. Это сказка № 11 из сборника Рамстедта [Kalmückische... 1909: 31–47], ее перевод на русский язык — «Три брата» [Медноволосая девушка: 106–115]. «Сказка про бурую кобылицу и трех богатырей: Цагада-Мудрого, Улада-Мудрого и Кокодэ-Мудрого» [НТК: 195–209; КС 1962: 240–254] и сказка «Авһатр» («Авгатр») [Архив КалмНИЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 73] являются вариантами сюжетного типа СУС 519 «Слепой и безногий».

В калмыцком фольклоре широко представлены сюжеты из обрамленного литературного сборника «Волшебный мертвец»

(калм. *Сиддиту кюр*), но в виде отдельных, самостоятельных сказок. Наиболее популярным является сюжет «Знахарь со свиной головой». О бытовании этого сюжета в калмыцком фольклоре свидетельствуют варианты, зафиксированные от разных информантов в разные годы. Фольклорный сюжет о знахаре со свиной головой был записан и опубликован Г. Й. Рамstedтом [Kalmückische... 1909: 56–68]. Перевод этой сказки на русский язык осуществлен Т. Г. Басанговой и издан в сборнике «Сандаловый ларец» [СЛ: 130–138]. В третьем и четвертом томах «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») также имеются сказки о лжезнахаре, зафиксированные во время экспедиций 1960–1970-х гг. В сборнике «Калмыцкие сказки» опубликована сказка «Как ленивый старик работать стал», которая значительно отличается от других вариантов [КС 1962: 111–113].

Зачин сказки в записи Г. Й. Рамstedта оформлен в традиционной манере. В нем сначала идет указание давности происходящих событий с помощью хронологической формулы *Кезэнэ санжэ* («давно было»), а затем вводятся персонажи (старик и старуха) [Kalmückische... 1909: 56]. Далее сказитель объясняет то, что герой сказки не выходит из дому из-за боязни земных насекомых. Развивая эту тему, сказочник вводит целый эпизод, описывающий страхи старика, услышавшего кваканье лягушки и принявшего зубья рубеля за войско. В рассматриваемом сюжете старуха относится к вознаграждению старика скептически: каждый раз она лишь бранится. В сюжете, опубликованном Г. Й. Рамstedтом, примечательно то, что сказитель дал традиционное для калмыцкого фольклора описание *шулмуски*. Так, когда знахарь-ленивец ударяет ханшу свиной головой, она принимает облик *шулмуски* с медным клювом, джейраньими ногами, с грудями, закинутыми на плечи. *Мангаса* же сказочник характеризует постоянным эпитетом «*хөрн тавн толхата хотхр хар*» («двадцатипятиголовый кривой черный»), который широко распространен в устной традиции.

В фольклорном сюжете присутствует эпизод с ворами, который не встречается в рассказе литературного памятника «Волшебный мертвец». Эпизод с ворами встречается также в сказках о лжезнахаре, зафиксированных сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ в 1960–1970-х гг. во время фольклорных экспедиций. Эпизод участия ста-

рика-знахаря в войне отмечается только в сказке, зафиксированной Г. Й. Рамstedтом.

Встречаются в сказке традиционные сказочные формулы, построенные на параллелизме и аллитерации: *Ачд ач кесн, туст тус кесн* («Для заслуги услугу оказавший, для пользы помощь оказавший»), а также пословица «*Эр күн эрдмтэ болдэ*» («Мужчина бывает способным») и поговорка «*Шорһлжэнас олн, шорһаһас нигт*» («Больше, чем муравьев, гуще, чем пыль»).

Сюжет о знахаре со свиной головой, опубликованный в четвертом томе «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») [ХТ, IV: 188–196], сходен со сказкой, опубликованной Г. Й. Рамstedтом; в нем отсутствует лишь эпизод о войне. Эпизод с ханшей и сивым волом несколько сжат, последовательность событий, связанных с разоблачением и сжиганием ханши и сивого вола, — такая же, как и в вышерассмотренных сюжетах. Примечательно, что сказитель ни разу не обмолвился о том, что жена хана и сивый вол являются *шулмусами*, они просто названы врагами (калм. *хортн*).

В Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН имеется сказка «Һахан толһа белгч» («Знахарь со свиной головой»), зафиксированная у К. Бадмаева. Текст данной сказки опубликован в сборнике «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») [ХТ, III: 203–207]. «Рамка» данной сказки композиционно совпадает с обрамлением книжной версии «Сиддиту кюра» («Волшебного мертвеца»). Персонажами обрамляющего сюжета выступают волшебник и два брата-царевича. В «Волшебном мертвце» фигурируют семь волшебников, которые во время погони за героем перевоплощаются в семь шук, ястребов и куриц. Сюжет сказки из устной традиции сходен с сюжетом о знахаре со свиной головой из литературного сборника «Волшебный мертвец» [ВМ: 38–47] и дополнен лишь эпизодом о ворах. Концовка сказки такая же, как и в литературном варианте: лжепрорицатель разоблачает его жену и сивого вола, которые оказались *шулмусами*, а затем их сжигает.

Сказка в записи Г. Й. Рамstedта, соотносимая с сюжетным типом СУС 508 «Благодарный мертвец», отличается своим новеллистическим характером. В вариантах более ранней записи этой сказки зачин начинается с описания престарелых родителей, у которых нет детей. Старик отправляется к *заячи* (гению-хранителю) просить наследника. *Манджик* (послушник хурула) говорит ему,

что нужно сделать, чтобы у него родился сын. Мальчику дают имя Манжин Зэрлг (букв. 'Указание Манджика'). Герой выкупает труп человека, который задолжал денег, и хоронит его. После многочисленных приключений выясняется, что помощником героя был мертвец, который отпросился у владыки царства мертвых Эрлик Номин хана, чтобы отблагодарить своего спасителя. Специфика калмыцких сказок этого типа заключается в описании дальнейших действий героя. Так, он выдерживает испытания в мире умерших и возвращается домой со своим помощником. Это сказки «Алтн Өргчк хаани нутгт бээдг Мөңгн Өргчк байна көвүн Манжин Зэрлг элч көвүн хойрин тууль» ('Сказка о Манджин Зарлике, сыне богача Менгн Оргчк, живущем в нутке хана Алтн Оргчк, и юноше-слуге') [Позднеев 1888: 307–346]; «Алтн Өргч хана нутгин Мөңгн Өргчк гидг өвгн» ('Старик Менгн Оргчк из нутка Алтн Оргч хана') [ХФ: 197–205; ХТ, I: 121–127]; «Арсмч хана көвүн Өөс Темн Мергн хойр» ('Сын Арсмч хана и Ээс Мергн Темн') [ХТ, II: 12–26].

В анализируемой сказке, зафиксированной Г. Й. Рамstedтом, сказочник дает очень большое вступление. В начале сказки повествуется о мальчике-калмычонке, которого черкесы, взяв в плен, продали татарину. Дочь татарина, влюбившись в него, сбегает с ним из родительского дома. На границе калмыцких земель юноша оставляет уснувшую девушку. Далее сказочник повествует о девушке-татарке, которая, зарубив десятерых русских, выходила замуженного ими калмыка, помогла вернуться домой, стала его женой и настояла на том, чтобы он разменял деньги в Китае. По пути герой возвращает долг утопленника и выбирает себе в помощники юношу-манджика. Мальчик-слуга расправляется с шулмусами, которые никого не пропускали в китайские земли. Из разговора щенка, сопровождавшего их в пути, и кошки манджик узнает, что желчь последней является лекарством для дочери китайского хана, и излечивает девушку. По возвращении домой герой узнает, что манджик — мертвец, отпросившийся у Эрлик-Номин хана (повелителя умерших) отблагодарить героя. В конце сказки повествуется о том, как герой проходит испытания в мире мертвых и возвращается домой со своим помощником [Kalmückische... 1909: 74–104].

Еще один сюжет, имеющий широкое распространение в калмыцкой сказочной традиции и не нашедший соответствия в

«Сравнительном указателе сюжетов», также записан Г. Й. Рамstedтом. Шулмуска, обманом заняв место ханши, пытается известить детей хана. Слуга хана, пожалев их, отпускает и вместо печени и почек детей приносит мнимо больной шулмуске собачьи печень и почки. Сын и дочь хана спасаются бегством, живут у родственников матери. Повзрослев, сын убивает шулмуску и спасает от смерти своего отца. Сказка рассказывается в обрамлении [КС 1962: 53–58], перевод ее опубликован в сборнике «Медноволосяя девушка» [Медноволосяя девушка: 160–167]. В четвертом томе «Хальмг тууль» ('Калмыцкие сказки') имеется сказка «Жижларам шулм күүкн» ('Девушка-шулма Джиджларам'), сюжет которой сходен с вышеприведенным [ХТ, IV: 66–71]. Сказка «Жирклүлдгсн хуурдн зеердтэ Жирһлтэ хатр хан» на подобный сюжет несколько расширена за счет следующих эпизодов: по совету шулмуски сестра отправляет брата за табуном из подводного царства; сестру убивают две шулмуски, воткнув в нее цыганскую иглу; ханский сын оживляет ее и берет в жены [ХТ, IV: 31–40].

В сборнике, составленном Г. Й. Рамstedтом, сказка приобретает легендарный характер. Пятьсот шулмусок отдают свои силы одной для того, чтобы известить богиню Зеленую Тару, благодаря которой ханство пребывало в благоденствии. Шулмуска принимает облик красивой девушки, став женой хана, пытается известить его детей. Сын Аю Чикте, став взрослым, возвращается на родину, убивает шулмуску, которая питалась человеческим мясом и пила кровь хана [Kalmückische... 1919: 211–237].

Вышеуказанный сюжет восходит к относящемуся к жанру буддийских авадан литературному памятнику «История Унекер Торлику хана», увлекательно повествующему о ценности буддийского учения [Бичеев 2016].

Таким образом, записанные и опубликованные Г. Й. Рамstedтом сказки отражают устную традицию калмыков. Проанализированные сказки имеют сюжеты как международного, так и локального бытования. Сказочные сюжеты, имеющие локальное бытование, восходят к рукописным текстам калмыцкой литературы. Книжные сюжеты восприняты согласно эстетике народных сказок: непонятные мотивы, образы и реалии переосмыслены или замещены, а стереотипные художественные структуры — традиционные формулы и общие места

— включены в композиционное построение сказки.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта № 15-14-08002/a(p) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Г. Рамстедта)».

Литература

- Алиева А. И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
- АМ — *Арайс К. Я., Медне А. А.* Указатель типов латышских народных сказок. Рига: Зинатне, 1977. 528 с.
- Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б., Куканова В. В.* Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере бытовых сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф. В 2-х ч. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2015а. С. 42–50.
- Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б., Куканова В. В.* Система и структура онимов в калмыцкой сказочной традиции (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015б. № 59. С. 54–63.
- Бичеев Б. А.* О списках рукописей и устной версии «Истории Унекер Торлику хана» // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 9 / отв. ред. В. В. Куканова. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 103–110.
- ВМ — Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. М.: Вост. лит., 1958. Изд. 2-е. 159 с.
- Горяева Б. Б.* Сюжет о знахаре со свиной головой в калмыцкой сказочной традиции // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения. Мат-лы I-х Бертагаевских чтений. Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 296–302.
- Горяева Б. Б.* Сюжетный состав и художественно-стилевая структура калмыцкой волшебной сказки. Дис....канд.фил.наук. Элиста: 2006. 150 с.
- Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Куканова В. В.* Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 128–140.
- Горяева Б. Б., Куканова В. В.* Традиционные формулы сказочного текста (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Межд. науч. конф. Элиста: ФГБУН КИГИ РАН, 2016. С. 248–250.
- КС 1962 — Калмыцкие сказки / пер. с калм., сост. и предисл. Б. Джимбинова. М.: Гослитиздат, 1962. 183 с.
- Калян А.* Кел өргжүллнэ дегтр. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1994. 232 х.
- Куканова В. В., Горяева Б. Б.* Калмыцкие сказки, записанные Г. Й. Рамстедтом: опыт квантитативного анализа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 124–131.
- Куканова В. В., Манджиева Б. Б., Горяева Б. Б.* Оцифровка фольклорных произведений: вызовы и решения // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2013. № 6. С. 123–129.
- Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
- Медноволосяя девушка. Калмыцкие народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М.: Наука, 1964. 271 с.
- НТК — Народное творчество калмыков. Сталинград–Элиста: Обл. книгоизд-во, 1940. 315 с.
- Отчет д-ра Г. Й. Рамстедта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1904. № 2. С. 11–14.
- Позднеев А. М.* Калмыцкие сказки (текст и перевод) // Записки Восточн. отд-ия Рос. археологич. общ-ва. СПб., 1888. Вып. 1–4. Т. III. С. 307–365.
- СЛ — Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / пер., сост., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.
- Сарангов В. Т.* Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. Элиста: изд-во Калм. ун-та, 2015. 108 с.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1976. 438 с.
- Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнғэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с.
- ХТ, I — Хальмг туульс. I боть. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1961. 220 х.
- ХТ, II — Хальмг туульс. II боть. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1968. 264 х.
- ХТ, III — Хальмг туульс. III боть. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1972. 250 х.
- ХТ, IV — Хальмг туульс. IV боть. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1974. 272 х.
- ХФ — Хальмг фольклор. Элст: Хальмг госиздат, 1941. 466 х.

- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s.
- References**
- Alieva A. I. *Poetika i stil' volshebnykh skazok adyghskikh narodov* [Magic fairy tales of the Adyghes peoples: poetics and style]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 280 p. (In Russ.).
- AM — *Arais K. Ya., Medne A. A. Ukazatel' tipov latyshskikh narodnykh skazok* [Index of Latvian folk tales' types]. Riga, Zinatne Publ., 1977, 528 p. (In Russ.).
- Bayanova A. T., Butaeva A. O., Goryaeva B. B., Kukanova V. V. *Freymtariy personazhey kalmytskoy skazochnoy traditsii (na primere skazok, zapisannykh G. Y. Ramstedtom)* [The characters in the frame story of the Kalmyk fairy-tale tradition (the case study of tales recorded by G. J. Ramstedt)]. *Mongolovedenie v nachale XXI veka: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. V 2-kh ch. Ch. 2* [Mongol Studies in the Early 21st Century: Modern Conditions and Development Prospects. Proc. of the Internat. conf. ...]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2015, pp. 42–50 (In Russ.).
- Bayanova A. T., Butaeva A. O., Goryaeva B. B., Kukanova V. V. *Sistema i struktura onimov v kalmytskoy skazochnoy traditsii (na materiale zapisey G. Y. Ramstedta)* [The system and structure of onyms in the Kalmyk fairy-tale tradition]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN* [Herald of Dagestan Scientific Center], 2015, No. 59, pp. 54–63 (In Russ.).
- Bicheev B. A. *O spiskakh rukopisey i ustnoy versii «Istorii Uneker Torlikitu khana»* [On the copies of manuscripts and an oral version of “The History of Uneker Torelkitu Khan”]. *Mongolovedenie: sb. nauch. tr.* [Mongol Studies journal], iss. 9, Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2016, pp. 103–110 (In Russ.).
- VM — *Volshebnyy mertvec. Mongol'sko-ojratskie skazki* [A magic Dead. Mongolian-Oirat fairy tales]. 2nd edit. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1958, 159 p. (In Russ.).
- Goryaeva B. B. *Syuzhet o znakhare so svinoy golovoy v kalmytskoy skazochnoy traditsii* [The plot about a pig-headed medicine-man in the Kalmyk fairy-tale tradition]. *Trofim Alekseevich Bertagaev: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Mat-ly I-kh Bertagaevskikh chteniy* [Trofim A. Bertagaev: Celebrations of the 100th Anniversary of Birth. Proceedings]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2005, pp. 296–302 (In Russ.).
- Goryaeva B. B. *Syuzhetnyy sostav i hudozhestvenno-stilevaya struktura kalmyckoy volshebnoy skazki. Dis....kand.fil.nauk. Elista: 2006. 150 s.* [The subject composition and artistic and style structure of the Kalmyk fairy tale. Thesis. Elista: 2006. 150 p.]. (In Russ.).
- Goryaeva B. B., Bayanova A. T., Butaeva A. O., Kukanova V. V. *Freymtariy personazhey kalmytskoy skazochnoy traditsii (na primere skazok, zapisannykh G. Y. Ramstedtom)* [The characters in the frame story of the Kalmyk fairy-tale tradition (the case study of tales recorded by G. J. Ramstedt)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2015, No. 2, pp. 128–140 (In Russ.).
- Goryaeva B. B., Kukanova V. V. *Traditsionnye formuly skazochnogo teksta (na materiale zapisey G. Y. Ramstedta)* [Traditional formulas of the fairy-tale text (evidence from G. Ramstedt's records)]. *Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodeystvie. Mat-ly II Mezhd.nauch. konf.* [The Humanities of Southern Russia: International and Interregional Cooperation. Proc. of the conf.]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2016, pp. 248–250 (In Russ.).
- KS 1962 — *Kalmyckie skazki* [Kalmyk fairy tales]. Transl., comp. and comment. by B. Dzhibinov. Moscow, State Literature Publ. House, 1962, 183 p. (In Russ.).
- Kalyan A. *Kel örgjüllynä degtr.* Elista, kalm. Book Publ., 1994, 232 p. (In Kalm.).
- Kukanova V. V., Goryaeva B. B. *Kalmytskie skazki, zapisannye G. Y. Ramstedtom: opyt kvantitativnogo analiza* [Kalmyk tales recorded by G. J. Ramstedt: experience of quantitative analysis]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities], 2015, No. 4, pp. 124–131 (In Russ.).
- Kukanova V. V., Mandzhieva B. B., Goryaeva B. B. *Otsifrovka fol'klornykh proizvedeniy: vyzovy i resheniya* [Digitizing folklore compositions: challenges and solutions]. *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region* [University News. North-Caucasian Region], 2013, No. 6, pp. 123–129 (In Russ.).
- Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' / pod obshch.red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva* [Literary encyclopedic dictionary. Edit. by V. Kozhevnikov et al.]. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1987, 752 p. (In Russ.).

- Mednovolosaya devushka. Kalmytskie narodnye skazki / per., sost. i primech. M. Vatagina* [The copper-haired girl. Kalmyk folk tales. Transl., comp. and comment. by M. Vatagin]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 271 p. (In Russ.).
- NTK — *Narodnoe tvorchestvo Kalmykii* [Folk art of Kalmykia]. Stalingrad–Elista, Oblastnoe kn. izd-vo (Regional Book Publ.), 1940, 315 p. (In Russ.).
- Otchet d-ra G. Y. Ramstedta za 1903 god* [G. J. Ramstedt's report. 1903]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii* [Bulletin of the Russian Committee for Central and East Asian Studies], St. Petersburg, 1904, No. 2, pp. 11–14 (In Russ.).
- Sandalovyy larets. Kalmytskie narodnye skazki / Sost., per., predisl., komment. Basangovoy T. G.* [The Sandalwood Casket. Kalmyk folk fairy tales. Comp., trans., foreword., comment. by T. G. Basangova]. Elista, Kalm. Book Publ., 2002, 239 p. (In Russ.).
- Sarangov V. T. *Poetika i stil' kalmytskoy bogatyrskoy skazki* [Poetics and style of the Kalmyk heroic fairy tale]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2015, 108 p. (In Russ.).
- SUS — *Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov. Vostochno-slavjanskaja skazka / sost.: L. G. Barag, I. P. Berezovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov* [A comparative index of plots. The East-Slavic fairy tale. Comp. by L. Barag et al.]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 442 p. (In Russ.).
- T. S. Tyaginovan *amn urn ügin körngäs. Fol'klornye materialy iz repertuara* T. S. Tyaginovoy. *Samozapis' 2004–2010 gg. / predisl. N. G. Ochirovoy, sost., komment. B. B. Goryaevoy* [Folklore materials from T. Tyaginova's repertory. 2004–2010 records. Foreword by N. Ochirova, comp. and comment. by B. Goryaeva]. Elista, Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2011, 208 p. (In Russ.).
- HT, I — *Khal'mg tuul's. I bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 1]. Elista, Kalm. Book Publ., 1961, 220 p. (In Kalm.).
- HT, II — *Khal'mg tuul's. II bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 2]. Elista, Kalm. Book Publ., 1968, 264 p. (In Kalm.).
- HT, III — *Khal'mg tuul's. III bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 3]. Elista, Kalm. Book Publ., 1972, 250 p. (In Kalm.).
- HT, IV — *Khal'mg tuul's. IV bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 4]. Elista, Kalm. Book Publ., 1974, 272 p. (In Kalm.).
- HF — *Hal'mg fol'klor* [Kalmyk folklore]. Elista, Kalm. State Book Publ., 1941, 466 p. (In Kalm.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Collect. and edit. by G. Ramstedt. Part 1. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1909, 154 p. (In Germ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Collect. and edit. by G. Ramstedt. Part 1. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1919, pp. 155–237 (In Germ.).

УДК 39(398.21)

Сказочные сюжеты калмыков в записи Г. Й. Рамстедта

Баира Басанговна Горяева¹, Александра Тагировна Баянова²¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru² заведующая, Научная библиотека им. П. Э. Алексеевой, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию сюжетного состава калмыцких сказок, записанных финским ученым Г. Й. Рамстедтом в начале XX в. Опубликованные впоследствии Г. Й. Рамстедтом в фонематической транскрипции сказки отражают устную традицию калмыков. Проанализированные сказки имеют как международное, так и локальное бытование. Сказочные сюжеты, имеющие локальное бытование, восходят к рукописным текстам калмыцкой литературы. Книжные сюжеты восприняты согласно эстетике народных сказок: переосмыслены или замещены непонятные мотивы, образы и реалии, включены в композиционное построение сказки стереотипные художественные структуры — традиционные формулы и общие места.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, сказка, запись, сюжетный состав, Г. Й. Рамстедт, указатель сюжетов

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 117–121, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-117-121
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398

The Origin of Multiple Heads of the *Mangas*

Zulantsetseg¹

¹ Postgraduate Student, Department of Mongolian Folk literature, School of Mongol Studies, Inner Mongolia University (Hohhot, People's Republic of China). E-Mail: 296613839@qq.com

Abstract. The *Mangas* (Mong. 'demonic creature') has unique characteristics and appearances, so its image has long attracted the attention of numerous scholars. As a result, the question of origins of the *Mangas*'s multiple heads has been a point of active disputes. So, the multiple heads make the one of the most important problems of Mongolian folklore that scholars are inclined to study. Scholars explore the origins of the multiple heads by means of cultural anthropology and religious studies. However, the *Mangas* may have both one head and multiple ones. The image of the one-headed *Mangas* actually prevails in the Mongolian oral tradition. In most compositions of the *Barag* epic, the *Mangas* are one-headed. In the *Jangar* epic, the *Mangas* may have more than one head and often denote foreign emperors and rulers. In the Oyirad tradition of China, '*Mangas*' stands for a man — strong, stout-hearted, and courageous. More than anywhere else, the Oyirad people have largely maintained their traditional culture, including the *Jangar* epic. So, the image of *Mangas* can be compared to human images. And how does traditionally a *Mangas* look like? On the one hand, we can find the answer from historical literature, such as *The Secret History of the Mongols*. In it, the *Mangas* is described like a human being. On the other hand, the image of *Mangas* is very close to that of *Cyclops* widespread enough in Europe, Central and East Asia, Northeast Asia, e. g., in Turkic culture. Thus, the *Mangas* might be connected with *Cyclops* in terms of origins. In Mongolian oral literature, *Mangas* also have multiple heads, and this image can be compared to demonic beings from Indian and Tibetan folk literatures, with their negative role in the religious system of Buddhism. So, the multiple-headed image also prevails widely in Indian and Tibetan cultures. There are also variants of the image of *Mangas*. But so far scholars have focused only on the multiple heads of the mythological character and ignored the one-headed image. The problem of relationship between the multiple-headed demonic creature and the one-headed one is still understudied. This paper discusses the physical characteristics attributed to the *Mangas* before, and traces the transformation of its appearances in later Mongolian folk literature. Finally, the article attempts to describe the reasons behind the changes in the image of the *Mangas*.

Keywords: written sources, Buddhism, shamanism, Mongolian folk literature

Монголын аман зохиол дахь мангас олон толгойтой байдаг нь эрдэмтдийн халуунтай судалсан сэдвийн нэг мөн. Мангас нь олон толгойтой байхын учир шалтгааныг эрдэмтэд бээр соёл хүн зүй, шашин шүтлэгийн үүднээс тайлбарлаж байв. Эрдэмтэн Х. Буянбат үзэхээр «Мангас олон арвин толгойтой байх нь эртний хүмүүсийн толгойн тухай сүсэг бишрэл, хүмүүсийн сүг сүнсний ойлгогдохуун, эртний хүмүүсийн дүр бүтээлгийн хэв зуршилтай холбогдоно» [Буянбат 1988: 4] хэмээв. Эрдэмтэн Гэрэлжав бээр «Балай эртний хүн толгой дээрээ үс засаж эвэр хатгах буюу сүүл хатгах бол эртний нэг зүйлийн засал юм. Тууль „Жангар“ дахь мангасыг 15 толгойтой, 25 толгойтой гэж дүрсэлсэн нь яг энэхүү толгой дээрээ өд буюу эвэр хатгаж, эрх сүрийн бэлгэ тэмдэг болгосон аймгийн ахлагчийн уг дүрсийг харуулсан юм. 12, 25 толгой гэдэг нь толгой дээрээ өд буюу эвэр хатгасан дүрсийн урлаг дүрслэл болох нь дамжиггүй» [Гэрэлжав 1988: 3] хэмээжээ. Эрдэмтэн П. Дамбипэлжид бээр мангас олон толгойтой байдаг нь «Анх эхэндээ ямар нэгэн сахиуланттай холбогдсон байж мэднэ» [Дамбипэлжид 1988: 3] хэмээж, эрдэмтэн Ринчиндорж бээр мангасын олон толгойтой байх дүр хэлбэр нь «Бөө мөргөлийн хар зүгийн сахиулсантай ойролцоо онцлогтой байна» [仁钦道尔吉 2001: 24] хэмээв. Эрдэмтэн Хасантуяа бээр «Мангасын толгойн тоо хийгээд амин тоо нь тэнцүү яригдаж байх нь бөөгийн малгайн өдний тоо хийгээд амин тоо нь уул бөөгийн угсааны үеийн тоо ба угсааны бөөгийн шавийн тоотой тохиролцон нэгддэг үзэлтэй ямар нэгэн холбоотой байж магад гэжээ» [Хасантуяа 2004: 30] гэж үзжээ. Эрдэмтэд Жиү Юе бээр бас Муна уулын хадны зураг дахь хүн, амьтны хөрөг ба мангасыг харьцуулж «Мангас ба бөөгийн онгодын хөргийн бусдач элемент нь их төстэй, монголын буюу алтай хэлтний өвөг дээдсийн домоглог сэтгэхүй нь хий хоосноор зохион гаргасан хачин сонин дүр биш, түүний түшиглэн үүссэн бодит амьдралын үндэс болон бөөгийн шашны үзэл ухамсрын сурьтай» [Жиү Юе 2005: 95] гэжээ. Эдгээр судалгаанд мангасын олон толгойтой болохын учрыг цөм монголчуудын эрт дээр үеийн домог сэтгэхүй буюу шүтлэг бишрэлтэй холбон тайлбарласан байна.

Монгол аман зохиол дахь мангас хэмээх дүрд олон толгойтой мангас байдаг мөртөө ганц толгойтой мангас бас байдаг. Гэхдээ эрдэмтэд бээр олон толгойтой мангасыг л сонирхон судалж байснаас биш, ганц тол-

гойтой мангасыг судалгаандаа харин омгойлсон байна. Ийнхүү мангасын ганц толгой болон олон толгойн хоорондох харьцаа холбооны талаар нэн ч анхааран шинжилсэн бээр үгүй юм. Тус өгүүлэлд монгол аман зохиол дахь мангасын толгой нь уулдаа ямар дүр хэлбэртэй байсан, сүүлдээ ямар дүр хэлбэртэй болсон ба хувиралт гарахын учир шалтгаан нь юу болох зэрэг асуудлуудыг тайлбарлахаар зорив.

Нэг. Мангас ганц толгойтой байсан нь

Монгол аман зохиолд ганц толгойтой мангасын дүр маш түгээмэл илэрдэг. Хэдэн жишээ татвал, баргын «Арван таван настай авралт богд хаан» [Өвөр монголын хэл зохиол судлах газар], «Шилин галзуу баатар» [Ринчиндорж], «Баян болд өвгөн» [Ринчиндорж], «Гурван настай гунахан улаан баатар» [Ринчиндорж] зэрэг тууль болон ойрадын «Үүлэн төв хан бөө мөнгөн Түдэг лүгээ ах дуу барилдсан нь» [Ринчиндорж] хэмээх туульд мангас нь цөм ганц толгойтой байдаг. Эртний соёлын шинжийг харьцангуй бүрэн төгөлдөр хадгалж ирсэн тууль «Жангар»-т ганц толгойтой мангас байдгаар үл барам мангас нь заримдаа харь гүрний хааныг шууд нэрлэн заана. Даруй, мангас нь мөн ч хүн болно.

Эрдэмтэн Д. Мөнхзаяа бээр «Шинжааны монголчууд ид хүчтэй хүмүүсийг „мангас“ хэмээн хэлж <...> манлай баатар Хонгорыг богд Жангар „хүчтэй мангас“ гэж зүйрлэж хэлсэн удаа буй» [Мөнхзаяа 1987: 14] хэмээн дурдсан ба эрдэмтэн Ойрадбаяр бээр «Шинжаанд одоо „сайнаас салбас, муугаас мангас“ гэж зарим „сайн эцэг“-ээс „салбас салбас“ гэсэн муу хөвгүүн төрж, „муу хүн“-ээс мангас мэт ид чадалтай сайн хүү төрөхийг хэлдэгсэн» [Ойрадбаяр 1984: 4:30] гэж тэмдэглэсэн байдаг. Шинжаан нутагт ид чадалтай хүнийг одоо ч гэсэн мангасаар төлөөлүүлэн заадгаас үзэхэд мангас нь дүр төрхийн талаар хүн хариуцуулж болох талтай гэдэг нь тодорхой юм.

Мангас нь уулдаа чухам ямар дүр хэлбэртэй байсан тухайг судлахад түүхэн сурвалж бичгүүдээс эш баримт хайх нь хамаг найдвартай арга болно. 13-дугаар зуунд зохиогдсон «Монголын нууц товчоон»-д мангасаар хүнийг хоёр удаа зүйрлэдэг. Нэг нь Өүлэн эхээс эцэг нэг эх өөр дүү Бэгтэрээ харван алсан Тэмүжин, Хасарыг хатуу үгээр шүүмжлэн хэлсэн үгс «амьд залгис гэх мангас мэт» [Баяр галигласан 1981: 150–155] хэмээн илэрнэ. Нөгөө нь Тэмүжин бээр найманы Таян ханыг тайлах үед, Жамухаар

Таян ханд Тэмүжиний хүчирхэг чанга цэргийн хүчнийг танилцуулж шүлэглэсэн үгст Хасарыг «гөрлөх мангас төрсөн, Жүч Хасар хэмээгдэюү» [Баяр галигласан 1981: 839–847] хэмээн дүрсэлжээ. Энэ хоёр зүйлээс үзэхэд «Мангас нь гадар дүр байдлын талаар өндөр том, бөх хатуу, хүдэр зузаан бие бялдартай. Зан чанарын талаар долгин догшин, балмад хэрцгий, шинж онцлогийн талаар аварга их хүчтэй» [Зуланцэцэг 2013б: 35] юм байна. Онцгойлон Хасарыг мангас мэт төрөв хэмээсэн нь Хасар болон мангас нь харьцуулагдах талтай байж, Хасарын шинж төрхөөс мангасын дүр байдал, онцлог шинжийг мэдэж болно. Даруй мангас нь хүн төрхтэй болохыг төсөөлж болно.

Мөн тухайн үеийн мангасын дүр төрхийн онцлог шинж нь дэлхийн олон үндэстний соёлын түүхэнд ул мөрөө үлдээж ирсэн хүн иддэг аварга хүний дүртэй маш ойрхон байдаг. Хүн иддэг аварга хүний дүр нь Европ, Дундад Ази, Зүүн Ази, Зүүн Хойд Ази болон Турк төрлийн олон үндэстний аман зохиолд цөм буй. Хэлбэр төрх нь ганц нүдтэй, аварга том биетэй байдаг. Хэдийгээр «Монголын нууц товчоон»-д тэмдэглэсэн мангасын дүр нь ганц нүдтэй болж төсөөлөгдсөнгүй боловч уул дүрд хүн иддэг аварга хүн шигээр «хүн» хэмээх тодотгол байхгүй боловч уул дүр нь бие бялдарын аварга том, хүн иддэг ба хүнтэй ойролцоо дүр төрхтэй байх онцлогоороо хүн иддэг аварга хүнтэй ойролцоо байна. Ийнхүү энэ хоёр дүр нь ижил нэг төрлийн дүрд харьяалалтай гэдэг нь эргэлзээгүй юм. Даруй энэ хоёр дүр нь бүдүүлэг хийцтэй, хүнтэй ойролцоо тул ганц толгойтой байдгаараа ижил төрөлд хамаарагдаж байна. Дээрх задлалтуудаас үзэхэд, мангасын уул дүр нь ганц толгойтой байлаа.

Хоёр. Мангас олон толгойтой болсон нь

Монгол аман зохиол дахь «Арван таван толгой нь атийгаад, атгар дөрвөн хөх соёо нь гэлийгээд» [Ринчиндорж нар 2009: 1233] гэх буюу «Арван таван толгойтой, андлай шар мангас, хорин таван толгойтой, хондлой шар мангас давхиж иржээ, хөлийнх нь хумс нь, хөдөө тийш гажанхай, гарынх нь хумс, гадаа тийш гажанхай, ган төмөр гох адил» [Ринчиндорж нар 2007, 1: 412], «хүрэн эрээн могой бээр, хүзүүгээрээ ороолгосон, дан хүний махыг дэлэнбүүгээр тэгнэсэн, дан эрээн могойгоор, давсан дээгүүр ороолгосон» [Ринчиндорж нар 2007, 1: 412] хэмээх мангасын тухай дүрслэл нь энэтхэгийн аман үлгэр, шашны систем доторх эс-

рэг дүр болон төвөдийн аман үлгэр, бурхан шашны эсрэг дүрүүдтэй харьцуулж болох талтай байдаг.

Энэтхэгийн «Рамаяна» [Дамдинсүрэн 1976] дахь эсрэг дүр рагшисын хаан Равнан бол 10 толгойтой, 20 гартай, зэс улаан нүдтэй, гялалзсан арзгар шүдтэй, уулнаас том биетэй, хор хөнөөл ихтэй, олон янзаар хувилж чаддаг, арван толгойн дундах морин толгойг нь харвахад сая үхнэ, уул туульд бусад толгойн тухай дүрслэл нь тодорхойгүй байдаг. «Махабарада»-д тэмдэглэсэнээр Тасахарива рагшист арван толгой хорин гар, ганган ховчлолтой. Рагшисууд далайн хойг дахь төмөр хотонд сууж, бясалгагч аршуудад харш саад учруулан, тэднүүсийг зөнөгшүүлдэг буюу барьж иддэг [Мөнхзаяа 1987: 4] байна. Эрдэмтэн Чень Ган Лун бээр «Мангасын үлгэр» дэх янз бүрийн нэртэй мангас ба «Рамаяна» дахь рагшисыг харьцуулан судлаад тус хоёр дүр нь «дүр төрхийн талаар маш олон ойролцоо тал байна» [陈岗龙 2003: 341] гэжээ. Эрдэмтэн Неклюдов бээр «Мангасын толгойн тоо нь харилцан адил бус, ердөө эдгээр олон толгойн доторх ганц толгой нь гол болдог байж, өөр бусад толгойнууд нь дэмий чухалгүй байдаг. Үүний шалтгаан нь гол болдог тэр нэг толгойд амь насны хүчин байдаг, даруй сүнс байдгаас болжээ» [谢. 尤. 涅克留多夫 1991 : 136] хэмээн үзсэн нь рагшис болон мангасын дүр төрх нь адилхан болсныг харуулна.

Төвөдийн бурхан шашны «догшин дүрээр байдаг бурхдын олонх нь аварга том биетэй, охор бөгөөд бүдүүн том мөчтэй, хүн төрхтэй сахиулсан мөн, тэдгээрийн ихэнх нь олон толгойтой, олон мөчтэй» [勒内·德·内贝斯基·沃杰科维茨 1993] байдаг. Эрдэмтэн Чень Ган Лун бээр зүүн орны гал тагтар мангасыг бурхан шашны догшидтой харьцуулж үзээд «гал тагтар мангасын дүр төрхийн дүрслэлийн ирэл гарал нь үнэхээр бурхан шашны догшидын дүртэй харьцаа холбоотой юм» [陈岗龙 2003: 124] гэсэн байна. Төвөд «Гэсэр» дахь «дүдийн хаан Лузан нь уул мэт биетэй, есөн толгойтой, арван найман эвэртэй, зан нь хэдэр догшин, гар хөлд нь гучин зургаан гох мэт хумс ургаж, амнаас хар угаа баагиад хамраас нь хорт салхи татдаг, бүх биеэр нь хилэнцэт хорхой арзагнаж, бүслүүрээр нь есөн эрээн могой ороолгож байдаг» [Мөнхзаяа 1987: 4] гэнэ. Ийнхүү монгол аман зохиол дахь зарим мангасын арзгар барзгар төрхтэй, олон толгойтой, хуруу хумс нь хойшоо ургасан, сүнс шилжүүлэх рид увьдастай, жигшүү

хүргэм муухай дүртэй байдаг дүрслэлүүд нь төвөдийн шашны үлгэр буюу аман үлгэр дэх эсрэг дүртэй ойролцоо мөртөө түүнтэй холбоотой байх нь тодорхой юм.

Энэтхэг төвдийн эдгээр дүрүүд нь бурхан шашны монгол оронд дэлгэрэхийг дагалдан ирж, улмаар монгол аман зохиол дахь мангасын дүрд нөлөө өгсөн байна. Эрдэмтэн Д. Мөнхзаяа бээр «мангасын уламжлалт дүр нь зохих хэмжээний өөрчлөлт гарсан ба энэхүү хувиралтын явцад харийн соёлын нөлөөг хүртэв» [Мөнхзаяа 1987: 14] хэмээн үзсэн байдаг. Сурвалж бичгүүд дэх мангасын дүрийн илрэлээс үзэхэд 17-дугаар зуунаас хойшоо мангасын дүрд хувиралт гарч эхэлжээ. Энэ үеэс «мангасын дүрд харь үндэстний үлгэр домгийн дүр ба бурхан шашны догшидын шинж улмаар нэмэгдэж, монголчуудын язгуур ойлголт дахь мангасаас нэлээд өөр болж хөгжсөн байна» [Зуланцэцэг 2013а: 10].

Дээрх энэтхэг, төвөд, монгол гурван орны аман үлгэр дэх эсрэг дүрүүдийн тухай жишээнээс үзэхэд, олон толгойтой байдаг нь тэдгээрийн нэгэн нийтлэг тал нь болно. Толгойн тоо нь олон болж нэмэгдсэн нь мангасын дүр төрхийн хувиралтын нэгэн агуулга болсон нь илэрхий байна. Ийнхүү мангасын олон толгой нь энэтхэг, төвдийн шашны дүртэй холбоотойгоор үүссэн учраас түүний эх сурвалжийг монголчуудын эртний домог сэтгэхүй буюу шүтлэг бишрэлээс эрж сурвалжлах нь найдваргүй юм.

Дүгнэлт

Монголчуудын уугуул сэтгэхүй дэх мангас нь дэлхийн олонх үндэстний аман зохиол дахь ганц нүдтэй аварга хүнтай адилханаар дүр дүрслэлийн талаар дөхөм бүдүүлэг мөртөө хүний хэлбэртэй байв. Мангасын дүрд хувиралт гарсныг бурхан шашин монгол оронд хүчтэй дэлгэрсэн 17-дугаар зуунаас ярих нь зүйтэй. Мангас нь олон толгойтой болсон нь энэхүү хувиралтын дундах нэг агуулга нь болно. Даруй, бурхан шашны агуулга болон шашны уран зохиолын үр нөлөөгөөр монгол аман зохиол дахь мангасын дүр нь ганц толгойтой байснаасаа олон толгойтой болж хувирсан байна.

Источники

- Баяр галигласан. Монголын нууц товчоо. Хөххот: Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1981. 1467 х.
- Монгол үндэстний утга зохиолын материалын эмхэтгэл. 3-дугаар дэвтэр. Баатарлаг туульс (нэг). Хөххот: Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1983. 307 х.

Ринчиндорж нар. Монгол баатарлаг туульсын чуулган. Боть 1. Хөххот: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2007. 1329 х.

Ринчиндорж нар. Монгол баатарлаг туульсын чуулган. Боть 2. Хөххот: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2007. 1340 х.

Ринчиндорж нар. Монгол баатарлаг туульсын чуулган. Боть 4. Хөххот: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2009. 1317 х.

Литература

- Буянбат Х. Мангасын судлал // Өвөр монголын багшийн их сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл. 1987. № 4. 1988. № 2. Х. 56–67; 31–49.
- Дамбинэлжид П. Монгол үндэстний баатрын тууль дахь мангасын дүрийн „хоёрдомол шинж“-ийн тухай // Өвөр монголын их сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл, 1988. № 3. Х. 13–29.
- Дамдинсүрэн Ц. Рамаяна ба түүний дэлгэрсэн нь. Улаанбаатар: 1976. 389 х.
- Жигүүр Юүэ. Монгол баатарлаг туульс дахь шалгах урагийн тухай соёл зүйл тайламж: Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо, 2005. 245 х.
- Зуланцэцэг. Монголын түүхэн сурвалж бичиг дэнх мангасын тухай // Баруун монгол судлал. 2013а. № 5. Х. 7–12.
- Зуланцэцэг. Монгол түүхэн сурвалж бичиг дэх энэтхэг, төвөдийн түүхэнд холбогдсон мангасын түүхийн тухай // Дундад улсын монгол судлал. 2013б. № 5. Х. 35–43.
- Мөнхзаяа Д. Монгол аман зохиол дахь мангасын дүр // Өвөр монголын их сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл. 1987. № 4. Х. 8–17.
- Ойрадбаяр. Жангар чухам аль үеийн ямар бүтээл болох тухай шинээр судлах нь // Өвөр монголын нийгмийн шинжлэх ухаан сэтгүүл. 1984. № 4. Х. 24–30.
- Хасантуяа. Ойрад «Гэсэр» дэх мангас дарсан шинж // Өвөр монголын их сургуулийн сэтгүүл. 2004. № 4. Х. 27–32.
- 仁钦道尔吉. 萨满教与蒙古英雄史诗, 《民族文学研究》期刊, 2001年4期. 第23–28页
- 陈岗龙. 蟒古思故事论 // 北京师范大学出版社, 2003年5月. 第236页
- 谢. 尤. 涅克留多夫. 蒙古人民的英雄史诗 // 内蒙古大学出版社, 1991年5月. 第34页
- [奥地利]勒内·德·内贝斯基·沃杰科维茨. 西藏神灵和鬼怪 // 西藏人民出版社, 1993年5月. 第371页

Sources

- Bayar galiglasan. *Mongolyn nuuts товчоо* [The Secret History of the Mongols. Transcribed by Bayar]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publ. House, 1981, 1467 p. (In Mong.).

- Mongol ündestniy utga zokhiolyn materialyn emkhetgel. 3-dugaar devter. Baatarlag tuul's (neg)* [A collection of materials on Mongolian literature. Heroic tales. Book 1]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publ. House, 1983, 307 p. (In Mong.).
- Rinchindorzh et al. *Mongol baatarlag tuul'syn chuulgan. Bot' 1* [A collection of Mongolian heroic tales. Vol. 1]. Hohhot, State Publ. House, 2007, 1329 p. (In Mong.).
- Rinchindorzh et al. *Mongol baatarlag tuul'syn chuulgan. Bot' 2* [A collection of Mongolian heroic tales. Vol. 2]. Hohhot, State Publ. House, 2007, 1340 p. (In Mong.).
- Rinchindorzh et al. *Mongol baatarlag tuul'syn chuulgan. Bot' 4* [A collection of Mongolian heroic tales. Vol. 4]. Hohhot, State Publ. House, 2009, 1317 p. (In Mong.).
- References**
- Buyanbat Kh. *Mangasyn sudlal* [Studying the mangas (folklore demonic creatures)]. *Övör mongolyn bagshiyn ikh surguuliyin erdem shinzhilgeeniy setgüül* [Scientific Journal of Inner Mongolia Pedagogical University], 1987, iss. 4, pp. 56–67; 1988, iss. 2, pp. 31–49 (In Mong.).
- Dambipelzhid P. *Mongol ündestniy baatryн tuul' dakh' mangasyn dyriyn „khoerdmolshinzh“-iyn tukhay* [About the second feature attributed to the mangas in the Mongolian heroic epic]. *Övör mongolyn ikh surguuliyin erdem shinzhilgeeniy setgüül* [Scientific Journal of Inner Mongolia University], 1988, iss. 3, pp. 13–29 (In Mong.).
- Damdinsyren Ts. *Ramayana ba tüüniy delgersen n'* [Ramayana and its variants]. Ulaanbaatar, 1976, 389 p. (In Mong.).
- Khasantuyaa. *Oyrad «Geser» dekh mangas darsan shinzh* [Indicators of a victory over the mangas in the Oirat Geser epic]. *Övör mongolyn ikh surguuliyin setgüül* [Journal of Inner Mongolia University], 2004, iss. 4, pp. 27–32 (In Mong.).
- Zhiü Üüе. *Mongol baatarlag tuul's dakh' shalgakh uragiyn tukhay soel züyl taylamzh* [A culturological comment on the motif of hardships in Mongolian heroic tales]. Inner Mongolia People's Publ. House, 2005, 245 p. (In Mong.).
- Mönkhzayaa D. *Mongol aman zokhiol dakh' mangasyn дүр* [Image of the mangas in Mongolian folklore]. *Övör mongolyn ikh surguuliyin erdem shinzhilgeeniy setgüül* [Scientific Journal of Inner Mongolia University], 1987, iss. 4, pp. 8–17 (In Mong.).
- Oyradbayar. *Zhangar chukham al' üeiyn yamar byteel bolokh tukhay shineer sudlakh n'* [New hypothesis concerning Jangar's time of origin]. *Övör mongolyn niygmiyn shinzhlekh ukhaan setgüül* [Sociological Journal of Inner Mongolia], 1984, iss. 4, pp. 24–30 (In Mong.).
- Zulantsetseg. *Mongolyn түүхен survalzh bichig denkh mangasyn tukhay* [Image of the mangas in Mongolian historical compositions]. *Baruun mongol sudlal* [Western Mongolian Studies], 2013a, iss. 5, pp. 7–12 (In Mong.).
- Zulantsetseg. *Mongol түүхен survalzh bichig dekh enetkheg, tövөдийн түүхэнд kholbogdson mangasyn түүхийн tukhay* [Tales about the mangas connected with the history of Tibet and India in Mongolian historical sources]. *Dundad ulsyn mongol sudlal* [Mongol Studies in China], 2013b, iss. 5, pp. 35–43 (In Mong.).
- 仁钦道尔吉 萨满教与蒙古英雄史诗, 《民族文学研究》期刊, 2001年4期 (In Chinese).
- 陈岗龙 《蟒古思故事论》, 北京师范大学出版社, 2003年5月 (In Chinese).
- 谢. 尤. 涅克留多夫 (Neklyudova) 《蒙古人民的英雄史诗》, 内蒙古大学出版社, 1991年5月 (In Chinese).
- [奥地利]勒内·德·内贝斯基·沃杰科维茨 《西藏神灵和鬼怪》, 西藏人民出版社, 1993年5月 (In Chinese).

УДК 398

Причины множества голов у мангаса

Зуланцэцэг¹¹ аспирант, Университет Внутренней Монголии (Хүх-Хото, КНР). E-mail: 296613839@qq.com

Аннотация. В статье на основе монгольского фольклора рассматривается образ мангаса. Данный образ всегда привлекал внимание ученых, став одним из наиболее изученных. Но многие исследователи в своих научных изысканиях не обращались к образу мангаса с одной головой. Также ученые не проследили связи между множеством голов и одной головой у мангаса. Исходя из этого, автор попытался проследить этапы эволюции образа от раннего до современного и ответить на вопросы о предпосылках для подобных изменений образа мангаса в монгольском фольклоре.

Ключевые слова: письменные источники, буддизм, шаманизм, монгольский фольклор

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 122–127, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-122-127
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.224

The Epic of *Jangar*: General Research Data on the Bayangol Version (1980–2000s)

Bayantalyn Tergel¹

¹MA Student, Institute of Mongol Studies, Inner Mongolia University (Hohhot, People's Republic of China). E-mail: Ananda1015@163.com

Abstract. The article aims to give an overview of research papers dealing with the Bayangol version of the *Jangar* epic, and offer basic insights into their contents. For that, the following tasks were tackled: 1) the issue of each certain *jangarchi* (Mong. 'Jangar performer/singer') and peculiarities of epic studies (methods) conducted, including those exploring materials recorded from Bayangol Mongols; 2) to clarify the research methods for the investigation of performance styles and skills typical for each certain *jangarchi*; 3) to compare viewpoints of scholars to have studied the epic tradition of *Jangar*. The comparative analysis of works by well-merited *Jangar* explorers to have dealt with the still living epic tradition of Xinjiang Mongols, who have been able to preserve it to the present days, makes it possible to judge about the current state of the *Jangar* performance tradition among the native inhabitants of Bayangol, and make conclusions how deeply the considered papers explore the issue. It is generally believed that the *Jangar* epic performance tradition exists – and is handed down from generation to generation – in Mongolic populations, but each region (Mong. *nutag*) has its distinctive features. So, in view of all this, exploration of the *Jangar* tradition inherent to Bayangol inhabitants of Xinjiang, the history of its studies in academic works proves an important trend in epic studies.

Keywords: Oirats, Xinjiang, Bayangol, *Jangar* studies

Аман уламжлалын охь шим болсон Монголчуудын баатарлаг тууль «Жангар» нь эртнээс нааш одоог хүртэл дэлхийн олон улс орны эрдэмтдийн анхаарлыг татан улам бүр өргөжин хөгжиж байгаа нэгэн судалгааны сэдэв болно. «Жангар» туулийн анхны хэсгүүдийг 1804 онд Германы эрдэмтэн Б. Бергман Халимагаас илрүүлэн, түүнийгээ герман хэлээр орчуулан тайлбартайгаар хэвлүүлсэн юм. Түүнээс хойш Монгол, Орос, Герман, Америк, Япон зэрэг олон орны эрдэмтэд энэхүү туулийг олон талаас

нь судалсан боловч одоо болтол түүний нууцыг бүрэн нээж чадаагүй байна. 1910 оны орчимд Оросын эрдэмтэн В. Л. Котвич тэмдэглэн авч хэвлүүлсэнээс хойш Монгол, Халимаг, Хятадын Шинжааны өөрөө засах орны нутгаас олон арван бүлгүүд олджээ. Одоо «Жангар» туулийн Халимаг, Шинжаан, Монгол гэсэн үндсэн гурван хувилбар байгаа бөгөөд үүнд Монголд 20 орчим бүлэг, Халимагт 30 орчим бүлэг, Шинжаанд 70 орчим бүлэг мэдэгдээд байгаа билээ.

«Жангар» туулийн судлал үүсч хөгжөөд хоёр зуу шахам жил болж байгаа тул цуглуулж, судлах ажилд нэлээд ахиц гаран нарийвчлан шинжлэх болсон бөгөөд түүний уламжлалын томоохон хэсэг болох Шинжаан дахь «Жангар»-ын талаар улам гүнзгийрүүлэн судалбал «Жангар» судлалын тулгамдсан цөөнгүй асуудлыг шийдвэрлэж чадах нь лавтай.

Зөвхөн улсын дотоодод жил бүр нийтлэгдэж байгаа «Жангар» судлалд холбогдох өгүүлэл, зохиолын тооны хувьд Шинжааны «Жангар»-ын тухай өгүүлсэн бүтээл туурвил нь нилээд хувийн жинг эзэлж байгаа юм. Үүний дотор Шинжааны аль нэгэн аймаг, хошуудын жишээн дээр «Жангар»-ын уламжлал, ёс заншлыг тусгайлан сэдвчилсэн судалгаагаа өрнүүлж байгаа нь цөөнгүй. Ийм учраас тус бяцхан өгүүлэлдээ XX зууны наяд оноос XXI зууны эхэн үе хүртэлх Шинжааны Баянголын «Жангар», жич жангарчдын тухай судалгаанд холбогдох өгүүлүүдийг тоймлон өгүүлье.

XX зууны наяд оноос XXI зууны эхэн үе хүртэлх Баянголын «Жангар», жич жангарчдад холбогдох өгүүлэл, зохиол нийтдээ 18 байгаа нь БНХАУ дахь «Жангар»-ын талаарх нийт судалгааны бүтээлүүдийн багагүй хувийг эзэлж байгаа юм. Эдгээр өгүүллийн зохиогчид нь цөм эрдэм шинжилгээний байгууллагын ажилтан бөгөөд голлон судлаж буй 9 хүн байгааг тэмдэглэж болно. Хэвлэгдсэн хэл, үсэг бичгийн хувьд тэдгээрийн 14 өгүүлэл нь монголоор бичигдэж, 4 өгүүлэл нь хятадаар бичигдсэн байна. Сэтгүүлийн хувьд хятад, монгол нийт 8 сэтгүүлд нийтлэгдсэнээс хамгийн олон өгүүлэл нийтлэгдсэнээр нь эрэмбэлвэл «Баруун монгол судлал» сэтгүүл, «Хэл ба орчуулга» сэтгүүл, «Үүрийн цолмон» сэтгүүл зэрэг гурван сэтгүүлийг тэргүүнд нь дурьдахад хүрнэ.

Эдгээр Шинжааны Баянголын «Жангар»-ын судалгааны өгүүлэл зохиолын байдлыг агуулгаар нь жангарчид хийгээд «Жангар»-ын судлал, хайлах хэв намба хийгээд хэлбэр маягийн судлал, уламжлагдан хадгалагдсан байдлын судлал хэмээх 3 хэсэгт хуваан өгүүлье.

Жангарчид хийгээд «Жангар»-ын судлал

Аман уламжлалын залгамжлагч болсон жангарч нь «Жангар» судлалын хүрээн дэх бас нэг чухал судалгааны цэг болох юм. Цаашид жангарчдын хайлсан «Жангар» нь ч гол судалгааны цэг болох нь дамжиггүй.

Баянголын жангарч хийгээд «Жангар»-ын судлалд холбогдох нийт 9 өгүүлэл бий. Эдгээр тус бүрийг дэлгэрэнгүй дурьдвал, юуны өмнө Ринчендоржийн «Шинжааны „Жангар“ хийгээд жангарчдын тухай» хэмээх тод монгол үсгээр нийтлэгдэн нийтийн хүртээл болсон [Ринчендорж 1984а: 14–36] өгүүлэлд ерөнхийдөө Шинжаан дахь монголчуудын дунд уламжлагдан ирсэн «Жангар» тууль болон жангарчдын тухай өгүүлсэн бөгөөд түүний хүрээнд Баянголын жангарчид хийгээд «Жангар»-ын тухай-хамрагдсан байна. Улмаар Ж. Ринчендорж нь дээр дурьдсан өгүүллээ монгол бичгээр хөрвүүлж Өвөрмонголын багшийн их сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүлд [Ринчендорж 1984б: 23–48] хэвлүүлсэн байна. Тус өгүүлэлд дээд дурьдсан ёсоор Баянголын жангарчид болон «Жангар»-ын тухай судалгаа томоохон хэсгийг нь хамарч байгаа билээ.

Х. Алтаны «Торгууд жангарчдын тухай дөхөм өгүүлэх нь» [Алтан 1998: 3] хэмээх өгүүллээ Шинжааны өдрийн сонинд хэвлүүлсэн бөгөөд үүндээ Баянголын торгууд жангарчдын тухай тусгайлан өгүүлсэн байна. Х. Алтан нь мөн дээрх өгүүллээ шинэчлэн найруулж «Торгууд жангарчдын тухай танилцуулга» [Алтан 1998: 48–50] гэсэн нэрээр Өвөрмонголын нийгмийн шинжлэх ухаан сэтгүүлд хэвлүүлсэн байна. Тус өгүүлэлд Шинжааны нийт торгууд жангарчид, түүний дотор Баянголын торгууд жангарчдын тухай ихээхэн нарийвчилж тусгасан билээ.

Харин судлаач Т. Надмайн «Жангарч Л. Пүрэвийн дөхөм танилцуулга» [Надмай 1999: 46–47] гэх өгүүлэлд Баянголын жангарчдыг бүхэлд судлаж тодруулах зорилго тавиагүй бөгөөд зөвхөн дан ганц Л. Пүрэвээг тусгайлан судласан судалгааны үр дүнгээсээ танилцуулан өгүүлсэн юм.

Д. Шагайн «Жангарын туулийг цуглуулах явцад хувь нэмрээ өргөсөн жангарчдын тухай өгүүлэх нь» [Шагай 1999: 48–53] хэмээх өгүүлэлдээ нийт орны хэмжээн дэх «Жангар туулийн» судалгааны явцыг өгүүлсэн боловч түүний дотор Шинжааны «Жангар»-ыг хайн цуглуулахад хувь нэмрээ үзүүлсэн Баянголын жангарчдын тухай тусган өгүүлсэн байна.

Нарсын «Баянголын орчин үеийн жангарчдыг туршин өгүүлэх нь» хэмээх тод монгол үсгээр [Нарс 1999: 16–24] Ойрадын судлал сэтгүүлд нийтлүүлсэн өгүүлэлдээ Шинжааны Баянголын орчин үеийн жан-

гарчдын тухай танилцуулан өгүүлэх зорилго тавиад түүнийгээ хангалттай биелүүлж, сонирхогч олон түмэнд Баянголын эдүгээ цагийн жангарчдыг оновчтой танилцуулж чадсан билээ.

Д. Таяагийн «XX зууны үеийн Шинжааны ойрдын жангарчдын эгнээ» [Таяа 2003: 85–91] нэрээр «Үүрийн цолмон» сэтгүүлд хэвлүүлсэн өгүүлэлд мөн л дээрх Нарсын өгүүлэлтэй ойролцоо үр дүнг харуулж XX зууны үед нэр алдраа нутаг усандаа дуурсган жангар туулиа хайлж байсан Баянголын жангарчдыг танилцуулан дурьджээ.

Эцэст нь Ринчиндоржийн «Шинжааны „Жангар“ болон жангарчдын тухай» [Ринчедорж 1984б: 23–48] хэмээх өгүүлэлд Шинжаанд 1980 онд үүсгэн санаачлагдсан «Жангар» судлалын болон «Жангар» туулийг эмхэтгэн цуглуулах дугуйлангуудын өрнүүлсэн судалгааны ажлын үр дүнгүүдийг нийтийн хүртээл болгон танилцуулсан юм. Ийнхүү «Жангар» судлалыг эрчимжүүлэх зорилгоор байгуулагдсан тус хоёр дугуйлангаас удирдан зохион байгуулж 1980 оны 3 дугаар сараас 1981 оны 9 дүгээр сар хүртэлх хугацаанд монгол үндэстэн төвлөрөн сууж байгаа 12 аймаг, хошуу, хот, тосгонд хээрийн судалгаа хийж олон төрлийн аман уламжлалаар хадгалгдан өвлөгдсөн «Жангар»-ыг цуглуулсан байна. Үүний хүрээнд 1981 оны 6 дугаар сараас 7 дугаар сарын хооронд урьд өмнө явагдаж байгаагүй «Жангар» хайлах уралдаан зохион байгуулж, Баянгол болон Тарвагатайд «Жангар» судлалын чиглэлээр эрдэм шинжилгээний бага хурал, зөвлөгөөн хийж, түүнд оролцсон олон жангарчдын хайлах явцыг дүрс, дуу бичлэгээр хадгалан авсан тухай зэрэг олон сонирхолтой асуудлын талаар дурьдсан байна.

Хураангуйлвал, XX зууны 80-аад оноос XXI зууны эхэн үе хүртэлх хугацаанд Баянголын жангарч хийгээд «Жангар»-ын судлал нь гол төлөвхэн нэгэн нэртэй жангарчийн танилцуулга болон «Жангар» туулийн бичвэрийн цуглуулгад төвлөрөн анхаарч байсан байна.

Хайлах хэв намба хийгээд хэлбэр маягийн судлал

Жангарч бол «Жангар»-ын уламжлан залгамжлагч, хадгалан үлдээгч мөртлөө үүдэн бүтээгч мөн [Таяа 2012: 21–27] гэдэг үзэл санааны дагуу аман уламжлалын өв залгамжлагч, уламжлагч болсон жангарчийн судлалд жангарчийн хайлах хэв намба, хайлах хэлбэр маягийн асуудал ч хол-

богддог. Түдэвийн Жамцын «Ойрад жангарчид хийгээд тэдний жангар хайлах хэв намба» [Жамц 1989: 32–42] гэх өгүүлэлд Шинжааны Баянголын жангарчдын «Жангар» хайлах хэв намбын талаар танилцуулан өгүүлсэн байна.

Улмаар Д. Таяагийн «Шинжааны ойрад жангарчдын хэв намбын асуудалд» [Таяа 2005: 37–45] хэмээх нэрээр «Хэл ба орчуулга» сэтгүүлд хэвлүүлсэн өгүүлэлд Баянгол зэрэг Шинжааны монгол жангарчдын хайлах хэв намбын тухай өөрийн үзлээ судалгаандаа тулгуурлан дэлгэрүүлж дурьдсан байна.

Т. Баатарын «Жангарч Ням хийгээд түүний хэлсэн „Жангар“-ын хэв намба» [Баатар 2010: 104–111] гэсэн нэрээр «Баруун Монгол судлал» сэтгүүлд нийтлүүлсэн өгүүлэлд Баянголын жангарчдын дундаас жангарч Нямыг тухайлан танилцуулж, түүний «Жангар» хайлах хэв маягийн тухай ч өгүүлжээ.

Жангарчийн «Жангар» хайлах хэлбэр маягийн талаар Д. Таяа «Шинжааны жангарчдын „Жангар“ хайлах, хэлбэр маягийн тухай» [Таяа 2006: 108–113] хэмээх «Ойрадын судлал» сэтгүүлд хэвлүүлсэн өгүүлэлдээ Баянгол зэрэг эл газар орны жангарчдын «Жангар» хайлах хэлбэр маягийн талаар танилцуулахын хамт хайлах хэлбэр маягийн тухай өөрийн үзэлтээ дурьдсан байна.

Хураангуйлвал, XX зууны 80-аад оноос XXI зууны эхэн хүртлэх хугацаанд эрдэмтдээс Баянголын жангарчдыг тусгайлан танилцуулж, тэдний «Жангар» хайлах хэв намба болон хэлбэр маягийн тухай шинжлэн өгүүлэхийн хамт өөрийн үзэлтээ дурьдсан судалгааны өгүүлэл цөөнгүй байна. Энэхүү жангарчдын «Жангар» хайлах хэв намба болон хэлбэр маягийн тухай судалгаа гүнзгийрсэн явдал нь «Жангар» судлалын хир түвшинг улам нэг алхам ахиулсан байна.

Уламжлалын судлал

«Жангар» нь зөвхөн Монгол төдийгүй Түрэгийн зарим овог ястны дунд ч аман уламжлал ба бичгийн уламжлалын хэлбэрээр одоог хүртэл уламжлагдсаар ирсэн түүхэн урт замналын тодхон мөртэй юм. Ийм учраас «Жангар» судлалын чухал нэг сэдэв бол даруй түүний тархалт, хадгалалтын асуудалд холбогдоно.

Т. Жамцын «Шинжааны ойрад монголын баатарлаг тууль „Жангар“-ын тархалт ба түүний хадгалалтын тойм байдал» [Жамц

1985: 353–369] хэмээх тод монгол үсгээр хэвлэгдэн нийтийн хүртээл болсон өгүүлэлд Баянголын «Жангар»-ын тархалт болон хадгалалтын талаар тоймлон өгүүлэв. Улмаар Т. Жамцын «Шинжаанд „Жангар“-ыг хайн шинжилж байгаа нь» [Жамц 1985: 84–89] гэх өгүүлэлд Баянгол дахь «Жангар»-ын тархалтын тухай дэлгэрүүлэн өгүүлсэн бол мөн түүний «Монгол үндэстний баатарлаг тууль «Жангар»-ын байцаалтын мэдүүлэлт» [Жамц 1982: 62–68] хэмээх өгүүлэлд ч Баянгол дахь «Жангар»-ын тархалтын байдлыг мэдээлжээ.

Т. Жамцын ойрад монголчуудын дундах „Жангар“ хадгалалтын байдал [Жамц 1985: 353–369] хэмээх өгүүлэлд 1980 онд Шинжааны уйгур үндэстний өөртөө засах орны Баянголын Монгол үндэстний өөртөө засах аймаг, Борталын Монгол үндэстний өөртөө засах аймаг болон Ховог сайрын монгол үндэстний өөртөө засах хошуу зэргээр төвлөрүүлэн анх удаагаа «Жангар» хайлах хурлыг эрхлэн явуулахын зэрэгцээгээр «Жангар»-ын 67 бүлэг, 40 гаруй хувилбарт дуу бичлэг хийж хадгалан судалж байгаа талаар өгүүлсэн байна.

Загарын «Дундад улс дахь „Жангар“-ын бар хэвлэлийн уламжлал жич, судалгааны байдлын товчлол» [扎格尔 1994: 71–76] гэх өгүүлэлд БНХАУ-ын дотоод дахь «Жангар»-ын эмхэтгэн цуглуулах ажлын байдал, өөр хоорондоо адилгүй арван нэгэн бар хэвлэлийн үндсэн байдал болон онцлогийн тухай оновчтой үнэлж, манай улсын «Жангар» судлах газрын адил бус цаг үе үд дэх түүхэн замнал болон одоогийн байдлыг хураангуйлан тавьсан байна.

Хураангуйлвал, «Жангар»-ын уламжлалын судлалын талаар XX зууны 80-аад оноос XXI зууны эхэн хүртлэх хугацаанд Шинжааны монгол үндэстэн төвлөрөн сууж байгаа дээрх аймаг, хошууд дахь «Жангар»-ын тархалт болон хадгалалтын байдал адил бус төдийгүй хэвлэлийн уламжлалын байдал, Дундад улсын «Жангар» судлах газрын түүхэн замнал ба өнөөгийн байдлыг хураангуйлан өгүүлэхээр асуудлыг голчлон анхарч ирсэн байгааг олж харж болно.

XX зууны 80-аад оноос XXI зууны эхэн үе хүртлэх хугацаанд дахь Шинжааны Баянголын «Жангар» судлалын өгүүлэл зохиолуудын тоймоос харахад голдуу жангарчийн танилцуулга, «Жангар» хайлах хэв намба хийгээд хэлбэр, «Жангар»-ын уламжлалын судалгаа гэх зэрэг талаас түлхүү хамруулан судласан байна.

Гэхдээ эдгээр судалгааны бүтээлүүдээс харахад Баянголын «Жангар» ба жангарчдын тусгайлан судласан өгүүлэл зохиол бас ч дутмаг байна гэж үзэж болно. Тэр мөртлөө эдгээр өгүүлэл зохиолуудын шинжлэх ухааны түвшин нь тэр бүр хангалттай түвшинд хүрээгүй бөгөөд эх хэрэглэгдэхүүний талаар уран зохиолын уншлагын текстийг ашиглах мэтийн бага сага дутагдалтай талууд оршиж байна хэмээн дүгнэж байна.

Литература

- Алтан Х.* Торгууд жангарчдын тухай дөхөм өгүүлэх нь // «Шинжааны өдрийн сонин». 1998. 3 сар. С. 3.
- Алтан Х.* Торгууд жангарчдын тухай танилцуулга // «Өвөрмонголын нийгмийн шинжлэх ухаан» сэтгүүл. 1998. № 6. С. 48–50.
- Баатар Т.* Жангарч Ням хийгээд түүний хэлсэн жангарын хэв намба // «Баруун Монгол судлал» сэтгүүл. 2010. № 4. С. 104–111.
- Жамц Т.* Ойрад жангарчид хийгээд тэдний жангар хайлах хэв намба // «Монгол хэл, утга зохиол» сэтгүүл. 1989. № 6. С. 32–42.
- Жамц Т.* Шинжаанд «Жангар»-ыг хайн шинжилж байгаа нь // «Монгол хэл, утга зохиол» сэтгүүл. 1985. № 3. С. 84–89.
- Жамц Т.* Шинжааны ойрад монголын баатарлаг тууль «Жангар»-ын тархалт ба түүний хадгалалтын тойм байдал // «Үүрийн цолмон» сэтгүүл. 1985. № 1. С. 353–369.
- Надмай Т.* Жангарч Л. Пүрэвийн дөхөм танилцуулга // «Хэл ба орчуулга» сэтгүүл. 1999. № 2. С. 46–47.
- Нарс.* Баянголын орчин үеийн жангарчдыг туршин өгүүлэх нь // «Ойрадын судлал» сэтгүүл. 1999. № 2. С. 16–24.
- Ринчендорж Ж.* Шинжааны жангар хийгээд жангарчдын тухай // «Үүрийн цолмон» сэтгүүл. 1984. № 4. С. 14–36.
- Ринчендорж Ж.* Шинжааны жангар хийгээд жангарчдын тухай // Өвөрмонголын багшийн их сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл. 1984. № 2. С. 23–48.
- Таяа Д.* 2011 оны Дундад улсын Монгол тууль судлалын ерөнхий тоочил // «Дундад улсын монгол судлал» сэтгүүл. 2012. № 6. С. 21–27.
- Таяа Д.* XX зууны үеийн Шинжааны ойрадын жангарчдын эгнээ // «Үүрийн цолмон» сэтгүүл. 2003. № 5. С. 85–91.
- Таяа Д.* Шинжааны жангарчдын «Жангар» хайлах, хэлбэр маягийн тухай // «Ойрадын судлал» сэтгүүл. 2006. № 4. С. 108–113.
- Таяа Д.* Шинжааны ойрад жангарчдын хэв намбын асуудалд // «Хэл ба орчуулга» сэтгүүл. 2005. № 1. С. 37–45.

- Шагай Д. Жангарын туулийг цуглуулах явцад хувь нэмрээ өргөсөн жангарчдын тухай өгүүлэх нь // «Хэл ба орчуулга» сэтгүүл. 1999. № 2. С. 48–53.
- 特·贾木查著 汪仲英、乔伦夫译：《蒙古族英雄史诗〈江格尔〉调查报告》，《新疆民族文学》，1982年第3期 С. 62–68。
(蒙古族) 特·贾木查：《〈江格尔〉在卫拉特蒙古中的蕴藏情况》，《民族文学研究》，1986年第3期 С. 36–39。
- 扎格尔：《中国〈江格尔〉版本传承及研究状况评述》，《内蒙古师范大学学报（哲学社会科学版）》1994年第1期 С. 71–76。
- Nars. *Bayangolyn orchin yeiyn zhangarchdyg turshin ögüülekh n'* [Description of contemporary Jangar-tellers of Bayangol]. «*Oyradyн sudlal*» setgüül [Oirat Studies journal], 1999, No. 2, pp. 16–24 (In Mong.).
- Rinchendorzh Zh. *Shinzhaany zhangar khiygeed zhangarchdyn tukhay* [About the Jangar of Xinjiang and its tellers]. «*Üüriyn tsolmon*» setgüül [The Morning Star journal], 1984, No. 4, pp. 14–36 (In Mong.).
- Rinchendorzh Zh. *Shinzhaany zhangar khiygeed zhangarchdyn tukhay* [About the Jangar of Xinjiang and its tellers]. *Övörmongolyn bagshiyn ikh surguuliyг erdem shinzhilgeeniy setgüül* [Journal of Inner Mongolia Pedagogical University], 1984, No. 2, pp. 23–48 (In Mong.).
- Tayaa D. *2011 ony Dundad ulsyn Mongol tuul' sudlalyn erönkhiy toochil* [General data about studies of the Mongolian epic tradition in China]. «*Dundad ulsyn mongol sudlal*» setgüül [Mongol Studies in China], 2012, No. 6, pp. 21–27 (In Mong.).
- Tayaa D. *XX зууны yeiyn Shinzhaany oyrдын zhangarchdyn eгnee* [The 20th century Oirat Jangar-tellers of Xinjiang]. «*Üüriyn tsolmon*» setgüül [The Morning Star journal], 2003, No. 5, pp. 85–91 (In Mong.).
- Tayaa D. *Shinzhaany zhangarchdyn «Zhangar» khaylakh, khelber mayagiyn tukhay* [Jangar-tellers of Xinjiang: styles of performance]. «*Oyradyн sudlal*» setgüül [Oirat Studies journal], 2006, No. 4, pp. 108–113 (In Mong.).
- Tayaa D. *Shinzhaany oyrad zhangarchdyn khev nambyn asuudald* [Jangar-tellers of Xinjiang: styles of performance revisited]. «*Khel ba orchuulga*» setgüül [Language and Translation journal], 2005, No. 1, pp. 37–45 (In Mong.).
- Shagay D. *Zhangaryн tuuliyг tsugluulakh yavtsad khuv' nemree örgösön zhangarchdyn tukhay ögüülekh n'* [About Jangar-tellers who contributed to the process of collecting the Epic]. «*Khel ba orchuulga*» setgüül [Language and Translation journal], 1999, No. 2, pp. 48–53 (In Mong.).
- 贾木查著汪仲英、乔伦夫译：《蒙古族英雄史诗〈江格尔〉调查报告》，《新疆民族文学》，1982年第3期 С. 62–68。
(蒙古族) 特·贾木查：《〈江格尔〉在卫拉特蒙古中的蕴藏情况》，《民族文学研究》，1986年第3期 С. 36–39。
- 扎格尔：《中国〈江格尔〉版本传承及研究状况评述》，《内蒙古师范大学学报（哲学社会科学版）》1994年第1期 С. 71–76。

References

- Altan Kh. *Torguud zhangarchdyn tukhay dökhöm ögüülekh n'* [Brief data about Torgut Jangar-tellers]. «*Shinzhaany ödriyn sonin*» [Xinjiang Newspaper], 1998, March, 3 p. (In Mong.).
- Altan Kh. *Torguud zhangarchdyn tukhay taniltsuulga* [Getting acquainted with Torgut Jangar-tellers]. «*Övörmongolyn niygmiyn shinzhlekh ukhaan*» setgüül [Social Sciences in Inner Mongolia journal], 1998, No. 6, pp. 48–50 (In Mong.).
- Baatar T. *Zhangarch Nyam khiygeed tüüniy khelsen zhangaryн khev namba* [Jangar-teller Nyam and his style of performance]. «*Baruun Mongol sudlal*» setgüül [Western Mongolian Studies journal], 2010, No. 4, pp. 104–111 (In Mong.).
- Zhamts T. *Oyrad zhangarchid khiygeed tedniy zhangar khaylakh khev namba* [Oirat Jangar-tellers and their individual styles of performance]. «*Mongol khel, utga zokhiol*» setgüül [The Mongolian Language and Literature journal], 1989, No. 6, pp. 32–42 (In Mong.).
- Zhamts T. *Shinzhaand «Zhangar»-yг khayн shinzhilzh bayгаа n'* [Jangar studies in Xinjiang]. «*Mongol khel, utga zokhiol*» setgüül [The Mongolian Language and Literature journal], 1985, No. 3, pp. 84–89 (In Mong.).
- Zhamts T. *Shinzhaany oyrad mongolyn baatarlag tuul' «Zhangar»-yn tarkhalt ba tüüniy khadgalaltyn toym baydal* [Data about the dispersion of the Xinjiang Mongolian heroic epic of Jangar and its traditions]. «*Üüriyn tsolmon*» setgüül [The Morning Star journal], 1985, No. 1, pp. 353–369 (In Mong.).
- Nadmay T. *Zhangarch L. Püreviyn dökhöm taniltsuulga* [A brief sketch about Jangar-teller Purev]. «*Khel ba orchuulga*» setgüül [Language and Translation journal], 1999, No. 2, pp. 46–47 (In Mong.).

УДК 398.224

Общий обзор исследований баянгольского «Джангара» (1980-е гг. – начало XXI в.)
Баянталын Тэргэл¹

¹ магистрант, Институт монголоведения, Университет Внутренней Монголии (г.Хух-хото, КНР). E-mail: Ananda1015@163.com

Аннотация. Цель данной статьи — представить исследования, посвященные изучению героического эпоса «Джангар», бытующего среди населения Баянгол-Монгольского автономного округа Синьцзяна, и изложить их основные идеи. С этой целью автор поставил следующие задачи: во-первых, рассмотреть вопрос о джангарчи (исполнителях «Джангара») и особенностях изучения героического эпоса «Джангар», в том числе на материале баянгольских монголов (ойратов); во-вторых, осветить методику исследования особенностей исполнения и исполнительского мастерства джангарчи; в-третьих, сопоставить точки зрения исследователей, изучавших сохранившуюся традицию эпоса «Джангар».

Сопоставительный анализ трудов ученых, посвятивших свои работы эпосу «Джангар», традиция исполнения которого до сегодняшнего дня сохраняется и передается среди синьцзянских ойратов, позволяет говорить о том, в какой степени сохранилась среди населения Баянгол-Монгольского автономного округа в СУАР КНР традиция исполнения «Джангара», а также в какой степени получила освещение эта проблема в рассматриваемых исследованиях.

Принято считать, что традиция исполнения эпоса «Джангар» бытует и передается там, где расселены монгольские народы, при этом в каждом регионе (*нутаг*) исполняется по-разному. В силу этого изучение традиции «Джангара» у синьцзянских баянгольцев, освещение истории ее изучения в трудах ученых представляется важным направлением эпосоведения.

Ключевые слова: ойраты, Синьцзян, Баянгол, джангароведение

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 128–134, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-128-134
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

Sources on the Proceedings in the Golden Horde

O. S. Shurguchiev ¹

¹ 2nd Graduate Student, Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russian Federation).
E-mail: oleg.shurguchiev@mail.ru

Abstract. Law as a socio-cultural factor arises in certain historical conditions, reflecting them and being an integral part of them. Content of the law, the developer and owner of which becomes an ethnos, is due to the peculiarities of the historical community he lives and develops within. The Golden Horde is a state that was one of the heirs of the Great Mongol Empire, and therefore it is natural that the judicial system of the latter had a significant impact on the proceedings in Djuchi Ulus. Chingizids, establishing their system of state power in the conquered territories, introduced the norms of the «Great Yasa» of Genghis Khan as the main source of law, which increasingly came into conflict with the real conditions of society's life, since the «Yasa» of Genghis Khan regulated only the norms of nomadic life. At the same time, the states conquered by the Mongols, in their majority, already had considerable historical experience of the activities of state institutions, including legal ones. The purpose of this article is to reconstruct the judicial system and the judicial process basing on published documentary sources, as well as monographic research. The theoretical basis of this article was the monographic studies of both domestic and foreign historians, linguists, geographers and other scientists, who touched upon the problems of judicial organization and legal proceedings in the Golden Horde in their works. The empirical base was a complex of published sources translated into Russian. The lack of written sources originating from the Golden Horde itself is largely compensated by the sources originating from countries that submitted to the Golden Horde or were in diplomatic relations with it. The author used general and private methods of cognition in the course of the research. With the help of reconstructive and historico-political interpretation of the law, the sources containing the judicial system of the Golden Horde state were described, in their connection with socio-historical and political conditions in chronological order. Special attention is paid to the analysis of various sources of Mongolian, Persian and European origin, which allows us to conclude that the legal successors of the Mongol Empire inherited also the Mongolian legal and judicial system. The author concludes that in the process of historical development of the Golden Horde state in the conditions of a multiethnic and polyconfessional society, one of the main features of the judicial system of the Golden Horde was the peculiar legal awareness of its population due to the synthesis of nomadic traditions, the customary laws of Mongolian peoples and Muslim law related with the adoption of Islam as a state religion under the Uzbek Khan. The foregoing provision led to the coexistence and simultaneous operation of the judiciary of traditional Mongolian justice — the Zargo court — and the Muslim court of kadi.

Keywords: the Golden Horde, judicial proceedings, judicial system, customary law, Islamic law

Право как социокультурный фактор возникает в определенных исторических условиях, отражая их и являясь неотъемлемой их частью. Содержание права, разработчиком и обладателем которого становится этнос, обусловлено особенностями той исторической общности, в рамках которой он живет и развивается.

Суровые природно-климатические условия региона кочевания монгольских племен определили скотоводство как основную отрасль хозяйствования. Монгольские племена, кочевавшие в степях Центральной Азии, переживали во второй половине XII в. период разложения родовых отношений, в ходе которого формировалась знать. К ним относились нойоны и их дружинники — нукеры, которые вели борьбу за пастбища и скот, основные материальные богатства кочевого общества.

В ходе своей завоевательной политики Чингис-хану удалось подчинить кочевников Центральной Азии и соседние племена Южной Сибири, тем самым расширив границы своего государства и упрочив свои позиции. Смерть Чингис-хана в 1227 г. предопределила разделение его огромной империи на улусы — удельные владения сыновей и внуков Чингис-хана. Главе западного улуса Бату-хану удалось выполнить наказ своего деда, совершив поход до «последнего моря». В 1235 г. на курултае было принято решение об организации похода в Европу. На завоеванных территориях чингизиды, устанавливая свою систему государственной власти, в качестве основного источника права вводили нормы «Великой Ясы» Чингис-хана, которые все больше входили в противоречие с реальными условиями жизнедеятельности общества, так как «Яса» Чингис-хана регламентировала лишь нормы кочевой жизни. При этом покоренные монголами государства в своем большинстве уже имели немалый исторический опыт деятельности государственных институтов, в том числе и правовых. Например, в странах Средней Азии и Ирана преимущественно с оседлым земледельческим населением издревле существовала своя правовая традиция, поэтому попытки подчинения населения новым правовым нормам оказались очень затруднительными. Правовая система монголов, выработанная на основе обычного права кочевников и преимущественно для кочевников, в иных условиях оказывалась менее приспособленной и отвечаю-

щей реалиям жизни общества. На практике встречались случаи, когда источники права не могли дать толкования поступку как правонарушению, между тем согласно всем общепринятым нормам морали оно являлось таковым. В связи с этим отдельные стороны социальной, хозяйственной и общественной сфер оставались вовсе вне компетенции «Ясы», например, встречались факты, когда отдельные ее положения вступали в противоречие с религиозным мусульманским правом и обычаями местного населения. Наличие и одновременное действие двух правовых систем — норм «Великой Ясы» Чингис-хана и норм мусульманского права — неизбежно должно было приводить к возникновению противоречий. Устранение подобных коллизий, возникавших в ходе правоприменительной практики, привело к появлению такого понятия, как *маслагат* 'мир, мировая сделка', древний «ряд», который можно трактовать как своего рода компромисс между нормами шариата и адата.

Целью данной статьи является реконструкция системы судоустройства и процесса судопроизводства на основе опубликованных документальных источников, а также монографических исследований.

Золотая Орда — государство, являвшееся одним из наследников Великой Монгольской империи, в связи с чем закономерно утверждать, что судебная система последней оказала значительное влияние на судопроизводство и в Улусе Джучи. Золотая Орда и зависевшие от нее владения, в совокупности именовавшиеся Улусом Джучи, как известно, не имели своих летописей: по крайней мере, они до нас не дошли, архивы их — если они и существовали — безвозвратно погибли, и от ханских канцелярий сохранились только несколько грамот в подлиннике или в русском переводе. Монеты и памятники материальной культуры, несомненно, являются очень важным историческим источником, но они могут осветить лишь некоторые стороны жизни этого огромного государства — государства кочевников, хотя и включавшего в свой состав многие области с оседлым населением, городами и областями старой культуры. Недостаток письменных источников, происходящих из самой Золотой Орды, в значительной мере восполняется данными источников, происходящих из стран, подчинившихся Золотой Орде или находившихся с ней в дипломатических сношениях.

Проблема судоустройства и судопроизводства в Золотой Орде, к сожалению, прежде не становилась предметом самостоятельного научного исследования. Однако отдельные вопросы становления и развития правовой системы были затронуты в комплексных монографических работах по истории Улуса Джучи. Теоретической основой данной статьи послужили монографические исследования как отечественных, так и зарубежных историков, лингвистов, географов и других ученых, затрагивавших в своих работах данную проблему.

Эмпирическую базу составил комплекс опубликованных источников, переведенных на русский язык: например, «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» [Сборник... 1941].

В ходе исследования автором использовались общенаучные и частнопроводные методы познания. С помощью реконструктивного и историко-политического толкования права были освещены источники, содержащие описание судебной системы золотоордынского государства, в связи с социально-историческими и политическими условиями в хронологической последовательности.

Текст рукописи «Отрывок о том, как вести тяжбу...» на монгольском языке из фондов архива Института восточных рукописей Российской академии наук, описанный Д. А. Носовым, Р. Ю. Почекаевым [Носов, Почекаев 2015] — небольшой по объему: 16 строк на одном листе китайской бумаги размером 24*14 см. Автор рукописи констатирует пять видов судебных разбирательств, существовавших в описываемый период. Например, в случае растраты собирается большое количество людей, которые выступают в роли судей. В случае малочисленности доказательств в первый раз подозреваемый оставляется без наказания. При совершении драки виновные подвергаются суду *тушимелов*. Знакомство с текстом и его анализ позволяет сделать выводы о том, что автор рукописи весьма неплохо осведомлен о классификации преступлений, доказательном процессе, давая также сведения о правосознании монголов [Носов, Почекаев 2015: 147].

Описываемый в тексте судебный орган первоначально возник в период родоплеменных отношений у тюрко-монгольских народов как суд старейшин племен и родоплеменных вождей, осуществлявший правосудие на основе сложившегося мировоз-

зрения. В источниках XV в. также сохранились описания подобных судебных органов у кочевых народов Евразии, государства которых образовались в том числе и после распада Монгольской империи, например, в Золотой Орде или Чагатайском улусе. Так, венецианский дипломат Иосафат Барбаро, посетивший Золотую Орду в 1420 г., сообщает: «Суд происходит во всем лагере, в любом месте и безо всякой подготовки. Поступают таким образом. Когда кто-то затевает ссору <...>, то оба — а если их было больше, то все — поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с каким-нибудь положением: „Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились“. Он, сразу же остановившись, выслушивает, что ему говорят, а затем решает, как ему покажется лучше, безо всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, высказав свое решение, говорит: „Вы будете свидетелем!“ Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю...» [Барбаро 1971: 145–146].

По утверждению исследователей судебных систем, данный способ осуществления судопроизводства под названием суда *биев* имел место и у других кочевых народов, в том числе народов Центральной Азии — казахов, каракалпаков и др. В отличие от более ранних периодов, когда судебная власть была сконцентрирована в руках родоплеменных вождей, осуществлявших правосудие среди своих соплеменников, в данном случае судьи выбирались самими участниками судебного разбирательства. В случае, если первое же решение такого *бия* казалось тяжущимся и другим участникам процесса справедливым, к нему обращались и впоследствии, таким образом, некоторые из таких *биев* приобретали известность и не меньший авторитет, чем ханы и другие законные правители [Зиманов 2008: 40–49]. Народный судья, как правило, единолично разбирал дело между членами одного рода, тогда как в случае межродового конфликта дело обычно передавалось на совместное рассмотрение нескольких *биев*, происходивших из разных родов и племен [Фукс 2008: 511–512]. Именно этот момент, вероятно, и нашел отражение в анализируемом тексте, где разбор дела более чем одним судьей, который мог быть связан с тем или иным участником процесса, представлен как гарантия справедливого решения.

Анализ приведенных фрагментов документов показывает, что вышеупомянутая судебная инстанция имела большие преимущества в том случае, если доказательная база была ничтожна: в таком случае обвиняемый не подвергался наказанию, но с оговоркой «на первый раз». Следует отметить, что со стороны судей изучение доказательной базы носило субъективный характер, так как при вынесении решения они опирались на личностную характеристику, а не на доказательства. В связи с этим можно сделать вывод о том, что судебное разбирательство носило полуофициальный характер, в противном случае одна из сторон должна была быть подвергнута наказанию как не предоставившая достаточного количества доказательств или как оговорившая спорящую сторону. Этот нюанс имел трактовку в связи с тем, что одним из основным доказательств являлись показания свидетелей, в случае их недостаточности тяжущиеся приносили присягу, тем самым призывая богов себе в свидетели. Как утверждает Г. Ц. Пюрбеев, имела место и «очистительная присяга», после принесения которой подозреваемый получал оправдательный приговор. Очистительная присяга — это особые слова и выражения, произносимые обвиняемым во время судебного разбирательства, который должен был при этом держать в руках топор [Пюрбеев 2012: 30].

Таким образом, притом что в большинстве своем население было безграмотным, подобная ситуация, в которой мы наблюдаем описанный выше подход к судопроизводству, представляется весьма обычным делом и, более того, логичным. Поэтому судебные разбирательства, не требовавшие детального изучения улик и приведения аргументов для доказательства вины или, наоборот, невиновности, осуществлялись достаточно быстро, как правило, в течение одного дня: как отмечается в исследуемом документе, судьи «торопятся».

По представлению автора рукописи, суд *тушимэлов*, т. е. чиновников и законных представителей власти, в компетенцию которых входят и судебные правомочия [Восемнадцать степных законов 2002: 43], является официальной и соответственно серьезной и строгой инстанцией. Поводом для обращения в этот государственный орган может быть совершение таких уголовных преступлений, как драки и, вероятно, причинение ее участниками друг другу теле-

сных повреждений, прямое нарушение закона аратами и т. д. Иски частного характера, связанные с имущественными спорами, данным органом не рассматривались. Таким образом, в компетенцию суда *тушимэлов* входили нарушения правопорядка, защищаемого официальными правовыми предписаниями и органами государственной власти, в том числе все правоотношения частных лиц, связанные с нарушением права собственности.

Участники судебного разбирательства, согласно Г. Ц. Пюрбееву, выступая в различных статусах, назывались по-разному: истец; ответчик; человек, находящийся под судом, тяжущийся; податель жалобы, жалобщик; оклеветанный человек; виновный, провинившийся [Пюрбеев 2012: 32].

К лицам, осуществлявшим судебное производство, Г. Ц. Пюрбеев относит судебного пристава, судебного исполнителя, судебного экзекутора, наблюдателя при исполнении наказания, чиновников, разбирающих тяжбы и исковые дела.

Г. Ц. Пюрбеев в своих филологических исследованиях пришел к выводу о том, что только свидетели делились на семь категорий: обычный свидетель; свидетель-очевидец; честный свидетель; свидетель, обнаруживший вора; свидетель, разоблачивший вора; свидетель, давший показания; свидетель-посредник [Пюрбеев 2012: 32].

Таким образом, небольшой по объему документ о том, как вести тяжбу, является очень ценным источником, дающим возможность охарактеризовать правовую систему Монгольской империи и ее наследников, в том числе Золотой Орды, имевшей эффективно действовавшую судебную практику. Следует отметить, что прерогатива принадлежала формальному суду «собранных судей», тогда как до официального суда как органа власти стороны стремились не доводить и обращались к нему только в особых случаях.

В первой четверти XIV в. при хане Узбеке ислам стал государственной религией в Золотой Орде. Между тем, следует отметить, что возведение ислама в ранг государственного религиозного вероисповедания не привело к тотальной исламизации общества и государственных институтов. Данное обстоятельство стало особенностью судебной системы золотоордынского государства, когда одновременно гармонично сосуществовали суды *зарго*, институты мон-

гольской правовой системы, и *кади*, институт мусульманского права. Как отмечали Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский [Греков, Якубовский 1950: 103–104], между этими, казалось бы, несовместимыми правовыми системами конфликтные ситуации не наблюдались, а представители каждой из них рассматривали дела, которые были отнесены исключительно к их ведению. Со временем мусульманское право окончательно вытеснило нормы обычного права монгольского народа.

На практике суд шариата стремился не вмешиваться в дела, рассматриваемые на основе норм обычного права, т. е. *адата*, которыми регулировалась жизнь мусульман в обществе. В связи с этим можно констатировать факт наличия правового плюрализма. Как утверждает Р. Ю. Почекаев, одновременное действие шариатского суда и *адатов* было возможно только в ряде городов Золотой Орды: новом Сарае, Казани, Астрахани, Азове, Анапе и еще нескольких городках Поволжья, Подонья и Предкавказья, где проживали ученые теологи [Почекаев 2004: 217–232].

В Золотой Орде, как и во многих других странах Европы и Азии, в рассматриваемый период не существовало самостоятельной судебной ветви власти: правосудие осуществляли органы исполнительной власти. Так, Д. Островский отмечает, не ссылаясь на первоисточник, что в Золотой Орде верховный суд находился в подчинении *бекляри-бека* — верховного главнокомандующего при хане, т. е. высшего военного чиновника государства [Островский 2001: 159].

По требованиям норм морали, сложившихся в мусульманском обществе, суд должен объективно рассматривать доводы всех сторон, подвергая анализу все стороны преступления, в том числе и субъективные. В рассмотрении конкретного дела и принятии по нему судебного решения судьи должны исходить из прав и обязанностей правоверного, т. е. мусульманина.

Источником мусульманского права являлись нормы Корана, которые не подвергались изменениям и представляли собой систему, организованную в соответствии не с отраслями права, как это наблюдается в других правовых системах, а с последовательностью всей жизни мусульманина, от рождения и до смерти. По этой причине преступления против религии признаются в исламе наиболее серьезными: несоблюдение

обрядов жизненного цикла карается смертной казнью. Слово *шариат* означает ‘надлежащий путь жизни’, что подразумевает ненарушение норм права, морали, религии и т. д. на основе тщательно разработанного в IX–XII вв. свода правил *фитх* и характерных суждений *кийас*, выработанных по аналогии с Кораном и прецедентами. Изначально к компетенции мусульманского суда относились только семейные и религиозные дела мусульман. На основе положений Корана все деяния делились на разрешенные (*халал*) и запрещенные (*харам*).

Гильом де Рубрук приводит следующую характеристику процесса судебного производства: «Они не карают никакого смертным приговором, если он не будет уличен в деянии или не сознается. Но когда очень многие опозорят его, то он подвергается сильным мучениям, чтобы вынудить сознание» [Рубрук 1957: 100–101]. Данное описание свидетельствует о том, что в период написания данного сочинения шел процесс становления судебной системы и развития института розыска, характерного для этапа централизации власти в государстве.

Как отмечалось выше, государственные чиновники рассматривали только спорные ситуации, связанные с нарушением государственных интересов. Так, Рашид ад-Дин подробно описывает процедуры, связанные с получением доказательств в случае разбирательств по делам, связанным с нарушением «Великой Ясы», а также с нанесением оскорблений государю и т. п., например допрос «до тех пор, пока, в конце концов, в словах тех людей не появилось противоречие» [Рашид ад-Дин 1960: 115]. Все это свидетельствует о том, что именно в этот период происходило становление розыскного процесса как одной из стадий судопроизводства.

Таким образом, анализ различных источников монгольского, персидского и европейского происхождения позволяет сделать вывод о том, что правопреемники Монгольской империи унаследовали также монгольскую правовую и судебную системы. Процесс исторического развития золотоордынского государства в контексте полиэтнического и поликонфессионального общества привел к тому, что одной из основных особенностей судебной системы Золотой Орды стало своеобразное правосознание ее населения, обусловленное синтезом традиций кочевников, норм обычного

права монгольских народов и мусульманского права, связанного с принятием ислама как государственной религии при хане Узбеке. Вышеприведенное положение обусловило сосуществование и одновременное действие судебных органов традиционной монгольской юстиции — суда Зарго (дзарго) — и мусульманского суда *кади*.

Литература

- Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России / пер. с коммент. Е. Ч. Скрижинской. М.: Наука, 1971. 275 с.
- Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв. Пер., комм., исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 160 с.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Наука, 1950. 478 с.
- Зиманов С. З. Казахский суд биев — уникальная судебная система. Алматы: Атамюра, 2008. 224 с.
- История монголов инока Магакии / пер. К. П. Патканова. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1871. 104 с.
- Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
- Насонов А. И. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.: 1940. 178 с.
- Носов Д. А., Почекаев Р. Ю. Рукопись Ц. Ж. Жамцарано из фонда ИВР РАН «Отрывок о том, как вести тяжбу» — источник по истории монгольского права // Б. Я. Владимирцов — выдающийся монголовед XX в.: сб. ст. Матлы рос.-монг. науч. конф. 6–8 окт. 2014 г. (г. Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор, 2015. С. 144–147.
- Островский Д. Монгольские корни российских государственных учреждений // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология. Самара: Самарский ун-т, 2001. С. 143–171.
- Почекаев Р. Ю. Суд и правосудие в Золотой Орде // Правоведение. 2004. № 2. С. 217–232.
- Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: изд-во «Эйдос», 2012. 270 с.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. IV / пер. с перс. Ю. П. Верховского; под ред. И. П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
- Рубрук Г. Путешествие в восточные страны / ред., вступ. ст., примеч. Н. П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 291 с.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 306 с.
- Фукс С. Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX вв. Астана: Юрид. книга, 2008. 816 с.

References

- Barbaro I. *Puteshestvie v Tanu* [A journey to Tana]. *Barbaro i Kontarini o Rossii / per. s komment. E. Ch. Skrizhinskoy* [Barbaro and Contarini about Russia. Transl. and comment. by E. Skrizhinskaya]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 275 p. (In Russ.).
- Grekov B. D., Yakubovskiy A. Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its decline]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1950, 478 p. (In Russ.).
- Zimanov S. Z. *Kazakhskiy sud biev — unikal'naya sudebnaya sistema* [The Kazakh Court of Beys — a unique judicial system]. Almaty, Atamura Publ., 2008, 224 p. (In Russ.).
- Istoriya mongolov inoka Magakii / per. K. P. Patkanova* [A history of Mongols by coenobite Malachia]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Press, 1871, 104 p. (In Russ.).
- Mirgaleev I. M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Tokhtamysh-khana* [A political history of the Golden Horde during the reign of Tokhtamysh Khan]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003, 164 p. (In Russ.).
- Nasonov A. I. *Mongoly i Rus' (istoriya tatarskoy politiki na Rusi)* [Mongols and Rus (a history of Tatar policies in Rus)]. Moscow, Leningrad, 1940, 178 p. (In Russ.).
- Nosov D. A., Pochekaev R. Yu. *Rukopis' Ts. Zh. Zhamtsarano iz fonda IVR RAN «Otryvok o tom, kak vesti tyazhbu» — istochnik po istorii mongol'skogo prava* [Manuscript 'The fragment on court order...' from Ts. Zamtsarano's collection (IOM RAS St. Petersburg) as a source on the Mongolian law history]. *B. Ya. Vladimirtsov — vydayushchiysya mongoloved KhKh v.: sb. st. Mat-ly ros.-mong. nauch. konf. 6–8 okt. 2014 g. (g. Sankt-Petersburg)* [B. Ya. Vladimirtsov — the Outstanding Researcher of Mongolian Studies in the 20th Century. Proc. of the research conference. 6–8 October 2014 (St. Petersburg)]. St. Petersburg, Ulaanbaatar, 2015, 218 p. (In Russ.).
- Ostrovski D. *Mongol'skie korni rossiyskikh gosudarstvennykh uchrezhdeniy* [Mongolian roots of Russian governmental authorities].

- Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoy i Moskovskoy Rusi: Antologiya* [Russian studies in the U. S.: stages of historiography of recent years. The period of Kievan and Moscow Rus': anthology]. Samara, Samara University Press, 2001, pp. 143–171 (In Russ.).
- Pochekaev R. Yu. *Sud i pravosudie v Zolotoy Orde* [The court and justice in the Golden Horde]. *Pravovedenie* [The Legal Studies journal], 2004, No. 2, pp. 217–232 (In Russ.).
- Pyurbuev G. Ts. *Pamyatnik mongol'skogo prava XVIII v. «Khalkha dzhirum». Leksika. Grammatika. Transliteratsiya teksta* [Khalkha Dzhirum: a monument of Mongolian law. Lexis, grammar, transliteration of the text]. Moscow, Kaluga, Eydos Publ., 2012, 270 p. (In Russ.).
- Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. T. IV / per. s pers. Yu. P. Verkhovskogo; pod red. I. P. Petrushevskogo* [Collected manuscripts. Vol. IV. Transl. from Persian by Yu. Verkhovsky, edit. by I. Petrushevsky]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1960, 248 p. (In Russ.).
- Rubruk G. *Puteshestvie v vostochnye strany / red., vstup. st., primech. N. P. Shastinoy* [A journey to the Oriental countries. Edit., foreword, comment. by N. Shastrina]. Moscow, State Publ. House of Geographical Literature, 1957, 291 p. (In Russ.).
- Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V. G. Tizengauzenom i obrabotannye A. A. Romaskevichem i S. L. Volinym* [Collected materials on the history of the Golden Horde. Excerpts from Persian compositions collected by V. Tyzenhaus and rev. by A. Romaskevich]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1941, 306 p. (In Russ.).
- Fuks S. L. *Ocherki istorii gosudarstva i prava kazakhov v XVIII i pervoy polovine XIX vv.* [Sketches on the history of the Kazakh state and law in the 18th — early 19th cc.]. Astana, Legal Book Publ., 2008, 816 p. (In Russ.).
- Vosemnadtsat' stepnykh zakonov. *Pamyatnik mongol'skogo prava XVI-XVII vv. Per., komm., issled. A.D. Nasilova* [Eighteen Steppe Laws. Monument of Mongolian law of the XVI–XVII cent. Transl. from Mongolian, comments and research by A.D. Nasilov]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie (St. Petersburg Oriental Studies Society) Press, 2002, 160 p. (In Mong. and Russ.).

УДК 94

Источники о судопроизводстве в Золотой Орде

Олег Саналович Шургучиев¹

¹ магистрант II года обучения, Российский государственный университет правосудия (Ростов-на-Дону, Российская Федерация). E-mail: oleg.shurguchiev@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является реконструкция системы судоустройства и процесса судопроизводства в Золотой Орде на основе опубликованных документальных источников, а также монографических исследований. В ходе исследования использовались общенаучные и частноправовые методы познания. С помощью реконструктивного и историко-политического толкования права были освещены источники различного происхождения, содержащие описание судебной системы золотоордынского государства, в контексте социально-исторических и политических условий в хронологической последовательности. Особое внимание в статье уделяется анализу различных источников монгольского, персидского и европейского происхождения, который позволяет сделать вывод о том, что правопреемники Монгольской империи унаследовали также монгольскую правовую и судебную системы. В заключении автор делает вывод о том, что в процессе исторического развития золотоордынского государства в условиях полиэтничного и поликонфессионального общества одной из основных особенностей судебной системы Золотой Орды стало своеобразное правосознание ее населения, обусловленное синтезом традиций кочевников, норм обычного права монгольских народов и мусульманского права, связанного с принятием ислама как государственной религии при хане Узбеке. Вышеприведенное положение обусловило сосуществование и одновременное действие судебных органов традиционной монгольской юстиции — суда Зарго — и мусульманского суда *кади*.

Ключевые слова: Золотая Орда, судоустройство, судопроизводство, судебная система, обычное право, мусульманское право

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 135–145, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-135-145
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(510.4)

‘Did a Dzungar Khanate Really Exist?’: Criticism of the Article by Junko Miyawaki

Utash B. Ochirov ¹

¹Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ochirovub@kigiran.com

Abstract. The paper analyzes the concept about the status and type of the Dzungar Khanate developed by the famous Orientalist, Junko Miyawaki-Okada. According to the scholar, the Dzungar Khanate never existed though she does acknowledge its status of a nomadic empire. The main supporting proof is the fact that its rulers (except for Galdan Boshugtu Khan) never received the title of ‘Khan’ from the Dalai Lama and instead used the title ‘*Khong Tayiji*’. On that ground, J. Miyawaki proposes to use her authorial term ‘*Khong Tayiji Viceroyalty*’ to denote the Dzungar Khanate. The Japanese researcher harshly criticizes ‘I. Zlatkin’s Russian school’ for the erroneous — in her opinion — use of the term ‘Dzungar Khanate’.

The research concludes that J. Miyawaki’s concept is incorrect due to a number of factors, including as follows:

First of all, the term ‘*khanate*’ is supposed to denote a specific type of nomadic state widespread in the Turco-Mongolian world, though in some cases the term may be borrowed by neighboring nomadic states or retained by ex-nomadic states that tend to or have adopted sedentary life. As for Oirat ethno-political nomadic alliances, only three of them existed long enough and, in our opinion, may be referred to as khanates: the Kalmyk (or Volga), Kokonor (or Khoshut) and Dzungar Khanates. Those possessed almost all properties of a state: an own territory and population, public nature of power and administrative apparatus, army, court, judicial legislation, tax system, one national language and script, full or partial sovereignty. Lack of such attributes as citizenship, coat of arms, anthem, etc. is insignificant — in view of the specific nature inherent to the steppe model of Oriental despotism.

Secondly, by the 18th century the titles ‘*Khan*’ and ‘*Khong Tayiji*’ had experienced some certain evolution. Those were bestowed not only by the Dalai Lama but also by emperors of Russia and China. In case of Chinese emperors, bestowment of the title ‘*Khan*’ (like other titles designating princes of blood — *qinwang*, *junwang*, *beile*, *beise*, *gung*) was not accompanied by appropriation of any real power. That was only a title of honor. None of the Oirat communities headed by *Noyons* who had received from the Chinese the title ‘*Khan*’ — were ever classified as a ‘*khanate*’ since those had no even partial sovereignty. So, when it comes to the classification of a certain nomadic state one should pay attention not to the titles of its rulers but rather to the properties confirming its real position as a state, even if it is vassal by nature.

Thirdly, the circumstances under which the title ‘*Khong Tayiji*’ was bestowed to Dzungar rulers should also be taken into consideration. In the 1630-1660s, the Dzungar ethno-political union followed the political trends directed by the Khoshuts, so the title ‘*Khong Tayiji*’ adopted by Batur and his son Senge simply identified their position as second-rank leaders of the Oirat world — after Gushi Nomyn Khan and Ochirtu Tsetsen Khan. After Galdan Khong Tayiji defeated Ochirtu Khan and became the leader of Northern Central Asia, he received the title of Boshogtu Khan. His successors could not hope to obtain the title ‘*Khan*’ due to the disfavor of the then ruler of Tibet and later that of Chinese emperors

who took control over Dalai Lamas. This is actually the reason why rulers of Dzungaria started adopting the title '*Khong Tayiji*' on their own which, over a century, merely became a tradition.

Thus, the Dzungar Khanate was actually a khanate.

Keywords: Mongol studies, Oirat studies, Kalmyks, Dzungar Khanate, Junko Miyawaki

Среди зарубежных научных школ по монголоведению за последние несколько десятилетий заметно укрепилась японская школа. Исследования японских монголоведов в большинстве своем отличаются основательностью и глубиной. Многие японские монголоведы, прежде чем приступить к научным исследованиям, в течение нескольких лет интенсивно изучают иностранные языки, как монгольские, так и тех стран, которые занимают лидирующее положение в монголоведении (в том числе русский). В ряде случаев японские монголоведы проходят длительную языковую стажировку в ареалах бытования этих языков, что позволяет им не просто понимать иностранную речь, но и различать мельчайшие нюансы, в том числе и при чтении архаичных текстов. Такой основательный подход позволил японским монголоведам-историкам, ранее лишенным доступа к большинству архивов, в которых содержались сведения по истории монгольских народов (в первую очередь китайских и российских), охватывать в ходе исследований второй половины XX — начала XXI вв. широкий круг источников. При этом японские исследователи свободны от концепций и рамок предшествующих научных школ (хотя, конечно, ознакомлены с ними), что дает им возможность рассматривать ту или иную проблему свежим «незашоренным» взглядом.

Благодаря этому, некоторым японским монголоведам-историкам в ряде случаев удавалось получить выдающиеся результаты. Если вести речь об истории ойратов, то здесь в качестве примера можно привести работу Хидэхиро Окады «Происхождение дорбен-ойратов», опубликованную на японском языке в 1974 г., а после перевода на английский язык в 1987 г. [Okada 1987], быстро завоевавшую «умы и сердца» ойратоведов и калмыковедов, специализирующихся в области этнической истории.

К началу XXI в. среди них этот труд стал считаться каноническим, а концепция и положения, выдвинутые Х. Окадой, для современных российских ойратоведов и калмыковедов являются опорными, от кото-

рых они отталкиваются в проведении своих исследований [см., напр.: История Калмыкии 2009; Калмыки 2010; Буддийская традиция 2015 и др.].

С другой стороны, незнание и плохое знание каких-то деталей могло подвести японских исследователей к неверным выводам. Пример критики одного из японских ученых-ойратоведов Джунко Мияваки¹ (ученицы и супруги вышеупомянутого Х. Окады) можно увидеть в статьях известного калмыковеда В. П. Санчирова, который в целом благожелательно оценивал творчество этой исследовательницы, но все же счел необходимым сделать несколько замечаний к ее работам [см., напр.: Санчиров 2000: 113–115; Санчиров 2009: 16].

Госпожа Мияваки-Окада хорошо известна российским монголоведам, в целом, и калмыковедам, в частности, и пользуется среди них заслуженным авторитетом. Результаты некоторых ее исследований (например, сдвиг на 36 лет датировки вторжения Шолой-Убаши-хунтайджи и, соответственно, всей ойрато-халхаской войны, или по истории начала междоусобной войны 1625–1630 гг. за наследство Чин-тайши, приведшей в конце концов к перекочевке торгутов Хо-Орлэга на Волгу и основанию там Калмыцкого ханства) существенно изменили представления ученых о событиях, имевших место в конце XVI — первой трети XVII вв.

Тем не менее, анализируя работы Дж. Мияваки-Окада по истории Джунгарского ханства XVII в., мы сочли возможным обратить особое внимание и подробно разобрать выдвинутую ею концепцию

¹ В отечественной историографии встречаются разные написания имени исследовательницы Мияваки-Окада — *Джунко* или *Дзюнко*, однако в данной статье мы следуем правилам кириллической транскрипции системы Поливанова (*Дзюнко*). Написание *Джунко*, на наш взгляд, возникло в результате прямой кальки с английского варианта имени, записанного в латинской транскрипции системы Хэпбёрна (*Junko*), сделанной людьми, незнакомыми с транскрипцией Поливанова.

о статусе и типе этого государства. Данная концепция была представлена Мияваки-Окада в ряде статей и докладов, в том числе озвученных на международных форумах: «Ойраты в XVII в.: вновь о „Джунгарском ханстве“» (VI Восточноазиатская алтаистическая конференция — Тайбэй, 1981 г.); «Действительно ли существовало Джунгарское ханство?» (XXXII Международный конгресс востоковедов — Гамбург, 1986 г.); «Калмыцкие тайши в начале XVII в.» (XXIX сессия Постоянной Международной алтаистической конференции — Ташкент, 1986 г.). В качестве опорной для разбора концепции была выбрана наиболее доступная для российских ученых статья Дз. Мияваки-Окада «The so-called Jüün Ghar Khanate never existed» ('Так называемое Джунгарское ханство никогда не существовало'), переведенная на русский язык известным монголоведом Е. В. Бойковой под названием «Джунгарское ханство, которое не было ханством», более точно отражающим суть этой работы [Мияваки-Окада 1999]. Эта статья почти сразу после поступления в библиотеку нашего научного учреждения стала предметом споров, то затухавших, то разгоравшихся вновь в течение полутора десятилетий.

Японская исследовательница указывает, что среди правителей Джунгарского ханства титул хана от Далай-ламы получил лишь один из них — Галдан Бошигту-хан (являлся ханом в 1678–1697 гг.). Другие правители зюнгарского (джунгарского) государственного образования носили титул «хунтайджи» (*контайши*), «поэтому, скорее всего, следует говорить о Джунгарском *контайшестве*, а не Джунгарском *ханстве*». Исходя из этого, Мияваки-Окада, «называя Джунгарское ханство империей номадов, <...> отрицает существование этого государственного образования как ханства» [Мияваки-Окада 1999: 59]. «Правдивая картина истории Джунгарской империи <...>, — пишет далее японский ученый, — заключалась в том, что во главе союза Четырех ойратов стоял правитель джунгарского племени. У этой империи никогда не было возможности стать таким государственным образованием, которое могло бы называться ханством, из-за деспотичного вмешательства режима далай-ламы в ее внутренние дела» [Мияваки-Окада 1999: 60]. При этом японская исследовательница обратила внимание на то, что в другие годы ханские

титулы от Далай-ламы получали правители хошутов Кукунора (Гуши) и торгутов Волги (Аюка). «Режим Далай-ламы пожаловал ханский титул хошоутским правителям, происходившим от Гуши-хана, и правителям торгутских племен, проживавших на Волге. В то же время, более сильным джунгарским правителям было позволено употреблять всего лишь титул хунтайджи. <...> Ни по названию, ни по своей сути Джунгарское ханство, как называл И. Я. Златкин это национально-государственное образование, никогда не существовало ни в XVII, ни в XVIII вв.» [Мияваки-Окада 1999: 71–72]. В англоязычной аннотации, завершающей статью, автор прямо критикует «русскую школу И. Я. Златкина», поскольку «the term *Jüün Ghar Khanate*..., used for that nomadic empire, was a misnomer» [Мияваки-Окада 1999: 72].

Перед разбором данной концепции вкратце осветим геополитическую карту ойратских государственных образований XVII–XVIII вв. В конце XVI — начале XVII вв. на территории современного северного Синьцзяна и юго-восточного Казахстана кочевали несколько этнополитических образований ойратов, правители которых заседали в объединенном сейме — Чулгане. Самыми крупными и сильными были 4 группировки: хошуты Байбагаса, дербеты Далай-Баатра, зюнгары Хара-Хулы, торгуты Хо-Орлэга.

В начале XVII в. дербеты Далай-Баатра и торгуты Хо-Орлэга перекочевали на территорию южной Сибири и восточного Казахстана, где они дали первые шерты (устные клятвы) о подданстве российскому царю в 1607 г. и 1608 г. соответственно. Впрочем, эти шерты, носившие больше символический характер, часто нарушались, и их приходилось давать заново. Дербеты Далай-Баатра кочевали на территории современного восточного и центрального Казахстана, но после его смерти в 1637 г. это объединение распалось. Позже на эту территорию перешли хошуты Кунделен-Убаши (брата Байбагаса), а затем — Аблая (сына Байбагаса), но в 1671 г. это объединение потерпело поражение в борьбе с другими ойратскими группировками и распалось. Остатки объединений Аблая и Кунделен-Убаши перекочевали либо на Волгу, либо в Джунгарию. В последующем опустевшие степи оказались заняты казахскими жузами.

К концу междоусобной войны 1625–1630 гг. (в исследование которой Дз. Мияваки внесла значимый вклад) торгуты Хо-Орлёга перекочевали на Эмбу и Яик (Урал) и в течение нескольких десятилетий подчинили себе ногайцев, проживавших в низовьях Волги. Российское правительство, первоначально выступавшее на стороне своих старых данников-ногайцев, после Переяславской рады 1654 г. и присоединения части Украины к России, для борьбы с Крымским ханством (союзником Польши) решило опереться на кочевников-буддистов и в 1655–1657 гг. предоставило им обширные кочевья по обоим берегам в низовьях Волги в обмен на военную службу. Позже сюда перекочевали группы из других ойратских объединений (дербеты, хошуты, зюнгары, хойты и др.), но до 1771 г. торгуты в этом союзе оставались этническим большинством. На основе этого государственного образования сложилось Калмыцкое (Волжское) ханство в составе Российской империи.

Что касается титулов правителей этого государственного образования, то здесь мы видим следующую картину. Первые правители (Шукур-Дайчин (правил в 1644–1661 гг.) и Пунцуг (правил в 1661–1669 гг.)) получили власть по наследству, без помощи и санкции российского правительства, и ханских титулов не имели. Правда, в историческом сочинении 1737 г. Габан-Шараба говорится о том, что «Богдойн геген Дайчину прислал грамоту и печать на ханское достоинство», но торгутский тайша отказался от них и вернул обратно [Лунный свет 2003: 92]. Об этом же говорится и в анонимной «Истории калмыцких ханов» [Лунный свет 2003: 116–117]. Следующий правитель Аюка (правил в 1669–1724 гг.) также получил власть по наследству и при восхождении на престол ханского титула не имел. Около 1690 г. он испросил ханский титул у Далай-ламы [Бакунин 1995: 26]. Российские власти не сразу, но все же признали за Аюкой ханский титул.

После смерти Аюки российские власти, пытавшиеся ограничить внешнеполитическую деятельность Калмыцкого ханства и все чаще вмешивавшиеся в его внутренние дела, взяли процесс возведения правителей калмыков под свой контроль и даже ввели для них новый титул — «наместник», более низкий, чем хан. Разница между этими титулами была только морально-психологической. Реальный объем силы и властных

полномочий от того, являлся правитель Калмыцкого ханства наместником или ханом, никак не зависел. Как правило, через некоторое время наместник за определенные заслуги «повышался в звании» и получал титул хана. Сын Аюки Церен-Дондук в 1724 г. был возведен наместником, а в 1731 г. — ханом, поскольку российское правительство узнало о прибытии в Сибирь китайского посольства с грамотой от Далай-ламы о возведении Церен-Дондука в ханы и решило сыграть на опережение. Внуки Аюки Дондук-Омбо (правил в 1735–1741 гг.) и Дондук-Даши (правил в 1741–1761 гг.) также возводились на престол наместниками, но оказались «повышены» в ханы «в воздаяние подвигов» калмыцкой конницы в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. и Семилетней войне (в 1737 г. и 1758 г. соответственно). Правнук Аюки Убаши (наместник в 1761–1771 гг.) также неоднократно отличился в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и, скорее всего, тоже стал бы ханом. Однако в эти же годы наместник, главенствующий лама и группа нойонов, недовольных вмешательством российских властей во внутренние дела ханства и сокращением его территории, составили заговор и в 1771 г. с $\frac{3}{4}$ населения откочевали на территорию бывшего Джунгарского ханства, незадолго до этого уничтоженного в результате геноцида, организованного цинскими войсками. При переходе калмыки понесли тяжелые потери, и Убаши по прибытию в Синьцзян пришлось подчиниться китайцам. Титул хана он получил уже от китайского императора. В том же году Калмыцкое ханство упразднили, а оставшиеся улусы подчинили местному губернатору.

В 1637 г. по призыву Далай-ламы V и Панчен-ламы IV (религиозных лидеров буддийской «желтошапочной» традиции Гелугпа) ойраты под руководством хошутского Тору-Байху, больше известного под прозвищем Гуши (брата Байбагаса), вторглись в Тибет и разгромили монгольские войска Цогто-тайджи — сторонников буддийской «красношапочной» традиции Карма-Кагью. За эту победу Далай-лама V наделил Гуши титулом «Тэндзин Чойкьи Гьелпо» (Шажин Баригч Номин-хан — Держатель Веры и Царь Учения) [Шакабпа 2003: 118]. В монголоведении Гуши больше известен по монголоязычной кальке части этого титула — *Номин-хан* ('Царь Учения'). Также Далай-лама даровал различные титулы другим

ойратским нойонам и сановникам. Видимо, тогда второй по силе предводитель ойратов — зюнгар Баатр (сын Хара-Хулы) — получил от Далай-ламы титул «хунтайджи» с почетным именем «Эрдени», хотя встречаются утверждения о получении этого титула в 1635 г. Гуши, в свою очередь, одарил приближенных Далай-ламы своими титулами «да-лама», «тайджи», «даян» и др., которые тибетские чиновники высших рангов носили вплоть до середины XX в. [История Калмыкии 2009: 298]. Вскоре после этого Гуши Номин-хан с большей частью хошуты и рядом более мелких объединений (например, торгутов Тэнэс-Мерген-Темене) переселился на территорию современного Цинхая, в район озера Кукунор, где основал Кукунорское (Хошутское) ханство, и частично в центральный Тибет. В 1642 г. Гуши Номин-хан передал светскую власть над Тибетом Далай-ламе V.

Что касается титулов, то следует заметить, что ханский титул от Далай-ламы имели не все правители Кукунорского ханства. Перед смертью Гуши Номин-хан (правил в 1638–1655 гг.) разделил власть между двумя сыновьями: старший Даян (получивший титул Очир-хана) стал править в центральном Тибете, а шестой Дорджи-Далай-Батур — на Кукуноре [Лунный свет 2003: 98]. По утверждению Ю. Лыткина — автора первой русскоязычной биографии Гуши Номин-хана, второго кукунорского правителя изначально звали Дорджи, и он получил титул Далай-Батур-тайджи [Лунный свет 2003: 428]. Любопытно, что Габан-Шараб в своем сочинении 1737 г. Дорджи-Далай-Батура называл Далай-хунтайджи [Лунный свет 2003: 98–100]. Впрочем, по мнению большинства востоковедов, правителем Кукунора в 1660 г. стал не шестой, а десятый сын Номин-хана Даши-Батур, ханского титула не получивший [Кычанов, Савицкий 1975: 87]. Преемники Очир-хана (умер в 1668 г.), формально правившие в Тибете, имели ханский титул: Гончиг Далай-хан (правил в 1671–1701 гг.) и его сыновья Ванчжил-хан (правил в 1701–1703 гг.) и Лхавсан-хан (правил в 1703–1717 гг.). По мнению другой японской исследовательницы Юмико Исихама, этот титул автоматически подтверждался Далай-ламой, когда наследники Гуши-хана вступали на престол [Ishihama 1992: 506–507].

Тем временем, правитель Кукунора Даши-Батур, попавший в сферу влияния Китая, в 1697 г. стал вассалом Цинской импе-

рии и получил от императора Сюань Е титул цин-вана (принца 1-й степени).

В 1717–1720 гг. джунгарская армия Цэван-Рабдана оккупировала Кукунор и Тибет, но затем объединенные силы китайцев, монголов и тибетцев изгнали ее. После смерти Сюань Е китайцы частично вывели войска с Тибета и Кукунора, и сын Даши-Батура Лувсан-Данджин поднял восстание, пытаясь возродить Кукунорское ханство. Любопытно, что при этом он присвоил себе титул «далай-хунтайджи». Однако восстание было подавлено, а уцелевших в этом регионе ойратов разделили на 28 хошунов (еще 1 хошун был составлен из монголов), которых подчинили контролю китайского губернатора.

Помимо Кукунора, крупные группировки хошуты проживали в районе Алашани (под руководством старшего сына Байбагаса Очирту, удостоенного титула «Цецен-хан») и на территории современного восточного Казахстана (под руководством второго сына Байбагаса Аблая и брата Байбагаса Кунделен-Убаши). Последние, как уже упоминалось выше, в 1671 г. оказались завоеваны соседями и переселились к ним.

После того как большая часть хошуты выселилась на Кукунор, Алашань и восточный Казахстан, большая часть торгутов — на Волгу, большая часть дербетов — на территорию современного Казахстана, зюнгары стали доминировать на территории современного северного Синьцзяна, которая впоследствии даже получила от них свое название — Джунгария. При этом зюнгарское этнополитическое объединение в первой половине XVII в. (в период правления Эрдени-Баатр-хунтайджи и его сына Сэнгэ), хотя и было самостоятельным, но действовало в союзе с хошутами Алашани и восточного Казахстана в качестве младшего партнера. Однако в 1671 г. на джунгарский престол взшел еще один сын Эрдени-Баатр-хунтайджи — Галдан, который взял курс на гегемонию не только в ойратском, но и монгольском мире. Он выступил против алашаньских хошуты и в 1677 г. разгромил Цецен-хана. В 1679 г. Далай-лама V, явно благоволивший своему бывшему ученику, даровал ему титул Бошигту-хана. В результате этого Джунгария стала полностью независимой державой и в течение нескольких десятилетий успешно противостояла экспансии Китайской империи на запад, в том числе в ходе двух цинско-джунгар-

ских войн 1690–1697 гг. и 1715–1739 гг., и потерпела поражение в третьей войне 1755–1759 гг. лишь благодаря предательству Амурсаны. Правители Джунгарии действительно в большинстве своем носили титулы хунтайджи, в том числе и Галдан-Бошигтухан до принятия ханского титула.

Таким образом, из ряда крупных ойратских этнополитических объединений, расселившихся в XVII в. на обширных степных пространствах от берегов Волги и Дона и до берегов Убсу-нура и Кукунора, только три продолжили существование в XVIII в. и стали известны в мировой историографии как Калмыцкое (или Волжское), Кукунорское (или Хошутское) и Джунгарское ханства.

Теперь перейдем непосредственно к вопросу о том, следует ли Джунгарское ханство считать ханством.

Прежде всего, определимся с термином «ханство». На наш взгляд, этот термин обозначает специфический тип кочевого государства, распространенный в тюрко-монгольском мире. В некоторых случаях термин может быть заимствован соседними кочевыми государствами, созданными другими народами, но ведущими схожий образ жизни (например, Ардаланское ханство). Кроме того, этот термин может сохраняться за тюрко-монгольскими кочевыми государствами, переходящими или перешедшими на оседлый образ жизни (например, Хивинское ханство). Эти ханства могут быть полностью независимыми государствами или входить в качестве полузависимых автономных образований в состав империй (например, Крымское ханство в составе Османской империи или Кокандское ханство в составе Российской империи).

Все три вышеупомянутых ханства, безусловно, были устойчивыми образованиями, просуществовавшими несколько десятилетий или даже больше столетия, и обладали почти всеми основными признаками государства:

- √ собственной территорией (довольно значительной для своего времени);
- √ населением, идентифицировавшим себя в отношениях с чужаками и идентифицируемым соседями как «джунгары», «калмыки» или «хошуты» (хотя этнический состав всех трех ханств не был моноэтническим);
- √ публичным характером власти;
- √ аппаратом управления, пронизывавшим все общество, и чиновниче-

ством, имевшим различные специальности и термины для их обозначения (*тушимэл, тусулулгчи, заргучи, яргачи, албачи, дэмчи, бичачи, элчи* и т. д.);

- √ армией, доминировавшей на своей территории и способной несколько лет уверенно оперировать на удаленных театрах военных действий (если брать пример Джунгарии, то это Монголия, Тибет, Средняя Азия);
- √ судом (Зарго) и судебным законодательством, единым почти для всех монгольских и ойратских ханств («Ик цааджин бичиг» — «Великое уложение» 1640 г.);
- √ налоговой системой, охватывавшей почти все общество (неслучайно большинство населения этих ханств называлось *албату* — податные);
- √ единым государственным языком и письменностью («тодо бичиг»);
- √ полным или частичным суверенитетом (верховенством власти внутри ханства и независимостью во внешних отношениях с другими государствами).

Даже Калмыцкое ханство, изначально складывавшееся на российской территории (хотя и малоосвоенной) как вассальное государство, обладало частичным суверенитетом. Длительное время, несмотря на многократные запреты и принятые обязательства, принимало и / или отправляло посольства в Турцию, Крымское ханство, Персию, Хивинское ханство, казахские жузы, не говоря уже о Джунгарском ханстве и Тибете. Бывали случаи, когда калмыки нападали на российские деревни и захватывали полон. Последний такой набег под руководством Аюки состоялся в 1683 г. (если не считать походов на подавление башкирского и булавинского восстаний в 1708 и 1709 гг. соответственно, санкционированных российским правительством), а в 1717 г. хан предоставил проводников кубанскому Бахты-Гирею для набега в Пензенский и Симбирский уезды [Бакунин 1995: 26–32].

Приведем такой пример из биографии Церен-Дондука, который считался из всех правителей Калмыцкого ханства наиболее слабевольным и был выбран на престол губернатором А. П. Вольнским в нарушение сенатского указа как наиболее оптимальная и управляемая кандидатура. В начале 1728 г. наместник, собрав при поддержке других

нойонов 25-тысячную армию и проигнорировав запреты российских властей, вторгся на территории, принадлежавшие тогда Крымскому ханству, и в упорной 4-дневной битве разгромил кубанских татар. Затем калмыки возвели своего ставленника Бахты-Гирея кубанским султаном и вернулись домой [Очиров 2002: 80]. Фактически вассальное России государство совершило акт агрессии против вассала Османской империи, но никаких репрессий за это калмыки не понесли. Политическая обстановка была такова, что Стамбулу и Бахчисараю пришлось признать Бахты-Гирея правителем кубанских татар.

Верховенство власти хана внутри государства обуславливалось не только законами, присягами и прочими моральными обязательствами, но и тем, что, как правило, ханы контролировали или владели как минимум половиной улусов, а, значит, имели армию, более сильную, чем у других нойонов. Например, в Джунгарском ханстве в середине XVIII в., согласно сведениям из китайских географических описаний, впервые доведенных до русскоязычного читателя Иакинфом Бичуриным, значилось 24 отока из ханского домена общей численностью 88,3 тыс. кибиток, 9 джисаев (Jisa) шабинеров общей численностью 10,6 тыс. кибиток и 21 анги нойонов без указания численности [Бичурин 1991: 70–73]. Учитывая, что ламы традиционно поддерживали правящую власть и что общая численность населения Джунгарии оценивалась в 200 тыс. кибиток, видно, что ее правитель контролировал почти половину кибиток своего государства. Если же взять наиболее слабого правителя (например, того же Церен-Дондука), то по «росписи Барятинского» 1733 г. (самый ранний известный нам документ, в котором указана численность всех улусов Калмыцкого ханства) видно, что накануне мятежа Дондук-Омбо хан вместе с единоутробным братом, матерью и верховным ламой контролировал 25 тыс. кибиток из 66 тыс. [Очиров 2009: 89–93]. Учитывая, что «роспись», сделанная заезжим сенатором и генералом, малознакомым с калмыцкими реалиями, превысила реальную численность калмыцких улусов, как минимум на 9 тыс. кибиток (в том числе 3 тыс. шабинерских), мы можем прийти к выводу, что Церен-Дондук с союзниками контролировал 40 % кибиток. Поражение Церен-Дондука произошло не из-за слабости и малочисленности его улу-

сов, а из-за его личной слабости как политика. Неслучайно он оказался единственным правителем Калмыцкого ханства, низложенным с престола.

Конечно, жители этих ойратских ханств не обладали гражданством, не имели паспортов, герба и государственного флага (хотя боевые знамена были), отсутствовало разделение ветвей власти, но требовать наличия таких признаков (не таких уж важных) от феодального кочевого государства XVIII в., наверно, было бы излишеством. Кочевой образ жизни и экстенсивная экономика, основанная на пастбищном скотоводстве, обусловили особую специфику данного типа государства. Ведь неслучайно при составлении типологии азиатских обществ ее создатели сочли необходимым выделить в качестве отдельной «степную модель». Авторы этой типологии подчеркнули, что в «рамках степной модели присутствовали все „три кита“ азиатского способа производства и восточной деспотии („класс — государство“, „власть — собственность“ и „рента — налог“). Тем не менее все эти три феномена Востока в кочевых государствах и империях имели крайне специфические формы и особые виды реализации» [Непомнин, Иванов 2010: 388].

Если же вести речь только о Джунгарском ханстве, то следует подчеркнуть, что оно чеканило монету, начало заниматься земледелием по инициативе государства, имело центры горнорудного и ремесленного производства (зачатки промышленности). Среди отоков джунгарского хана были группы, собранные не по этническому, а по профессиональному принципу: *алтачины* (золотых дел мастера), *бучины* (мастера огнестрельного оружия), *захчины* (пограничники) и др. [Кукеев 2010]. Сама Дз. Мияваки указывала на то, что джунгарские хунтайджи были более сильными, чем правители Волжского и Кукунорского ханств, имевшие ханский титул [Миявака-Окада 1999: 71]. Поэтому ее отказ классифицировать Джунгарию как ханство нам представляется неправильным.

Что касается титула «хунтайджи», то здесь мы хотели бы выделить ряд аспектов. Титул «хунтайджи», распространенный только у монгольских народов, происходит от титула «тайджи» (изначально ‘царевич’, ‘принц’), но считается более высоким по сравнению с ним, промежуточным между титулами «хан» и «тайджи». В дальнейшем

титулы «тайджи» и «хунтайджи» претерпели некоторую эволюцию, и, если проводить аналогию с европейской аристократией, то наиболее близкими к ней нам представляются титулы «Prince» ('князь') и «Grand Prince» ('великий князь') соответственно. В разных ситуациях они могут означать: сына короля, правящего монарха (Монако, например) или почетное звание, не связанное с правлением или владением каким-то феодалом. В качестве примеров князей, не входивших в монарший род, можно назвать графа Священной Римской империи А. В. Суворова-Рымнического, князя Итальянского (не имевшего владений ни в Римской империи, ни на Рымнике, ни в Италии) или маршала М. Нея, князя Московского¹ (также не владевшего ничем ни в Москве, ни в России).

Эволюция титула царевича в почетное звание, не связанное с родством с правящей династией, было довольно распространенным явлением. Аналогичный пример можно привести и из истории ойратов, когда император Цяньлун даровал титулы и почетные прозвища калмыцким нойонам, откочевавшим в Джунгарию в 1771 г. Если Убаши получил титул хана и почетное «прозвание» «Зоригту» ('Смелый'), то нойоны были удостоены титулов принцев императорской крови: следующий по влиятельности за Убаши нойон Цебек-Дорджи получил титул «хошо цинь-ван» (принц 1-й степени) и почетное прозвище «Буянту» ('Добродетельный'). Два нойона стали «доло цзюнь-ван» (принцами 2-й степени), еще два нойона — «доло бэйлэ» (принцами 3-й степени), четверо — «гушань бэйцзы» (принцами 4-й степени), все они также получили различные почетные прозвища. Один нойон получил титул «фу го гун» (принц 6-й степени), еще 6 нойонов стали «тайджи 1-й степени» [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 144–155]. Аналогичные пожалования титулов делались и другим ойратским феодалам. Например, в 1697 г. 13 кукунорских нойонов получили титулы «цин-ван» (Даши-Батур), «цзюнь-ван», «бэйлэ» и «гуна». В 1672 г. титулы «цзюнь-ван», «бэйлэ» и «бэйсэ» получили три брата джунгарского Цецен-тайджи, свергнутого Галданом. Массовое пожалование титулов принцев было и после перехода

¹ Правильнее было бы написание *Московорецкого*, поскольку М. Ней получил этот титул за битву под Бородино, известную во французской историографии, как Битва у Москвы [-реки] (Bataille de la Moskova).

армии Амурсаны к китайцам: сам Амурсана стал цинь-ваном, его зять — цзюнь-ваном, а его нойоны — бэйлэ, бэйсэ и гунами [Письменные памятники 2016: 77]. Разумеется, это не означало, что нойоны принимались в ближнюю родню императора или хана и могли претендовать в будущем на престол. Это было лишь почетным званием и не более того.

Кроме того, следует учитывать обстоятельства, при которых происходило вручение титула «хунтайджи». Во второй трети XVII в. зюнгарское этнополитическое объединение действовало в фарватере политики хошутского объединения, поэтому титулы «хунтайджи» для Батура и его сына Сэнгэ лишь фиксировали их положение как вторых лидеров ойратского мира после Гуши Номин-хана и Очирту Цецен-хана. Когда Галдан-хунтайджи разгромил Цецен-хана и стал лидером северной части Центральной Азии, то он получил титул Бошигту-хана. Когда Галдан умер, и его титул «освободился», Тибетом правил *дэси* Сангье Гьяцо, испытывавший дружеские чувства к бывшему ученику Далай-ламы V. Неудивительно, что он предпочел отдать ханский титул Аюке из далекой России, нежели врагу Галдана — его племяннику Цэван-Рабдану. Любопытно, но в одном из ойратских исторических памятников утверждается, что титул «хунтайджи» и почетное прозвище «Чин Зоригту» Цэван-Рабдан получил от Аюки-хана [Письменные памятники 2016: 159]. Когда же умер Аюка и ханский титул вновь «освободился», Тибет уже находился под контролем маньчжурских амбаней. Совершенно очевидно, что в таких условиях злейшие противники Цинов никак не могли рассчитывать на ханский титул от Далай-ламы. Титул «хунтайджи», превратившийся за столетие в традицию, правители Джунгарии стали принимать самостоятельно, по наследству.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что получение ханского титула от Далай-ламы или императора для ойратских правителей де-факто ничего не давало, кроме морального удовлетворения. Де-факто их статус оставался прежним. Если мы обратимся к ойратским историческим хроникам, то увидим, что ряд правителей, не имевших ханского титула от Далай-ламы, именуется там ханами. Мало того, если посмотреть на пример Калмыцкого ханства в составе России, то здесь мы столкнемся с парадоксом:

в XVII в. его правители (наследники предыдущих правителей), не имея ханских титулов, приходили к власти самостоятельно, российские власти лишь фиксировали этот факт принятием у нового правителя вассальной присяги, а после смерти хана Аюки преемника на его трон стали избирать российские императрицы и Сенат (а то и вовсе местный губернатор). Мало того, российские власти в случае необходимости могли сместить хана, имевшего титул от Далай-ламы (как это было с Церен-Дондуком), и поставить на трон более выгодного для них ставленника с титулом наместника. С другой стороны, после разгрома Джунгарского ханства маньчжурский император пожаловал титулы ханов 4 ойратским нойонам, перебежавшим на его сторону: чоросу Галсан-Дорджи, дербету Церену, хошуту Чагдар-Манджи и хойту Баиру [Письменные памятники 2016: 200], однако в реальности их владения так и не стали ханствами (как и хошун Убаши), поскольку не имели даже частичной автономии.

Таким образом, наличие или отсутствие ханского титула, дарованного Далай-ламой, никак не влияло на деятельность того или иного ойратского государственного образования, кроме получения правителем некоего морального удовлетворения. Ойратские державы, которыми правили ханы, могли оказаться в более глубокой зависимости от империи, а ойратские державы, руководимые правителями без ханского титула, могли десятилетиями воевать с этими империями. Ханский титул (как и титул «хунтайджи») был лишь почетным званием, не дававшим его обладателю никакой дополнительной реальной власти и привилегий. Поэтому при классификации того или иного кочевого государственного образования следует обращать внимание не на титулатуру правителя, а на признаки, подтверждающие его реальность как государства, пусть даже и вассального. Исходя из всего вышеизложенного, мнение Дз. Мияваки о том, что Джунгария никогда не была ханством, следует признать ошибочным.

Неправильным было бы и именование Джунгарии «контайшеством», поскольку в мировой историографии соответствующая терминология уже установилась (в которую Джунгария хорошо вписывается), и в создании новых терминов никакой необходимости нет. Если проводить аналогию с Калмыцким ханством, то получается, что

его надо переименовать в наместничество, а затем обратно в ханство, в зависимости от титула правителя? С таким же успехом можно было бы называть Китайское государство «хуандией», а Японское — «микадией», но в мировой историографии они все же именуются империями.

Литература

- Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года / вступ. ст. М. М. Батмаева. Элиста: Калмиздат, 1995. 158 с.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд во, 1991. 128 с.
- Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг. М.: Наука, 2015. 238 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 710 с.
- Калмыки (серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2010. 568 с.
- Кукеев Д. Г.* Административное деление и расселение этнических групп в Джунгарском ханстве XVIII в. по данным современной китайской историографии // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 75–83.
- Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М.: ГРВЛ «Наука», 1975. 319 с.
- Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд во, 2003. 477 с.
- Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. VII+487+92+VIII с.
- Мияваки-Окада Дж.* Джунгарское ханство, которое не было ханством // ALTAICA-III. М.: ИВ РАН, 1999. С. 58–72.
- Непомнин О. Е., Иванов Н. А.* Типология азиатских обществ. М.: Вост. лит., 2010. 440 с.
- Очиров У. Б.* Попытки объединения калмыцких и ногайских племен в первой половине XVII века // Вестник института Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 17. Элиста: КИГИ РАН, 2002. С. 77–85.
- Очиров У. Б.* Роспись князя И.Ф. Барятинского

- 1733 г. как источник по этнической и демографической истории калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2009. № 1. С. 87–100.
- Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., пер., предисл., коммент. В. П. Санчинова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Санчинов В. П. Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 года // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 15–19.
- Санчинов В. П. Об одной ошибке в истории ойратов XVII в. Послесловие к статье Джунко Мияваки «Калмыцкие тайши в начале XVII века» // ALTAICA-IV. М.: ИВ РАН, 2000. С. 108–120.
- Шакамба В. Д. Тибет: политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. 432 с.
- Ishihama Yu. A study of seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Vol. 2: Language, History and Culture. Narita: Naritasan Shinshoji, 1992. P. 501–514.
- Okada H. Origins of the Dorben Oyirad // Ural-Altische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7. 1987. S. 181–211.
- References**
- Bakunin V. M. *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev: Sochinenie 1761 goda / vstup. st. M. M. Batmaeva* [Description of the Kalmyk peoples, in particular, Torgout people, and deeds of their khans and landlords. 1761. Foreword by M. Batmaev]. Elista, Kalmizdat Publ., 1995, 158 p. (In Russ.).
- Bichurin N. Ya. (Iakinf). *Istoricheskoe obozrenie oyratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni. 2-e izd.* [Historic review of the Oirats, or Kalmyks, from the 15th c. to the present time. 2nd ed.]. Elista, Kalm. Book Publ., 1991, 128 p. (In Russ.).
- Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii i Zapadnoy Mongolii: sakral'nye ob'ekty* / E. P. Bakaeva, K. V. Orlova, N. Khishigt, Ts. Enkhchimeg [Buddhist tradition in Kalmykia and Western Mongolia: sacral objects. E. Bakaeva et al.]. Moscow, Nauka Publ., 2015, 238 p.
- Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dnei: v 3 t. T. 1* [History of Kalmykia from ancient times to the present days: in 3 vol. Vol. 1]. Elista, Gerel Publ., 2009, 710 p. (In Russ.).
- Kalmyki (seriya «Narody i kul'tury»)* [The Kalmyks (series 'Nations and Cultures')]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 568 p. (In Russ.).
- Kukeev D. G. *Administrativnoe delenie i rasselenie etnicheskikh grupp v Dzhungarskom khanstve XVIII v. po dannym sovremennoy kitayskoy istoriografii* [Administrative division and allocation of ethnic groups within the Dzungar Khanate in the 18th c. according to contemporary Chinese historiography]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Vyp. 2* [Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture]. Elista, Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2010, pp. 75–83 (In Russ.).
- Kychanov E. I., Savitskiy L. S. *Lyudi i bogi Strany snegov. Ocherk istorii Tibeta i ego kul'tury* [People and Gods in the Land of Snows. Sketches on the history and culture of Tibet]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 319 p. (In Russ.).
- Lunnyy svet: Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki / sost., red., predisl., komment. A. V. Badmaeva* [The Moonlight: Kalmyk historical and literary monuments. Comp., edit. and comment. by A. Badmaev]. Elista, Kalm. Book Publ., 2003, 477 p. (In Russ.).
- Men-gu-yu-mu-tsz. Zapiski o mongol'skikh kochev'yakh / per. s kit. P. S. Popova* [Notes on nomadic territories of the Mongols]. St. Petersburg, P. O. Yablonsky Publ., 1895 (In Russ.).
- Miyawaki-Okada J. *Dzhungarskoe khanstvo, kotoroe ne bylo khanstvom* [Dzungar Khanate which was not a khanate]. ALTAICA-III [bulletin]. Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS) Press, 1999, pp. 58–72 (In Russ.).
- Nepomnin O. E., Ivanov N. A. *Tipologiya aziatskikh obshchestv* [Typology of Asian communities]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2010, 440 p. (In Russ.).
- Ochirov U. B. *Popytki ob"edineniya kalmytskikh i nogayskikh plemen v pervoy polovine XVIII veka* [Attempts of unification of Kalmyk and Nogai tribes in the first half of the 18th c.]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], No. 17, Elista, 2002, pp. 77–85 (In Russ.).
- Ochirov U. B. *Rospis' knyazya I. F. Baryatinskogo 1733 g. kak istochnik po etnicheskoy i demograficheskoy istorii kalmykov* [Prince Baryatinsky's report of 1733 as a source on the ethnic and demographic history of Kalmyks]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture],

- 2009, No. 1, pp. 87–100 (In Russ.).
- Pis'mennye pamyatniki po istorii oyratov XVII — XVIII vekov / sost., perevod, predisl., komment. V. P. Sanchirova* [Written monuments in the history of Oirats: 17th–18th cc. Comp., transl., comment. by V. Sanchirov]. Elista, Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2016, 270 p. (In Russ.).
- Sanchirov V. P. *Istoricheskoe znachenie Dzhungarskogo s'ezda mongol'skikh i oyratskikh knyazey 1640 goda* [Historical significance of the 1640 Dzungar Congress of Mongolian and Oirat princes]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2009, No. 2, pp. 15–19 (In Russ.).
- Sanchirov V. P. *Ob odnoy oshibke v istorii oyratov XVII v. Posleslovie k stat'e Dzhunko Miyavaki «Kalmytskie tayshi v nachale XVII veka»* [About one mistake in the history of Oirats in the 17th c. Concluding remarks to Junko Miyawaki's article 'Kalmyk Princes in the Early 17th Century']. *ALTAICA-IV [bulletin]*. Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS) Press, 2000, pp. 108–120 (In Russ.).
- Shakapba V. D. *Tibet: politicheskaya istoriya* [Tibet: political history]. St. Petersburg, Nartang Publ., 2003, 432 p. (In Russ.).
- Ishihama Yu. A study of seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas. Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Vol. 2: Language, History and Culture. Narita, Naritasan Shinshoji, 1992, pp. 501–514 (In Eng.).
- Okada H. Origins of the Dorben Oyrat. Ural-Altische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7. 1987, pp. 181–211 (In Eng.).

УДК 94(510.4)

**Джунгарское Ханство, которое было ханством:
критика одной статьи Дзюнка Мияваки**

Уташ Борисович Очиров¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: ochirovub@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции о статусе и типе Джунгарского ханства, выдвинутой востоковедом Дзюнко Мияваки-Окада, утверждавшей, что Джунгарское ханство никогда не существовало, так как его правители (за исключением Галдан-Бошигту-хана) не получали титула «хан» от Далай-ламы и носили титул «хунтайджи», поэтому Джунгарию следует называть «контайшеством». Автор статьи, опровергая концепцию Мияваки, указывает на то, что титул «хан», выдававшийся ойратским правителям не только Далай-ламой, но и императорами России и Китая, в XVIII в. мог и не иметь за собой реальной суверенной власти и быть лишь почетным званием. Поэтому при классификации кочевого государственного образования как ханства следует обращать внимание не на титулатуру правителя, а на признаки, подтверждающие его реальность как государства, пусть даже и вассального. Анализ в статье показал, что лишь три ойратских государственных образования XVII–XVIII вв. могут быть классифицированы как ханства: Калмыцкое, Кукунорское, Джунгарское, поскольку обладают почти всеми основными признаками государства. Кроме того, следует учитывать, что титул «хунтайджи» лишь первоначально фиксировал положение джунгарских правителей как вторых лидеров ойратского мира после хошутских ханов. После смерти Галдан-Бошигту-хана его преемники не могли рассчитывать на титул хана из-за неприязни к ним сначала тогдашнего правителя Тибета, а затем китайских императоров, установивших контроль над Далай-ламами. Именно поэтому правители Джунгарии стали самостоятельно принимать титул хунтайджи, превратившийся за столетие в традицию.

Ключевые слова: монголоведение, ойратоведение, калмыки, Джунгарское ханство, Дзюнко Мияваки

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 146–152, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-146-152
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 930(091): 930.1(09)''19''

Eurasianism and M. V. Shakhmatov (Distinction between Viewpoints Revisited)

Evgenii N. Derbin¹

¹ Ph. D. in History, Associate Professor, Department of Russian History, Social and Political Studies, Izhevsk State Agricultural Academy (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: derbin80@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to emigrant historian M. V. Shakhmatov, the creator of the ‘State of Truth’ theory resulting from his analysis of ancient Russian literary and folklore compositions. Its basis was constituted by the concepts of *sobornost* (‘cooperation’), *odinachestvo* (‘equality’) and divine nature of political power. Despite present-day studies, it is quite difficult to consider it ‘Eurasianistic’ by nature though its author got a number his works printed in several volumes of the Eurasianists. In his papers there are no such ideas as the ‘outcome to the East’, decisive factor of development place, perception of Russia as Eurasia or the idea of struggle as the driving force of history; finally, there was no Eurasianistic understanding of the benefits of the Mongol invasion. Ideologists of Eurasianism considered M. V. Shakhmatov to be a temporary companion of theirs who was used merely as a ‘specialist’. In turn, he declared his break with them. In general, his views can be rather attributed to the revival of Slavophile ideas about the uniqueness of Russia’s historical path and its sharp contrast to the West. They stemmed not from the Eurasianistic movement but from personal searches in the course of work on a master’s thesis on the history of ancient political ideas.

The article analyzes M. V. Shakhmatov’s views, the circumstances of the appearance of his works in the *Eurasianistic Vremennik*, reflects the Eurasianists’ opinions about the author contained in the correspondence of G. V. Florovsky to N. S. Troubetzkoy, N. S. Troubetzkoy to P. P. Sovchinski. This correspondence has not been taken into account by previous researchers of M. V. Shakhmatov’s works which resulted in somewhat incorrect conclusions. Given the relevance of the study of Eurasianism as a whole, and the Eurasianistic concept of Russian history in particular, the distinction between viewpoints of M. V. Shakhmatov and Eurasianists will allow to avoid many errors in future publications. It may contribute to further detailed consideration of Eurasianistic compositions by representative of the 1920–1930s Russian emigration.

Keywords: Eurasianism, Russian emigration in Prague, State of Truth, M. V. Shakhmatov, G. V. Florovsky, N. S. Troubetzkoy

Занимаясь изучением историографии российского зарубежья, часто приходится сталкиваться с мнением о существовании целого евразийского направления русской исторической науки в эмиграции. Создателями и проводниками евразийской концепции отечественной истории объявляются филолог Н. С. Трубецкой, экономист и географ П. Н. Савицкий, правовед Н. Н. Алексеев, историки Г. В. Вернадский и С. Г. Пушкин, историк-юрист М. В. Шахматов и др. Возникает вопрос: действительно ли все они являются «евразийцами»? Ведь априори об их взглядах некоторые исследователи пишут во множественном числе без должного рассмотрения положения каждого в евразийском движении [Вандалковская 2005: 417]. На чем основано такое утверждение и стоит ли ему доверять? Наиболее спорной и показательной в этом отношении является фигура Мстислава Вячеславовича Шахматова (1888–1943), чью теорию «государства правды» одни (большинство — обычно бездоказательно и однозначно) причисляют к евразийской концепции [Вандалковская 1997: 115, 118–119; Хачатурян 2002: 103; Маслин 2002: 249; Малявин 2003: 142; Цепилова 2005: 166; Суслов 2008; Гачева 2010: 381; Васильев 2012, 2013], другие (которые пытаются разобраться) — нет [Назмутдинов 2013: 15–16, 20, 32–33, 68–69, 110–111]. Проблема заключается в том, что исследователи потребительски рассматривают взгляды М. В. Шахматова. Анализируются лишь его статьи, опубликованные в евразийских изданиях, без учета обстоятельств их появления и мнений самих евразийцев об авторе.

Существует мнение, что «жизненный путь полузабытого ученого-правоведа и историка по-прежнему остается темным пятном в истории русской правовой мысли» [Васильев 2013: 6]. Это далеко не так. Даже краткий обзор известных данных позволяет представить и правильно оценить жизнь и творчество М. В. Шахматова¹. Племянник

¹ Остается только удивляться, почему эти общедоступные и общепонятные данные не учитываются при рассмотрении взглядов М. В. Шахматова или простом упоминании о нем. Например, А. Г. Гачева в одной из своих статей пишет: «Вскоре к движению присоединились филолог М. В. Шахматов...» [Гачева 2010: 381]. Что здесь? Халатность, опечатка или нежелание заниматься историографическим анализом? Вообще, это тенденция многих современных работ, приводящая к целой волне фактических ошибок.

знаменитого академика А. А. Шахматова, он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился у другого известного академика, историка русского права М. А. Дьяконова. Оба они оказали непосредственное влияние на тематику будущих работ М. В. Шахматова. Начав свою научно-педагогическую деятельность непосредственно в 1917 г., как ученый он сложился уже в эмиграции. С 1922 г. и до конца жизни местом его деятельности будет Прага. Здесь, на Русском юридическом факультете Мстислав Вячеславович прошел все ступени ученой карьеры: магистерские испытания, защита диссертаций по истории русского права на степень магистра (1927 г.) и доктора (1935 г.). После переезда Г. В. Вернадского в США приват-доцент М. В. Шахматов стал основным профессором по своему предмету на факультете. Он активно участвовал в многочисленных научных обществах — Объединение русских юристов, Русская академическая группа, Русское историческое общество, Славянский институт и др. Интересовался музыкой, иконописью, писал стихи [Демина 1997: 711; Смолин 2008; Сорокина 2011: 192–193; Ковалев 2012: 193, 277–279, 285–286].

Появление М. В. Шахматова с двумя статьями в «Евразийских временниках» в 1923 [Шахматов 1923: 55–80] и 1925 гг. [Шахматов 1925: 268–304] было во многом случайным и считалось обеими сторонами (основоположниками евразийства и им самим) ошибочным. В самом движении он никогда не участвовал и евразийцев публично не поддерживал (во всяком случае, таких данных нет). Публикации в их изданиях были вызваны сиюминутными потребностями. С одной стороны, М. В. Шахматов в это время писал свою магистерскую диссертацию «Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти» [Шахматов 1926–1927] и нуждался в публикациях. Недаром он рассматривал эти статьи как целую серию работ, раскрывающую собственную концепцию автора, а не как отдельные публикации в поддержку евразийства [Шахматов 2008: 48]. В условиях эмиграции, особенно в начале 1920-х гг. в Праге, найти возможность печатать научные статьи было крайне сложно (не было средств, обязательно нужны были личные связи), и, конечно, авторы сами шли к евразийцам, у которых эта возможность была.

М. В. Шахматов, скорее всего, просто воспользовался предложением П. Н. Савицкого или Г. В. Флоровского, которые, как и другие лидеры евразийства, искали в то время научных экспертов в предстоящих к евразийскому утверждению специальных темах. Их сборники обычно были тематическими, но среди евразийцев к тому моменту не было ни профессиональных историков, ни юристов, ни религиозных мыслителей, ни вообще крупных ученых. Из опубликованной переписки Г. В. Флоровского с Н. С. Трубецким и Н. С. Трубецкого с П. П. Сувчинским все становится очевидным. В 1923 г. они намеревались приступить к изданию «толстого журнала» и перетянуть к себе «даже безразличные силы, которые можно заставить служить себе» «по малогодности собственных», «одни мы не в силах (нет знаний!) широко выполнить задание, а узко — само по себе уже слабо» (Г. В. Флоровский — Н. С. Трубецкому, 1923) [Соболев 2002]. Они называли их «старые гримзы», «технические силы», «киноверцы». Отсюда понятно, что привлечение новых авторов в свои коллективные издания было поставлено ими «на правах сочувствия», «не подпуская к самому редактированию и установлению направления» [Трубецкой 2008: 67], «редакция — наша, и руководящие точки зрения раскроем мы и таким образом явимся погонщиками стада» (Г. В. Флоровский — Н. С. Трубецкому, 1923) [Соболев 2002]. Исследователям с близкими взглядами заказывались специальные статьи на заданную тему, т. е. они откровенно использовались как «спецы». Кого-то это устраивало, и они становились постоянными членами движения (Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев и др.), при этом видоизменяя свои прежние представления, подстраиваясь под лидеров. Кто-то разрывал отношения с их изданиями впоследствии (Л. П. Карсавин, П. М. Бицилли и др.). Хотя тогда уже Н. С. Трубецкой не видел в этой затее ничего хорошего для евразийства. Они, «„спецы“, при выполнении заказов довольно свободно трактуют свои задачи и уклоняются от директив», — писал он П. П. Сувчинскому [Трубецкой 2008: 68].

В итоге к задуманному Г. В. Флоровским сборнику о православии с основной мыслью о культурном своеобразии России (Евразии) был привлечен М. В. Шахматов, который как раз подходил, так как работал в то время над диссертацией по исто-

рии древнерусских политических или государственно-правовых идей. Однако если в начале 1923 г., до публикации первой статьи М. В. Шахматова «Подвиг власти» Г. В. Флоровский писал Н. С. Трубецкому, что «Шахматов — почти уже евразиец», то в конце года в связи с обсуждением следующего сборника: «Участие Шахматова для меня тягостно, так как после первого опыта комом я не чувствую к нему минимального доверия, — то, что о его заданиях для православного сборника говорил П. Н. [Савицкий], меня прямо утрашает. Это дурные мифические *bluffs* [блеф]. Я очень прошу <...> его устранить, — его участие для меня болезненно и мучительно» [Соболев 2002]. Что не устраивало евразийцев в М. В. Шахматове? С одной стороны, как писал Н. С. Трубецкой в письме П. П. Сувчинскому (по поводу высказываний Г. В. Флоровского): «Ш[ахматов] человек дурного вкуса; можно поставить ему условием, чтобы без лирики и попредметнее», ибо «он не верит в эту Россию, в которую верим мы и ищет спасения в отвлеченном от жизни богословии и аскетизме. Это — не наш подход, ибо мы от жизни не бежим»¹ [Трубецкой 2008: 67, 69]. С другой стороны, сами идеи М. В. Шахматова никак не соответствовали евразийским установкам, о чем он тогда же определенно высказался в специальной статье «Самобытничество и любовь к Отечеству» [Шахматов 1925]. В них нет ни «исхода к Востоку», ни решающего фактора месторазвития, ни представления о России как Евразии, ни идеи борьбы как движущей силы истории, ни, наконец, евразийского понимания блага татаро-монгольского нашествия. Его теория «государства правды» ближе к славянофильству, от которого, кстати, отрекся Н. С. Трубецкой и призывал к этому других евразийцев [Трубецкой 2008: 102–103].

Единственное, что роднит М. В. Шахматова с евразийством, — это представление о самобытности исторического пути

¹ О неспособности М. В. Шахматова к традиционной (позитивистской, эмпирической) научной работе отмечали многие современники Н. Н. Алексеев [Алексеев 1991: 221], Н. Е. Андреев [Андреев 2008: 318], Б. Н. Лосский, С. Г. Пушкарев, Т. А. Рейзер-Бем [Ковалев 2013: 25], Г. Д. Гурвич [Назмутдинов 2013: 166]. Однако это несколько не умаляет значимости оригинальной концепции М. В. Шахматова для русской историографии.

России и его резком отличии от Запада¹. Так, в Древней Руси, считал он, возникает концепция «государства правды». Главную сущность ее в отличие от западноевропейского естественного права, основанного на прирожденных правах человека и ведущего к неустанной борьбе, составляет изначально данная Богом в Святом Писании истина христианской любви князя с народом и своими дружинниками. Этот идеал «любви-одиначества» «не ограничивается требованием взаимных совещаний и совместной работы, он требует от обоих сверхдолжного и чрезвычайного — геройских подвигов и самопожертвования друг ради друга». «В концепции „государства правды“ в ее идеальном аспекте господствует ни одна земная воля, во имя чьих бы то ни было эгоистических интересов. Здесь и правитель, и народ отказываются от собственной воли, подчиняясь воле Божией, и властвуют в любовном единении во имя воли Божией, Правды Божией, во имя высокого, неизреченного идеала». «В данном отношении „государство правды“ не подходит ни под одну из традиционных государственных форм. Ибо „государство правды“, „царство правды“, Царство Русское не есть монархия, так как в монархии правитель подчиняется лишь своей собственной воле и ею установленным законам; не республика,

¹ Поэтому, по меньшей мере, странным выглядит тезис А. Сулова о том, что М. В. Шахматов сыграл заметную роль в формировании «евразийской» историософии [Сулов 2007: 180]. А где, хочется спросить, доказательства? Да, конечно, отдельные идеи М. В. Шахматова использовались в дальнейшем евразийцами. Например, привлечение им народных песен и былин в качестве источника для изучения древнерусских государственно-правовых идеалов наверняка повлияло на их дальнейшее применение в трудах Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого. Последний даже, рецензируя «Историю России», вышедшую в 1932 г. на французском под редакцией П. Н. Милюкова, Ш. Сеньобоса и А. Эйзенмана, как один из главных упреков авторам ставил отсутствие характеристики русского былинного эпоса. «Между тем, несмотря на все искажения, которые претерпел этот эпос при переходе с социальных верхов в народные массы, это, пожалуй, самый яркий исторический памятник, сохранившийся до нас от тех столетий», — писал П. Н. Савицкий [2010: 499]. Где тут огромное влияние М. В. Шахматова на евразийскую историософию?

ибо в республике народ подчиняется только своей собственной воле и законам, ею установленным; не смешанная форма правления, где господствует компромисс между двумя волями». «„Государство правды“ выше монархии и республики, как воля Божия выше воли человеческой. „Правда Божия“ выше правды земной. Здесь суверенную, самодержавную верховную власть составляют не люди, а правда Божия, представляющая кристаллизованное выражение воли Божией. И если правитель или народ принимают какое-либо государственное дело, решение, то прежде всего чем решать дело, они обязаны установить, как его лучше разрешить согласно воле Божией, и тогда уже выносить свое постановление». Отсюда «для „государства правды“ сравнительно второстепенное значение имеет вопрос о юридическом строении государства, но гораздо большее, первостепенное значение имеет вопрос о преемстве благодати от Бога». «Богом установлена не только власть вообще, но и форма правления и власть каждого отдельного властелина. <...> Форму правления нельзя создать — ее надо заслужить», — подчеркивал историк [Шахматов 2008: 17, 42–46].

Таким образом, М. В. Шахматов, прежде всего, обосновывал идею православной государственности, основанную на анализе содержания древнерусских произведений письменности и фольклора. При этом я намеренно не рассматриваю то, как в его представлении эта идея реализовывалась в Древней Руси. Это отдельный, большой вопрос, требующий особой статьи, и его раскрытие никак не связано с евразийством. Здесь же и сказанного достаточно, чтобы, наконец, разграничить точки зрения М. В. Шахматова и евразийцев.

Источники

- Алексеев Н. Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // *Паушто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. С. 205–224.
- Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 640 с.
- Савицкий П. Н.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.
- Соболев А.* К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // *Россия XXI.* 2002. № 5. С. 166–196.

- Трубецкой Н. С.* Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. М.: Б-ка-фонд «Русское Зарубежье»; Рус. путь, 2008. 384 с.
- Шахматов М. В.* Государство правды. М.: Изд-во «ФондИВ», 2008. 312 с.
- Шахматов М. В.* Опыты по истории древнерусских политических идей. Т. 1. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Прага, 1926. Кн. 1. Начало соборности; Прага, 1927. Кн. 2. Начало единоличной власти. 575 с.
- Шахматов М. В.* Подвиг власти: Опыт по истории государственных идеалов России // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 55–80.
- Шахматов М. В.* Самобытничество и любовь к Отечеству // Возрождение. 1925. №№ 153, 160, 174.
- Литература**
- Вандалковская М. Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники ист. мысли, 1997. 350 с.
- Вандалковская М. Г.* Историческая наука российской эмиграции (1920–1930-е гг.) // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 397–435.
- Васильев А. А.* Евразийская концепция государства правды М. В. Шахматова // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: мат-лы Шестой Всеросс. науч.-практ. конф. (с межд. участием) (г. Барнаул, 25–26 июня 2012 г.). В 2 т. Барнаул, 2012. Т. 1. С. 78–82.
- Васильев А. А.* Концепция государства правды и царя-подвигоположника М. В. Шахматова // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5. С. 6–9.
- Гачева А. Г.* Идея «Третьей России» и пореволюционные течения русской эмиграции // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 2010. С. 375–422.
- Демина Л., Мохначева М.* Шахматов Мстислав Вячеславович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1997. С. 711.
- Ковалев М. В.* Историческая память и идентичность российской эмиграции 1920–1930-х годов: очерки. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т им. Ю. А. Гагарина, 2013. 204 с.
- Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2012. 408 с.
- Малявин С. Н.* История русской социально-философской мысли. М.: Дрофа, 2003. 256 с.
- Маслин М. А.* «Евразийские временники» как источник классического евразийства // Евразийская идея и современность. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 245–253.
- Назмутдинов Б. В.* Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX века. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 247 с.
- Смолин М. Б.* Историческая справка об авторе книги // Шахматов М. В. Государство правды. М.: Изд-во «ФондИВ», 2008. С. 306–307.
- Сорокина М. Ю.* Российское научное зарубежье: материалы для библиографического словаря. Вып. 4: Юридические науки: XIX — первая половина XX в. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. 220 с.
- Суслов А. А.* «Государство правды» в трудах М. В. Шахматова и Н. Н. Алексеева // Свободная мысль. 2007. № 7. С. 180–191.
- Суслов А. А.* Русские политические идеалы в евразийской историософии: образ «государства правды» // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2008. № 7. С. 174–185.
- Хачатурян В. М.* Культура Евразии: этнос и геополитика // Евразийская идея и современность. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 98–104.
- Цепилова В. И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 294 с.
- Sources**
- Alekseev N. N. *Iz Tsar'grada v Pragu. Russkiy yuridicheskiy fakul'tet* [From Tsargrad to Prague. Russian Faculty of Law]. Pashuto V. T. *Russkie istoriki-emigranty v Evrope* [Russian emigrant historians in Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 205–224 (In Russ.).
- Andreev N. E. *To, chto vspominaetsya. Iz semeynykh vospominaniy Nikolaya Efremovicha Andreeva (1908–1982)* [What is memorable. Excerpts from N. E. Andreev's (1908–1982) family memoirs]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008, 640 p. (In Russ.).
- Savitsky P. N. *Izbrannoe* [Selected papers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 776 p. (In Russ.).
- Sobolev A. *K voprosu o vnutrennikh treniyakh i protivorechiyakh v evraziystve 1920kh godov* [On internal controversies and contradictions within the 1920s Eurasianism]. *Rossiya XXI (Russia XXI journal)*, 2002, No. 5, pp. 166–196 (In Russ.).

- Trubetsky N. S. *Pis'ma k P. P. Suvchinskomu: 1921–1928* [Letters to P. Suvchinsky: 1921–1928]. Moscow, Russkoe Zarubezhye Foundation, Rus. Put Publ., 384 p. (In Russ.).
- Shakhmatov M. V. *Gosudarstvo pravdy* [The State of Truth]. Moscow, FondIV Publ., 2008, 312 p. (In Russ.).
- Shakhmatov M. V. *Opyty po istorii drevnerusskikh politicheskikh idey. T. 1. Ucheniya russkikh letopisey domongol'skogo perioda o gosudarstvennoy vlasti. Praga, 1926. Kn. 1. Nachalo sobornosti; Praga, 1927. Kn. 2. Nachalo edinolichnoy vlasti. 575 s.* [Revisiting Old Russian political ideas ...] (In Russ.).
- Shakhmatov M. V. *Samobytnichestvo i lyubov' k Otechestvu* [Authenticity and love for Motherland]. *Vozrozhdenie* [The Revival journal], 1925, No. 153, 160, 174 (In Russ.).
- References**
- Vandalkovskaya M. G. *Istoricheskaya nauka rossiyskoy emigratsii: «evraziyskiy soblazn»* [Historical studies within the Russian expatriate community: 'temptation of Eurasianism']. Moscow, Pamyatniki Ist. Mysli Publ., 1997, 350 p. (In Russ.).
- Vandalkovskaya M. G. *Istoricheskaya nauka rossiyskoy emigratsii (1920–1930-e gg.)* [Historical studies within the Russian expatriate community (1920–1930s)]. *Ocherki istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki XX veka / Pod red. V. P. Korzun* [Sketches on the history of Russian historical studies in the 20th c. Edit. by V. Korzun]. Omsk, Omsk State Univ. Press, 2005, pp. 397–435 (In Russ.).
- Vasilyev A. A. *EvrAziyskaya kontseptsiya gosudarstva pravdy M. V. Shakhmatova* [M. Shakhmatov's Eurasianistic concept of the 'State of Truth']. *EvrAziystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskie prilozheniya: materialy Shestoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)* [Eurasianism: Theoretical Potential and Practical Application. Proc. of the 6th all-Russia research and practice conf. (Barnaul, 25–26 June 2012), in 2 vol.] Barnaul, 2012, vol. 1, pp.78–82 (In Russ.).
- Vasilyev A. A. *Kontseptsiya gosudarstva pravdy i tsarya-podvigopolozhnika M. V. Shakhmatova* [M. Shakhmatov's concept of the 'State of Truth' and self-sacrificing Tsar]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State-Power and Local Self-Government journal], 2013, No. 5, pp. 6–9 (In Russ.).
- Gacheva A. G. *Ideya «Tret'ey Rossii» i porevol'yutsionnye techeniya russkoy emigratsii* [The idea of a 'Third Russia' and post-revolutionary movements within the Russian expatriate community]. *V poiskakh novoy ideologii: Sotsiokul'turnye aspekty russkogo literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov* [In search of a new ideology: socio-cultural aspects of the Russian literary process in the 1920–1930s]. Moscow, 2010, pp. 375–422 (In Russ.).
- Demina L., Mokhnacheva M. *Shakhmatov Mstislav Vyacheslavovich* [Mstislav V. Shakhmatov]. *Russkoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' XX veka: Ents. biogr. slov.* [Russian expatriate community. Gold book of the emigration. Biographical dictionary]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, p. 711 (In Russ.).
- Kovalev M. V. *Istoricheskaya pamyat' i identichnost' rossiyskoy emigratsii 1920 — 1930-kh godov: ocherki* [Historical memory and identity of Russian expatriates, 1920–1930s]. Saratov, Sarat. State Technical Univ. Press, 2013, 204 p. (In Russ.).
- Kovalev M. V. *Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.)* [Russian emigrant historians in Prague (1920–1940s)]. Saratov, Sarat. State Technical Univ. Press, 2012, 408 p. (In Russ.).
- Malyavin S. N. *Istoriya russkoy sotsial'no-filosofskoy mysli* [History of Russian socio-philosophical thought]. Moscow, Drofa Publ., 2003, 256 p. (In Russ.).
- Maslin M. A. *«EvrAziyskie vremenniki» kak istochnik klassicheskogo evraziystva [EvrAziyskie Vremenniki as a source of the classical Eurasianism]. Evraziyskaya ideya i sovremennost'* [Eurasianism and contemporaneity]. Moscow, RUDN Press, 2002, pp. 245–253 (In Russ.).
- Nazmutdinov B. V. *Politiko-pravovye vozreniya evraziytsev v rossiyskom gosudarstvedenii XX veka* [Political and legislative views of Eurasianists in the 20th c. Russian political studies]. Moscow, Higher School of Economics Press, 2013, 247 p. (In Russ.).
- Smolin M. B. *Istoricheskaya spravka ob avtore knigi* [A historical note about the author]. Shakhmatov M. V. *Gosudarstvo pravdy* [The State of Truth]. Moscow, FondIV Publ., 2008, pp. 306–307 (In Russ.).
- Sorokina M. Yu. *Rossiyskoe nauchnoe zarubezh'e: materialy dlya biobibliograficheskogo slovarya. Vyp. 4: Yuridicheskie nauki: XIX — pervaya polovina XX v.* [Russian expatriate scientific community: materials for a bibliographic dictionary. Iss. 4: legal sciences ...]. Moscow, Solzhenitsyn Centre of Russian Emigré Studies Press, 2011, 220 p. (In Russ.).

- Suslov A. A. «Gosudarstvo pravdy» v trudakh M. V. Shakhmatova i N. N. Alekseeva [The 'State of Truth' in M. Shakhmatov's and N. Alekseev's works]. *Svobodnaya mysl'* [The Free Thought journal], 2007, No. 7, pp. 180–191 (In Russ.).
- Suslov A. A. *Russkie politicheskie idealy v evraziyskoy istoriosofii: obraz «gosudarstva pravdy»* [Russian political ideals: image of the 'State of Truth']. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosophiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie* [RGGU Bulletin], 2008, No. 7, pp. 174–185 (In Russ.).
- Khachatryan V. M. *Kul'tura Evrazii: etnos i geopolitika* [Culture of Eurasia: ethnos and geopolitics]. *Evraziyskaya ideya i sovremennost'* [Eurasianism and contemporaneity]. Moscow, RUDN Press, 2002, pp. 98–104 (In Russ.).
- Tsepilova V. I. *Istoricheskaya nauka russkogo zarubezh'ya: problemy istoriografii (1920–2004 gg.)* [Historical studies within the Russian expatriate community: problems of historiography (1920–2004)]. Ekaterinburg, Ural State Univ. Press, 2005, 294 p. (In Russ.).

УДК 930(091): 930.1(09)''19''

Евразийство и М. В. Шахматов (к вопросу о разграничении точек зрения)

Евгений Николаевич Дербин ¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, социологии и политологии, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия (Ижевск, Российская Федерация). E-mail: derbin80@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историку-эмигранту М. В. Шахматову, создателю теории «государства правды», основанной на анализе содержания древнерусских произведений письменности и фольклора. В основании ее лежали начала соборности, одиначества и богоустановленности власти. Данную теорию вопреки современным исследователям достаточно сложно рассматривать как евразийскую, несмотря на участие ее автора в нескольких сборниках евразийцев. В его взглядах нет ни «исхода к Востоку», ни решающего фактора месторазвития, ни представления о России как Евразии, ни идеи борьбы как движущей силы истории. Сами идеологи евразийства считали М. В. Шахматова временным попутчиком, которого использовали в качестве «спеца». В свою очередь он сам заявлял о своем разрыве с ними. Скорее его взгляды можно отнести к возрождению славянофильских идей о самобытности истории русского государства и права.

Ключевые слова: евразийство, русская эмиграция в Праге, государство правды, М. В. Шахматов, Г. В. Флоровский, Н. С. Трубецкой

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 153–158, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-153-158
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestniknik>

UDC 392.24(045)

Witch-Hunting in Eastern Europe in the 9th–13th centuries: Anthropology of the Phenomenon

Daniil V. Puzanov¹

¹ Postgraduate Student, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the RAS (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: lpdmor@gmail.com

Abstract. The term ‘witch-hunting’ has been used to denote two different phenomena: persecution of pagan traditions by adherents of monotheistic religions and world-wide known archaic ‘trials’ of individuals accused of causing harm to the community by witchcraft. The article attempts to reveal the process of witches’ executions in Eastern Europe in the 9th–13th centuries. For this purpose, the 4 ‘ideal’ and standard witch-hunting motives are described. Those are as follows: 1) fanaticism of followers of Abrahamic religions; 2) faith in sabotage activities by means of witchcraft; 3) the need for a community to join efforts in the face of a common enemy during social plagues and miseries; 4) violation of standards and regulations by a defendant which, as they believed, might adversely influence the community. With evidence from materials on the history of Eastern Europe the paper traces all the four motives. Archaic forms of witch-hunting prevailed, the process was like a communal trial against an imaginary culprit. Details of witch-hunting activities in Eastern European are well similar to any processes of the kind in any other regions of the planet. As a rule, those were individuals that had confronted the community who were charged with witchcraft; in other cases those were socially isolated persons. Witch-hunting was also accompanied by robbery and lethal beating. Culprits were sentenced by ‘trial by ordeal’. During the studied period such violence was condemned by Christianity and probably other Abrahamic religions (this situation changed by the beginning of the Modern era). So, these murders had contributed to ‘team-building’ around community institutions on the old, pagan basis. In such cases, the community began to lay claim to the functions already transferred to the state administration. Abrahamic witch-hunting manifested itself mainly in the suppression of pagan revolts, and, as a rule, motives 2, 3 and 4 were not the case. Intermixture of pagan traditions and monotheistic witch-hunting took place only when communal institutions exercised authority within a new state system of law or when society was on the tribal stage of development.

Keywords: witch-hunting, Old Rus, Volga Bulgaria, Khazaria

Под «охотой на ведьм» обычно подразумеваются гонения, организованные обществом или социальными институтами против лиц, подозреваемых в занятии колдовством. Это явление было известно на всех континентах, но наибольшего размаха оно приобрело в Западной Европе (в католических и протестантских странах) в XV–XVIII вв. Под воздействием окрепшей в это время борьбы за чистоту веры и идеологии абсолютизма явление сильно трансформировалось [Гуревич 1999].

Этнография знает и другую, не связанную ни с христианским фанатизмом, ни с процессами централизации государства «охоту на ведьм», которая до сих пор сохраняется в некоторых странах третьего мира. Наука имеет много информации как о развитой, так и об архаичной формах явления, однако возможные промежуточные типы изучены недостаточно. Источники по истории Восточной Европы IX–XIII вв. позволяют частично восполнить этот пробел и проследить на примере разных обществ особенности первых трансформаций «охоты на ведьм» под воздействием авраамических религий.

Отдельные события средневековой Восточной Европы, которые можно интерпретировать как «охоту на ведьм», имеют солидную традицию изучения. В то же время на материале памятников Восточной Европы исследователи относительно редко пытались понять сам феномен. Концептуальные исследования встречаются только в отношении к изучению явления в Древней Руси. Некоторые исследователи полагают, что на Руси господствовала архаичная, «этнографическая» «охота на ведьм». Духовенство, как и на Западе в раннее средневековье, преимущественно не верило в особую силу колдовства и осуждало расправу над мнимыми ведунями. Государство стало активно участвовать в антиведовских гонениях уже в московский период, и так же, как и на Западе, этот процесс был связан с борьбой против ересей [Петухов 1888; Долгов 2007]. Представляет интерес замечание В. В. Долгова, согласно которому светские власти карали такое «чародейство», которое могло привести к бунту. Мелко-бытовая магия, даже в позднее время, воспринималась как несильное прегрешение [Долгов 2007: 222].

Другие исследователи полагают, что антиколдовскую истерию во все времена провоцировало духовенство [Грекулов

1964; Смирнов 2014]. Эти выводы сильно идеологизированы и игнорируют факт существования «охоты на ведьм» в языческих коллективах.

Таким образом, под «охотой на ведьм» понимают разные явления: от репрессивных действий религиозных фанатиков до архаичных обрядов. Поэтому можно выделить несколько идеальных типов, в основу которых будут положены мотивы, позволяющие интерпретировать ритуальное убийство как «охоту на ведьм»:

1. СВ — своеобразная «внутренняя священная война» связана с представлением о греховности колдовства в авраамических религиях.

2. ВК — в основании расправ лежит вера во вредительство при помощи колдовства.

3. ПФ — психологический феномен, поиск «козла отпущения» во время социальных бедствий.

4. ДП — связана с нарушением норм и предписаний (девиантным поведением) членом коллектива, которое, согласно верованиям, могло повлиять на погоду¹.

Источники по Восточной Европе изобилуют описанием форм ритуальных расправ, которые не всегда можно однозначно отнести к «охоте на ведьм». Антропология явления в них представлена весьма слабо и зачастую сильно искажена под пером книжника. Наиболее информативны в этом плане поучения Серапиона.

«Охота на ведьм» нашла отражение в 4-м и 5-м поучениях Серапиона Владимирского. Основной пыл 4-го Поучения (ВК:ПФ:ДП?/СВ?) направлен на осуждение веры в способность колдунов кардинальным образом влиять на природные процессы (ВК). Для опровержения этого представления священник использует цитаты из Библии и логические доводы [Серапион 2000: 379–380].

Серапион верит в колдовство, но ограничивает действие чародейства кознями личного характера. Общему тону произведе-

¹ Редко какая из выделенных идеализаций встречается в чистом виде. Поэтому изучаемые явления будут шифроваться следующим образом: при сочетании нескольких тенденций между ними будет ставиться двоеточие [(ВК:ПФ:ДП)]; при гипотетическом соответствии явления идеализации, вслед за шифром будет ставиться знак вопроса; при противостоянии двух тенденций, между их обозначениями будет стоять черта [пример (ВК:ПФ?/СВ)].

дения, осуждающего кровавые расправы, противоречит «оговорка» автора, в которой он утверждает, что не против казней реальных преступников [Серрапион 2000: 380]. Данное утверждение позволило некоторым исследователям причислить Серрапиона к сторонникам СВ. Однако клирик нигде не упоминает, что казнить надо именно за колдовство. Напротив, Серрапион противопоставляет справедливый суд пророка Давида, который судил по слову Божьему (Давид в расправах над ведьмами не участвовал, этим прославился его антагонист Саул), несправедливому суду со стороны своей паствы, суду, который, игнорируя сложившиеся правовые обычаи, активно использовал кровавые языческие практики и ритуалы.

По мысли священника, народ обвиняет тех или иных лиц во вредоносном колдовстве по мотивам личной вражды или в целях прибыли, либо из-за недостатка ума (ПФ:ДП) [Серрапион 2000: 380]. Упоминание корыстных мотивов может быть отражением реальных процессов. Часто при «охоте на ведьм» как на Западе, так и в других регионах мира, подозрение у общества вызывали люди, которые с ним конфликтовали [Гуревич 1999: 524]; кроме того, ведовские процессы могли способствовать получению отдельными индивидами личной выгоды. Особый интерес представляют сообщения об ограблении. Разграблением и избиением в Древней Руси обычно завершались общественные казни (ДП).

Имущество убитых женщин забирают волхвы во время восстания, описанного в летописи под 1071 г. [ПСРЛ, I 1997: 175]. Серрапион не упоминает об избиениях обвиняемых перед их смертью, однако пытки над волхвами осуществляет Ян Вышатич в расправе типа СВ [ПСРЛ, I 1997: 177–178]. В древности не было четкой грани между общинным судом и «охотой на ведьм». Речь шла об обвинении жертвы не в самом факте колдовства, а во вредительстве через магию. Иногда это вредительство проявлялось в экстраординарном поведении. В исследуемую эпоху подозреваемыми в злом колдовстве могли становиться люди, выделявшиеся из общины своим богатством.

Именно родственников повозчиков избивали волхвы в летописном сообщении под 1071 г., обвиняя их в пагубном влиянии на урожай [ПСРЛ, I 1997: 175]. Повозчики

участвовали в сборе дани и, вероятно, могли аккумулировать в своих руках богатства (ДП) [Кривошеев 1985: 127]. Ответственной за неурожай могла быть объявлена и знать. Элементы сакральной расправы носили общественные казни правителей, переступивших нормы традиционного поведения в Восточной Европе.

Представляет интерес обычай умерщвления сакрального правителя у хазар. Согласно сообщению ал-Масуди, если Хазарское царство постигнет какое-нибудь несчастье, знатные и простые люди подходят к царю и требуют убить *хакана* или выдать толпе для расправы [Ал-Масуди 2002: 474]. При этом царь вправе вынести приговор: если обвиняемый действительно виновен, он его убивает, либо выдает толпе. Если же *хакан* не совершал ни преступления, ни греха, то царь его защищает (ДП).

Подозрение вызывали не только правители, но вообще люди, как-то выделявшиеся. Когда поля ливов из Торейды затопили дожди, а у брата Теодориха был обильный урожай, его обвинили в злонамеренном колдовстве [Генрих Латвийский 1938: 72–73]. Согласно сообщению Ибн Фадлана, булгары приносят в жертву богу людей, если те проявляют выдающиеся способности [Ковалевский 1956: 137]. О том, что данное жертвоприношение может быть одновременно «охотой на ведьм», свидетельствует схожее по способу расправы сообщение того же путешественника о великане, которого царь булгар велел повесить за то, что тот будто бы навел порчу (ВК) [Ковалевский 1956: 139]. Интересные параллели сообщениям Ибн Фадлана обнаруживаются в чувашской этнографии. Чуваши считали колдунами людей, «обладавших профессиональными знаниями или выделявшихся своими какими-либо способностями и талантами» [Денисов 1959: 116].

Следом за упоминанием корыстных мотивов поведения населения в 4-м поучении Серрапион сокрушается по поводу способа определения вины обвиняемого — известного многим индоевропейцам обряда испытания водой.

В 5-м поучении (ВК:ДП), так же, как и в 4-м, осуждается вера в способность людей влиять на природные процессы [Серрапион 2000: 383]. Однако «испытывают» ведьм здесь не через воду, а прибегая к услугам волхвов. В. В. Долгов отметил, что схо-

жий обычай наблюдается в летописи под 1071 г., когда инициаторами ведовских расправ тоже были волхвы [Долгов 2007: 220]. Однако на этом сообщении параллели не исчерпываются. Под 1024 г. сообщается о расправе кудесников над «старой чадью» в Суздале [ПСРЛ, I 1997: 147]. Согласно Ливонской хронике, при активном участии колдуна решается судьба Теодориха, обвиненного ливами в колдовстве [Генрих Латвийский 1938: 73]. В «охоте на ведьм» колдуны некоторых регионов мира действительно могут принимать непосредственное участие.

Таким образом, реконструируемое благодаря поучениям Серапиона поведение населения во время охоты на ведьм имеет некоторые сходства с тем, что написано по поводу сакральных расправ в других регионах в различных письменных источниках Восточной Европы. Кроме того, оно имеет параллели в мировой культовой практике. Вероятно, классическая традиционная охота на ведьм (ВК:ПФ) сочетала все или некоторые из тех психологических черт, которые мы только что описали, независимо от того, где она происходила. Однако почти не была рассмотрена СВ. Для Древней Руси ВК и СВ были разными явлениями. Когда они встречались друг с другом, то, как правило, противостояли одно другому, как это было во время восстаний волхвов в Суздале и Белоозере, описанных в летописях под 1024 и 1071 гг. [ПСРЛ, I 1997: 147–148, 175–178]. В этих случаях княжеская администрация предотвращает языческую «охоту на ведьм», возникшую в условиях голода, ответив уничтожением проводивших ее волхвов (ВК:ПФ/СВ). В то, что убийство колдунов при этом способно как-то повлиять на урожай, ни представители власти, ни сам книжник не верят. Ян Вышатич, участвовавший в подавлении восстания волхвов на Белоозере, правда, проводит над кудесниками такие действия, которые напоминают ВК. Однако такое поведение, вероятно, было рассчитано на местных жителей. Кроме того, Ян Вышатич действовал на основании архаичного обычного права [Шинаков 2016: 153–154].

Официальная власть (во всяком случае, церковная) теоретически могла участвовать в сожжении 4-х волхвов в Новгороде, описанном под 1227 г. Однако летописные сообщения весьма скудно описывают эти события [ПСРЛ, III 2000: 270; ПСРЛ, X 2000:

94], что открывает широкий простор для исследовательских интерпретаций. В данном случае, если ВК:СВ имело место, то это, вероятно, было обусловлено особой ролью вечевых институтов в управлении религиозными и политическими процессами республики.

Сложно раскрыть характер феномена в исламской Волжской Булгарии и иудейском Хазарском каганате. Повешение великана было санкционировано самим правителем болгар. Однако для ислама не была характерна вера в силу колдовства. Если христианские и иудейские священные книги содержат в себе архаичные конструкты, свидетельствующие о наличии реальной магии у язычников, то в Коране колдовство уже предстает как обман и иллюзия. Во всяком случае ал-Гарнати не упоминает ни о каких кровавых обрядах у волжских болгар. У хазар же, согласно сообщению ал-Масуди, убийство *хакана* совершается под давлением народных масс.

В отличие от Руси и Волжской Булгарии, Хазарский каганат не имел возможности строить государственность с оглядкой на опыт других государств такой же веры. Хазарам «пришлось пользоваться своими старыми „царскими“ матрицами, наполняя их новым содержанием» [Степанов 2005: 323]. Расправа над *хаканом* в период неурожая могла быть переосмыслена с точки зрения новой государственной идеологии, но никак не являлась следствием иудейского фанатизма, и абсолютно точно можно сказать, что это не ВК:СВ:ПФ, но ВК:ПФ. Собственно же СВ в Хазарском каганате, если доверять еврейско-хазарской переписке, могла существовать [Письмо Иосифа 2006: 662, 666]. Однако неизвестно, какие конкретные формы в таком случае принимало это явление.

Таким образом, в Восточной Европе рассматриваемого периода не было необходимых предпосылок для того, чтобы «охота на ведьм» приобрела характер СВ:ВК. Монотеизм недостаточно плотно охватил умы людей и был вынужден мириться с невинными проявлениями традиционных верований, осуждая лишь те воззрения, которые на тот момент для церкви были наиболее опасны. Монотеистическая «охота на ведьм» в тот период чаще всего сводилась к подавлению языческих восстаний. Смешение языческой и монотеистической «охоты

на ведьм» наблюдалось лишь в тех случаях, когда общинные институты осуществляли властные полномочия в рамках новой государственной системы права, либо когда общество находилось под сильным влиянием родо-племенных отношений (как Волжская Булгария времен Алмуша). Поэтому «охота на ведьм» в раннее Средневековье не приобретала тех размахов, какие были свойственны явлению в эпоху абсолютизма. Общинные институты сохраняли свою силу и влияние, и «охота на ведьм» еще не превратилась в идеологическое орудие государства.

Источники

- Ал-Масуди о народах Кавказа и Поволжья // История татар с древнейших времен / под ред. М. Усманова и Р. Хакимова. Казань: Рухият, 2002. Т. 1. С. 472–477.
- Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / введ., пер. и ком. С. А. Анинского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 609 с.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Из-во Харьковского гос. ун-та имени А. М. Горького, 1956. 350 с.
- Письмо Иосифа // История татар с древнейших времен. Казань: РухИЛ, 2006. Т. 2. С. 660–669.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997–2000. Т. 1, 3, 10. 496; V–XII, 720; 260 с.
- Серапион — Слова и поучения Серапиона Владимирского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 5. С. 370–385.
- Смирнов А. М. Инквизиция (самосуд) русской православной церкви // Журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 25–31.
- Степанов Ц. Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего Средневековья // Хазары. Евреи и славяне. М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2005. Т. 16. С. 317–325.
- Шинаков Е. А. Менталитет и право в Древней Руси: к интерпретации событий 1071 года // Вестник Брянского гос. ун-та. 2016. № 1 (27). С. 147–156.

Sources

- Al-Masudi o narodakh Kavkaza i Povolzh'ya* [Al-Masudi about peoples of the Caucasus and Volga Region]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen / pod red. M. Usmanova i R. Khakimova* [History of the Tatars from ancient times. Edit. by M. Usmanov et al.]. Kazan, Rukhiyat Publ., 2002, vol. 1, pp. 472–477 (In Russ.).
- Genrikh Latviyskiy Khronika Livonii / vved., per. i kom. S. A. Aninskogo* [The Livonian Chronicle of Henry. Transl., comment, etc. by S. Anninsky]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1938, 609 p. (In Russ.).
- Kovalevskiy A. P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [Ahmad ibn Fadlan's book about his journey to the Volga in 921–922 A. D.]. Kharkov, Kharkov State Univ. Press, 1956, 350 p. (In Russ.).
- Pis'mo Iosifa* [Joseph's letter]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of the Tatars from ancient times]. Kazan, RukhiL Publ., 2006, vol. 2, pp. 660–669 (In Russ.).
- PSRL — *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian manuscripts]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 1997–2000 (In Russ.).
- Serapion — Slova i poucheniya Serapiona Vladimirskogo* [Serapion of Vladimir: words and teachings]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, vol. 5, pp. 370–385 (In Russ.).

References

- Grekulov E. F. *Pravoslavnaya inkvizitsiya v Rossii* [Russia's Orthodox Inquisition]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 170 p. (In Russ.).
- Gurevich A. Ya. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya Kniga Publ., 1999, vol. 2, 560 p. (In Russ.).
- Denisov P. V. *Religioznye verovaniya chuvash. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Religious beliefs of the Chuvash people. Historical and

- ethnographic sketches]. Cheboksary, Chuvash State Publ. House, 1959, 410 p. (In Russ.).
- Dolgov V. V. *Kolduny i ved'my Drevney Rusi XII–XIII vv.* [Magicians and witches in Ancient Rus'. 12th–13th cc.]. *Vestnik Tyumenskogo gos. un-ta* [The UT Research Journal], 2007, No. 1, pp. 217–223 (In Russ.).
- Krivosheev Yu. V. *Yazycheskaya obryadnost' i sotsial'naya bor'ba v Verkhnem Povolzh'e v 1071 g.* [Pagan rituals and social struggle in the Upper Volga Region in 1071]. *Istoricheskaya etnografiya* [Historical ethnography]. Leningrad, Leningrad State Univ. Press, 1985, pp. 124–131 (In Russ.).
- Petukhov E. *Serapion Vladimirskiy, russkiy propovednik XIII v.* [Serapion of Vladimir: a Russian preacher of the 13th c.]. St. Petersburg, 1888. I–VII, 1–236, I–XI, 1–19 (In Russ.).
- Smirnov A. M. *Inkvizitsiya (samosud) russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Inquisition (extrajudicial execution) of the Russian Orthodox Church]. *Zhurnal o prave* [Journal about Law], 2014, vol. 2, No. 4, pp. 25–31 (In Russ.).
- Stepanov Ts. *Razvitie kontseptsii sakral'nogo tsarya u khazar i bolgar epokhi rannego Srednevekov'ya* [Khazars and Bulgars of the early Middle Ages: development of the concept of a 'holy Tsar']. *Khazary. Evrei i slavyane* [Khazars. Jews and Slavs]. Moscow, Jerusalem, Mosty Kultury Publ., Gesharim Publ., 2005, vol. 16, pp. 317–325 (In Russ.).
- Shinakov E. A. *Mentalitet i pravo v Drevney Rusi: k interpretatsii sobytii 1071 goda* [Mentality and law of Ancient Rus': events of 1071 revisited]. *Vestnik Bryanskogo gos. un-ta* [The Bryansk State University Herald], 2016, No. 1 (27), pp. 147–156 (In Russ.).

УДК 392.24(045)

Охота на ведьм в Восточной Европе IX–XIII вв.: антропология явления

Пузанов Даниил Викторович¹

¹ аспирант, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск, Российская Федерация). E-mail: lpdmor@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен «охоты на ведьм» в раннесредневековой Восточной Европе. Выделяются мотивы, которые провоцировали общество на такие акции. Это 1) фанатизм последователей авраамических религий; 2) вера во вредительство при помощи колдовства; 3) необходимость коллектива сплотиться в борьбе с общим врагом во время социальных бедствий; 4) нарушение человеком, против которого ведется ведовской процесс, норм и предписаний, которые, как верили, могли негативно повлиять на общество. Отмечается, что в исследуемом хронотопе существовало два разных по своему происхождению и содержанию явления, называемых в научной литературе «охотой на ведьм». Первое явление представляло из себя архаичный суд (самосуд) над человеком, который, как думали окружающие, явился причиной общественных несчастий. Он имел черты архаичного общинного права. Второе заключалось, в основном, в подавлении языческих восстаний, и ему были, как правило, чужды мотивы 2, 3, 4. Реконструируется поведение населения во время архаичных, языческих «охот на ведьм». Свидетельства об «охоте на ведьм» в Восточной Европе сопоставляются с аналогичными процессами в западной и мировой истории.

Ключевые слова: «охота на ведьм», Древняя Русь, Волжская Булгария, Хазария

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 159–171, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 392.3+392.5+396.6

The Tuvan Family and its Functions. Traditions and Innovations

Sergey S. Subbotin ¹

¹ Postgraduate Student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasilich_1990@mail.ru

Abstract. The article aims to discover and analyze the changes which have taken place in the domestic life of Tuvans over the past century, with special emphasis laid on the present times. The paper deals with actual changes that reflect the overall situation and transformations in the cognitive sphere (views, attitudes and values). The analysis of the problem is based on a number of studies by preceding researchers, corresponding sociological, demographic data and field materials of the author.

The family traditionally holds a high position in the social values framework of the Tuvan community and has always been a key value of the nation. However, the decline in demographic rates taking place in the Republic of Tuva indicates changes in family-marital relationships in particular and the family as such in general.

Nowadays, the modern type of family is more typical of urban population while country dwellers, some Tozhu Tuvans and the Dukha (Tsaatan) people in Mongolia prefer the traditional one. Moreover, the last three groups demonstrate their commitment to the traditional way of life and values which undergo intensive transformation in towns and urban-type settlements. The mentioned process causes, e. g., modification of family functions or even disappearance of some of them and emergence of new ones.

On the whole, it is hard to make any conclusions about whatsoever consequences (positive or negative) of the changes within the modern Tuvan society. This actually resembles a double-edged sword which could be well illustrated by the following example.

A powerful incentive to the above-mentioned transformation was given by the growth of women's social activities. It caused changes in relationships between husband and wife, redistribution of their duties in the family. Certainly, this fact may be considered as a very positive social achievement, especially for women themselves. But, on the other hand, new roles and positions entailed changes in their views and attitudes towards marriage, career, childbearing, etc. As a result, there are more family conflicts and less family solidarity.

Present-day Tuvan families face the same problems as those from other regions of Russia: contradiction between the needs and actual income of family members, the necessity to improve financial situation, the growing number of divorces and single parent families, etc.

Keywords: family, marriage, Tuvans, Dukha (Tsaatan) people, system of values, demography, women's social position

Семья принадлежит к числу важнейших общественных ценностей. Она является значимым ядром в подготовке человека к предстоящей жизни, в ней закладывается модель поведения, которая затем переносится на внесемейные отношения. Для ребёнка семья — это среда, в которой складываются условия его физического, психического, эмоционального и интеллектуального развития. Для взрослого человека семья является источником удовлетворения ряда его потребностей и малым коллективом, предъявляющим к нему разнообразные требования.

Семья и семейно-родственные отношения всегда были одной из ключевых ценностей этноса *тыва*, однако ухудшение основных демографических показателей (рождение–смертность, браки–разводы и т. п. [Тывастат]) в Республике Тыва указывает на изменения в семейно-брачных отношениях в частности и института семьи в целом, и логично предположить, что изменения эти имеют скорее негативный, нежели позитивный характер. Но так ли все однозначно?

Целью настоящей статьи является выявление и анализ перемен, произошедших в семейной жизни тувинцев на протяжении последнего столетия, но основной акцент будет сделан на периоде, начиная с момента распада СССР и заканчивая сегодняшним днем. С привлечением социологических и демографических данных будут рассмотрены фактические изменения, отражающие общее положение дел, а также трансформации в когнитивной сфере (во взглядах, оценках, ценностях). Материалом для этого послужили полевые данные, собранные автором в этнографической экспедиции 2012 г. в Тоджинском кожууне Республики Тыва и экспедиции 2016 г., в ходе которой исследование велось среди цаатанов¹ сумона Цагааннуур Хубсугульского аймака Монголии, в Тоджинском кожууне и сумоне Ээрбек Кызыльского кожууна Республики Тыва. Также автор опирался на результаты исследований своих предшественников, прежде всего, на работу Г. С. Гончаровой [Гончарова 2004], описывающую изменения во взглядах жителей Республики Тыва на семейно-брачные отношения.

Семья — функциональная социальная система. Разные авторы, перечисляя ее

¹ Цаатаны — тувинцы-оленеводы, проживающие в Монголии. Самоназвание — *тухакижи* или *тухалары* [Серен 2016: 3].

функции, называют их по-разному, однако все их концепции имеют много общего между собой [Радько и др. 2015: 195–197; Шнейдер 2000: 129–137]. На разных этапах исторического развития одни функции утрачивают свое значение и уступают место другим, соответствующим новым реалиям. Тем не менее, ряд их оказался достаточно устойчивым к изменениям, и на этом основании их обычно причисляют к разряду традиционных [Шнейдер 2000: 129–137].

Во-первых, следует сказать о репродуктивной функции, что вполне закономерно, поскольку в любой семье проблема деторождения и продолжения рода является одной из важнейших. Сюда же можно включить и духовно-нравственное воспроизводство человека в семье, подразумевающее «духовно-нравственную потребность иметь ребенка, чтобы он был от любимого человека, духовное родство с детьми» [Радько и др. 2015: 195]. Однако современные социально-экономические реалии ведут к деформации данной функции, одним из проявлений которой является, например, откладывание брачными парами рождения детей на более поздний срок (о причинах этого и других подобных явлений в тувинском обществе мы будем говорить далее).

Второй по значимости является хозяйственно-экономическая функция, которая включает питание семьи, приобретение и содержание домашнего имущества, одежды, обуви, благоустройство жилища, создание домашнего уюта, организацию жизни и быта семьи, формирование и расходование домашнего бюджета. В понятие регенеративной (от лат. *regeneratio* ‘возрождение, возобновление’) функции входит наследование статуса, фамилии, имущества, социального положения; сюда же можно отнести и передачу каких-то фамильных драгоценностей (необязательно ювелирных украшений, это может быть любая вещь, которую можно передать только члену семьи).

Одна из важнейших функций семьи — образовательно-воспитательная. В семье формируются характер и поведение личности, отношение к жизни, а также модели поведения с другими людьми. От родителей дети наследуют ценности, которые становятся для них жизненными ориентирами как в настоящем, так и в будущем. На более высоком уровне ее суть состоит в социальной адаптации будущего поколения на этнических началах: семейных традициях

и культуре этноса. Однако в настоящее время по сравнению, например, с доиндустриальным периодом существования общества все сильнее проявляется тенденция к утрате семьей (опять-таки в силу новых социально-экономических условий: рост занятости родителей, требования общества и т. п.) своей образовательной роли, которая переходит к специально созданным для этого социальным инстанциям, таким, как школа и детский сад.

С предыдущей тесно связана функция семьи как сферы первоначального социального контроля, заключающаяся в моральной регламентации поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, а также регламентации ответственности и обязательств в отношении между супругами, родителями и детьми, представителями старшего и среднего поколений. Рекреативная (от лат. *recreatio* 'восстановление') функция связана с отдыхом, организацией досуга, заботой о здоровье и благополучии членов семьи. К ней очень близка функция духовного общения, способствующего развитию личностей членов семьи и их духовному взаимообогащению. Семейное воспитание эмоционально по своему характеру, ибо «проводником» его является родительская любовь к детям, вызывающая ответные чувства детей к родителям. В этом заключается эмоциональная функция семьи. Отметим также социально-статусную функцию, суть которой — в предоставлении определённого социального статуса ее членам, воспроизводстве социальной структуры.

Анализ содержания рассмотренных выше традиционных функций семьи позволяет заключить, что на любом этапе развития общества именно семья остается важнейшей средой формирования личности, отвечающей за социальное воспроизводство населения и воссоздание ценностных ориентиров в жизни и отношениях. Таковой она была и несмотря на многочисленные изменения современности, как показывает ряд исследований [Резников, Товуу 2002], остается сейчас для этноса *тыва*.

Тем не менее, эти изменения ведут к утрате современной тувинской семьей некогда важной производственной функции. Семья в традиционном обществе — это прежде всего производственная ячейка, отвечающая за первичную организацию экономической деятельности — собственного хозяйства. От того, насколько хорошо семья вы-

полняла эту функцию, в буквальном смысле зависело выживание ее членов. Теперь же профессиональная деятельность людей осуществляется преимущественно вне рамок семьи, а приток ресурсов (в первую очередь денег) зависит от работы ее взрослых членов в сторонних организациях. Однако это касается прежде всего семей, проживающих в городах и поселениях городского типа. В сельских населенных пунктах и особенно у некоторых групп тувинцев (например, у цаатанов) зависимость выживания семьи от грамотной организации традиционного хозяйства всё еще достаточно велика.

Утрачивая одни функции, современная семья приобретает другие. В последнее время все больше исследователей указывает на психотерапевтическую функцию [Шнейдер 2000: 135]. Она позволяет членам семьи удовлетворять потребности в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите. В принципе роль защитного психологического механизма в жизни человека семья (вместе с семейно-родственными отношениями между людьми) играла и раньше. Однако в наши дни в условиях продолжающейся ломки прежних жизненных ориентиров и изменения ценностей, постоянных стрессов, проистекающих из отсутствия защищенности и уверенности в завтрашнем дне, значение этой роли сильно возросло.

Человек вовлекается в многосторонние отношения с родственниками, базирующиеся на таких началах, как взаимопонимание, взаимодоверие и взаимопомощь, которые по сей день стоят в ряду ключевых ценностей представителей этноса *тыва* [Резников, Товуу 2002: 68]. Большая родственная привязанность, во многом сохраняющаяся до сих пор, — одна из отличительных черт тувинцев. Народная мудрость утверждает, что связь с родней делает человека сильным, уверенным в себе: «Зверь в беде к тайге мчится, человек в беде к родне тянется», «Большой палец к ладони жмет» [Курбатский 2001: 217]. Поэтому о родственниках стараются не говорить плохо, но и требования к ним предъявляются высокие: «С плохой родней — аалу позор», «Лучше чужой человек, чем плохая родня» [Курбатский 2001: 217].

Осуществление семьей психотерапевтической функции можно проиллюстрировать следующим примером. Исследование Г. С. Гончаровой показало, что ценность

ухода от одиночества как мотива вступления в брак возрастает с увеличением возраста респондентов и достигает максимального значения у представителей старшего поколения (58,5 лет и старше) — более 50 % [Гончарова 2004: 202–206]. По-видимому, это связано с тем, что с возрастом (а улучшение медико-санитарных условий способствовало увеличению продолжительности жизни) неизбежно происходит сужение круга общения, а также с тем, что с возрастом попросту все труднее становится самостоятельно обеспечивать свое существование. Поэтому люди старшего поколения часто переселяются к своим родственникам.

В традиционной культуре семья понимается главным образом как «природосообразный союз двух противоположностей, способных стать одним целым и продолжать достойно род человеческий» [Сундуй 2009: 88]. Для тувинцев состоять в браке было крайне важно. Брак считался не только естественным, но и обязательным для каждого человека. Муж и жена воспринимались единым целым, поэтому они, например, во время прихода нового года (Шагаа) не дарили друг другу подарки, чтобы не допустить раздора в семье [Сундуй 2009: 88].

Человек, не имевший семьи, вызывал беспокойство и недоумение окружающих. Старых дев и холостяков в обществе не любили, зачастую даже считали плохими людьми и верили, что им особенно тяжело будет жить после смерти в потустороннем мире. В доме дальше порога их не пускали либо сажали на самое плохое место. Таких людей даже хоронили особым способом: их закапывали в землю в горной степи, на открытом месте. В могилу клали личные вещи покойника, а после заваливали камнями [Потапов 1960: 200; Потапов 1969: 127].

Подобные представления проявились даже в элементах обряда гостеприимства: когда гостю подавали угощение на блюде, будь то нарезанные куски мяса, боорзаки (изделия из теста), печенье или конфеты, он обязательно должен был взять два куска, чтобы не остаться в этой жизни без своей второй половинки. За этим очень тщательно следил и сам хозяин юрты, жилища, ни в коем случае не позволяя никому из гостей ограничиться «одиночным» угощением [Монгуш 2005: 288].

Но институт брака в традиционном обществе выполнял еще и экономическую роль, поэтому его заключение часто жестко контролировалось родственниками моло-

доженов, а чувства молодых людей редко принимались в расчет. Родители, как правило, сватали детей в любом возрасте, иногда даже до их рождения. Нередки были случаи, когда родители были вынуждены выдать дочь за бая с целью получения скота или другого имущества, чтобы прокормить остальных членов семьи [Волков, Салчак, Шаалы 2009: 62]. Материальными расчетами в большинстве своем руководствовались и представители богатых семей. Кроме того, велик был соблазн породниться с более уважаемым и почитаемым родом (проявление статусной функции семьи).

Теперь же происходит смена ценностных ориентиров. На первый план в современной семье выходят глубокие и сильные эмоциональные связи и чувства, прежде всего, любовь и взаимная симпатия. Мотивами вступления в брак, как показало исследование Г. С. Гончаровой, являются также желание иметь детей, забота и внимание со стороны супруга, поддержание здоровья¹.

Весьма распространенными оказались категории, связанные с достижением экономического благополучия (решение жилищного вопроса и бытовых проблем, материальное благополучие). Зато действие общественной традиции при вступлении в брак ослабевает: чем моложе респонденты, тем меньше среди них считающих эту традицию очень важной.

По-видимому, ослабевает и влияние родителей при вступлении в брак. На вопрос о необходимости советоваться с родителями при выборе мужа или жены в той же анкете Г. С. Гончаровой положительно ответила только треть опрошенных тувинцев, и лишь половина считает важным получить согласие родителей на брак. А вот процент тех, кто выступает за отдельное проживание молодой семьи, существенно превысил отметку 80 %.

¹ Данный пункт имеет научное подтверждение: «установлено, в частности (данные исследований, проведенных итальянскими социологами), что женатые мужчины умирают от болезни сердца на 34,6 % реже, чем холостые, и на 105,6 % реже, чем разведенные; от рака легких — на 14,3 % реже холостых и на 132,1 % — разведенных; от рака пищевода — реже холостых на 40,7 %, разведенных — на 77,8 %; от гипертонии — реже холостых в 2 раза, реже разведенных — в 2,5 раза; от цирроза печени — реже холостых в 3 раза и разведенных — в 7 раз» [Радько и др. 2015: 197].

Отметим еще одно интересное обстоятельство, подмеченное Г. С. Гончаровой, относительно брачных отношений. Оно касается ценностных ориентаций современных тувинцев. Как отмечает автор, традиционно рождение детей и замужество в системе семейно-брачных ценностей стояли рядом и были неразрывно связаны [Гончарова, 2004: 198]. Женщины, как правило, стремились выйти замуж и реализовать материнство. Теперь же ценность «быть замужем» оказалась наименее важной в этой системе и, более того, уступает по этому показателю ряду ценностей, которые автор определила как связанные с производственными отношениями (иметь работу, профессию, хороший заработок и хорошее образование). Следствием этого являются откладывание сроков вступления в брак, снижение брачности и рост числа незарегистрированных браков, увеличение внебрачной рождаемости. По последнему показателю Республика Тыва занимает одно из первых мест по стране (55 % по данным 1998 г. и более 60 % на 2012 г. [Гончарова 2004: 194–202; Чурилова, Чумарина 2014: 46–47]).

Тувинские семьи моногамны. Раньше, хотя и довольно редко, встречалось многоженство: в основном только у богатей, имевших двух-трех жен: каждая из них жила в отдельной юрте, которую привозила с собой в качестве приданого; первая жена считалась старшей [Потапов 1960: 200]¹. Иногда, по сообщению Ф. Я. Кона, в случае бесплодия первой жены, с полного ее согласия (а часто и при ее содействии) брали вторую [Кон 1934: 136]. Случаи двоеженства отмечал у тоджинцев С. И. Вайнштейн [Вайнштейн 1961: 130]. Л. П. Потапов пишет, как

¹ На факт существования у тувинцев полигамии указывают и фольклорные материалы. Например, в героическом сказании «Тана-Херель» у Шан-хана было даже 108 жен; правда, три жены Хан-Кучу из другого сказания более соответствуют действительности [Гребнев 1960: 141]. Характерно при этом, что много жен имеют, как правило, отрицательные персонажи. Вероятно, в этом нашел выражение протест основной массы народа против имущественного неравенства и собственного бесправного положения. Согласно работам исследователей, занимавшихся изучением тувинского фольклора, прежде всего произведений эпического характера, в нем [фольклоре] можно обнаружить не одно указание на проявление подобного рода недовольства.

некоторые из опрошенных им старожилов районов Монгун-тайги и Кара-холя вспоминали, что раньше тувинцы вообще могли жениться до 10 раз, возвращая родителям не понравившихся или надоевших жен [Потапов 1960: 200].

При заключении брака всегда действовали экзогамные нормы: согласно обычаю, нельзя было заключать браки даже между жителями одного аала [Потапов 1969: 127]. Невест брали из другого аала и своих девушек отдавали также в другой аал. Более того, действовал запрет на вступление в брак с представителями своего рода в пределах первых трех поколений². По этой же причине каждый тувинский подросток должен был знать родословные отца и матери, по меньшей мере, до третьего поколения, а также всех родственников. Кузенный брак между детьми родных сестер иногда еще могли допустить, между детьми же родных братьев — никогда [Потапов 1960: 200]. К сожалению, в наши дни родовая память о происхождении многих семей утрачивается, и, как показали в своей работе Е. В. Айыжы и А. А. Конгу на примере тувинцев-тоджинцев, даже пожилые люди зачастую уже с трудом могут воспроизвести родословную до третьего-четвертого колена [Айыжы, Конгу 2013: 10].

Проблема родовой экзогамии в настоящее время особо остро стоит перед цаатанами. Достаточно малочисленные, они проживают в ином этническом окружении и отделены пограничной зоной от тувинцев, проживающих на территории России. В сложившейся ситуации многие семьи вынуждены прибегать к родственным бракам, последствиями которых становятся физические и физиологические отклонения. Так, например, один из наших информантов происходил как раз из такой семьи и имел шесть пальцев на одной руке. Похожие отклонения также имелись у его сестры, брата и сына.

Другой выход из данного положения — браки с монголами. Значительная часть опрошенных нами тухаларов состояла в

² Ф. Я. Кон вообще указывал, что «брак в пределах клана допускался лишь при условии, что родство со стороны отца не ближе восьмого (!) колена» [Кон 1934: 133]. Г. Н. Курбатский пишет о запрете заключать брак между родственниками ближе пятого колена [Курбатский 2001: 194].

таком браке. Это, в частности, порождает проблему взаимоотношений супругов в этнически смешанных браках. К сожалению, изучение данного вопроса не входило в задачи нашего полевого исследования, но оно может оказаться весьма перспективным и иметь большую практическую значимость, например, для профилактики возможных семейных конфликтов и разногласий.

В самой Республике Тыва тема этнически смешанных браков особенно актуализировалась в связи с происходившими там в 1990-е гг. событиями и оттоком русского населения. Поднималась она и в уже упоминавшейся нами работе Г. С. Гончаровой. В частности, автор ставила задачу выявить степень важности национальности при выборе супруга. Исследование показало, что в целом менее половины опрошенных тувинцев отдают предпочтение этнически однородным бракам, где супруги принадлежат одной национальности, причем в наименьшей степени на них ориентированы представители младшего поколения (в возрасте от 16 до 31,5 лет [Гончарова 2004: 220–222]). Полученные результаты позволяют сделать вывод о в целом позитивном отношении тувинцев к вступлению в брак с представителями других национальностей и возможном росте числа таких браков в будущем.

Для традиционной тувинской семьи характерно разделение трудовой деятельности по половому признаку, за исключением скотоводства, которое велось и мужчинами, и женщинами. Такое положение дел сохранялось вплоть до первой половины XX в. Муж, отец семейства, всегда являлся главой семьи, хозяином юрты или дома.

О положении женщины-тувинки в семье до революции в историографии советского периода принято было писать как о крайне приниженном, едва ли не рабском, подчиненном по отношению к мужчине, чему было немало подтверждений. Это различного рода запреты, налагаемые на женщин в целом (пользоваться или даже просто перешагивать через мужские орудия труда, купаться в реке, присутствовать на родовых молениях и т. д.), и запреты и ограничения, касавшиеся поведения молодой невесты после переезда ее в юрту жениха. К числу таких доказательств относится также чрезмерная загруженность тувинков разнообразной работой: участие практически во всех видах деятельности, связанных с ведением кочевого хозяйства, ведение семейного

быта, тяжелые и трудоемкие занятия по выделке шкур для одежды и обуви, обработке шерсти для пряжи и войлока, изготовлению нити из сухожилий. В отношении женщины часто употребляли слово *херекчок* (*херээ-жок*), имеющее этимологию 'ненужная', 'никчемная', 'никудашная', а во время беседы с другими мужчинами муж часто употреблял выражение «моя плохая жена». Если прибавить существование института калыма, который многие приравнивают в прямом смысле слова к покупке невесты¹, зачастую насильственную выдачу замуж, отсутствие политических прав и отстранение от участия в общественной жизни, невозможность получить образование и ограниченность в правах наследства, мы получим достаточно полную картину неравноправного положения женщины в семейной жизни и в обществе в целом.

Однако ряд этнографических материалов содержит в себе сведения, противоречащие столь категоричным заявлениям и позволяющие несколько иначе взглянуть на данную проблему. Одним из первых на это обратил внимание С. И. Вайнштейн. В частности, он указывал на большую половую свободу незамужних девушек (возможность вступать в половую связь с возлюбленным до собственно свадьбы, а также во время специфической ночной игры *ойтулааш* [Вайнштейн 1994: 413]). Другой группой контраргументов можно считать исключительно бережное отношение к сестре или дочери, почет и уважение по отношению к женщине-матери, особенно пожилой, осуждение общественным мнением грубого обращения с женой. Тот же термин *херекчок*, вероятно, явился отражением, с одной стороны, пережитков родовой экзогамии и относился, прежде всего, к замужней женщине², а с другой — приобрел негативное толкование уже в условиях распространения феодальных отношений в тувинском обществе³.

¹ Ф. Я. Кон описывает случай, когда девушка, насильно выдаваемая замуж, отказалась от выполнения необходимого обряда, на что жених, уже заплативший калым, возразил: «Я тебя купил! Ты теперь моя баба и обязана исполнить обычай!» [Кон 1934: 131].

² Замужняя женщина в семье мужа — представитель чужого рода. И истинный, первоначальный смысл слова *херекчок* — «уходящая в чужой род» [Курбатский 2001: 219].

³ Как пишет Г. Н. Курбатский, оскорбитель-

Таким образом, будет не совсем правильно однозначно утверждать, что положение женщины в дореволюционном тувинском обществе было сильно принижено [Субботин 2016]. Конечно, с точки зрения человека XX в. и тем более XXI в., притеснения, бесспорно, существовали, но в глазах самих тувинцев тех времен они, по-видимому, не были чем-то из ряда вон выходящим, санкционировались обычаем и принимались практически всеми членами сообщества, в том числе и самими женщинами. Их положение во многом было обусловлено бытовой стороной жизнедеятельности тувинцев, стремлением выжить в непростых условиях среды, и на протяжении жизни отношение к женщине и степень ее свободы менялись в зависимости от выполняемых ею социальных ролей.

Серьезные изменения в положение тувинских женщин и, как следствие, в облик тувинских семей внесли Октябрьская революция 1917 г. в России и образование Тувинской Народной Республики (далее — ТНР), а также последующее ее вхождение в состав СССР. Начался так называемый процесс «раскрепощения» женщины-тувинки. На государственном уровне происходило закрепление равноправия женщин во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни, предоставление им избирательных прав. Женщины всё больше начинали включаться в экономические отношения, росла доля их участия в общественном производстве, а также расширилась сфера применения женского труда: они овладевали новыми профессиями (появились женщины-шофёры, автослесари и т. д.) [Забелина 2010: 54]), они получали образование (в том числе и высшее).

В этнографической литературе можно найти упоминания о том, что женщине в дореволюционные годы было запрещено заниматься охотничьим промыслом, ловить рыбу [Забелина 2010: 18]. Это несколько противоречит сведениям, полученным нами от наших информантов, и данным других

ная кличка *херекчок* в смысле ‘бездельница’, ‘никчемная’, ‘никудышная’ изначально бытовала только в феодально-чиновничьей среде, где женщина действительно ничего не делала, и в дальнейшем его употребление было перенесено на всех женщин [Курбатский 2001: 219]. Об изменении толкования этого термина в условиях феодального общества пишет и Г. А. Забелина [Забелина 2010: 19–20].

источников о существовании среди тувинцев значительного числа женщин-охотниц. Вероятно, это противоречие можно объяснить тем фактом, что охота не была для тувинцев главным занятием, однако в некоторых районах (например, в Тодже) ей придавалось большое значение¹. Тем не менее с разрушением ряда основ традиционного общества и в ходе борьбы с «предвзвешенностями прошлого» подобные запреты ушли в небытие, что способствовало росту числа женщин, занимающихся охотничьим промыслом. В настоящее время женщин-охотниц можно встретить в основном только среди тех групп тувинцев, которые занимаются оленеводством.

Активное участие женщин в различных областях общественной жизни, рост уровня образования среди них стали причиной трансформации системы ценностей и типа взаимоотношений между мужем и женой в семье. Теперь, когда женщина может обеспечить себе экономическую самостоятельность, она получила возможность самой выбирать себе спутника жизни и вступать (или не вступать) в брак по собственному желанию и в любом возрасте. Согласно исследованию Г. С. Гончаровой, у современных тувинских женщин традиционные ценности, связанные с семейно-брачными отношениями (иметь семью, детей, быть замужем), конкурируют с ценностями, вовлекающими женщин в производственные отношения (иметь работу, профессию, хороший заработок и хорошее образование [Гончарова 2004: 193–202]). Причем важность последних оказалась даже немного выше, а значимость традиционных ценностей снижается с уменьшением возраста опрошенных. Кроме того, перечисленные производственные ценности, каждая по отдельности, оказались важнее, чем замужество. Одна из причин такого положения, видимо, кроется в возросшей активности женщины за пределами семьи.

Не остались без внимания тувинки и ценности, навеянные современностью (быть лидером в обществе, участие в биз-

¹ Во времена господства Цинской империи все тувинцы должны были платить налоги (ундурог, албан), в том числе в виде пушнины. А до этого с покоренных тувинцев дань собирали монголы, Алтын-ханы, ойроты. Таким образом, в далеком прошлом главным образом нужда заставляла тувинских женщин заниматься охотой.

несе; важность последнего отметила почти треть респонденток). Около трети опрошенных женщин отметили в качестве значимой ценность «воспитывать детей, не работая и будучи обеспеченной мужем»; почти десятая часть считает возможным жить свободно без детей и мужа. А вот что касается мужчин, то данное исследование продемонстрировало доминирование у них традиционных представлений о роли женщины как хранительницы семейного очага и продолжательницы рода и более низкими значениями для других групп ценностей. Логично предположить, что закономерным следствием такого различия взглядов мужчин и женщин на ценностные ориентации последних является углубление внутрисемейных проблем и рост числа конфликтов.

Интересные результаты по поводу отношения тувинских женщин к профессиональной деятельности были получены в другом исследовании, проведенном еще в 90-е гг. прошлого века [Доржу 1995: 14–15]. Наиболее значимым мотивом к трудовой деятельности оказался материально-психологический мотив: наличие собственного заработка позволяло им чувствовать себя независимыми. Далее шел мотив морально-этического свойства: работа давала женщинам ощущение себя нужными людьми, и жизнь без работы представлялась им с трудом. И, наконец, на третьем месте оказались «компенсаторные» мотивы: профессиональная занятость давала им возможность не чувствовать себя одинокими, забыть о домашних и личных проблемах. Другие ответы касались проявления творчества, инициативы, ощущения уважения со стороны знакомых, друзей, родственников.

Традиционно главой семьи, ответственным за принятие решений, у тувинцев считался мужчина, но новые социально-экономические реалии вызвали сдвиги и в этих представлениях. Обратимся снова к работе Г. С. Гончаровой. Общий вывод автора таков: положение женщины в семье при декларировании равноправия с мужчинами носит оттенок домостроя [Гончарова 2004: 208–210]. Иными словами, велика доля тех, кто считает, что мужчина — глава семьи, а женщина ему подчиняется, или что женщина не имеет прав, у нее только обязанности, а контроль над выполнением распределенных обязанностей в семье осуществляет мужчина.

Это подтверждается и нашими полевыми данными. Большинство мужчин (во всех обследуемых регионах) отметило равенство голосов мужа и жены при принятии решений, и лишь несколько указали на главенство мужа. А вот их жены (главным образом, это касается цаатанок) либо ответили, что главным в семье является муж, либо просто промолчали: нельзя ли это расценивать как косвенное доказательство того, что их мужья где-то все-таки слюкавили? Зато женщины, большую часть времени проживающие в более урбанизированных районах, были склонны указывать на равенство обоих полов. Небольшой процент женщин считает себя главой семьи.

Если вновь вернуться к исследованию Г. С. Гончаровой, которое проводилось в Республике Тыва, то можно заметить, что количество мужчин, видящих себя главой семьи, превышает число признающих это женщин [Гончарова 2004: 208–210]. Такого рода разногласия также могут нести в себе потенциал роста напряженности и числа конфликтов в семейных отношениях.

И еще один интересный итог проведенной Г. С. Гончаровой работы касается изменения представлений о роли мужчины и женщины в семье. Она показала, что мужчины в меньшей степени по сравнению с женщинами связывают главенство с материальным обеспечением семьи, что идет вразрез с традиционными представлениями о мужчине как добытчике средств к существованию [Гончарова 2004: 208–210]. Возможные причины этого — социально-экономические перемены, начавшиеся еще в 90-е гг. прошлого столетия, недостаток рабочих мест и увеличение вклада женщины в семейный бюджет. Отсюда состояние глубокой фрустрации у многих мужчин, особенно в сельской местности, и, как следствие, распространение среди них негативных социальных явлений, например пьянства.

Традиционно весь быт семьи был приспособлен к систематическому передвижению. Перекочевки со стадами происходили в течение всего года, способствуя выработке у членов семьи навыков практицизма, рационализма, подвижности в образе жизни, бережливости и неприхотливости [Товуу 2001: 51]. Жизнь постоянно требовала от людей знаний местных кормовых ресурсов, топографии, режима рек, мест обитания и повадок промысловых зверей, состояния

погоды в различные времена года. Суровый образ жизни вызывал необходимость воспитания в детях качеств, которые могли бы пригодиться в условиях кочевого быта, и особенно трудолюбия, выносливости, терпимости; особое внимание обращали на физическое развитие детей, их закалывание. В итоге каждая семья постепенно накапливала личный жизненный опыт, который передавался из поколения в поколение.

К сожалению, в связи с переходом к оседлому образу жизни, переориентацией на новые отрасли общественного производства, улучшением жилищно-санитарных условий, приоритетом государственной системы воспитания на разных этапах жизни ребенка многие из этих знаний оказались потерянными, а современные тувинцы уже мало обладают теми навыками и умениями выживания, которыми пользовались их предки в тяжелых природно-климатических условиях. Кроме того, забываются, реже проводятся обряды и обычаи, связанные с культурами природы [Айыжы, Базырчап 2013: 22]. В более полной мере всё это сохранилось у групп тувинцев, ведущих близкий к традиционному образ жизни (цаатанов, части тоджинцев). Но даже у них процент таких потерь достаточно велик: те же оленеводы-цаатаны стремятся дать своим детям, насколько позволяет их финансовое положение, максимально хорошее образование (которое, как показало наше исследование, у них ценится чрезвычайно высоко), и часть детей попросту не возвращается к традиционным занятиям родителей. В особенности это касается девочек, которые, как объясняли нам наши информанты, всё равно рано или поздно выйдут замуж и покинут родную семью. Сыновей же, как правило, стремятся оставить при себе, дабы те продолжали заниматься оленеводством.

Ребенок — это самое сокровенное и лучшее, что может пожелать себе каждая семья и род. Неудачные роды, потеря детей, прерывание беременности всегда воспринимались как большое несчастье. Традиционные тувинские семьи были многодетными. Т. Т. Мунзук отмечала большой воспитательный потенциал такого типа семьи: спаянная общностью хозяйственных интересов и забот друг о друге, она формирует у всех своих членов человеческие взаимоотношения, уважение к старшим, ощущение взаимопомощи, необходимости совместного труда родителей и детей

[Мунзук 1990: 9]. В ней дети с малых лет приучались проявлять заботу о младших и помогать старшим и были по-настоящему близки друг другу.

Новая тенденция современности — переход к семье с одним или двумя детьми, главным образом в городских образованиях. Хотя, как показывают наши наблюдения, число многодетных семей все еще достаточно велико, особенно в сельской местности. Другое «новшество» современности — рост числа неполных семей, как правило, с матерью-одиночкой. Еще одним последствием изменений, начавшихся здесь во второй четверти XX в., стала смена больших семей малыми, как и в предыдущих случаях, прежде всего в городах. Уже в 1993 г. такие семьи составили 65 % общего числа семей по республике [Резников, Товуу: 44]. Но даже при таком раскладе семьи с тремя и даже четырьмя поколениями встречаются здесь чаще, чем в других регионах России (главным образом, за счет достаточно высокой устойчивости традиций этноса *тыва* и сильных родственных связей [Резников, Товуу: 44]). В особенности это характерно для сельских районов.

Таким образом, анализ всего вышесказанного позволяет нам прийти к заключению, что семьи современного типа в большей степени сейчас характерны для городских жителей Тувы, в то время как сельчане, часть тоджинцев и цаатаны Монголии отдают явное предпочтение традиционной семье. Кроме того, три последние группы в большей степени демонстрируют приверженность к традиционному образу жизни и традиционным ценностям, в то время как в городах и поселениях городского типа происходит достаточно интенсивная их трансформация. Процесс ломки старых семейных устоев, видимо, уже необратим; налицо факт ослабления патриархальных устоев в сфере семейно-брачных отношений.

Мощнейшим стимулом к такой трансформации послужил рост социальной активности и ответственности женщин в общественной жизни, усвоение ею новых социальных ролей. Как следствие, меняется система взаимоотношений между мужем и женой, происходит перераспределение обязанностей в семье. В результате мужчины вынуждены усваивать новое, непривычное для большинства из них распределение ролей, и чем моложе поколение, тем более

будничным и обыденным оно им кажется. Перестраиваются также отношения между родителями и детьми. Поскольку можно говорить, что этот процесс начался сравнительно недавно, то различия в личных и семейных устремлениях, во взглядах на семейную жизнь и ценностных ориентирах мужчин и женщин все еще очень велики. Эти различия ведут к конфликтам в семье и снижают уровень ее сплоченности.

Однако будет неверно утверждать, что изменения в сфере семейно-брачных отношений носят только негативный характер. На наш взгляд, было бы правильнее рассматривать их сквозь призму дуальности характера последствий. Другими словами, каждое такое изменение имело как положительное, конструктивное, значение (например, женщины получили больше возможностей для самореализации), так и обладало деструктивной силой (например, снижение рождаемости из-за стремления женщин в первую очередь реализовать себя в профессиональной сфере).

В наши дни в сферах функционирования семьи этноса *тыва* выделяются те же проблемы, что и в большинстве других регионов России. Среди них: противоречие между потребностями и реальными доходами членов семьи; необходимость улучшения своего материального положения; возможность (точнее невозможность) дать детям хорошее образование (особенно остро, как показали наши наблюдения, она стоит у цаатанов); усложнение моральных проблем семьи, связанных с совмещением женщиной профессиональных интересов и ролей жены и матери, а также связанных с абортами, ограничением рождаемости; высокий уровень разводов, растущее число неполных семей, матерей-одиночек; распространение алкоголизма; и, наконец, проблема выбора системы ценностей, на которой должна базироваться семья, особенно в условиях социально-экономической нестабильности [Товуу 2001: 8–16; Гончарова 2004: 24–25].

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00442а «Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире».

Литература

Айыжы Е. В., Конгу А. А. Родоплеменные группы тувинцев Тоджинского района Респу-

блики Тува на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. № 4 (80). Ч. 1. Чебоксары, 2013. С. 3–10.

Айыжы Е. В., Базырчан А.-Х. О. Обряды и обычаи, связанные с культами природы у тувинцев Республики Тыва РФ, Китая, Монголии в начале XXI века (сравнительный аспект) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. № 3 (55). Т. 1. Кемерово, 2013. С. 18–23.

Вайнштейн С. И. Роль женщины в тувинских народных традициях (о свободе женщины у кочевников центра Азии) // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы Межд. конф. 1993 г. М., 1994. С. 411–416.

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1961. 218 с.

Волков Г. Н., Салчак К. Б., Шаалы А. С. Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл: Билиг, 2009. 212 с.

Гончарова Г. С. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы / Г. С. Гончарова, Л. Я. Савельев. отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Нонпарель, 2004. 288 с.

Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 147 с.

Доржу З. Ю. Актуальные проблемы занятости женщин Тувы в условиях перехода к рыночным отношениям // «Ученые записки» ТНИИЯЛИ. Вып. XVIII. Кызыл, 1995. С. 14–23.

Забелина Г. А. Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл: Тув. ин-т комплексного освоения природных ресурсов Сиб. отд-ия РАН, 2010. 120 с.

Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию // *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. Т. 3. М.: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 293 с.

Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.

Монгуш М. В. Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 361 с.

Мунзук Т. Т. Прогрессивные идеи и опыт тувинской народной педагогики и их использование в семейном воспитании: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1990. 16 с.

Потапов Л. П. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-тайги и Кара-Холя //

- Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.–Л., 1960. С. 171–237.
- Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Радько Т. Н., Гребнев Л. С., Ковалкин В. С., Фокина Н. И. Обществознание: учебное пособие. Москва: Проспект, 2015. 520 с.
- Резников Е. Н., Товуу Н. О. Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. М.: Per Se, 2002. 223 с.
- Серен П. С. Тувинцы — оленеводы Монголии (материалы по языку и культуре). Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2016. 160 с.
- Сундуй Г. Д. Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл: Ин-т развития национальной школы, 2009. 168 с.
- Тывастат — Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва [электронный ресурс] // URL: http://tuvastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tuvastat/resources/998235804c8ab1d5a334b37dff7d05ed/основные+демографические+показатели.htm (дата обращения: 17.11.2016).
- Субботин С. В. Социальное положение женщины в традиционном обществе тувинцев: повседневность и исследовательские нарративы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 2. М., 2016. С. 109–120.
- Товуу Н. О. Психологический облик тувинского народа. Кызыл: ТывГУ, 2009. 230 с.
- Товуу Н. О. Психологические характеристики семьи этноса тыва. М.: Гос. ун-т упр., 2001. 210 с.
- Чурилова Е. В., Чумарина В. Ж. Внебрачные рождения и добрачные зачатия в России: осознанное решение родителей // Вопросы статистики. № 7. М., 2014. С. 43–49 [электронный ресурс] // URL: (http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/analit03.php#_ftn1) (дата обращения: 16.11.2016).
- Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений. Курс лекций. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 498 с.
- universiteta im. I. Ya. Yakovleva [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], No. 4 (80), part 1, Cheboksary, 2013, pp. 3–10 (In Russ.).
- Ayyzhy E. V., Bazyrchap A.-Kh. O. *Obyady i obychai, svyazannye s kul'tami prirody u tuvintsev Respubliki Tyva RF, Kitaya, Mongolii v nachale XXI veka (sravnitel'nyy aspekt)* [Ceremonies and customs associated with nature cults of the Tuvans living in Tuva Republic (Russia), China and Mongolia in the early 21st century]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], No. 3 (55), vol. 1, Kemerovo, 2013, pp. 18–23 (In Russ.).
- Vaynshteyn S. I. *Rol' zhenshchiny v tuvinskikh narodnykh traditsiyakh (o svobode zhenshchiny u kochevnikov tsentra Azii)* [The role of the woman in Tuvan folk traditions (on women's freedom among nomads of Asia's center)]. *Zhenshchina i svoboda: puti vybora v mire traditsiy i peremen. Mat-ly Mezhd. konf.* [The Woman and Freedom: Paths of Choice in the World of Traditions and Changes. Proc. of the Internat.conf. 1993]. Moscow, 1994, pp. 411–416 (In Russ.).
- Vaynshteyn S. I. *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Tozhu Tuvans. Historical and ethnographic sketches]. Moscow, Nauka Publ., 1961, 218 p. (In Russ.).
- Volkov G. N., Salchak K. B., Shaaly A. S. *Etnopedagogika tuvinskogo naroda* [Tuvan ethnopedagogics]. Kyzyl, Bilig Publ., 2009, 212 p. (In Russ.).
- Goncharova G. S., Savel'ev L. Ya. *Semeyno-brachnye otnosheniya u narodov Sibiri: problemy, tendentsii, perspektivy* [Family and marital relations among the peoples of Siberia: problems, trends, prospects]. Novosibirsk, Nonparel Publ., 2004, 288 p. (In Russ.).
- Grebnev L. V. *Tuvinskiy geroicheskiy epos: opyt istoriko-etnograficheskogo analiza* [The Tuvan heroic epic: an effort of historical and ethnographic analysis]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1960, 147 p. (In Russ.).
- Dorzhu Z. Yu. *Aktual'nye problemy zanyatosti zhenshchin Tuvy v usloviyakh perekhoda k rynochnym otnosheniyam* [The actual employment problems of women in Tuva during the economic transition period]. «Uchenye zapiski» Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii [Scholarly Notes of Tuvan Research Institute of Language, Literature and History], iss. XVIII, Kyzyl, 1995, pp. 14–23 (In Russ.).
- Zabelina G. A. *Zhenshchiny Tuvy v sem'e i obshchestve v pervoy polovine XX veka* [Tuvan

References

Ayyzhy E. V., Kongu A. A. *Rodoplenennyye gruppy tuvintsev Todzhinskogo rayona Respubliki Tuva na sovremennom etape (po materialam polevykh issledovaniy)* [Today's Tuvan tribal groups of the Todzha region of the Republic of Tuva (based on field studies)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo*

- women in the family and society from the early to mid 20th cent.]. Kyzyl, Publ. Dept. of Tuvan Institute for Comprehensive Development of Natural Resources (affiliated with the Siberian Branch of the RAS), 2010, 120 p. (In Russ.).
- Kon F. Ya. *Ekspeditsiya v Soyotiyu. Za pyat' desyat let. T. 3* [An expedition to Soyotia. (Observations made) in 50 years. Vol. 3]. Moscow, Publ. House of Association of Political Ex-Convicts and Exiled Individuals, 1934, 293 p. (In Russ.).
- Kurbatskiy G. N. *Tuvintsy v svoem fol'klora (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their national folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)]. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 2001, 464 p. (In Russ.).
- Mongush M. V. *Tuvintsy Rossii, Mongolii, i Kitaya: etnicheskie i etnokul'turnye protsessy, sovremennaya identichnost': diss. ... dokt. istor. nauk* [Tuvans of Russia, Mongolia and China: ethnic and ethnocultural processes, present-day identity. A Ph. D. thesis]. Moscow, 2005, 361 p. (In Russ.).
- Munzuk T. T. *Progressivnye idei i opyt tuvinskoy narodnoy pedagogiki i ikh ispol'zovanie v semeynom vospitanii: avtoreferat diss. ... kand. pedagogicheskikh nauk* [Progressive ideas, experience of Tuvan folk pedagogics and their application in modern education. A Ph. D. thesis abstract]. Kazan, 1990, 16 p. (In Russ.).
- Potapov L. P. *Materialy po etnografii tuvintsev rayonov Mongun-taygi i Kara-Kholya* [Materials on the ethnography of Tuvans residing in Mongun-Tayga and Kara-Khol Districts]. *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. 1. Materialy po arkheologii i etnografii Zapadnoy Tuvy* [Transactions of the Tuvan expedition for comprehensive archaeological and ethnographic studies. Vol. 1. Materials on the archaeology and ethnography of Western Tuva]. Moscow, Leningrad, 1960, pp. 171–237 (In Russ.).
- Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Sketches on the traditional way of life of the Tuvans]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 401 p. (In Russ.).
- Rad'ko T. N., Grebnev L. S., Kovalkin V. S., Fokina N. I. *Obshchestvoznaniye: uchebnoye posobie* [Social science. A textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2015, 520 p. (In Russ.).
- Reznikov E. N., Tovuu N. O. *Etnopsikhologicheskie kharakteristiki naroda tyva: teoriya i praktika* [Ethnopsychological characteristics of the Tuvan people: theory and practice]. Moscow, Per Se Publ., 2002, 223 p. (In Russ.).
- Seren P. S. *Tuvintsy — olenevody Mongolii (materialy po yazyku i kul'ture)* [Tuvan reindeer breeders of Mongolia (language and culture)]. Kyzyl, Tyvapoligraf Publ., 2016, 160 p. (In Russ.).
- Sunduy G. D. *Mir detstva kochevoy Azii: opyt dukhovno-nravstvennogo vospitaniya* [Childhood in Asia: experience of spiritual and moral upbringing]. Kyzyl, National School Development Institute, 2009, 168 p. (In Russ.).
- Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Tyva [elektronnyy resurs]* [Regional Office of Russian Federal Statistics Service in the Tyva Republic]. Available at: http://tuvastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tuvastat/resources/998235804c8ab1d5a334b37dff7d05ed/OSNOVNYE+DEMOGRAFICHEESKIE+POKAZATELI.htm (accessed: 17 November 2016) (In Russ.).
- Subbotin S. V. *Sotsial'noe polozhenie zhenshchiny v traditsionnom obshchestve tuvintsev: povsednevnost' i issledovatel'skie narrativy* [The social position of women in the traditional society of Tuva: everyday life and research narratives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta (Moscow University Bulletin)*, Ser. 8—History, No. 2, Moscow, 2016, pp. 109–120 (In Russ.).
- Tovuu N. O. *Psikhologicheskiy oblik tuvinskogo naroda* [The psychological appearance of the Tuvan people]. Kyzyl, Tuvan State Univ. Press, 2009, 230 p. (In Russ.).
- Tovuu N. O. *Psikhologicheskie kharakteristiki sem'i etnosa tyva* [Psychological characteristics of seven Tuvan sub-ethnic groups]. Moscow, State Univ. of Management Press, 2001, 210 p. (In Russ.).
- Churilova E. V., Chumarina V. Zh. *Vnebrachnye rozhdeniya i dobrachnye zachatiya v Rossii: osoznannoe reshenie roditeley* [Illegitimate births and antenuptial conceptions in Russia: conscious parenting]. *Voprosy statistiki [Questions of Statistics journal]*, No. 7, Moscow, 2014, pp. 43–49. Available at: (http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/analit03.php#_ftn1) (accessed: 16 November 2016) (In Russ.).
- Shneyder L. B. *Psikhologiya semeynykh otnosheniy. Kurs lektsiy* [Psychology of family relations. A course of lectures]. Moscow, EKSMO-Press, 2000, 498 p. (In Russ.).

УДК 392.3+392.5+396.6

Тувинская семья и ее функции. Традиции и инновацииСергей Васильевич Субботин ¹

¹ аспирант, кафедра этнологии, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация). E-mail: vasilich_1990@mail.ru

Аннотация. Семья у тувинцев занимает высокое положение в социальной организации общества и всегда была одной из ключевых ценностей народа. Ухудшение демографических показателей по Республике Тыва указывает на изменения в семейно-брачных отношениях в частности и института семьи в целом. Целью настоящей статьи является выявление и анализ перемен, произошедших в семейной жизни тувинцев на протяжении последнего столетия с акцентом на современность. В настоящем исследовании автор опирается на собственные полевые материалы, обращается к трудам своих предшественников, привлекает социологические и демографические данные. В работе разбираются изменения, имеющие место в материально-бытовой сфере, а также трансформации на когнитивном уровне (во взглядах, оценках, ценностях). Также в статье рассматриваются современные и традиционные аспекты функционирования тувинской семьи, степень сохранности последних в наши дни у разных групп тувинцев. Еще одна группа проблем касается перемен, произошедших в положении женщин в указанный период, приведших к значительным изменениям в их социальном статусе и спровоцировавших серьезные сдвиги в системе семейно-брачных отношений и ценностных ориентирах как самих женщин, так и всего народа.

Ключевые слова: семья, брак, тувинцы, цаатаны, система ценностей, демография, положение женщины

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 172–179, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-172-179
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 316. 334. 2

Social Well-Being and Financial Literacy of Urban Residents (according to the results of the study — “Volgograd Omnibus”)

Nadezhda V. Dulina¹, Daria V. Moiseeva², Vera A. Paramonova³

¹ Ph. D. in Sociology (Doct. of Sociological Sc.), Professor, Head of Department of History, Culture and Sociology, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: ndulina@yandex.ru

² Senior Lecturer, Department of Marketing, Management and Production Organization, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: Moiseeva-D@yandex.ru.

³ Ph. D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: paramonova69@yandex.ru

Abstract. The article provides a brief overview of approaches to the issue of social well-being and shows the 2011–2016 trend data of social well-being of Volgograd Oblast’s urban population. The paper aims to study the aspects of interplay between social well-being and financial literacy of urban residents. To accomplish the identified goal the authors had to tackle the tasks as follows: clarification of the notions “social well-being” and “financial literacy”; analysis and selection of methods for the measurement of both social well-being and financial literacy; implementation of the sociological survey — “Volgograd Omnibus”; evaluation of social well-being among the diverse social groups that differ in the level of financial literacy. The research study included both theoretical methods (investigation, generalization, analysis, synthesis) and empirical ones (interrogation, collation). When it came to the analysis of the notions “social well-being” and “financial literacy”, emphasis was laid on certain subjective indicators that are of great value for the identification of the actual state of modern society. The sociological monitoring survey “Volgograd Omnibus” was conducted for the confirmation of the proposed hypothesis on the interplay between social well-being and financial literacy. The study subjects were residents of Volgograd and other towns of the region aged 16 and older. The data analysis testifies that negative assessments of social well-being have prevailed among the Volgograd Oblast’s population between 2011 and 2016. The 2014–2016 economic crisis has also aggravated the situation. Residents of Volgograd consider their financial literacy poor enough: half of the respondents designated their skills and knowledge as ‘satisfactory’ while a fifth part declared they had no financial literacy at all. To test the hypothesis a typology of social groups by levels of financial literacy self assessment was introduced. The analysis of social well-being indicators of the outlined groups has revealed a number of differences. Increase in the level of financial literacy is accompanied by 1) downward change in the index of interregional comparisons, 2) growth in the level of personal optimism (‘unadapted’ individuals give primarily negative assessments while ‘perfectly adapted’ ones, as a rule, have positive expectations), 3) growth in the index of purchasing power. The discovered differences in the indicators of social well-being among the social groups that give varying assessments of their financial literacy prompt the suggestion that there is actually some interplay between the considered phenomena. Further studies of the interplay between social well-being and financial literacy shall contribute to the efficiency improvement of financial literacy enhancement oriented arrangements.

Keywords: financial literacy, social well-being, financial behavior, indices of social well-being, self assessment of financial literacy, financial welfare, urban residents

Общечеловеческим критерием социального прогресса в современном мире является степень объективного соответствия существующих социальных условий потребностям и интересам свободно развивающейся личности в динамично изменяющемся пространстве. Для определения степени указанного соответствия используется термин «социальное самочувствие», т. е. в зависимости от того, насколько комфортно и уверенно чувствует себя человек, как высоко определяется качество его жизни, видимо, находится успех изменений, происходящих вокруг. Перед исследователями остро стоит вопрос о слагаемых социального самочувствия, определении факторов, влияющих на него. В данной статье авторами сделана попытка выявления влияния уровня финансовой грамотности населения города на социальное самочувствие горожан.

В современном научном знании не существует однозначного толкования понятия «социальное самочувствие», как нет и его однозначной операционализации. Анализ научных публикаций позволяет сделать заключение о том, что в отечественной социологии можно выделить несколько подходов в осмыслении социального самочувствия, его роли и значения в интерпретации изменений общества социальными акторами и субъектами. В рамках отдельного материала нет возможности представить все разнообразие и многообразие определений. Лишь подчеркнем, что важным, по нашему мнению, в определении термина «социальное самочувствие» является указание на то, что это реально функционирующее общественное сознание и поведение, «в котором проявляется эмоционально-комфортная оценка индивидом, социальной группой и населением <...> уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами...» [Бурко 2006: 56]. Акцент в большей степени смещается именно на субъективные, а не на объективные показатели внешней по отношению к человеку среды, когда речь идет о собирательном понятии, обозначающем «количественный уровень и разнообразие тех материальных и духовных потребностей, которые способен удовлетворить человек в условиях определенного общества» [Юдина 2014].

Полагаем, что именно субъективные показатели имеют большую ценность при определении состояния современного социума, в том числе и социального самочувствия.

Существует некая норма, «стандарт» социального самочувствия как для отдельного индивида, так и для группы, населения в целом, которая обеспечивает эмоционально-комфортное существование субъекта (нормальные условия жизни, работы и отдыха, безопасности и уверенности в будущем), причем для любой локальной (территориальной, профессиональной и т. д.) общности это свой стандарт. «Стандарт Волгограда» вряд ли будет принят как норма жителями Москвы.

Нормальное социальное самочувствие теоретически, с одной стороны, «обеспечивается» самим индивидом (группой, населением в целом), с другой стороны, региональной властью, которая «задает» (определяет) параметры экономических, социальных, политических процессов в своем регионе [Политология 1993: 40–45]. Иначе говоря, из многообразия и разнообразия, предоставляемого внешней средой, индивид уже потребляет то, что считает для себя необходимым.

Как можно оценить уровень социального самочувствия жителей? В силу сложности самого феномена социального самочувствия и междисциплинарного подхода существует большое количество методик измерения социального самочувствия, которые различаются формулировкой вопросов, задаваемых респондентам, а также процедурами обработки полученных ответов. Исследователями предлагаются различные индикаторы социального самочувствия: «удовлетворенность вещной средой» [Грушин 1987], «уровень жизни: доход, материальное положение и др.» [Крупец 2003: 143–146], «степень удовлетворенности уровнем жизни <...> социальная и экономические практики, уровень доходов граждан» [Хасбулатова, Егорова 2002] и т. д. Другими словами, уровень материального благополучия так или иначе обязательно учитывается при оценке социального самочувствия.

Данное обстоятельство позволяет нам предположить, что материальное благополучие человека сказывается на его социальном самочувствии. Материальное благопо-

лучие, в свою очередь, во многом определяется уровнем финансовой грамотности человека, в соответствии с которым человек демонстрирует те или иные модели финансового поведения. Для того чтобы подтвердить данный тезис, мы проиллюстрируем его результатами прикладного социологического исследования уровня социального самочувствия, для измерения которого нами апробирован один из возможных подходов к изучению социального самочувствия населения. Мы используем его уже на протяжении ряда лет в инициативном исследовательском проекте «Волгоградский Омнибус».

В этом исследовании для расчета уровня социального самочувствия используется Вариант индекса РИПН (региональный индекс потребительских настроений, вариант ИПН), который разработан Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7 / 89» для применения в межрегиональных исследованиях (см. подробнее [Токарев, Дулина 2011]). Компоненты РИПН рассчитываются на основе результатов обработки ответов респондентов на шесть вопросов интервью, предлагаемых в следующих формулировках:

С11. «Как Вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?»

С12. «Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение (вашей семьи) лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?»

С13. «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

С14. «Как, по Вашему мнению, за это время изменится жизнь большинства россиян: улучшится, ухудшится или останется примерно такой же, как сейчас?»

С15. «Как Вы думаете, в ближайшие 5 лет материальное положение россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?»

С16. «Если говорить о крупных покупках для дома, таких, как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор, то, как Вы полагаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать такие покупки?»

Общая логика расчета регионального индекса потребительских настроений сводится к следующему:

1. По каждому из вопросов, характеризующих различные аспекты жизни респондента и ожидания (вопросы С11–С16), рассчитываются распределения ответов респондентов (доли ответов, приходящихся на каждую из категорий представленной шкалы).

2. Каждое из полученных распределений используется для построения частного индекса, который рассчитывается следующим образом: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных (средние и несодержательные варианты ответов не учитываются), и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин.

3. Совокупный индекс рассчитывается как среднее арифметическое частных индексов. Значения индекса могут изменяться в пределах от 0 до 200. Индекс равен 200, когда все население положительно оценивает экономическую ситуацию. Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова. Значения индекса ниже 100 означают преобладание в обществе негативных оценок.

Как правило, при анализе данных используются следующие частные индексы: индекс положения семьи (ИС, вопросы С12–С13), индекс межрегиональных сравнений (ИМС, вопрос С11), индекс ожиданий (ИО, вопросы С13–С15), индекс покупательской активности (ИПА, вопрос С16) и ряд иных показателей.

В рамках данного материала мы приведем данные мониторингового исследования «Волгоградский Омнибус» (см. табл. 1).

Объектом исследования являются жители Волгограда и городов областного подчинения (Волжский, Камышин, Михайловка, Урюпинск, Фролово) в возрасте 16 лет и старше. Общее число жителей Волгограда и городов областного подчинения составляет около 1 613 тыс. чел. (около 62 % населения области), в том числе около 1 391 тыс. чел. в возрасте 16 лет и старше. Именно эти люди и являются объектом проведенного исследования. Расчетный объем выборки составляет 800 интервью: 400 интервью в Волгограде; 220 интервью в Волжском; остальные интервью приходятся на Камышин, Михайловку, Урюпинск, Фролово. Максимальная статистическая погрешность выборки такого объема при уровне значимости 0.05 составляет 3,4 %. В качестве метода исследования был использован

Таблица 1. Социальное самочувствие городского населения Волгоградской области

НАИМЕНОВАНИЕ ИНДЕКСНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ	Волна 1101 (январь 2011 г.)	Волна 1107 (июль– август 2011 г.)	Волна 1201 (январь– февраль 2012 г.)	Волна 1207 (июль 2012 г.)	Волна 1301 (февраль 2013 г.)	Волна 1306 (июнь 2013 г.)	Волна 1401 (январь 2014 г.)	Волна 1406 (июнь 2014 г.)	Волна 1607 (июль 2016 г.)
Индекс межрегиональных сравнений	40	34	30	38	24	31	28	35	27
Индекс изменения положения семьи	83	85	94	68	88	84	76	91	59
Индекс краткосрочного индивидуального оптимизма	103	102	113	74	101	106	88	101	71
Индекс краткосрочного социального оптимизма	50	54	76	40	58	38	49	69	45
Индекс долгосрочного социального оптимизма	113	106	123	91	96	84	86	129	98
Индекс покупательской активности	101	114	116	121	115	114	122	132	33

метод САТІ-интервью (Computer Assistant Telephone Interview).

На основании проведённого эмпирического анализа следует отметить, что в общественном сознании жителей Волгограда преобладают негативные характеристики социального самочувствия. Об этом свидетельствует тот факт, что четыре показателя из шести имеют значение меньше 100, а по двум превышение незначительное. На экономический кризис 2014–2016 гг. население отреагировало резко отрицательно, например, индекс изменения положения семьи в 2016 г. снизился до 59 %, индекс краткосрочного индивидуального оптимизма сократился на треть, индекс покупательской активности снизился более чем в три раза. Необходимо отметить, что снижение уровня социального самочувствия — это не региональная проблема: современные исследователи фиксируют эту негативную тенденцию как по отдельным регионам [Морев, Дементьева, Леонидова 2016; Арсланова 2016; Волков 2016; Севек, Солян, Севек 2016], так и по России в целом [Мониторинг 2016; ВЦИОМ 2016; Авраимова, Логинов 2016; ФОМ 2015; Левада-центр 2015]. Исследователи постоянно изучают факторы, влияющие на социальное самочувствие. В данной статье предпринята попытка оценки взаимосвязи социального самочувствия и финансовой грамотности.

Оценка уровня финансовой грамотности также может быть проведена на основе субъективных и объективных оценок данных. Субъективная оценка выявляется в ходе ответа на вопрос: «Считаете ли Вы себя финансово грамотным человеком? Есть ли у Вас необходимые знания и навыки в этой области или таких знаний и навыков нет?». Анализ данных январской волны 2014 г. позволил выделить две группы: а) адаптированные (79,2 %) и б) неадаптированные к внешним экономическим условиям (20,8 %). К неадаптированным были отнесены респонденты, отрицающие наличие каких-либо знаний и навыков в финансовой сфере. Для них сфера финансов является чуждой, непонятной и вызывает отторжение. Остальных, с известной степенью условности, можно отнести к адаптированным, но следует иметь в виду, что степень адаптации у них сильно разнится:

- 1) «отличники» (1,4 %) — люди, определившие свои знания как отличные;
- 2) «хорошисты» (17,6 %) — люди, определившие свои знания как хорошие;
- 3) «троечники» (47,8 %) — люди, определившие свои знания как удовлетворительные;
- 4) «двоечники» (11,9 %) — люди, определившие свои знания как неудовлетворительные.

Объективные показатели выстраивались на основании определения финансовой

грамотности, представленного в Концепции Национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения РФ. В рамках данной концепции под финансовой грамотностью населения понимается способность граждан России:

- эффективно управлять личными финансами;
- осуществлять учет расходов и доходов домохозяйства и осуществлять финансовое планирование;
- оптимизировать соотношение между сбережениями и потреблением;
- разбираться в особенностях различных

финансовых продуктов и услуг, иметь актуальную информацию о ситуации на финансовых рынках;

- принимать обоснованные решения в отношении финансовых продуктов и услуг и осознанно нести ответственность за такие решения;
- компетентно планировать и осуществлять пенсионные накопления [Концепция 2009].

В таблице 2 представлены показатели социального самочувствия жителей Волгограда в целом и по ранее описанным группам.

Таблица 2. Социальное самочувствие групп с различным уровнем самооценки финансовой грамотности

Показатели социального самочувствия	Считаете ли Вы себя финансово грамотным человеком? Есть ли у Вас необходимые знания и навыки в этой области или таких знаний и навыков нет?					В целом по массиву
	Знаний и навыков нет	Неудовлетворительные знания и навыки	Удовлетворительные знания и навыки	Хорошие знания и навыки	Отличные знания и навыки	
Индекс межрегиональных сравнений (ИМС)	68,8	44,9	49,7	38,1	19	50,7
Индекс изменения положения семьи (ИПС)	80,3	73,8	84,6	98,2	54,3	84,6
Индекс краткосрочного индивидуального оптимизма (КИО)	90,1	100,6	108,3	102,8	110,5	102,5
Индекс краткосрочного социального оптимизма (КСО)	71,1	86,7	86,1	73,5	50	80,1
Индекс долгосрочного социального оптимизма (ДСО)	92	91,3	96,8	81,1	50	91,8
Индекс покупательской активности (ИПА)	105	100,4	119,5	116,2	135,3	113,7

Самое низкое значение имеет индекс межрегиональных значений: количество людей, считающих, что нынешние условия жизни в Волгоградской области хуже, чем в целом по стране, почти в 8 раз превышает количество людей, считающих, что нынешние условия жизни в Волгоградской области лучше, чем в целом по стране. Причем с ростом уровня самооценки финансовой грамотности значение ИМС падает: если для «неадаптированных» значение ИМС — 68,8 %, то для «отличников» — лишь 19 %. Наиболее активная группа с легкостью покинет город в случае предоставления удобного случая.

Ухудшение материального положения семьи отмечает треть респондентов: имеет место превышение отрицательных оценок над положительными в 1,8 раза (индекс изменения положения семьи — 84,6 %). Самые резкие негативные оценки дают «отличники» (ИПС — 54,3%), наименее резкие — «хорошисты» (ИПС — 98,2 %), т. е. разница почти в два раза, что говорит о значительной неоднородности населения по уровню социального самочувствия и частично подтверждает выдвинутую гипотезу. Перспективы улучшения материального положения для себя лично видят 23,2 % респондентов. Индекс краткосрочного инди-

видуального оптимизма чуть больше 100. Можно сказать, что с ростом самооценки финансовой грамотности растет уровень индивидуального оптимизма: «неадаптированные» демонстрируют преобладание негативных оценок, а вот «отличники» наоборот — преобладание положительных оценок, причем разница между оценками двух указанных групп — более 20 пунктов.

А вот что касается социального оптимизма, то картина негативная: как в краткосрочном (12 месяцев), так и долгосрочном периоде (5 лет) количество негативных оценок превышает количество положительных. Улучшение материального положения россиян в ближайшее время прогнозируют 12,7 % респондентов, противоположной точки зрения придерживаются 32,6 %. В долгосрочной перспективе люди дают более «радужные» оценки (26,8 % и 34,7 % соответственно). На фоне высоких показателей индивидуального оптимизма «отличники» дают резко отрицательный прогноз социальных изменений (КСО=ДСО — 50), а вот наименее негативные оценки характеризуют «троечников» (КСО — 86,1, ДСО — 96,8 %).

Если же говорить об индексе покупательской активности, то данный показатель имеет самое высокое значение среди всех рассмотренных — 113,7. Почти треть жителей Волгоградской области считают, что сейчас благоприятное время для совершения крупных покупок. Противоположной точки зрения придерживаются 17,8 % респондентов. Значение ИПА превышает 100 пунктов, что свидетельствует о преобладании в обществе положительных оценок существующей экономической ситуации. Необходимо отметить, что ИПА имеет положительное значение во всех выделенных группах. Как и с КИО, с ростом самооценки финансовой грамотности наблюдается рост ИПА. Наиболее положительные оценки дали «отличники», а вот «двоечники» показали равновесие положительных и отрицательных оценок.

Показатели социального самочувствия, рассчитанные для выделенных групп, сильно различаются, и выявленные тенденции требуют дополнительного изучения и обоснования. Особую важность дальнейшее изучение выявленных зависимостей приобретает в свете необходимости повышения уровня финансовой грамотности и улучшения социального самочувствия населения города и страны в целом.

Литература

- Аврамова Е., Логинов Д.* Социальное самочувствие населения во втором квартале 2016 г. // Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 7. С. 78–81.
- Арсланова С. К.* Социальное самочувствие жителей Республики Крым // Вестник торгово-технологического института. 2016. № 10. С. 86–90.
- Бурко В. А.* Интерпретация показателя «социальное самочувствие» // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Скифия, 2000. С. 56.
- Волков Ю. Г.* Социальное самочувствие и протестный потенциал жителей Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 18. № 2. С. 28–44.
- ВЦИОМ: Индексы социального самочувствия 2016 [электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=223> (дата обращения: 04.07.2014).
- Грушин Б. А.* Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. Москва: Политиздат, 1987. 367 с.
- Дулина Н. В., Токарев В. В.* Социальное самочувствие жителей как фактор модернизации региона // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. Мат-лы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г.). Пермь, 2014. С. 320–325.
- Концепция Национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации [электронный ресурс] // URL: http://www.cbr.ru/sbrfr/archive/fsfr/archive_ffms/ru/about/poulation/financial_literacy_activity/guidance_materials/index.php?id=186.html (дата обращения: 04.07.2014).
- Крупец Я. Н.* Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143–146.
- Левада-центр: Отсутствие перемен — это лучшее, на что сейчас надеется рядовой россиянин [электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/2015/12/07/otsutstviperemen-eto-luchshee-na-chto-sejchas-nadeetsya-ryadovoj-rossiyanin/print/> (дата обращения: 04.07.2014).
- Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия. Август–сентябрь 2016 / под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 57 с.

- Морев М. И., Дементьева И. Н., Леонидова Е. Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в феврале 2016 года // Проблемы развития территории. 2016. № 2 (82). С. 166–172.
- Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
- Себек В. К., Соян Ш. Ч., Себек Р. М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. 2016. № 9 (389). С. 141–144.
- Токарев В. В., Дулина Н. В. Мониторинг общественно-политической ситуации в Волгоградской области: опыт прикладного исследования. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2011. 253 с.
- ФОМ: Ожидания от 2016 года [электронный ресурс] // URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/12463> (дата обращения: 04.02.2016).
- Хасбулатова О. А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 48–54.
- Юдина Т. Н. Социальное самочувствие мигрантов, проживающих в Центральном и Северо-Западном федеральных округах [электронный ресурс] // URL: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/m_sitcenter_v2.php (дата обращения: 20.12.2014).
- References**
- Avraamova E., Loginov D. *Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya vo vtorom kvartale 2016 g.* [Population's social sentiment for Q2 2016]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Russian Economic Developments journal], Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Press, 2016, vol. 23, No. 7, pp. 78–81 (In Russ.).
- Arslanova S. K. *Sotsial'noe samochuvstvie zhiteley respubliki Krym* [Social well-being of residents of the Republic of Crimea]. *Vestnik torgovotekhnologicheskogo instituta* [Bulletin of Trade and Technological Institute], 2016, No. 10, pp. 86–90 (In Russ.).
- Burko V. A. *Interpretatsiya pokazatelya «sotsial'noe samochuvstvie»* [Interpreting the indicator 'social well-being']. *Sotsiologiya i obshchestvo. Tezisy Pervogo Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa «Obshchestvo i sotsiologiya: novye realii i novye idei»* [Sociology and Society. Proc. of the 1st All-Russia sociological congress — Society and Sociology: New Realia and New Ideas]. Saint Petersburg, Skifiya Publ., 2000, p. 56 (In Russ.).
- Volkov Yu. G. *Sotsial'noe samochuvstvie i protestnyy potentsial zhiteley Rostovskoy oblasti* [Social well-being and protest potential of the Rostov region residents]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia journal]. 2016, vol. 18, No. 2, pp. 28–44 (In Russ.).
- VTsIOM: *Indeksy sotsial'nogo samochuvstviya 2016* [VCIOM — Russian Public Opinion Research Center. 2016 indices of social well-being]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=223> (accessed: 4 July 2016) (In Russ.).
- Dulina N. V., Tokarev V. V. *Sotsial'noe samochuvstvie zhiteley kak faktor modernizatsii regiona* [Social well-being of residents as a factor of modernization of the region]. *Sotsiokul'turnye i prirodno-resursnyye faktory sbalansirovannosti modernizatsii regionov Rossii: mat-ly X Vseross. nauch.-prakt. konf. po programme «Sotsiokul'turnaya evolyutsiya Rossii i ee regionov» (g. Perm, 14–17 okt. 2014 g.)* [Socio-cultural and natural-resource factors of balanced modernization of Russia's regions. Proc. of the 10th All-Russ. research and pract. conf. upon the program — Socio-cultural Evolution of Russia and its Regions (Perm, 14–17 October 2014)]. Perm, 2014, pp. 320–325 (In Russ.).
- Kontseptsiya Natsional'noy programmy povysheniya urovnya finansovoy gramotnosti naseleniya Rossiyskoy Federatsii* [A concept for the advancement of financial literacy in Russia]. Available at: http://www.cbr.ru/sbrfr/archive/fsfr/archive_ffms/ru/about/poulation/financial_literacy_activity/guidance_materials/index.php?id=186.html (accessed: 04 July 2016) (In Russ.).
- Levada-tsentr: Otsutstvie peremen — eto luchshee, na chto seychas nadeetsya ryadovoy rossiyanin* [Yuri Levada Analytical Center: Absence of changes is the best an ordinary citizen of Russia can hope for]. Available at: <http://www.levada.ru/2015/12/07/otsutstvie-peremen-etoluchshee-na-chto-seychas-nadeetsya-ryadovoj-rossiyanin/print/> (accessed: 04 July 2016) (In Russ.).
- Monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya i sotsial'nogo samochuvstviya. Avgust–Sentyabr' 2016 / pod. red. L. N. Ovcharovoy* [Monitoring of socioeconomic conditions and social well-being. August–September 2016. Edit. by L. Ovcharova]. Moscow, Higher School of Economics Press, 2016, 57 p. (In Russ.).
- Morev M. I., Dementieva I. N., Leonidova E. E. *Osnovnye tendentsii sotsial'nogo samochuvstviya naseleniya Vologodskoy oblasti v fevrale 2016 goda* [Main trends in the social well-being of the Vologda oblast population in February 2016]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development journal],

- 2016, No. 2 (82), pp. 166–172 (In Russ.).
- Politologiya: Entsiklopedicheskiy slovar' / obshch. red. i sost. Yu. I. Averyanov* [Political science: an encyclopedic dictionary]. Moscow, Moscow Commercial Institute Press, 1993, 431 p. (In Russ.).
- Sevek V. K., Soyas Sh. Ch., Sevek R. M. *Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi respubliki Tyva* [Social well-being of youth in the Republic of Tuva]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies journal], 2016, No. 9 (389), pp. 141–144 (In Russ.).
- Tokarev V. V., Dulina N. V. *Monitoring obshchestvenno-politicheskoy situatsii v Volgogradskoy oblasti: opyt prikladnogo issledovaniya* [Monitoring of socio-political conditions in Volgograd Oblast: an applied case study]. Volgograd, Volgograd Science Publ., 2011, 253 p. (In Russ.).
- FOM: Ozhidaniya ot 2016 goda* [FOM: 2016 expectations]. Available at: <http://fom.ru/Nastroeniya/12463> (accessed: 04 July 2016) (In Russ.).
- Yudina T. N. *Sotsial'noe samochuvstvie migrantov, prozhivayushchikh v Tsentral'nom i Severo-Zapadnom federal'nykh okrugakh* [Social well-being of migrants residing in the Central and Northwestern Federal Districts of Russia]. Available at: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/m_sitcenter_v2.php (accessed: 20 December 2014) (In Russ.).

УДК 316.334.2

Социальное самочувствие и финансовая грамотность горожан (по итогам исследования «Волгоградский Омнибус»)

Надежда Васильевна Дулина¹, Дарья Викторовна Моисеева², Вера Александровна Парамонова³

¹ доктор социологических наук, профессор, заведующий, кафедра «История, культура и социология», Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Российская Федерация). E-mail: nv-dulina@yandex.ru

² старший преподаватель, кафедра «Маркетинг, менеджмент и организация производства», Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Российская Федерация). E-mail: Moiseeva-D@yandex.ru

³ кандидат социологических наук, доцент, кафедра «Социология», Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Российская Федерация). E-mail: paramonova69@yandex.ru

Аннотация. В статье дан краткий обзор подходов к проблеме социального самочувствия, описаны методики оценки социального самочувствия и финансовой грамотности. Обоснован выбор индекса РИПН (региональный индекс потребительских настроений) для оценки уровня социального самочувствия и самооценки финансовой грамотности как одной из характеристик, позволяющих определить ее уровень. Представлена динамика показателей социального самочувствия городского населения Волгоградской области с 2011 по 2016 гг. Выдвинута гипотеза о наличии взаимосвязей между социальным самочувствием и финансовой грамотностью горожан. Представлен анализ данных, полученных в ходе эмпирического исследования «Волгоградский Омнибус». Выявлены различия в уровне социального самочувствия у групп населения, характеризующихся различной самооценкой финансовой грамотности: 1) с ростом уровня самооценки финансовой грамотности повышается доля людей в группе, негативно оценивающих условия проживания в Волгоградской области; 2) чем выше самооценка, тем чаще люди надеются на улучшение личного материального положения; 3) от группы к группе наблюдается рост доли положительных оценок внешней среды с позиций совершения крупных покупок. Полученные результаты позволили подтвердить заявленную гипотезу.

Ключевые слова: финансовая грамотность, социальное самочувствие, финансовое поведение, индексы социального самочувствия, самооценка финансовой грамотности, материальное благополучие, горожане

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лингвистика	<i>Магомедов М. И.</i> Числовые формы существительных в аварском языке	3
	<i>Магомедов Д. М.</i> Структура соматических фразеологических единиц в аварском языке	10
	<i>Куканова В. В.</i> Индикативные формы глагола в свете грамматики порядков (на материале Национального корпуса калмыцкого языка)	17
	<i>Даржаева Н. Б.</i> Поиск параметров дифференциации полипредикативных конструкций общего следования в бурятском языке.	34
	<i>Бембеев Е. В., Манджиева Ц. Д.</i> Категория числа имен существительных старописьменного калмыцкого языка	41
	<i>Бродский И. В.</i> Финно-пермские фитонимические портреты. Василек	48
Литературоведение	<i>Семина А. И.</i> Отермине «кыт’а» в турецких тезкире XVI–XIX вв.	60
	<i>Бичеев Б. А.</i> «История Унекер Торлику хана»: трансформация письменного текста в устную форму.	68
	<i>Кичикова Б. А.</i> Калмыцкая сказка Пугачева — философская притча Пушкина	77
	<i>Гусейнов М. А.</i> Формы комизма в художественной прозе Юсупа Гереева.	89
Фольклористика	<i>Паиштова М. М.</i> Локальный фольклорный текст в свете собирательских и эдиционных проблем	94
	<i>Ефимова Л. С., Павлова О. К.</i> Структура олонхо северной региональной традиции якутов: вступительная часть.	102
	<i>Горяева Б. Б., Баянова А. Т.</i> Сказочные сюжеты калмыков в записи Г. Й. Рамстедта	109
	<i>Зуланцецег.</i> Причины множества голов у мангаса.	117
	<i>Тэргэл Б.</i> XX зууны 80-аад оноос XXI зууны эхэн үеийн Баянголын “Жангар”-ын судлалын ерөнхий тойм	122
ИСТОРИЯ		
Всемирная история	<i>Шургучиев О. С.</i> Источники о судопроизводстве в Золотой Орде.	128
Отечественная история	<i>Очиров У. Б.</i> Джунгарское ханство, которое было ханством: критика одной статьи Дзюнко Мияваки	135
	<i>Дербин Е. Н.</i> Евразийство и М.В. Шахматов (к вопросу о разграничении точек зрения)	146
Этнология и антропология	<i>Пузанов Д. В.</i> Охота на ведьм в Восточной Европе IX–XIII вв.: антропология явления	153
СОЦИОЛОГИЯ		
	<i>Субботин С. В.</i> Тувинская семья и ее функции. Традиции и новации.	159
	<i>Дулина Н. В., Моисеева Д. В., Пармонова В. А.</i> Социальное самочувствие и финансовая грамотность горожан (по итогам исследования «Волгоградский омнибус»).	172

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
2016. № 6 (28)

Сдано в набор 17.11.2016. Подписано в печать 23.12.2016.
Формат бумаги 60x84 $\frac{1}{8}$. Усл. печ. л. 21,15.
Тираж 300 экз. Заказ 29-16.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
"Калмыцкий научный центр Российской академии наук"

Отпечатано в КалмИЦ РАН
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2410-7670 (online)
ISSN 2075-7794 (print)

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

2016. № 6 (28)

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Заместитель главного редактора:

д-р ист. наук *У. Б. Очиров*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),
акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юрид. наук *Д. М. Демичев* (Беларусь),
д-р экон. наук *О. В. Иншаков* (Россия, г. Волгоград), д-р филол. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),
д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р филол. наук *Чао Геджин* (Китай),
д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдиев* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),
канд. юрид. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва),
д-р соц. наук *Г. С. Денисова* (г. Ростов-на-Дону), д-р соц. наук *Н. В. Дулина* (г. Волгоград)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*, д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
д-р филол. наук *Т. Г. Басангова*, канд. филол. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*,
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*,
канд. филол. наук *Э. У. Омакаева*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев* (г. Элиста)

Адрес редакции и издателя:

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8.

Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; факс: (84722) 2-37-84.

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

